

**ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА**

**Такси для
ангела**

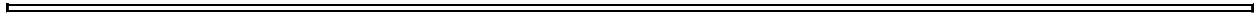
Annotation

Съемка телепрограммы с участием звезд женского детектива, которую устроил в своем особняке меценат-богач, так и не состоялась. В день приезда умерла на глазах всех присутствующих, выпив бокал шампанского, королева детектива Аглая Канунникова. Читатели ее боготворили, коллеги по перу ненавидели. Сама ее смерть напоминает классический детектив... Собравшиеся оказываются отрезанными от мира, хозяин уехал, телефон не работает, особняк охраняет свора злых собак. Расследование начинают двое — оператор, снимавший встречу, и секретарь погибшей — Алиса. На подозрении все. Слишком много улик против каждой из пишущих дам, которые готовы сожрать друг друга, как пауки в банке...

- [Виктория Евгеньевна Платова](#)
  - [Часть первая. Глоссарий\[1\]](#)
    -
    - [Пролог](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
  - [Часть вторая. Мартиролог](#)
    -
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
  - [Эпилог](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

Виктория Евгеньевна Платова

Такси для ангела

Все события, происходящие в романе, вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми — случайно.

Автор

Часть первая. Глоссарий^[1]

«... — А ты здесь откуда? — спросила Королева. — И куда это ты направляешься? Смотри мне в глаза! Отвечай вежливо! И не верти пальцами!

Алиса послушно посмотрела ей в глаза и постаралась объяснить, что сбилась с дороги, но теперь понимает свою ошибку и собирается продолжить свой путь.

— Твой путь? — переспросила Королева. — Не знаю, что ты хочешь этим сказать. Здесь все пути мои!»

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Пролог

Убийство

...Бокала Ей не хватило.

Она была единственной, кому не хватило бокала. Единственной из шести женщин и четырех мужчин. И одной собаки, хотя никому бы и в голову не пришло предложить шампанское собаке.

И на три минуты — ровно столько понадобилось официанту, чтобы исправить оплошность, — это стало главным событием вечера. Поводом для очередной демонстрации могущества, рассчитанной на телекамеру. И так идущей и Ее платью, и Ее бесстрашно открытым, ничем не украшенным ключицам, и перстням на пальцах, и бледно-восковому цветку в разрезе декольте. Это оценили все; во всяком случае, все придвинулись.

Все, кроме собаки. Она и без того сидела у Ее ног.

«Сука, — подумала Первая женщина. — Она просто издевается над нами! Даже из культпохода в сортир может сделать шоу, не говоря уже о шампанском. Сваляла дурака, чтобы лишний раз нас унижить...»

«Сука, — подумала Вторая женщина. — Какого черта я вообще согласилась участвовать в этом балагане? А ведь Иван меня предупреждал!..»

«Сука, — подумала Третья женщина. — Пропади ты пропадом! Дождешься, что когда-нибудь тебя прищучат. И будет за что, уж поверь. Судя по твоей физиономии, налогов ты не платишь... Да, мать твою, не вовремя я ушла из прокуратуры...»

«Сука, — подумала Четвертая женщина. — Под хвост заглядывать неудобно, но, по-моему, все-таки сука. И порода восхитительная. Нужно переговорить с этой муреной о помете. Интересно, сколько она берет за щенка?..»

«Сука, — подумала Пятая женщина. — Ничего-ничего, пока все идет по плану...»

«Сука, — подумали все четверо мужчин. — Но до чего хороша! На «переспать» никаких шансов, хотя, может быть, удастся проводить Ее до двери... И кто знает... В этом возрасте дверь обычно оставляют открытой...»

Наконец с маленьким инцидентом было покончено. Шампанское снова скользнуло в Ее руку, Она подняла бокал и обвела взглядом комнату. Последовал тост с упоминанием имени каждого из присутствующих.

Милых, обаятельных, обворожительных людей. И таких красивых. По-настоящему красивых! Как жаль, что у Нее не было возможности познакомиться с ними раньше, но теперь, когда это произошло, — рога в землю, флот в гавань, шпаги в ножны, перемирие на всех фронтах. Капитуляция — полная и безоговорочная.

Если, конечно, никто не возражает.

Никто не возражал. Все признавали Ее первенство. Сжав челюсти, нагнув подбородки, сцепив пальцы, — все признавали Ее первенство. Ее превосходство.

Все сдвинули бокалы и чокнулись.

Она первой сделала глоток. Маленький глоток. И снова улыбнулась.

Вы не находите, что у этого шампанского странный вкус? Вы не нахо...

Бокал выпал у Нее из рук и разбился на мелкие осколки. Она сделала несколько шагов вперед, удивленно улыбнулась, перехватила пальцами горло и приоткрыла рот — как будто ей не хватало воздуха... А потом по Ее телу пробежала судорога.

«Ну вот, — подумала Первая женщина. — И здесь не удержалась от фиглярства! Давай вставай и кланяйся. Шоу маст гоу он, как говаривал покойничек Фредди Меркьюри...»

«Это не балаган, — подумала Вторая женщина. — Это вертеп. Это гиньоль. Это комедия дель арте. А ведь Иван меня предупреждал!»

«Некоторые и не такие штучки проделывали, чтобы вывезти активы за границу, — подумала Третья женщина. — Да, мать твою, не вовремя я ушла из прокуратуры!...»

«Какой дивный перстень, — подумала Четвертая женщина. — Пялиться на руки неудобно, но, по-моему, все-таки изумруд. И цвет восхитительный. Нужно переговорить с этой муреной о ювелире. Интересно, сколько он берет за огранку?..»

«Вот и все, — подумала Пятая женщина. — Вот и все, вот и все, вот и все... И как просто... Как просто, господи!..»

Все пятеро стояли неподвижно, и на них не было никакой надежды. Да и какая надежда может быть на женщин?

И тогда, собрав последние силы, Она повернулась к мужчинам. К четверем мужчинам. Вернее, к четверем мужчинам и телекамере.

Вернее — к телекамере. К ней одной.

Камера, опешившая так же, как и люди, все еще работала. И Она заглянула в нее, Она бросила в нее прощальный взгляд. И растянула губы — то ли в улыбке, то ли в гримасе. И, оторвав наконец руку от шеи,

погрозила пальцем. Кому-то или чему-то. Или указала. На кого-то или на что-то.

Но скорее всего это был ничего не значащий жест.

Через секунду Ее лицо налилось синевой, и Она, как подкошенная, рухнула на пол. И затихла.

— Врача! Позовите врача!..

Но первым рядом с ней оказался не врач, которого на этой вечеринке не было и в помине, а официант. Он присел на корточки перед распростершимся на полу телом. А потом осторожно коснулся Ее шеи кончиками пальцев.

Сколько прошло времени? Минута, час, несколько секунд? Все как замороженные смотрели на плоские, коротко стриженные ногти официанта. И ни у кого не хватало смелости посмотреть на Нее саму. На Ее искажившийся профиль. На волосы, моментально прилипшие к черепу, сбившиеся в кучу от страха.

Всем остальным тоже было страшно. К тому же залаяла собака.

— Заткните ее, бога ради! — крикнул кто-то из женщин.

— Ну?! — крикнул кто-то из мужчин.

Бесполезный вопрос и совершенно очевидный ответ.

Официант поднялся и почему-то стал отряхивать брюки. А потом — в полной тишине — бесцветным голосом произнес:

— Никакого врача не нужно. **Она мертва.**

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумала Первая женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумала Вторая женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумала Третья женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумала Четвертая женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумала Пятая женщина. — Но это правда!..»

Глава 1

За двенадцать часов до убийства

Я смотрю в иллюминатор на плывущие на фоне белой, заснеженной земли, разрезанной черными линиями дорог, розовато-белые облака и опять вспоминаю, как это все случилось, и думаю, сколько еще я выдержу...

...Итак.

Человек появляется в эпоху голоцена (наплевав на триас, юру и мел ^[2] с их влажным засильем ящеров); у Юпитера одиннадцать спутников, а белье от Шанталь Томас не идет ни в какое сравнение с продукцией фабрики «Ивановские ситцы». Все вышеперечисленное — абсолютная истина. Как и то, что я занимаю свое нынешнее место не по праву.

Но и ухом не веду. Напротив, стиснув все имеющиеся в наличии зубы, продолжаю с энтузиазмом играть так несвойственную мне роль.

Даже старичок-апостол Петр выглядел бы в ней куда естественнее. Если бы, конечно, сбрил бороду, забросил в ближайшие кусты орешника ключи от Царствия Небесного и, задрвав тунику, ринулся в погоню за автографом Аглаи.

Мир сошел с ума, ничего не поделаешь. Мир сдвинулся по фазе и пребывает в ожидании Библии-2, автором которой непременно станет Аглая. Только она, и никто другой. Ей не нужны соавторы: ни Матфей, ни Марк, ни Лука, ни Иоанн. И вообще, лучшее, что она может предложить заслуженным евангелистам, — это воскресные визиты к ним, в Дом ветеранов сцены (кто бы мог подумать — у этого заведения существуют квоты на престарелых писак)...

Мир сошел с ума, мир сдвинулся по фазе, мир помешался на Аглае Канунниковой: ничем другим объяснить происходящее я не могу. Остается только принимать его таким, каков он есть. Конечно, я отдаю себе отчет в том, что где-то существует и другой — большой — Мир. Мир, отличный от обложек ее книг. В этом мире ведутся войны, его иногда посещают гении, инопланетяне и сиамские близнецы; этот мир сотрясают кризисы на фондовых рынках, террористы с их пластиковой взрывчаткой, оргазмы и подвижки горных пород; этому миру угрожает глобальное потепление и такая же глобальная компьютеризация...

Чего только в нем, черт возьми, не происходит!

Совсем как в Аглаиных, черт возьми, опусах. Она — единственная. Она — зубодробительная. Она — номер один. И ей крупно повезло, что она

родилась в России. В любой другой, менее экзальтированной стране госпожа Канунникоff получала бы скучные миллионы, жила бы на скучной вилле, отбрыкивалась от скучных папарацци и читала бы скучные лекции в скучных университетах.

А вот Россия — Россия совсем другое дело. И поэт в ней больше, чем поэт, и салат в ней больше, чем салат (не тот, который семейства сложноцветных, а тот, который оливье)... И детектив в ней больше, чем детектив. Так, нечто среднее между поваренной книгой, моральным кодексом строителя коммунизма и десятистраничным пособием для бойскаутов «Как развести костер, если отсырели спички».

И все потому, что мы, русские, обожаем, когда нас учат жить. Со сладострастием, достойным лучшего применения, мы подставляем головы и задницы под интеллектуальные розги да еще обижаемся, если ими недостаточно резво нас охаживают. И не оставляют рубцов истины на коже. Эта — совсем не бесспорная — мысль принадлежит моей университетской подруге Дарье. Именно ей, Дашке, я обязана своим сегодняшним местом. И своим сегодняшним жалованьем, и доступом к телу Аглаи Канунниковой. Это тело и сейчас маячит у меня перед глазами. Я могу протянуть руку и коснуться (о, несбыточная мечта фанаток от масскульта!) Аглаиногo плеча. Или ее подбородка, уткнувшегося в бумажный пакет: великая Аглая не переносит болтанку, она вообще ненавидит самолеты, как ненавидит поезда, паромы, роликовые коньки, горные велосипеды. И письма от поклонниц с одним и тем же воплем в постскриптуме: «Почему вы сделали убийцей Макса (Сержа, Карла Кузьмича, фамильный ледоруб — в зависимости от порядкового номера книги), он ведь такой душка!..»

Мне, в отличие от Аглаи, глубоко плевать на воздушные ямы и на то, что в салоне бизнес-класса, которым мы летим, обнаружилось с пяток безумиц, мертвой хваткой вцепившихся в последний опубликованный роман Канунниковой.

Не самый, между прочим, хороший.

Я прочла его сигнальный экземпляр еще летом — теперь это входит в круг моих обязанностей. Этот круг достаточно широк и включает в себя сортировку писем, ответы на звонки, долгие беседы с журналистами и выгул Ксоло. Ксоло, отвратительное на вид существо, носит гордое имя «мексиканская голая собака», хотя мне она больше всего напоминает неудачно размороженного цыпленка.

Аглая же в ней души не чает.

Настолько не чает, что я едва не лишилась места, когда неделю назад высказала робкое предположение о... м-м... гостинице для собак. На время

нашей... м-м... поездки. Аглая заклеила меня как собаконенавистницу, черствую маленькую дрянь, которая рано или поздно будет привлечена к ответственности за жестокое обращение с животными.

Мне пришлось заткнуться и оставшиеся до отъезда дни заниматься прививками, ветеринарными справками и шитьем меховых попонок для мерзкой собаченции. Меховые попонки — вот он, мой звездный час! Особенно если учесть, что я занималась шитьем все последние годы.

Я занималась бы им и сейчас (перелицовка пальто, кройка мужских брюк, костюмы для детской театральной студии Дома культуры им. В. Кингисеппа), если бы... Если бы прошлым летом не оказалась в Москве. Поездка в Москву была спонтанной — такой же спонтанной, как и моя свадьба и последующий за ней развод. Именно после развода я и отправилась в столицу — зализывать раны.

— Значит, в Москву? Разгонять тоску? — вежливо осведомился мой бывший муж, не ко времени явившийся за потрепанной магнитолой — единственной вещью в доме, купленной на его деньги. — Супружеское ложе еще не остыло, а ты уже... Ну-ну.

Внизу, у подъезда, его ожидала новая пассия — из окна кухни я видела, как они подъехали на крепеньком мускулистом джипе. Пассию звали Тамара Константиновна, и мой Бывший нарыл ее на «Ленфильме», куда таскался в тщетной надежде пристроить один-единственный написанный им сценарий. Сценарий назывался «Дервиш взрывает Париж» и проходил по разряду эксцентрических комедий.

Судя по тому, как скоропостижен был наш разрыв, царица Тамара оценила «Дервиша...» по достоинству. Кроме того, она была владелицей карликовой продюсерской компании «Флитвуд Интертэймэнт».

— Когда запуск? — не удержалась я, сжимая в руках постылую мужнину магнитолу.

— В сентябре, — он даже раздулся от осознания собственного величия. — Могу пристроить тебя ассистентом. Если, конечно, тебе надоело шить подштанники для пионеров.

Это было слишком.

— Пионеров больше нет, ты разве не в курсе? — спросила я. И через секунду магнитола со свистом шваркнулась о стену — в опасной близости от наглой, опухшей от мании величия, издевательски-круглой головы Бывшего.

— Сука, — сказал он.

— Подонок, — не осталась в долгу я.

— Неудачница.

- Альфонс.
- Швея-мотористка.
- Бездарь.
- Дура фригидная!
- Геронтофил-любитель...

Через пятнадцать минут, когда поток эпитетов иссяк, мы переключились на ближайших родственников с его и моей стороны — и брань вспыхнула с новой силой. Но и ее прервал требовательный автомобильный гудок.

— Твоя старая кляча, — сказала я, утирая пот со лба, — и полчаса без тебя прожить не может. Надо же, какой темперамент. И это в ее-то годы!

— Заткнулась бы. — Бывший, тотчас забыв о наших препирательствах, подозрительно смахивающих на флирт, легко отодвинул меня и опрометью бросился к выходу.

— Беги, беги, женишок, — напутствовала его я. — Беги, а то передумает финансировать твою дешевку!..

Оставшись одна, я оросила слезами трупик поруганной магнитолы (восстановлению она не подлежала). После чего отправилась в спальню, собирать вещи.

Дарья.

Дарья — вот кто отвлечет меня от мыслей, пахивающих самым банальным суицидом!

...Дарья встречала меня на Ленинградском вокзале.

За те три года, что мы не виделись, Дарья почти не изменилась. Все тот же целеустремленный нос, все тот же стальной взгляд, все те же бледные арийские космы, волевым усилием собранные в пучок. В университете лицо Дарьи было несколько размытым (скорее всего от жизненной неопределенности), но теперь приобрело стержневую законченность.

— Похоже, ты становишься стервой, — констатировала я, целуя ее в жесткую, отстраненно-московскую щеку.

— Уже стала, — хохотнула она и отобрала у меня сумку. — Это же Москва, а не благословенный Крыжополь. Как твой дервиш? Взорвал Париж?

— Почти, — я снова пригорюнилась. — Мы развелись на прошлой неделе.

— Ушел от тебя к богатой старухе, ясно. А ты все подштанники кроишь?

— Крою, — призналась я. — И не только подштанники.

— Ну, и стоило для этого журфак кончать?

Вопрос был риторическим, и я промолчала.

Мы промахнули очумевший от людской толпы Ленинградский и оказались на площади трех вокзалов.

— Москва! — Я полной грудью вдохнула основательно подзабытый столичный воздух. — Москва!

— Москва, чтоб ей пусто было, — согласилась Дарья. — Москва, чтоб ей ни дна ни покрышки. Пот и кровь, девочка моя, пот и кровь. А мест под солнцем не так много.

— Не так много, это точно. Мне — не хватило.

Я сделала шаг в сторону распаренного метро, но Дарья ловко ухватила меня за руку.

— Не сюда, — шепнула она и, вынув из кармана ключи, поболтала ими перед моим носом. — Тарантас подан, мэм.

Тарантасом оказалась вполне приличная «Мазда», терпеливо ожидавшая нас у обочины. Респектабельную физиономию «Мазды» заметно портили подбитая фара и вывороченное левое крыло, но все равно: Дарья-автомобилистка — это было здорово!

— Твоя?

— А ты как думаешь?

— Думаю, что свое место под солнцем ты отвоевала, — уметь радоваться успехам других было единственным ремеслом, которому я научилась.

Если, конечно, не считать обметку петель с последующей их оверложкой. — Гоняешь как сумасшедшая, признавайся!

— В основном стою в пробках. Это же...

— ...Москва! — в который раз с благоговением произнесла я.

— Вот именно.

— А вмятины откуда? — Я осторожно коснулась нагретого на июльском солнце капота. — Попала в аварию?

— Объясняю еще раз: пробки, — Дарья плюхнулась на водительское сиденье и жестом пригласила меня последовать ее примеру. — Нервы не выдерживают. Начинаю ерзать и толкаться в общей очереди. Ты же знаешь, как я их ненавижу — очереди.

— Может быть, имеет смысл снова пересесть на метро?

— Исключено. Вот что, мне нужно заехать в редакцию. Много времени это не займет, а потом я буду в полном твоем распоряжении. Ты не возражаешь?

Как я могла возражать?

— Ты по-прежнему в «Квартале»? — спросила я, когда мы остановились на первом светофоре.

Бесхитростный журнальчик для домохозяек «Квартал» был местом последней дислокации моей амбициозной и шумной, как Ниагарский водопад, подруги.

Губы Дарьи выгнулись в презрительной улыбке, и я сразу же поняла, что «Квартал» оставлен. Покинут. Брошен на произвол судьбы. Забыт, как страшный сон. Как газета в метро. Как малотиражка завода железобетонных изделий.

— С ума сошла! Я теперь в «Роад Муви»!

Это прозвучало как: «Я вышла замуж за Майкла Дугласа, а свидетелями со стороны жениха были Сильвестр Сталлоне, Микки Маус и Дональд Дак». Против утки, мыши и примкнувшего к ним жеребчика Сильвестра я не имела равным счетом ничего, а вот Майкл Дуглас вызывал во мне гораздо меньше симпатий. И к тому же был тривиально женат.

— Что это еще за «Роад Муви»?

Дарья даже бросила руль.

— А ты не знаешь? — недоверчиво спросила она.

— Понятия не имею.

Лучше бы я этого не говорила.

— Ты, я смотрю, совсем очумела за своей швейной машинкой! От рук отбилась! Это же самый продвинутый журнал на сегодняшний день. Искусство, литература, театр, кинематограф. Ты знаешь, какие бабки платят знаменитости, чтобы у нас засветиться?

— Зачем же знаменитостям платить? — совершенно искренне удивилась я. — Они ведь и так знаменитости.

— Господи, это концептуальное издание! Определяет моду, формирует вкусы...

— Ну, это ты загнула. Вкусы формирует толпа, а моду определяет время. При чем здесь твой «Роад Муви»?

Дарья надулась и покраснела. А я сразу же устыдилась своего кавалерийского наскока. В конце концов, это я приехала к ней плакаться в жилетку, а не она ко мне. В конце концов, это я все последние годы подмахивала игле и наперстку, а не она. В конце концов, это я прохлопала свою жизнь — я, а не она.

А она — она в жизни преуспела.

Да еще Бывший со своей выпотрошенной временем продюсершей!..

— Прости. Я сейчас неадекватна. Он меня бросил, ты же знаешь. — Я положила руку на локоть Дарьи и легонько его пожалала.

— Ладно. Проехали. Ужасно рада тебя видеть, правда!

Она бросила руль, обеими руками обхватила мою голову и по-матерински прижала к груди. И едва не врезалась в идущий прямо перед нами бодрячок-«Фольксваген».

— Осторожнее! — пискнула я. — Твоя машина!

— Плевать, новую куплю, — парировала Дарья, но по тормозам все-таки дала.

...Через полчаса мы наконец-то добрались до уже основательно мной подзабытого исторического центра и с ходу пронзили Кривоколенный переулок. За это время я успела узнать, что Дарья ведет в «Роад Муви» рубрику «Гамбургский петух» (рецензии на книжные новинки), съездила в Венецию и Мадрас, была на приеме в австрийском посольстве, где ей поцеловал руку «дыши глубже, сам Никас Супрунов» (интересно, кто это такой?). Кроме того, она поменяла два резца в верхней челюсти и двух мужей. И сейчас подыскивает спутника жизни под номером три.

— А кто это — Никас Супрунов?

— Художник, деревня! — Дарья смерила меня презрительным взглядом. — Берет пятьдесят тысяч за холст. В баксах, между прочим. А какой сексапил — просто фантастика!.. Отдалась бы ему прямо на биде!

Редакция «Роад Муви» находилась в самом конце патриархального Кривоколенного и занимала двухэтажный особняк, украшенный колоннами. Площадка перед особняком была заставлена дорогими иномарками, из чего я сделала вывод, что дела у концептуального издания обстоят неплохо.

Мы поднялись на второй этаж, и Дарья приветливо распахнула передо мной дверь с табличкой «Гамбургский петух».

— Я к главному, ненадолго. А это тебе, чтобы не скучать.

И, сунув мне внушительную стопку «Роад Муви», она пулей вылетела из комнаты.

Глянцевые знаменитости обоих полов — все как один холеные, загорелые, оскалившие в снисходительной улыбке идеально ровные зубы (уж не сам ли господь бог снабжает запасными челюстями своих любимцев?); глянцевые знаменитости — мне не было никакого дела ни до них самих, ни до их верных возлюбленных и верных татуировок, ни до их обожаемых устриц и обожаемых ботинок в стиле «унисекс».

Дарья — совсем другое дело. Дарья — моя лучшая подруга. Соратница и наперсница, с которой прожито пять незабываемых лет в общаге универа. Пять лет — со всеми нашими мальчиками, абортами и волнистым попугайчиком Кешей, которого Дарья научила одной-единственной, но

сакраментальной фразе: «Девки, выпьем!»

...Долго рыться в помойке под флагом «Роад Муви» не пришлось: первый же номер явил мне «Гамбургского петуха» и его подведомственную курицу-несушку Д. Валикову.

«Д. Валикова», очевидно, и была Дарьей, хотя я знала ее как Ставицкую, а потом — как Улюкаеву-Гессен. Как и положено сотруднице продвинутого журнала, Дашка обмирала от Умберто Эко, хлопалась в обморок от одного упоминания о Саше Соколове и к месту и не к месту клялась святыми мощами вседержителя Набокова. К прочей мелкокалиберной шушере она относилась с прохладцей и так и норовила подлить в бочку меда даже не ложку дегтя, а ложку касторки. От этого ее заметки выглядели несколько странно и общий их пафос сводился к следующему: «Хотя если быть до конца принципиальными, то невозможно не указать и на проколы. NN, конечно, писатель любопытный, но, по моему, ему жена изменяет. И вообще, у него простатит, а дед его находился на оккупированной территории».

Но в целом Дашкины пасквили были прехорошенькими и до безобразия походили на саму Дашку — такие же веселые, циничные и саблезубые. Она была просто создана для спецопераций по отстрелу зазевавшихся беллетристов.

Мне же в лучшем случае остается только нашивать ей на рукава знаки отличия. И щипать корпию. А всему виной мой аналитический тугоплавкий ум, пригодный разве что на философские трактаты: не ко времени, ох не ко времени я его выпестовала! Да еще Бывший со своей заджипованной клячей!..

Из раздумий о невыносимой легкости бытия меня вывел голос Дарьи. Она стояла, ухватившись за ручку двери, и с кем-то сладострастно грызлась.

— Как же вы меня достали с вашей Канунниковой! — с яростью в голосе вопила она. — Может быть, вообще переименуем журнал, раз уж она в каждом номере восседает? Так и назовем — «Аглая: призрак ночи». Или нет — «Аглая: симфония ужаса».

За дверью кто-то осуждающе забубнил. Несколько секунд Дарья молчала, но потом ее голос вновь взвился до апокалиптических высот:

— Не буду я давать рецензию, не буду!!! Пускай «Спутник библиофила» дает. Он всем дает. И как только триппер до сих пор не подхватил, удивляюсь!

Закончив свою бурную речь этим венерологическим пассажем, Дарья ввалилась в комнату и так хлопнула дверь, что у меня из рук вывалилась

вся стопка «Роад Муви».

— Неприятности? — Я сочувственно покачала головой.

— Творческие разногласия. Не обращай внимания...

— А кто такая Канунникова?

Дарья, до этого бегавшая по комнате, остановилась, как громом пораженная:

— Ты не знаешь, кто такая Канунникова?!

— Нет.

— Ты меня разыгрываешь.

— Да нет же.

Все последующее показалось мне дурным сном. Дашка, надменная, циничная Дашка, повалилась передо мной на колени и принялась исступленно бить поклоны. И так же исступленно креститься:

— Господи! Благодарю тебя, господи!!! Свершилось! Хоть кто-то о ней не знает! Хоть кто-то о ней не слышал, господи! Какое счастье!..

На глазах у Дарьи проступили слезы благодарности. Еще раз стукнувшись лбом о паркет, она попыталась ухватить мою руку и поцеловать ее.

Это было уж слишком. Я отдернула пальцы, на всякий случай отошла к окну и уже оттуда запустила в Дарью вопросом:

— Может, объяснишь мне, что происходит?

— Сначала поклянись, что ты не врешь. Что ты действительно не знаешь, кто такая Аглая Канунникова.

— Понятия не имею.

— Поклянись.

— Хорошо. Клянусь.

Религиозный экстаз затух так же стремительно, как и вспыхнул, Дарья устроилась в кресле, выбила из пачки пухлую светло-коричневую сигарету «Captain Black» и с наслаждением закурила.

— Я жду, — напомнила о себе я.

— «Дервиш сжигает Париж», — с выражением произнесла моя чумовая подружка и нехорошо засмеялась. — Что такое «Дервиш сжигает Париж»?

— Кич, — с готовностью произнесла я, почувствовав, как организм начинает декалитрами вырабатывать желудочный сок. — Квинтэссенция пошлости.

— А теперь представь эту самую квинтэссенцию, но в объеме не... Сколько там было страниц у твоего бабуина?

— Восемьдесят семь.

— А теперь представь еще одно: их не восемьдесят семь, а четыреста восемьдесят семь. Четыреста восемьдесят семь страниц кича каждые четыре месяца. Это и есть Аглая Канунникова.

— Так она писательница? — осенило меня.

Дарья дернулась, как от удара током.

— Помнишь покойного Кешу?

— «Девки, выпьем»?

— Именно. Наш несчастный попугай — и тот нацарапал бы лучше. Жаль, подход не вовремя. А то украсил бы собой масскультуру.

— Чего ты бесишься? В стране полно авторов подобного чтива.

— Она — единственная, — в голосе Дарьи было столько ненависти и страстной убежденности, что я даже поежилась. — Единственная, кто смог так раскрутиться. Куда ни плюнь — всюду она. Знаешь, почему я купила машину? Потому что в метро все читают только ее. Видеть этого не могу!

— Ты меня пугаешь, — начала было я, но Дашка перебила меня самым бесцеремонным образом:

— А теперь еще новый геморрой. Эта сволочь выпустила очередную книжонку, которую я должна рецензировать. Редакция, видите ли, с большим интересом следит за творчеством Аглаи Канунниковой.

— Ну и напиши, что книга — полный отстой.

Дарья выпустила струю дыма мне прямо в лицо и прищурилась:

— Слушай, а почему бы тебе это не написать?

— Мне?!

— А что? Тряхни стариной, у тебя ведь неплохо получалось когда-то. Выспишься на этой твари как следует. Народ тащится, когда распинают его любимцев, это часть игры... Больших денег, конечно, не обещаю, но если ты понравишься Главному... Это шанс.

— Я так не думаю...

...Остаток дня мы с шумом и гиканьем носились по разомлевшей Москве, пили кагор в каких-то кафешантанах и текилу в каких-то кабаках. Два раза меня вытошнило, два раза Дарью останавливали гаишники, и два раза ей удалось от них откупиться. Как мы добрались до Дашкиной квартиры, я не помнила. Но первое, что увидела, когда проснулась на следующее — отнюдь не прекрасное — утро, оказалось книгой Аглаи Канунниковой.

Книга лежала на полу у изголовья моей кровати.

Я свесила вниз голову, трещающую по швам от непомерных вчерашних возлияний, и едва подавила в себе рвотный рефлекс.

Никогда больше не буду мешать текилу с кагором! С сегодняшнего дня

— только минеральная. Ныне, присно и во веки веков.

Пока я торжественно клялась себе в этом, на пороге возникла Дарья с пакетом кефира в руках.

— Ну, как себя чувствуешь? — спросила она.

Я красноречиво застонала.

— Выпей, — она присела на краешек кровати и протянула мне кефир. — Сразу полегчает.

Полегчало не сразу, а минут через пять. Но за это время я успела завещать Дашке чешскую швейную машинку «Минерва», мою единственную кормилицу. И богато иллюстрированное пособие «Шитье — сто один секрет».

— Не майся дурью, — окоротила меня Дарья. — Лучше сунь два пальца в рот.

Произнеся эту фразу, она выразительно посмотрела на книжку неизвестной мне Аглаи Канунниковой.

— Может, в тазик будет сподручнее? — дрожащим голосом спросила я.

— Не думаю.

Приступ тошноты прошел, и ко мне снова вернулась способность соображать. А вместе с ней пришло раскаяние: последний раз я так безобразно напилась по случаю защиты диплома.

— Журналистского диплома, — уточнила Дарья. — Журналистского! Мое вчерашнее предложение остается в силе. Я сейчас убегаю, а ты полистай опус нашей священной коровы. Может, что-нибудь в голову и придет. Жратва в холодильнике. И не пей много кефира, там тоже есть градусы. Учти, что вечером мы приглашены на коктейль.

— Куда?

— На коктейль. В одну симпатичную галерею. Недавно открылась. Цэ.

«Цэ» означало «целую». В более широком смысле: «Будь здорова, не кашлай, водки не пей и не спи с кем попало».

— Цэ-цэ, — ответила я и снова рухнула на кровать.

Двужильная, закаленная в бесконечных московских попойках Дашка умчалась по делам своего «Роад Муви». Я осталась одна и только теперь вспомнила, что о свинствах Бывшего и о моей плачевной участи мы так и не поговорили. И предстоящий рейд на коктейль вряд ли ускорит этот разговор.

Но, черт возьми, именно этого я и хотела: устроить большой сквозняк в голове. Уж он-то наверняка выдует все мысли о Бывшем. Так что да здравствуют Москва, Дашка и симпатичные галереи!.. Да здравствует

большая прогулка!

Приняв этот лозунг как руководство к действию, я наконец-то расслабилась и протянула руку к томику Аглаи Канунниковой. Вопреки моим представлениям о подобного рода чтиве, книга вовсе не выглядела экстремально. Никакого оберточного глянца, никаких анилиновых красок, никаких блондинок с кинжалом, зажатым в расселине груди. Напротив, обложка являла образец сдержанности, да и название не было таким уж кроваво-разнузданным: «Такси для ангела».

Я посчитала это хорошим знаком и углубилась в изучение текста.

...Чтобы спустя четыре часа перевернуть последнюю страницу.

Нельзя сказать, что книга ошеломила меня. Или как-то особенно потрясла. Это был добротный, совсем неплохо написанный детектив с необходимым минимумом крови и таким же необходимым минимумом психологии. В нем было так же удобно, как и в разношенных комнатных тапках, где каждый палец и каждый мозоль на месте. Удобно — не более того. И все же, все же...

Год назад я перелицовывала одно старое пальто одной старой петербургской дамы. Перелицовка заняла не так много времени — всего лишь неделю. Но еще неделю я просто не могла с ним расстаться. Я провела у этого романтического куска твида самые счастливые дни моей жизни (если не считать медовый месяц с Бывшим, который мы провели в деревне Замогилы, на берегу Чудского озера). Стыдно признаться, но я даже спала в этом пальто, чем вызвала неподдельный интерес у Бывшего, который несколько подустал от размеренной и пресной супружеской жизни.

Бывший одобрительно поцокал языком, назвал пальтишко фетишем, меня — шалуньей и предложил сходить в ближайший секс-шоп за каким-нибудь изысканным гарниром к моим «забойным твидовым фантазиям». Секс-шоп я с негодованием отвергла, но так и не смогла объяснить Бывшему, зачем мне понадобилось пеленать тело в чужую, давно вышедшую из моды вещь.

Но какой же она оказалась уютной! Она была создана для другого города и другой страны. Да и для другого времени тоже. Наверное, в этом пальто хорошо было мокнуть под дождем и посещать крохотные кофейни, кормить голубей, греть руки над жаровнями, выбирать обезумевшие от нафталина безделушки на каком-нибудь «блошином» рынке.

В нем хорошо было отправиться куда-нибудь автостопом. И сойти на обочине черно-белого, как старая кинолента, времени. Но я точно знала, что никуда не отправлюсь и нигде не сойду. И от этого мое сердце

наполнялось печалью. Светлой, ни с чем не сравнимой печалью, похожей на финал фильма «Украденные поцелуи».

Возможно, если бы я выкупила пальто, если бы оставила его у себя, моя жизнь повернулась бы по-другому.

Но я отдала его хозяйке, жалкая неудачница.

Я прошла мимо него, как проходят мимо главной и единственной в жизни любви. И светлая печаль забылась сама собой.

А сейчас — вспомнилась.

И всему виной была Аглая Канунникова с ее совсем не кровожадным «Такси для ангела». Но особо заморачиваться этим я побоялась. И, покончив с одной детективной интригой, переключилась на другую.

Почему Дашка так ненавидит Канунникова?

Аглая Канунникова не конъюнктурщица, кичем в этом ангельском средстве передвижения и не пахнет. Наоборот, в некоторых местах я даже забывала, что читаю беллетристику. Совсем неплохая и нестыдная работа.

Я, пожалуй, смогла бы выполнить Дашкину просьбу...

Об этом я и заявила своей подруге, когда она вернулась домой. Но, вместо того чтобы обрадоваться, Дарья почему-то поскучилась.

— Ты начала читать? — после недолгого молчания спросила она.

— Уже.

— Что — уже?

— Уже прочитала. Не понимаю, почему ты так на нее окрысилась...

— Нас ждут, — ушла от ответа Дарья. — Собирайся.

...Коктейль в галерее оказался самой обыкновенной пьянкой: нечесаные художники-нонконформисты и сомкнувшийся с ними нечесаный музандеграунд потчевали всех желающих водкой, пивом и жареным арахисом. Дашка надралась в первые полчаса, я же (верная своей утренней клятве) пила только воду из-под крана.

В богемном приюте не было даже минералки.

А галерейная начинка — инсталляции и богоборческие (свят, свят, свят!) иконы с порнодушком — не поразила мое воображение. Зато его поразила Дашка, устроившая просветительскую лекцию в таком же, как и галерея, нонконформистском ватерклозете (с деревенским очком вместо унитаза). Я сама спровоцировала ее, сказав, что возьмусь за рецензию.

— Значит, ты тоже подседа на эту суку Аглаю!

— С чего ты взяла?

— А все на нее подсаживаются.

— Ты преувеличиваешь.

— Да я не то что преувеличиваю — я ее терпеть не могу! Лицемерка

поганая! Водит всех за нос. Копалась бы в своем жанре, так нет: в учителя жизни лезет, свои взгляды навязывает. Обо всем высказалась, ничего не забыла!.. Даже по поводу профилактических прививок детям Руанды у нее, видите ли, собственное мнение... Даже по поводу выращивания патиссонов и селекции трехцветного вьюнка!..

— Ладно, — первой не выдержала я. — Черт с ней.

— Вот именно! — Дашка попыталась плюхнуться на отполированный многими сомнительными задницами толчок, и я с трудом ее удержала.

Через час, когда Дашка окончательно превратилась в патиссон, о котором так пламенно распространялась, в галерее появился роскошный молодой человек в белом свитере и с такими же белыми выгоревшими волосами. Проигнорировав многочисленные приветствия и поддоны с пивом, он направился напрямик к Дашке, пытавшейся улечься на инсталляцию «Балканские войны-13». Легко подняв тело моей подруги, он потащил его к выходу.

— В чем дело? — спросила я, ухватив Дашку за край платья.

Молодой человек даже не сбросил скорости. А у самого выхода процедил:

— Откройте дверь.

— А вы кто такой?

— А вы кто такая?

Дарья, до этого больше напоминавшая мешок с картошкой, неожиданно приподняла голову.

— Это — наш Главный... А это...

Выпитый «коктейль» оказался сильнее: так и не договорив, очаровательная пьянчужка закрыла глаза и отрубилась.

— А это ее подруга из Питера, — закончила за Дарью я и улыбнулась Главному.

— Что-то припоминаю. Открывайте дверь, подруга из Питера.

Вдвоем мы выволокли бесчувственную тушку на улицу и погрузили ее в такую же белобрысую, как и он сам, тачку Главного.

— Нам к проспекту Мира...

— Знаю, — процедил Главный и в лучших московских традициях сорвал машину с места.

Теперь, во всяком случае, мне стало понятно происхождение мужских парфюмов в ванной и мужских комнатных тапок в прихожей.

Некоторое время мы ехали молча.

— Дарья говорила мне о вас, — он первым нарушил молчание.

— Мы учились вместе. Я тоже закончила журфак. — Кто знает, может

быть, это он и есть — мой единственный шанс, о котором говорила Дашка.

— Это не имеет значения.

Ничего не подделаешь: первый же выстрел оказался холостым.

— Но статью все же напишите, — тотчас исправился Главный. — А там посмотрим.

— Об Аглае Канунниковой?

— Да о чем угодно.

Ай да Дарья! Похоже, она уже провела подготовительную работу. Милая, заботливая, замечательная моя подруга! Ангел с крыльями, а не человек! От неожиданно открывшейся перспективы у меня даже закружилась голова.

— Может быть, вы в курсе... Почему она так ненавидит Канунникову?

— А вы сами не догадываетесь? Дарья тоже пыталась писать книги. Но у нее ничего не получилось. Журналистика — совсем другое дело...

Вот оно что! Вот он — корень всему: самая банальная профессиональная зависть.

Больше Главный не сказал ни слова. Он даже отказался от кофе, когда мы поднялись в квартиру. Проводив гостя и уложив Дашку в постель, я снова засела за Канунникову. Теперь, после беседы с холемым начальником «Род Муви», Канунникова становилась не целью, а средством. С ее помощью я — если не буду душой — попытаюсь вернуться в давно потерянную профессиональную жизнь.

...Оставшиеся до отъезда дни я провела за книгами Канунниковой и Дашкиным ноутбуком. Порочная связка альпинистов «Бывший — продюсерша — старая гримза» была напрочь забыта. И когда опомнившаяся Дарья приволокла с работы шикарно изданный двухтомник «Развожусь: за и против», я только пожала плечами. «Дервиш взрывает Париж» меня больше не интересовал.

За сутки до моего отъезда рецензия была готова. Вернее, это была не рецензия даже, а пространное эссе. Я сдобрила его своими собственными размышлениями, унавозила историей о пальто и снабдила заголовком «Украденные поцелуи».

Из соображений безопасности я отдала эссе только на вокзале, за три минуты до отправления поезда. Дарья обещала показать его Главному сегодня же (я подозревала, что торжественный акт показа состоится в постели) и обязательно позвонить, когда все прояснится.

...Дарья не позвонила.

Ни через три дня, ни через пять, ни через две недели.

Должно быть, я полностью дисквалифицировалась. Не уловила ритм покачивающихся бедер «Роад Муви». И сотрудником московского издания мне не быть никогда. И журналисткой — тоже.

Я отметила закат так и не начавшейся карьеры в кафе-мороженом «Пингвин». В полном одиночестве. А потом вернулась к своей «Минерве» с ножным приводом. И к скудным заказам театральной студии Дома культуры им. В. Кингисеппа: бесстрашные студийцы замахнулись на сказку «Снежная королева».

Звонок раздался, когда я пришивала воротник к костюму Маленькой разбойницы.

— Я могу поговорить с Алисой Зданович? — Голос был женский, усталый и вальяжный одновременно.

Такой голос мог принадлежать только богатой клиентке, и я сразу же вспомнила, что моя старая заказчица, мадам Цапник (62-й размер), обещала подкинуть очередную работенку: пальто и два костюма для деловой женщины с изюминкой.

— Слушаю. Вы по поводу пальто? — бодро спросила я.

На другом конце трубки повисло непродолжительное молчание.

— И по поводу пальто тоже, — голос дрогнул.

— Подъезжайте. Васильевский остров, улица Шевченко...

— Видите ли... Я очень занятой человек. А вы сами не могли бы приехать?

Я ухватила за телефонный шнур. Мадам Цапник не соврала: женщина действительно оказалась деловой. А с преуспевающих бизнес-самок, которые беспокоили меня крайне редко, я обычно брала по двойному тарифу.

— Диктуйте адрес.

— Гостиница «Астория», номер 103.

Это несколько меня озадачило. При чем здесь гостиница?..

— Жду вас через час.

— Но...

Женщина повесила трубку, оставив меня в полной растерянности. Станный звонок, странные тексты... А может, это вовсе не наводка

мадам? Тогда что? Голос не принадлежал никому из моих знакомых, я никогда не слышала его раньше, но имя и фамилия — мои, телефон тоже мой...

Озарение пришло только тогда, когда швейцар распахнул передо мной тяжелую дверь «Астории».

Дашка. Ну, конечно же, Дашка!

Приехала в Питер по своим богемно-журналистским делам и решила меня разыграть. Добить окончательно. Ты, мол, сидишь с выкройкой и булавками во рту, а я — в дорогой гостинице. Месть за эссе удалась, ничего не скажешь.

Я подошла к стойке суетливо-подобострастного портье.

— Номер сто три. Меня ждут.

Портье сделал неопределенный жест рукой, и за моей спиной вырос молодой человек в строгом костюме. Болтавшаяся на лацкане его пиджака бирка уведомила меня, что я имею дело со службой безопасности отеля. И дальнейшее сопротивление бесполезно.

Молодой человек с биркой аккуратно подхватил меня под локоть.

— Не стоит, я еще сама в состоянии идти, — пролепетала я.

— Пройдемте, — он не обратил на мои слова никакого внимания.

И мы прошли в гостиничный бар. Теперь я была совершенно уверена, что звонок — Дашкиных рук дело. И мадам Цапник с ее деловой протезе здесь ни при чем: не буду же я снимать мерки в точке общепита, в самом деле!..

Но Дашки в полупустом баре не оказалось. И пока я соображала, что бы это могло значить, охранник подвел меня к самому дальнему столику. За ним расположилась какая-то женщина. Она кивнула охраннику и сделала приглашающий жест рукой.

— Прошу.

— Меня? — переспросила я.

— Вы ведь Алиса? Садитесь.

Поколебавшись секунду, я все-таки устроилась напротив. И робко произнесла:

— Вы от Эмилии Ефимовны?

Эмилией Ефимовной звали мою добрую стотридцатикилограммовую фею мадам Цапник.

— Нет. Я сама по себе.

Женщина подперла рукой подбородок и принялась откровенно меня изучать. Так откровенно, что в первую секунду я разозлилась. А во вторую решила: черт с тобой, изучай, я и слова не скажу.

Точно определить возраст сидевшей передо мной дамы было невозможно. Но ставки начинались с сорока пяти. В этом возрасте она проболтается еще лет двадцать, если, конечно, будет делать подтяжки и посещать массажные кабинеты. Женщины подобного типа никогда не страдают гипертонией, пьют исключительно черный, крепко заваренный кофе, выкуривают не меньше двух пачек сигарет в день, мало спят, коротко стригутся и никогда не закрашивают седину (это придает им дополнительный шарм). Котов в качестве домашних животных они не переносят, зато всегда заводят собак крупных пород и молодых любовников.

Как клиентки, они достаточно непритязательны, потому что в одежде предпочитают спортивный стиль.

В просторечии такой женский подвид называется «баба с яйцами».

И передо мной — типичная представительница этого подвида. Умное, волевое лицо, резко очерченные губы, едва тронутые светлой помадой, и эксклюзивное серебро на всех пальцах. Такого серебра не найти ни в одном магазине, оно передается исключительно по наследству. Или завоевывается как трофей — вместе с карьерой, деньгами и мужскими скальпами...

Закончить анализ я не успела. Женщина вынула из стоящей рядом с ней сумки журнал и швырнула его на стол.

— Ваших рук дело? — спросила она.

Черт возьми, это был «Роад Муви»! Последний выпуск, датированный июлем. От нехорошего предчувствия у меня засосало под ложечкой. Если это действительно Дашкин розыгрыш, то он чересчур пышно обставлен. И несколько затянулся.

— Страница пятьдесят четыре, — подсказала женщина.

Я подтянула к себе журнал и — не без опасений — раскрыла его на указанной странице.

Буквы запрыгали у меня перед глазами: в рубрике «Гамбургский петух» сияло и переливалось мое собственное эссе «Украденные поцелуи». Конечно же, оно было на добрых две трети меньше первоначального варианта, но оно было!

Дашка, корова, почему ты не сообщила мне об этом?!

— Вы от Дарьи? — спросила я.

— Странные у вас вопросы, — женщина нахмурила тонкие брови. — Я ведь уже сказала. Я — сама по себе. Меня зовут Аглая Канунникова.

Кажется, у меня отвисла челюсть. Или вскрылись все поры на лице. Или выпали все волосы. Во всяком случае, дама, представившаяся как Аглая Канунникова, посмотрела на меня с сожалением. А потом хорошо

заточенным ногтем отчеркнула название.

— Почему?

— Что — «почему»? — Я была совершенно сбита с толку.

— Почему вы так ее назвали?

— Есть такой фильм. У Франсуа Трюффо, французского режиссера... Канунникова досадливо поморщилась.

— Я знаю. Но почему вы назвали свою писульку именно так?

— Просто... Это мой любимый фильм. Мне показалось...

— Плевать мне на то, что вам показалось.

Да, забыла добавить, что бабы с яйцами отличаются бесцеремонностью и роковым влечением к ненормативной лексике.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала я и сделала попытку встать из-за стола.

— Сядьте. Я заказала кофе. Но могу заказать и что-нибудь покрепче, если... — она не договорила и снова уставилась на меня.

— Если?..

— Если вы то, что я думаю. Значит, «Украденные поцелуи»... Там есть посвящение, в самом начале фильма. Кому?

Ситуация была просто идиотской. Еще большей идиоткой оказалась я, клюнув на этот звонок и на этот глупый розыгрыш. Аглая Канунникова, надо же! Бабы с яйцами не пишут уютные книги!..

Видимо, на моем лице отразилась такая борьба чувств, что самозванка-экстремистка не выдержала. И припечатала журнал книгой.

— Это один из моих первых романов, — она перевернула книгу и показала мне обложку с фотографией. — Изображение как на могильной плите, но узнать можно. Похожа?

Книга действительно принадлежала Канунниковой. А фотография на тыльной стороне — женщине напротив.

— Убедились?

— Да.

— Мне повторить вопрос?

— Зачем же, я помню. Французской синемаатеке, вот кому они посвящались, «Украденные поцелуи».

— Отлично, — Аглая раздвинула губы в улыбке. — Вы предпочитаете виски или коньяк?

Виски и коньяк относились к категории «что-нибудь покрепче».

«Что-нибудь покрепче, если вы то, что я думаю». Ах ты, пресыщенная суперпопулярная сука! Дарья права, знаменитости не вызывают ничего, кроме раздражения. Такая может и серную кислоту в рожу плеснуть, и по

судам затаскает, если я что-то не то крикнула в своей, будь она проклята, статейке!..

— Я жду, — еще шире улыбнулась Аглая, и только теперь я заметила, что передний зуб у нее сколот.

Самую малость сколот. Интересно, куда смотрит ее дантист?

— Я не пью спиртного.

— Жаль.

Подбитый зуб притягивал меня как магнит. Совершенно алогичный, неправильный зуб. У знаменитостей не должно быть изъянов во рту, от этого зависит их распроклятый имидж. Они готовы терпеть во рту целые кладбища мертвого фарфора, лишь бы не выпасть из обоймы.

В чем дело, Аглая? Или ты не играешь по общим правилам?

Канунникова подозвала официанта сухим пощелкиванием пальцев и что-то шепнула ему на ухо. Официант затряс набриолиненным пробором и сразу же исчез.

— Вы профессиональная журналистка? — продолжила допрос Аглая.

— Я давно не работаю по специальности.

— Очень хорошо, — почему-то обрадовалась она.

— Может быть, объясните мне, что происходит?

— Чуть позже. Вы хорошо зарабатываете?

Только этого не хватало!

— Думаю, это некорректный вопрос, — я постаралась вложить в свои слова максимум достоинства.

— Отчего же! Это деловой вопрос.

— Зачем вам это нужно?..

Ответить Аглая не успела: вернулся официант с бутылкой коньяка, шоколадом и кофе. И бутылкой минеральной — очевидно, для меня.

Я была растрогана.

И к тому же этот зуб! Он опускал Аглаю с заоблачных высот прямым в городскую подземку, напичканную ее книжками. И ставил ее в один ряд с простыми смертными.

Аглая посмотрела на меня сквозь рюмку с коньяком, и от этого я почувствовала себя так же уютно, как если бы сидела на электрическом стуле.

— Итак, продолжим, — она сделала маленький глоток. — Вы хорошо зарабатываете?

— Вы хотите предложить мне больше, чем я зарабатываю? — съязвила я.

— Хочу, — просто сказала она.

Да-а... Коньяк бы мне не помешал!

— А за что, если не секрет?

— Если, конечно, у вас нет мужа. Или друга... Чушь, — оборвала Аглая сама себя. — Никакого мужа, а тем паче — друга у вас нет. Хотя бы на сегодняшний момент.

— Почему вы так решили?

Действительно, почему? На подиумах мне, конечно, не блистать, но и ничего особенно отталкивающего в моей внешности нет. И размер лифчика самый ходовой — третий. Иногда ко мне даже обращаются с вопросом «Который час?» молодые люди. И не в самое темное время суток. И не какие-нибудь маньяки, а заслуживающие доверия офицеры вооруженных сил в чине не ниже капитана. Или любители виниловых пластинок, баночного пива и барда Олега Митяева.

Аглая перегнулась через стол и приблизила ко мне лицо. А потом повела коротким решительным носом.

— Чувствуете запах? — шепотом спросила она.

— Запах? — Я не на шутку перепугалась. — Какой запах? Никакого запаха я не чувствую.

— Вот именно. И я не чувствую. Вы ничем не пахнете. Абсолютно стерильны. А мужчина проявляет в женщине запахи. Он служит катализатором, он их стимулирует.

— Идите к черту, — сказала я.

Она резко откинулась на спинку стула и захохотала.

— Прежде чем пойти к черту, — отсмеявшись, сказала Аглая, — я хочу предложить вам работу личного секретаря.

— Не поняла?

— Будете моим личным секретарем?

— Я?!

— Вы.

Я никак не могла отделаться от чувства нереальности происходящего. Напротив меня сидела одна из самых раскупаемых писательниц в стране, если не самая раскупаемая. Почти классик, почти гуру и уж точно кумир домохозяек, секретарш, скучающих жен богатых мужей, студенток-дипломниц и мосластых посетительниц фитнес-клубов.

— Но почему я?

Вместо ответа Аглая постучала пальцем по журналу.

— «Украденные поцелуи», — мечтательно произнесла она. — Это ведь и мой любимый фильм. Я никогда и нигде об этом не упоминала. Мне нужен не просто секретарь, мне нужна единомышленница. А человеку,

который влюблен в «Украденные поцелуи», я могу доверять всецело.

Чудны дела твои, господи!

— Но почему я? Поискали бы кандидата среди кинокритиков. Наверняка кто-нибудь когда-нибудь стряпал монографии по Трюффо...

— Вы неглупая, довольно остроумная, со склонностью к анализу. Звезд с неба, конечно, не хватаете, но не лишены оригинальности суждений.

— Откуда вы знаете? — обижаться на Аглаю было так же глупо, как обижаться на стихийное бедствие. Или на дворец-музей, потому что там заставляют ходить в тапочках. — Откуда вы знаете, вы же меня первый раз видите!

— Мне достаточно того, что я прочла, — в который раз Аглая апеллировала к злосчастному «Роад Муви».

— И там это написано?

— Между строк. Я ведь все-таки пишу детективы, девочка. Так что вы скажете о моем предложении?

— Я не могу, — проблеяла я. — Так сразу... И потом, я не знаю, что нужно делать...

Черт возьми, что я несу? Мне нужно сейчас же отодрать зад от стула и распроститься с сумасшедшей детективщицей!

— Обязанности самые простые, но отнимают довольно много времени. Вы разбираете почту, отвечаете на письма, договариваетесь об интервью, вычитываете их. Занимаетесь моим сайтом в Интернете. Это так, навскидку... Надеюсь, слово «компьютер» не заставляет вас искать веревку и мыло?

— Нет.

— Замечательно. Вы согласны?

— Мне нужно подумать.

— Соглашайтесь, — Аглая в который раз улыбнулась мне. — Вам ведь очень хотелось использовать свой шанс. Вам очень хотелось понравиться столице.

— Это вы тоже вычитали между строк?

— Тоже. Вы переберетесь в Москву, сможете завести нужные знакомства. Мое нынешнее положение позволит вам это сделать. И со временем... Кто знает... Может быть, и ваши амбиции будут удовлетворены.

Я явственно почувствовала запах серы и услышала легкое постукивание: это Аглая била по полу кончиком хвоста. Она искушала меня, дьяволица, она брала меня штурмом. И я вдруг с тоской поняла, что

швейной машинке «Минерва» не выдержать лобовой атаки. Да и отряду заказчиц во главе с мадам Цапник стриженная знаменитость не по зубам.

А костюм Маленькой разбойницы?.. Его придется дошивать в любом случае.

— Я даже не представляю себе... Как это можно осуществить... Практически.

— Все очень просто, — дожимала меня Аглая. — Ближайшие три дня я здесь. У меня встречи с читателями. Трех дней вам хватит, чтобы утрясти все дела?

Маленькая разбойница, Северный олень, накидка для Герды... Трех дней должно хватить.

— Подыщем вам квартиру. Это обойдется долларов в сто — сто пятьдесят. Я буду платить вам семьсот. Или скажем, семьсот пятьдесят в месяц.

— Восемьсот, — нагло заявила я и потянулась к коньяку. — И за квартиру — отдельно.

— Хорошо. Пусть будет восемьсот. Но вместе с квартирой. — Аглая, как и положено бабе с яйцами, умела торговаться. — Два выходных. Сегодня понедельник. В пятницу мы должны выехать. Устраивает вас такой расклад?

Меньше всего такой расклад устраивал театральную студию с ее экспериментальной «Снежной королевой». Три года я шила студийцам костюмы за смешные деньги. Может быть, у кого-то и восемьсот баксов вызовут смех. Но только не у меня. И потом, кто меня зовет! Не какая-нибудь одноразовая беллетристка Михрюткина, а сама знаменитая Канунникова!

— Испытательный срок — месяц, — голос Аглаи опустил меня с небес на землю.

— Интересно, его хоть кто-нибудь выдерживал?

Аглая позвенела браслетами на запястьях, стерла улыбку с лица и припечатала:

— Никто.

— Понятно.

Я опрокинула в себя коньяк. Будь что будет. Сейчас я скажу ей «да».

Но «да» пришлось отложить, поскольку к нашему столику подползли две упакованные мамзельки и в ритме хорошо темперированного клавира запричитали:

— Простите, ради бога! Вы... Вы не Аглая Канунникова?

— Да. Я могу вам чем-нибудь помочь? — Аглая была сама кротость.

Первая мамзелька толкнула вторую в бок, туго обтянутый прорезиненным платьем. И до меня донесся громкий шепот.

— Я же говорила тебе!..

— Мы такие ваши поклонницы, такие поклонницы... Мы вас видели по телевизору... Вы бы не могли оставить нам автограф?

— С удовольствием. На чем?

Поклонницы переглянулись, а потом одна из них щелкнула замком сумочки. Напрасный труд. Максимум, что могла поглотить сумочка, — набор презервативов, газовый баллончик и пачку жевательной резинки. Интересно, за что они ухватятся? Выбор невелик: салфетки, меню, карта вин и фольга от недогрызенного нами шоколада.

Ну, соображайте быстрее, кокетки!

Я и глазом не успела моргнуть, как Канунникова придвинула к себе «Роад Муви». Тот самый, который принесла в качестве затравки для разговора со мной. Девушки перестали мяться, едва лишь Аглая щелкнула ручкой.

— Если можно... Анюте и Марине.

Когда Анята и Марина, прижимая к себе журнал, удалились, я хмыкнула.

— Щедрый жест, — я вспомнила подшивку, которую изучала в Дашкином кабинете. — Пятьдесят рублей в розничной продаже.

— Мне он достался бесплатно. Подарок главного редактора.

Где Главный, там и Дашка. Теперь понятно, откуда Аглая узнала мой телефон. И совершенно ясно, что список почитательниц Канунниковой может быть расширен еще и за счет гостиничных шлюх. Аглая всем пришлось ко двору. И нашим, и вашим. Дашка бы в этом случае добавила: «за копейку спляшем»...

Что ж, пора говорить «да».

— У вас очень широкий круг читателей, Аглая... — Я вопросительно посмотрела на Канунникову, в надежде, что она подскажет мне отчество.

— Можете называть меня просто Аглая.

— Думаете, они вас действительно читали? — Я выразительно посмотрела в сторону девах, пришвартовавшихся к стойке.

— Думаю, они читали только букварь. И надписи на купюрах.

— Думаю, если бы вам пришлось в голову организовать своих фанатов в партию, вы прошли бы в парламент.

Аглая снова уставилась на меня.

— Не тратьте силы, девочка. Я ведь уже сказала вам, что вы довольно остроумны.

«Это как раз то, чего тебе не хватает», — мстительно подумала я. С чем с чем, а с юмором у Канунниковой было слабовато. Во всяком случае, в ее неспешных, обстоятельных детективах.

Но в любом случае пора сдаваться.

— Я согласна.

— Отлично. — Аглая, до сих пор окучивавшая меня в довольно неторопливом ключе, резко засобиралась. — Я позвоню вам в четверг. А теперь мне пора идти, я и так потратила на вас непростительно много времени. Расплатитесь, пожалуйста, по счету, и будем считать, что вы приступили к выполнению своих обязанностей.

Все произошло так быстро, что я даже рта не успела раскрыть. И опомнилась только тогда, когда в руках у меня оказались две пятисотенные. А Аглая, со спины напоминавшая разрядницу по спортивной акробатике, скрылась в дверях бара.

...Остаток недели был проведен в душевной смуте. Во вторник я запорола выкройку к балахону Северного оленя и укололась иголкой (последний раз это случилось со мной на уроке труда в пятом классе). А в среду отказала перспективной протеже мадам Цапник и сделала ручкой студийцам Дома культуры им. В. Кингисеппа. Я сожгла за собой все мосты и теперь убивала время, наблюдая за тем, как они горят.

Если Аглая не объявится, то...

Аглая объявилась в четверг, как и обещала. И сообщила, что в пятницу, в двадцать два часа, она будет ждать меня в Университете профсоюзов, после чего мы отправляемся на вокзал. Я покивала трубке головой, осторожно положила ее на рычаг и отправилась в ванную, собирать щетки, пасты, шампуни и пену для ванн.

— Сумасшедшая, — сказала я сама себе, стоило мне оказаться лицом к лицу с зеркалом. — И то, что ты собираешься сделать, — это авантюра чистой воды.

Мысль об аванюре не вылезала из моей башки все эти дни, хотя идею розыгрыша я отмела почти сразу. Не та персона, чтобы водить вокруг меня длинные, многофигурные хороводы с привлечением гостиничных шлюх в качестве солисток. Да и вряд ли такой занятой человек, как Аглая, может себе это позволить. А в том, что давешняя баба с яйцами и есть сама Канунникова, сомневаться не приходится: слишком уж лицо запоминающееся.

И расхвачанное большинством журналов, газет и телепрограмм с грифом «Для семейного просмотра».

— Сумасшедшая! — Я выдала на стекло остатки зубной пасты из

окаменевшего тубика: получился довольно красноречивый восклицательный знак. — Сумасшедшая. И диагноз поставить некому.

Это была чистая правда. Обычно советовала, заклинала и ставила диагнозы Дарья, но теперь — теперь совсем другое дело. Одно лишь упоминание о Канунниковой, один лишь слог ее имени действуют на мою подругу как красная тряпка на быка.

А то, что я собираюсь совершить, иначе чем предательством не назовешь. Я попрала нашу многолетнюю дружбу, я растоптала память об университетской спайке и попугае Кеше, я супостатка, сволочь, вероотступница, — и буду оставаться такой до конца дней своих. Или до конца дней Аглаи Канунниковой...

...Но до конца было еще далеко, и следующим вечером, в половине десятого, со свеженьким клеймом предательницы на щеке, я уже прогуливалась возле Университета профсоюзов, бросая косые взгляды на плакат:

«ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР АГЛАИ КАНУННИКОВОЙ. НАЧАЛО В 19.30»

За плечами у меня болтался рюкзак со шмотками на первое время, а на душе скребли кошки: перед самым выходом из дома на меня обрушился телефонный звонок.

Звонила Дарья.

Дарья, вестей от которой я и ждать-то перестала!

Она начала в своем обычном стиле — с наезда без знаков препинания: куда пропала архаровка я тут рву за тебя задницу пробиваю место поздравляю твоя статья вышла в последнем номере ты понравилась есть серьезное предложение приезжай без проблем поживешь у меня первое время в кройку и шитье пинком под зад тебя ждет Москва ну и как тебе такие новости?

Я выдержала мхатовскую паузу, а потом бухнула, как мне казалось, совершенно нейтральную фразу:

— Я подумаю.

Дарья откликнулась только через минуту:

— Не поняла? Что значит — «подумаю»? После того, что я сказала, ты уже должна быть на вокзале и штурмовать кассу.

— Я понимаю... Но у меня изменились обстоятельства...

— Какие обстоятельства?! Замуж вышла? Или уже родила, не дай-то

господи?

— Нет, но...

— Ты что? Не въезжаешь? — Дарья терпеть не могла, когда ее благородным порывам вставляли палки в колеса. — Место может уплыть...

— Вот если бы через месяц... Через месяц я бы могла сказать тебе точно...

— Через месяц ты будешь нужна только своей швейной машинке. Два дня. У тебя есть всего лишь два дня.

В трубке послышались безапелляционные гудки. Засранка! Ну почему, почему ты не позвонила неделю назад?.. Или хотя бы в понедельник утром?..

Я едва не расплакалась. Все было бы проще, если бы я не согласилась на предложение Аглаи — тогда бы у меня была свобода маневра. Но я согласилась и уже не могу взять свои слова обратно. Потому что обязательность — главная черта моего характера. Наряду с застенчивостью, мнительностью, первым разрядом по шахматам и абсолютной непригодностью к жизни. Дарья называет это «синдромом курочки Рябы». По большому счету, я и девственности лишилась только потому, что не смогла сказать «нет» первому попавшемуся подслеповатому мини-плейбою то ли с мехмата, то ли с геофака.

...Пока я мучилась угрызениями совести и проклинала собственную мягкотелость, из дверей Университета профсоюзов хлынула толпа просветленных фанатов Аглаи. Сама же Канунникова появилась только в начале одиннадцатого. К ней прилагались цветы и эскорт, который состоял из одинаково скучных мужчин и женщин. Аглая сразу же заметила меня и, спускаясь по ступенькам лестницы, бросила:

— Вы пришли. Очень хорошо. Поедете со мной.

И мы поехали.

Сначала был представительский «Мерседес». Потом — «Красная стрела».

А потом — в самом конце пути — Москва, в которую я не чаяла вернуться. И в которую возвращалась самым удивительным образом: по прихоти малознакомой мне женщины, знавшей толк в украденных поцелуях.

Если бы я только знала тогда, чем все обернется!..

...Аглая свила себе гнездо у метро «Аэропорт», в серой «сталинке», выходящей окнами на Ленинградский проспект.

Попасть в гнездо оказалось довольно затруднительным делом: и все из-за частокола людей, через который нам пришлось продираться. С таксистом, доставившим нас на место, все прошло более или менее гладко: очевидно, книжек Аглаи он не читал, многочисленные передачи с ее участием видел в гробу в белых тапках и потому попытался содрать с нас вдвое больше денег, чем стоила сама поездка. Мелкая склока завершилась победой Аглаи (в том, что она создана, чтобы побеждать, мне еще предстояло убедиться).

— Вы жлоб, голубчик, — сказала таксисту Аглая, когда мы покидали салон. — Рвач и хапуга, поверьте моему жизненному опыту!

Двор, куда привез нас таксист, был самым обыкновенным московским двором, отделенным от Ленинградки чугунной оградой и заросшим тополями.

Во дворе прогуливались мамаша с коляской, мужчина с ротвейлером, дворничиха со шлангом и два бездельника-подростка с дурными намерениями испытать китайскую пиротехнику. Чего я только не наслушалась за те три минуты, которые мы шли к угловому подъезду: «Здравствуйте, здравствуйте-здравствуйте! Прочли последнюю книгу, видели вас по телевизору, очень удачная программа, и вы такая замечательная!..»

А консьержка, охранявшая ближние подступы к подъезду, даже вышла из своего закутка, чтобы лично поприветствовать Аглаю («Не подпишете книжечку племяннице, она просто с ума по вас сходит!»).

Аглая на ходу подписала «книжечку» и потащила меня к лифту.

...Дверь нам открыла женщина лет сорока пяти.

— Здравствуйте, Искра, — вежливо поздоровалась Канунникова. — Ну, как наши дела? Как...

Договорить она не успела. Между ног обладательницы революционного имени проскользнуло какое-то странное существо, напомнившее мне освежеванную тушку кролика. Существо неистово залаяло и принялось прыгать на Аглаю.

— Здравствуй, Ксоло! Здравствуй, моя хорошая!.. Да, мама приехала! Да!

От радости собака тотчас же сделала лужу, и Аглая, оторвавшись от Ксоло, холодно бросила женщине:

— Что же вы стоите, Искра? Берите тряпку и за работу.

Женщина исчезла в глубине квартиры, а Аглая повернулась ко мне с тем же вопросом:

— Что же вы стоите, Алиса? Поздоровайтесь с Ксоло.

Возможно, это один из тестов, входящих в программу испытательного срока. И хотя меня выворачивало от одного только вида собаки, я присела перед ней на корточки и елеиным голосом произнесла:

— Здравствуй, Ксоло.

Собака тяпнула меня за палец. Не больно, но достаточно ощутимо. Аглая рассмеялась.

— Очень хорошо. Меня она тоже укусила при первой встрече. И за тот же палец, представьте себе. Думаю, вы подружитесь.

Еще не поздно было уйти. И из квартиры, и из жизни Аглаи; уйти, сославшись на аллергию на собачью шерсть. Но шерсти у проклятой Ксоло не было, и я сделала еще один неверный шаг в цепочке неверных шагов.

Я осталась.

И через пятнадцать минут уже восседала в гостиной, прислушиваясь к разговору на кухне, за стеной. Разговор шел на повышенных тонах.

— Как домработница вы бесперспективны, Искра, — вещала Аглая. — И никакой рекомендации я вам не дам, так что положите метлу и не имитируйте бурную хозяйственную деятельность!.. Или вы собрались лететь на ней!.. Не задерживаю!.. При чем здесь слезы?.. Меня не было неделю, и посмотрите, во что вы превратили кухню!.. Это что такое?! А это? А где кофейник?.. Ах, вы разбили его? Случайно?! Да у вас, как я посмотрю, руки под член заточены!..

Ответа несчастной Искры я не расслышала, но после него судьба домработницы была решена окончательно.

— Испытательного срока вы не выдержали. Вон отсюда! Во-он!

Так, с оставшейся за кадром безобразной сцены, началась моя служба у суперзвезды нового российского детектива Аглаи Канунниковой.

Очень скоро я поняла, что, нанимая меня на работу, Аглая слукавила.

Во-первых, найти квартиру в престижном районе (к которому, несомненно, принадлежал пятачок у метро «Аэропорт») за сто пятьдесят баксов было просто нереально. А каждый день ездить в центр из какого-нибудь богом забытого Перова или Алтуфьева, а тем более из подмосковного Зеленограда, мне вовсе не улыбалось. Пришлось пожертвовать частью причитающихся мне денег и снять однокомнатную халупу в Авиационном переулке, в десяти минутах ходьбы от Аглаино дома.

Во-вторых, функции личного секретаря оказались довольно

размытыми. Я и понятия не имела, что в них могут входить мытье посуды, ежедневная влажная уборка квартиры и прогулки с ненавистной мне Ксоло, лопаткой и пакетиком для собачьего дерьма (Аглая, видите ли, была страстной поборницей чистоты улиц. И даже приняла участие в образцово-показательном социальном ролике: «Звезды против грязи»).

Третьим пунктом была работа с письмами. Я получила ключ от абонентского ящика на почте и дважды в неделю выгребала оттуда горы посланий. Они были самыми разными, эти послания: от здравниц и восторгов по поводу Аглаиногo творчества до смиренных просьб помочь деньгами и продуктами. Попадались и рукописи. Романы, рассказы, заметки из жизни правоохранительных органов и преступных сообществ.

На каждое из этих писем я должна была давать ответ: Аглая очень заботилась о своей репутации. Два моих первых (пробных) опыта эпистолярного общения с поклонниками были одобрены.

— Отлично, девочка, отлично, — сказала Аглая, пробежав их глазами. — Я в вас не ошиблась. Я и сама написала бы так же. Если бы у меня было время отвечать на всякий вздор. И если бы я была такой же простушкой, как и вы.

Я фыркнула носом, всем своим видом выражая негодование.

— Ну, не дуйтесь. Людям нравится, когда с ними разговаривают вот так, запросто. Это их успокаивает.

Интересно, кем она себя мнит? Уж не Богородицей ли на сносях?

— И вот еще что, — не унималась Аглая. — Поблагодарите за рецепт слоеного пирога. Кажется, он был в письме. Напишите, что непременно им воспользуетесь.

— Вы?

— Я, конечно. Вы же пишете от моего имени.

Сдобу и сладости Канунникова презирала. А в домашних условиях питалась исключительно кофе, базарным творогом и сырым, мелко наструганным и посоленным мясом. Все это закусывалось витаминами (американский сбалансированный комплекс на каждый день — в пластмассовых коробочках). Творог, мясо и покупка витаминов тоже были на мне, как и проклятая Ксоло, исподтишка хватавшая меня за икры.

За неделю до окончания испытательного срока я взбунтовалась. Время для бунта было выбрано самое неподходящее: Аглая только что вернулась с записи программы «Формула успеха» и пребывала в самом мрачном расположении духа. Она ненавидела публичные выступления, ее равно раздражали и недоброжелатели (за то, что они не желают ей добра и готовы утопить ее в чайной ложке), и оголтелые фанаты (за то, что они любят ее

слишком сильно).

Иногда мне казалось, что весь мир находится у Аглаи Канунниковой на пресловутом испытательном сроке. И что если бы она могла, то уволила бы этот мир без выходного пособия да еще запустила бы ему вслед комнатным тапком.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказала я, посыпав зеленью ломтики сырой телятины и ставя тарелку перед Аглаей.

— Говорите, — милостиво разрешила она и принялась за мясо. — Но сначала, если вас не затруднит, налейте мне водки. Телевидение так утомляет... Никогда не становитесь знаменитой, девочка, это вылезет вам боком.

Как будто у меня есть выбор!.. Я — совсем непочтительно — плеснула водки в стакан (эксцентричная Аглая пила водку из граненых, еще доперестроечных общепитовских стаканов) и произнесла:

— Меня не устраивает мое нынешнее положение. Я разбираю вашу почту, я трачу свою жизнь на бессмысленные, никому не нужные ответы какой-то тете Мане из Уссурийска и дяде Феде из Гусь-Хрустального... Я сижу на телефоне, я договариваюсь о встречах, я отбираю вопросы для интервью... Я отбираю материалы для сайта... Я даже готова терпеть ваше хамство, вы имеете на него право. Но ходить на рынок, стирать белье, выгуливать вашу собаку... Я же не домработница, в конце концов!

— Вы не домработница, — успокоила меня Аглая. — Домработницы не задерживаются у меня больше недели. Вам удалось продержаться три, вы корректны, исполнительны, не суете нос в мой рабочий кабинет. Вы меня устраиваете.

— А вы меня — нет.

Аглая расхохоталась.

— Тогда почему вы все еще здесь?

Действительно, почему я все еще здесь?

Этот вопрос я и сама задавала себе каждое утро, вылезая из кровати и влезая в джинсы. Этот вопрос я задавала себе, когда чистила зубы и вытаскивала из абонентского ящика кипу писем, адресованных Аглае Канунниковой.

В жизни своей я не видела такой высокомерной стервы. Такой расчетливой стервы. Такой циничной стервы. Стервы, полной намеков. Стервы, полной тайн. Конечно, я подозревала, что все эти тайны и выеденного яйца не стоят. И связаны разве что с оригинальным способом заточки карандашей или настаиванием спирта на укропе с чесноком.

Но как они подавались!..

Одна из комнат в квартире Аглаи была отведена под кабинет. За те три недели, в течение которых я исполняла свои псевдосекретарские функции, мне ни разу не удалось переступить его порог. О том, что в доме существует запретная зона, Аглая предупредила сразу же.

— И прошу вас, девочка, никогда не заглядывать ко мне. Есть ли я дома, нет меня — неважно. Это требование не кажется вам таким уж невыполнимым? — Она поднесла руку к подбородку — очевидно, для того, чтобы потереть воображаемую Синюю Бороду.

— Не кажется, — соврала я. — Я нелюбопытна.

— Нелюбопытных людей не существует в принципе. Это — генетическая аномалия. А вся проблема заключается в том, чтобы хорошенько взнуздать свое любопытство. А затем вовремя дать ему по рукам. Вы меня поняли?

— Да...

Мне был отведен крошечный девятиметровый закуток между кабинетом и кухней. Большую часть закутка занимала лежанка для дневной дуры-Ксоло (ночная дура-Ксоло всегда спала с хозяйкой). Лежанка была заполнена стегаными одеяльцами, кусками шелка с ярким геометрическим рисунком, подушками в латиноамериканском стиле. Мне же достался стол у окна (с компьютером и принтером), спартанский стул (очевидно, для того, чтобы не расслабляться и честно зарабатывать производственный геморрой) — и телефон. Иногда я подавляла в себе желание ухватить проклятый аппарат и разбить его равнодушно поблескивающую кнопками голову о стену.

Звонили каждые пятнадцать минут, а не снимать трубку было нельзя. На этот счет я тоже получила инструкции Аглаи. Вместе с инструкциями мне был предоставлен список изданий, с которыми можно иметь дело. И список изданий, которые нужно посылать к чертовой матери.

Кроме того, я обязана была отслеживать все публикации о ней и все упоминания ее имени в прессе. А в конце каждой недели — предоставлять об этом полный отчет. Аглая следила за высказываниями о себе так же ревниво и внимательно, как любая другая женщина следила бы за кожей лица.

Кожа не должна увядать. Имя Канунниковой — тоже.

Истинное предназначение отчетов (так же, как и архива публикаций, который надлежало холить, нежить и пополнять) выяснилось чуть позже, когда Аглая выдала мне пару томов своих произведений — для ознакомления с творчеством. По странному стечению обстоятельств, все злодеи в них носили фамилии журнальных и газетных обидчиков

Канунниковой.

И не только журнальных и газетных. К ним вплотную примыкали недостаточно вежливые кассирши в супермаркетах, недостаточно расторопные официанты в ресторанах, недостаточно сообразительные таксисты и недостаточно воспитанные тинэйджеры, вооруженные роликовыми коньками и универсальным выражением «Куда прешь, старая курва!». Словом, все те, кто хоть когда-нибудь позволил себе неосторожный жест или косой взгляд в сторону Великой Аглаи.

Иногда мне даже казалось, что и писать-то она начала исключительно для того, чтобы заниматься интеллектуальным киллерством: роль бумажной убийцы, типографского ангела мщения удавалась ей лучше всего.

Да, именно так. Аглая была чудовищно мстительна.

Эта кровожадность в подборе материала так и осталась для меня непонятной. Другое дело, если бы она была слепоглухонемой, прикованной к инвалидному креслу, старухой. С переведенным в формат Брайля двухтомником «Ярмарки тщеславия» под мышкой. С целым букетом сопутствующих радостей — от подагры до воспаления щитовидной железы.

Или все дело было в какой-то трагической любовной истории?

Кой черт, любовная история! Любовная история предполагает наличие хотя бы одного, даже самого захудалого, мужичонки.

У Аглаи же вообще не было мужчин. То есть, возможно, они и были — в какой-то прошлой жизни. Но я и намек на них не застала. Как не застала намек на все остальное. Ни одной детской или семейной фотографии, ни одного дружеского звонка, ни одной милой безделицы, привезенной откуда-то из-за границы.

Дом ее был функционален и безлик, посуда — функциональна и бесхитростна, одежда — функциональна и удобна, макияж — функционален и практичен (чтобы глаза и губы не потерялись на лице безвозвратно). Даже ковров она не завела — из соображений функциональности. Даже свою собаку она именовала Ксоло, по второму названию породы — ксоло, ксолоитцкуинтли. Ксоло — и никаких проблем с кличкой. Если бы у Аглаи был ризеншнауцер, он наверняка именовался бы Ризен, если доберман — то Добер... И пошло-поехало...

У меня оставалась надежда, что настоящая жизнь настоящей Аглаи Канунниковой прячется за стенами ее рабочего кабинета. Но проверить это было невозможно. Дверь кабинета всегда запиралась на ключ. В обычные дни Аглая практически не покидала его — если не считать короткого

перерыва на так называемый «ланч».

Обедать она предпочитала вне дома.

В полном одиночестве.

Я же оставалась в квартире вместе с Ксоло — терзаемая самым ужасным комплексом, который только можно себе представить: комплексом жены Синей Бороды.

Каждый день моего пребывания в доме Аглаи мог стать последним (ведь меня никто не удерживал насильно) — и не становился.

Или все дело было в слабостях Аглаи? Милых, небрежно скрываемых слабостях?

Она была привязана к своей собаке, маленькому чудовищу, один вид которого приводил меня в содрогание. Она читала Ксоло стихи на испанском (я сама это слышала, приставив к стене литровую банку и приложив к ней ухо). Она обожала старое французское кино, она умело обращалась с серебром (с десятков колец на ее пальцах вовсе не выглядел вульгарно); она могла сделать своей сообщницей любую вещь, она была по-детски равнодушна к деньгам... В ее доме не было ни одной пепельницы, хотя курила она как паровоз, стряхивая пепел куда попало.

И потом — она была удивительным собеседником.

Если, конечно, снисходила до меня.

Это случалось нечасто, но случалось. Мы никогда не говорили об обыденных вещах — на них ей было наплевать. Но она так умела препарировать человеческую природу, что у меня даже дух захватывало. Если бы она только захотела!..

Если бы она только захотела — она могла бы основать любое учение, любую секту.

Если бы только она захотела — она могла бы без всяких последствий ограбить Национальный резервный банк США, музей Гугенхэйма, ближайший ларек.

Если бы она только захотела — она бы могла заарканить любого мужика. Любого — или всех сразу. И дело было не в ее деньгах и не в ее славе — дело было в ней самой.

Даже самый распоследний жиголо бы дрогнул, даже Иисус Христос бы не устоял, клянусь, — если бы только она захотела!

Но она не хотела и, наверное, поэтому выбрала для себя этот совершенно неопределенный возраст. Хотя — с ее точеной фигуркой и высокими девичьими скулами — могла безнаказанно оставаться тридцатилетней. Но ей нравилось быть чуточку древней, как какая-нибудь Лилит^[3]. Это означало быть свободной и от страстей, и от секса, и от

вопросов давно умерших родителей: «Почему ты не родишь, дорогая, ведь годы-то идут...» И от вопросов подружек в сауне: «Когда же ты выйдешь замуж, дорогая, ведь годы-то идут...»

Аглая дала на эти вопросы кардинальный ответ: «Возраст ожидания прошел, ловить нечего, так что оставьте меня в покое. И не мешайте мне писать». Тем более что ни родителей, ни подруг у нее не было. Было только одно — «писать».

Писать — это получалось здорово.

Писать — соблазн и соблазнение одновременно.

Если бы она захотела — она могла бы написать великую книгу. Библию-2, до которой не было бы дела ни подружкам в сауне, ни давно умершим родителям.

Но Аглая писала детективы.

Она писала детективы, которые читали все. Детектив как жанр и популярность, с ним связанная, развратили ее. Сделали слишком зависимой от этой популярности. Заставили идти на любые ухищрения, чтобы ее сохранить.

И тогда круг замкнулся. И Аглае Канунниковой понадобился личный секретарь, чтобы разгребать дерьмо ее славы. И подкармливать производителей дерьма.

Почему я все еще здесь?..

— ...Тогда почему вы все еще здесь? — снова переспросила меня Аглая. — Мучаетесь комплексом жены Синеи Бороды?

Не в бровь, а в глаз!

— Или не можете понять, что же я представляю собой на самом деле? — Она продолжала добивать меня. — Ни одной семейной фотографии, ни одного дружеского звонка? Ни одного бесцельного визита. Ни одного приглашения на вечер встречи выпускников. Никто не поинтересуется, как поживает мой хронический бронхит...

— Как поживает ваш хронический бронхит? — растерянно спросила я.

— Как всегда. Хотите водки?

— Хочу, — пить водку мне вовсе не улыбалось, но пить водку с Аглаей... Так близко к себе она меня еще не подпускала.

— Доставайте стакан.

Мы напились.

Вернее, напилась я.

А очнулась оттого, что кто-то страстно облизывал мне лицо. Я не почувствовала никакого отвращения, тем более что последним кадром моего гиперсексуального сна был кадр с Бывшим. Далее должны были

следовать титры («во время съемок ни одна женщина не пострадала»), но титры меня не интересовали.

Так что пора просыпаться.

Я открыла сначала один глаз, потом другой. Черт возьми, сплошная проза! Я лежала на собачьем диванчике, в груди подушек, а ошалевшая от такого соседства Ксоло тыкалась языком мне в щеку.

— Не подлизывайся, — простонала я. — Все равно я тебя ненавижу.

И, спустив ноги с диванчика, побрела в ванную, принимать душ.

Только стоя под струями воды, я сообразила, что нахожусь у Аглаи. И что ночую в ее доме. Это открытие так потрясло меня, что я напрочь забыла о том, как плохо переношу спиртное в больших количествах и как долго болею после подобных возлияний.

Я впервые ночевала в ее доме!

Это было все равно что переночевать в божьих яслях, при большом стечении волхвов.

Холодный душ отрезвил меня, и я почувствовала что-то вроде угрызений совести. Господи, какую чушь я плела, как я хотела хоть чем-то поразить ее! Все мои домыслы об Аглае Канунниковой были вывалены на стол, приправлены обличительным пафосом и тщательно перемешаны с тонкими ломтиками сырого мяса.

Кажется, я тоже ела это сырое мясо. А вдруг у меня будут глисты?!

Или она меня уволит.

Она меня уволит после вчерашних показательных выступлений, и к гадалке ходить не нужно!

Наскоро вытершись хозяйским полотенцем, я выскочила из ванной и на цыпочках двинулась обратно, в свой секретарский закуток. Для того чтобы попасть в него, нужно было пройти мимо Аглаинового кабинета. Сколько раз я совершала этот путь при свете дня, сколько раз останавливалась возле заветной двери! За ней были написаны все ее вещи. За ней Аглая начала писать свой последний роман.

Об этом романе уже пошли слухи в околосредовой среде. Слухи исходили от самой Аглаи. О нем она вещала во всех своих последних интервью. «Это будет моя лучшая книга», — намекала она одному изданию. «Это будет совершенно необычный для меня роман. Роман, в котором я предстану совершенно в ином качестве», — обещала она второму. «Прежней Аглаи Канунниковой не будет никогда», — пугала она третье.

В умении заворачивать интригу вокруг собственной жизни и собственного творчества ей не было равных. И Аглая добила своего:

книга еще не была написана, а за нее уже начали борьбу несколько крупных издательств. Я и сама оказалась вовлеченной в перипетии этой борьбы: не было дня, чтобы не раздавался телефонный звонок по поводу «возможной... э-э... публикации... э-э... госпожи Канунниковой... э-э... в нашем издательстве. Вы бы не могли... э-э... передать ей...».

Отчего же не передать, только все это — пустые хлопоты.

Ни большие деньги, ни раскрутка ее не волновали. Она раскрутилась задолго до последнего романа, а что касается денег... Деньги были для Аглаи такой же функцией, как и все остальное.

...Из-под плотно закрытых дверей Аглаинового кабинета просачивалась узкая полоска света. Не спит, надо же! Хотя чему удивляться, я ведь тоже не сплю.

В меня как будто вселился бес филологического вуайеризма: плохо соображая, что делаю, я приблизилась к дверям и попыталась заглянуть в замочную скважину (раньше я и подумать не могла о таком святотатстве!). Но все было тщетно: с противоположной стороны в дверях торчал ключ. Тогда я приложила к ним ухо: в кабинете кто-то разговаривал.

Черт возьми, что значит — «кто-то»? Аглая, вот кто!

Интересно, с кем она беседует? Насколько мне известно, телефона в кабинете нет, как нет ни телевизора, ни даже самого завалященького радиоприемника (это отвлекло бы примадонну от работы). Но не может же она разговаривать сама с собой, да еще среди ночи!

Хотя... Что я могу знать о ночах Аглаи?..

Мореный дуб, из которого были сооружены двери, не оставлял практически никаких шансов, но все же мне удалось разобрать обрывок одной-единственной фразы:

«...не стоит мне угрожать. И шантаж у вас не пройдет. Это напрасная трата времени».

Пока я переваривала услышанное, в кабинете раздались шаги. Кто-то приближался к двери. За которой стояла я, да еще в красноречивой и совершенно недвусмысленной позе. Встреча с кем бы то ни было (а тем более с самой хозяйкой) вовсе не входила в мои планы, и через десять секунд я уже лежала на диванчике, в холодных объятиях Ксоло.

Просто потому, что больше прилечь было негде. А лучше всего мне думается в горизонтальном положении. Постельная страсть к анализу всегда подводила меня, из-за нее я не слишком преуспела как сексуальная партнерша. Неизвестно, когда во мне выработался этот рефлекс, но он выработался: легла — думай! И никаких посторонних занятий любовью.

А подумать было о чем.

Во-первых, Аглае кто-то угрожает.

Во-вторых, ее пытаются шантажировать.

И, в-третьих, ей плевать на шантаж. Как и на все остальное.

Но я слишком мало знала об Аглае, чтобы уложить услышанное хоть в какой-то контекст. А — следовательно, должна узнать больше. Двигимая этим совершенно естественным желанием, я соскочила с лежанки, едва не раздавив при этом голозадую и голоногую Ксоло, и направилась к своему рабочему столу. Там, в нижнем ящике, стояла моя универсальная литровая банка, ловко закамуфлированная под емкость для ручек и карандашей.

Стараясь не издавать лишних звуков, я вынула карандаши и приставила банку к стене. Возможно, кое-что прояснится.

Но ничего и не думало проясняться. В кабинете не было слышно ни звука. Кроме равномерного постукивания с интервалом в секунду пятнадцать-двадцать. Постукивание отдаленно напоминало удары метронома.

И больше ничего.

Но, черт возьми, ведь кто-то вынудил Аглаю произнести: «...не стоит мне угрожать. И шантаж у вас не пройдет. Это напрасная трата времени».

Довольно скоро у меня стали затекать руки (как оказалось, «заточенными под член» они бывают не только у неудавшихся домработниц); банка из подслушивающего устройства превратилась в орудие пытки, а потом...

Потом за моей спиной раздался ласковый шепот:

— Подслушиваете, маленькая дрянь?

Банка выпала у меня из рук и с оглушительным звоном разбилась. С таким же оглушительным звоном разбилась моя недолгая карьера личного секретаря. Я прилипла к стене, не решаясь обернуться. Но боковым зрением видела, как Аглая уселась на диванчик и взяла Ксоло на руки. И принялась легонько поглаживать ее лысый, вытянутый череп.

Никакой сцены не последовало, и я вдруг почувствовала сожаление: если бы Аглая разошлась, она бы наверняка одарила меня парочкой афоризмов.

— Мне собирать вещи? — спросила я, наконец-то обернувшись.

— Вещи? — Она удивленно приподняла брови. — Какие вещи? Разве у вас есть здесь вещи?

— Кое-что накопилось, — я ухватилась за край стола. — Блокнот, ручки, точилка для карандашей, две пары туфель...

— Кстати, насчет туфель. Совсем забыла вам сказать... Ваши шпильки портят паркет. Подыщите себе что-нибудь другое, домашние тапочки,

например...

Интересный поворот.

— И все? — я не верила своим ушам.

— Ах да. Соберите осколки.

— И все?

— Все остальное — утром.

Или через пару-тройку месяцев. Я наверняка буду фигурировать в ее новой ослепительной книге как главная злодейка. Жестокосердная маньячка, растлительница школьников выпускных классов с уклоном в оккультизм и черную магию. Может быть, даже каннибалка. Или (чур меня, чур!) охотница за наследством.

— Только не делайте меня охотницей за наследством, — гори все огнем, я тоже умею хлопать дверью напоследок. Особенно, если за ней бродит призрак шантажа.

— Воздержусь, — успокоила меня Аглая.

Уже выйдя из комнаты, она остановилась. И растянула губы в дружеской улыбке.

— И вот еще что, Алиса. Если к вам ни с того, ни с сего начнут приставать молодые люди... Скажем, любители виниловых пластинок... Или баночного пива... Или барда Олега Митяева... Хорошенько подумайте, прежде чем на радостях глотать противозачаточные пилюли.

— ?!

— У любого издательства найдется в колоде не один десяток смазливеньких валетиков... Которые не прочь стать королями...

* * *

...Разбитая банка не имела никаких последствий.

Аглая не выкинула меня из дома, совсем напротив. Она даже презентовала мне деревянный стаканчик для карандашей: на нем с самым суровым видом восседала революционная тройка обезьян — ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу.

Я была тронута.

И довольно быстро забыла прискорбный ночной инцидент. И не вспоминала о нем два месяца, пока он сам не напомнил о себе.

Это случилось в самом начале октября, в самом начале недели и в

самом начале новой жизни. Именно новой. Накануне вечером мы с Аглаей ужинали в маленьком кафе при маленьком кинотеатрике. Кинотеатрик этот носил довольно странное и совершенно нетипичное для подобных заведений название «КИНО — ЭТО ПРАВДА 24 КАДРА В СЕКУНДУ». И прозябал в самой глубине Замоскворечья, очевидно, стесняясь такого длинного и претенциозного имени.

В кинотеатрике крутили фильмы буйных пятидесятых. И нежных шестидесятых. Всем остальным фильмам более поздних, здравомыслящих времен вход был строго запрещен.

Неизвестно, каким образом Аглая пронюхала о существовании «КИНОЭТОПРАВДА24КАДРАВСЕКУНДУ», но теперь мы посещали его каждую неделю, по воскресеньям. Ради этих воскресных культпоходов, ради какой-нибудь выцветшей Дельфин Сейриг^[4] в выцветшей копии «В прошлом году в Мариенбаде» Аглая откладывала все светские тусовки и презентации, на которые ее приглашали.

В тот вечер шли «Украденные поцелуи», осененные все той же кукольной головкой Дельфин Сейриг, и Аглая была в особенно приподнятом настроении.

Да еще кафе с музыкальным автоматом и барменом, облаченным в раритетную шерстяную безрукавку и с узким галстуком на шее...

— Когда я пойму, что больше не могу написать ни строчки, — сказала Аглая, — то устроюсь сюда кассиром. Вы даже не представляете, как я об этом мечтаю!

— Не написать ни строчки? — за три месяца работы я заслужила право на небольшое изысканное хамство (по квоте — раз в две недели, не чаще).

— Может быть, может быть... Конкурентная борьба не для меня. А книжный рынок — это прежде всего конкурентная борьба. Со своими жертвами, между прочим.

— Ну, вам пока ничто не угрожает, Аглая.

— Вот именно — пока.

— Когда вы закончите ваш эпохальный роман? — Это был вопрос из категории запрещенных, но кофе, который мы пили, был так хорошо заварен!.. Следовательно, у Аглаи не должно возникнуть повода сердиться.

— Он написан. Осталось только как следует вычитать его и внести последние правки... Думаю, к Новому году управлюсь. И вот еще что, Алиса. Я бы хотела, чтобы вы занялись составлением сводного глоссария к моим книгам. У вас должно получиться. Да и мне было бы интересно заглянуть в него на досуге. И не только мне.

— А... кому еще?

— Сумасшедшим немцам. Вы согласны? Возможно, это не то, о чем вы мечтали...

— Не то?.. Почему не то? Конечно, я попробую... Это ведь касается ваших последних переговоров?

Совсем недавно Аглая вернулась с Франкфуртской книжной ярмарки, где получила предложение от одного крупного немецкого издательства о публикации собрания сочинений. Поскольку у читающих, видите ли, немцев неожиданно возник стойкий интерес к *Kriminalgeschichte*^[5] фрау Канунниковой. До этого были еще и англичане с итальянцами, но итало-английскую эпопею Аглаи я не застала.

— Да, это касается моих последних переговоров. Завтра в четыре из Мюнхена прилетает переводчик. Некто герр Райнер-Вернер Рабенбауэр, я уже встречалась с ним в Германии. Не самый приятный человек, мягко говоря. Но довольно сносно лопочет по-русски.

— Не самый приятный?

— Единственное достоинство этого господина заключается в том, что ему не нужно объяснять на пальцах русскую ненормативную лексику.

Аглая скорчила гримасу, происхождение которой мне было понятно: приезжал всего лишь Райнер-Вернер, а не Кристоф-Франсуа, например. Или Жан-Пьер. Или Жак-Анри. Франция, родина «Украденных поцелуев», была по-прежнему равнодушна к творчеству Аглаи.

— Займитесь этим немчиком, Алиса.

— Сегодня же напишу плакат для встречи в аэропорту.

...Я действительно приехала в Шереметьево с плакатом и с очередной пачкой писем, которую еще с утра вытащила из абонентского ящика (письма я намеревалась почитать по дороге, чтобы ожидание герра Райнера-Вернера Рабенбауэра было не таким тоскливым). Эта пачка, вернее, одно из писем в пачке так испортили мне настроение, что я едва не пропустила объявление о прибытии самолета «Люфтганзы», следующего рейсом из Мюнхена.

Письмо было засунуто в блеклый конверт без обнадеживающего обратного адреса. Я ненавидела отсутствие обратных адресов: как правило, за ними скрывались сладострастные пасквилянты, тихопомешанные защитники литературы Большого Стиля или секс-хулиганы, готовые залить спермой из своих худосочных брендспойтов любое, даже едва тлеющее, книжное откровение. Подобные письма я никогда не показывала Аглае и, как правило, выбрасывала в корзину прямо на почте. За исключением особо выдающихся или особо циничных образцов. Они и составили

небольшую подборку, которая хранилась в нижнем ящике моего рабочего стола.

Непонятно зачем я собирала их. Все эти заскорузлые листки. Все эти с мясом вырванные и испохабленные страницы из Аглаиных книг с приписками: «Вот, спустил давеча на твою героиню, полюбуйся. С женой так не получается последние пять лет...» Или — «Вы не просто графоманка, вы графоманьячка!». Или — «Я, потомок выдающегося писателя Козьмы Пруtkова, подаю на вас в суд за осквернение великого и могучего русского языка!».

Предчувствуя нечто подобное, я вскрыла конверт. Из него выпал листок с одной-единственной, набранной крупным шрифтом фразой:

«БОЙСЯ ЦВЕТОВ, СУКА!»

Листок не понравился мне. Очень не понравился. Я работала у Аглаи несколько месяцев и за это время выудила из почты с добрых два десятка подметных цидулок.

Подать в суд за осквернение великого и могучего — было.

Подать в суд за литературный плагиат — было.

Подать в суд за использование имени и фамилии в произведении — было.

Но такой странной угрозы на моей памяти не было. Да и сукой Аглаю Канунникову никто не называл, разве что очаровательные коллеги по детективному цеху, да и то в семейном кругу. И при чем здесь цветы?..

Нужно поскорее избавиться от записки и забыть о ней. Наверняка какой-то сумасшедший, не иначе. Сумасшедший, с литературным словом «сука» наперевес.

Но выбросить конверт я не успела — появились первые ласточки с рейса Мюнхен — Москва. И мне ничего не оставалось, как поднять табличку: «RAINER WERNER RABENBAUER».

За первыми ласточками последовали менее расторопные щеглы, потом пришел черед основной стаи, и под самый занавес косяком пошли неторопливые, слегка потрепанные в боях с таможней удоды.

Райнер-Вернер оказался бакланом.

Он вышел последним — когда я уже потеряла всякую надежду на встречу. Баклан приблизился ко мне и сказал:

— Райнер-Вернер — это я. Вы представитель фрау Канунниковой?

Я кивнула.

— А где же сама фрау?

— Я — ее личный секретарь.

Аглая, как обычно, слукавила: Райнер-Вернер не просто хорошо говорил по-русски. Он говорил по-русски практически без акцента. Хотя легкий акцент все же был: он живо напомнил мне специфический говорок завсегдаев одесского Привоза.

— Меня зовут Алиса.

— Ага. Как Алиса в стране чудес?..

— Как «Алиса здесь больше не живет»^[6], — отрезала я. Терпеть не могу когда начинают прохаживаться по моему не слишком удачному имени.

— Понятно. А я — Райнер-Вернер. Впрочем, вы это уже поняли. — Он склонил голову набок и принялся разглядывать меня самым бесцеремонным образом.

Я тоже не осталась в долгу.

Райнер-Вернер был типичным немчурой из культурфильма времен Третьего рейха «Наш вермахт». Коротко стриженные, зачесанные назад белые волосы, правильной формы череп, правильной формы глаза, правильной формы нос... А на монументальном подбородке Райнера-Вернера могла бы развернуться танковая армия Гудериана. Без всякого стеснения. И еще осталось бы место для Рейхсканцелярии и Бранденбургских ворот.

Массивная голова немца была посажена на такие же массивные плечи. Опустить взгляд ниже я не рискнула: уж слишком вызывающе бугрились узкие райнер-вернеровские джинсы. Самые сексуально озабоченные джинсы, которые я видела в своей жизни.

Так и не дойдя до границ тайной радости нимфоманок, я снова повернула обратно и уткнулась в левое немецкое ухо с болтавшимися там двумя серьгами (о, майне кляйне^[7] Райнер-Вернер, вермахт бы этого не одобрил!). На мизинце тоже что-то серебрилось, но рассмотреть перстень я не успела. Немец поправил сумку на плече и по-свойски обнял меня.

— Что будем делать? — спросил Райнер-Вернер. В его контексте это прозвучало как: «С какой позы начнем?»

— Я отвезу вас в гостиницу, — сказала я. В моем контексте это прозвучало как: «Я честная женщина и последний раз имела секс четыре года назад. По телефону».

— А фрау Канунникова? — В его контексте это прозвучало как: «Можем и втроем. Она за главную, ты на подхвате».

— Фрау Канунникова ждет вас завтра с утра, — в моем контексте это прозвучало как: «Займись-ка ты лучше самоудовлетворением, мальчуган».

Райнер-Вернер понимающе засопел. И больше не сказал ни слова. В

полном молчании мы вышли из аэропорта и погрузились в такси.

Разговор возобновился только в районе дорожного указателя «ХИМКИ». Майне кляйне Райнер проводил взглядом бетонные соты и произнес.

— Давно мечтал побывать в России.

— Вы очень хорошо говорите по-русски, — сказала я только для того, чтобы что-то сказать. Мечты немецкого жеребца меня не интересовали. И еще это дурацкое письмо!..

— Моя мать была русской.

— Правда? Просто замечательно.

— Ничего замечательного в этом нет. Она нас бросила, когда мне было полтора года. С тех пор я ее не видел.

— Извините.

— Ничего. Я уже вырос.

Мы снова замолчали, тем более что на горизонте замаячила Москва.

— Это Москва? — спросил Райнер-Вернер.

— Москва, — односложно ответила я.

— Давно мечтал побывать в Москве.

— Да, я понимаю, — гид из меня никудышный, это точно.

«БОЙСЯ ЦВЕТОВ, СУКА!» Первые два слова выглядели как предупреждение. Последнее было явной угрозой. А этот странный, так до конца и не подслушанный мной разговор в кабинете? Тогда Аглае тоже кто-то угрожал. Я понятия не имела о существовании вопроса, зато мне достался ответ: *«...не стоит мне угрожать. И шантаж у вас не пройдет. Это напрасная трата времени»*.

А самым удивительным было то, что к воспоминаниям об этой ночи мы больше никогда не возвращались. Аглая сделала вид, что ничего не произошло, я подыграла ей, и тема закрылась сама собой. И еще Ксоло! Чтобы хоть как-то ладить с лысой тварью, я прочла кое-какие статьи о ксолоитцкуинтли. Собаки этой породы так и норовят провести ночь в постели хозяев. Аглая поощряла дурные наклонности Ксоло, она сама говорила мне об этом. А ту — единственную — ночь Ксоло провела со мной. Аглая вернулась в кабинет, а Ксоло осталась.

Это было нарушением правил. Она никогда не нарушила бы правил, если бы не была так взволнована.

Было и еще одно нарушение: она оставила меня. Хотя предыдущая соискательница места вылетела только за то, что один-единственный раз оказалась подозрительно близко от дверей кабинета. А мне все сошло с рук. Интересно, почему?.. Может быть, она решила, что я слышала гораздо

больше, чем я услышала на самом деле? И на всякий случай решила придержать меня?..

— Простите! — напомнил о себе Райнер-Вернер. — Я бы хотел, чтобы вы показали мне вот это... Если, конечно, у вас будет время...

Он расстегнул рюкзак, деловито покопался в его внутренностях и протянул листок из блокнота. На листке четким готическим почерком были выведены несколько адресов с довольно экзотическими комментариями.

1. **Малый Татарский переулок, 4/1, флигель во дворе** — пироманьяк (7 пожаров в административных зданиях, 35 погибших);

2. **Ул. Василисы Кожинной, 2, центр «Ваш досуг»** — детское порно (подпольная студия, продажа кассет в страны Западной Европы);

3. **2-я ул. Усиевича, 13, подвал** — сатанисты (осквернение могил, ритуальные убийства подростков не старше 15 лет);

4. **Бульвар Матроса Железняка, центр госпитализации и перевозки рожениц** — врачи-убийцы (использование abortивного материала для медицинских опытов, похищение младенцев)...

Далее следовало еще девять пунктов, но и первых четырех мне было достаточно. Я искоса посмотрела на потомка Зигфрида:

— Что это?

— Достопримечательности, которые мне необходимо увидеть.

У меня отвисла челюсть. А на то, чтобы водворить ее на место, понадобилось несколько минут. После чего я робко спросила:

— Может быть, лучше начать с чего-нибудь... менее душераздирающего? С Красной площади, например? Или с храма Христа Спасителя?

Райнер-Вернер сразу же поскучнел:

— Да, конечно. О Христе Спасителе я как-то не подумал...

— Где вы раздобыли все эти ужасы? — Я напрягла память, но ни одного громкого процесса, связанного с пироманьяком или сатанистами, не вспомнила (хотя по поручению Аглаи отслеживала все судебные новинки). А врачи-убийцы стойко ассоциировались у меня лишь с почившим в бозе Иосифом Виссарионовичем. — И кто вам дал такую информацию?

— Это моя работа, — Райнер-Вернер осклабился и явил мне клыки — непорочно-белые, как стены аббатства св. Бригитты Шведской.

— Ваша работа? — изумилась я.

— Я перевожу русские детективы. Все эти места подробно описаны в книгах. Я хотел бы увидеть их воочию, получить, так сказать, эмоциональный заряд... Для переводчика это важно.

Я мысленно прогундосила осанну Аглае Канунниковой: до чего

метресса никогда не опускалась, так это до использования в своих книгах абортивного материала.

Остаток пути до гостиницы я вполуха слушала разглагольствования Райнера о брутальности русского детектива, а также о его излишней, почти клинической, физиологичности. Когда же такси притормаживало у светофоров, немец переходил к лирическим отступлениям. Из них я узнала, что папашка Райнера — der erhabene Mann^[8] и к тому же владеет маленькой типографией в Нюрнберге. Что он на всю жизнь остался верен русским женщинам (последняя русская жена оттяпала у папашки полдома, но это пустяки). И что сам Райнер написал исследование по русской же ненормативной лексике. И теперь несказанно радуется, когда находит знакомые слова в переводимых им детективах (а радоваться приходится часто). Что с писательницей такого калибра, как фрау Канунникова, он работает впервые, и это большая честь для него (до сих пор Райнер-Вернер месил дерьмо одноразовых триллеров, хотя и в них находил свою прелесть).

Кроме того, простой, как пачка маргарина, бундес два раза срыгнул, три раза испортил воздух и непрерывно чесал в паху.

Когда мы (наконец-то!) подъехали к гостинице «Минск», где для души Райнера был заказан номер, свершилось то, что должно было свершиться: я его возненавидела.

И укрепилась в своей ненависти еще больше — после того, как он шепнул мне на прощание:

— Вы не подскажете, meine liebe^[9] Алиса, где я могу найти проститутку?..

* * *

...Я так ничего и не сказала Аглае о письме.

Я просто сунула конверт в нижний ящик стола и решила забыть о нем. Забыть получилось на следующий же день, когда в квартире Канунниковой нарисовался оглашенный немец.

Но до этого был еще тихий вечер с Аглаей.

— Ну, и как вам этот гибрид платяного шкафа с вибратором? — спросила она, стоило мне только переступить порог.

— Ужасно, — я рассталась с Рабенбауэром не больше сорока минут

назад, и поэтому впечатления от встречи были особенно сильны. — Вы собираетесь с ним работать?

— Вы. Работать с ним будете вы. Я, к сожалению, даже не смогу появиться в его обществе.

— Почему?

— Он смотрится как профессиональный жиголо. Даже если на него натянуть профессорскую мантию, усадить в инвалидное кресло и дать в руки воздушный шарик. Все подумают, что Аглая Канунникова завела себе жеребца на старости лет. И предается порочным страстям. А у меня репутация.

А у меня, выходит, нет.

— Вы можете представить его как прототип героя вашей новой книги, — сказала я первое, что пришло на ум.

— Я не пишу порнороманов. Отдала их на откуп своим конкуренткам.

Я с тоской взглянула на Ксоло, вертевшуюся у ног хозяйки. И впервые почувствовала к мерзкой собачонке нечто вроде симпатии. Все познается в сравнении, а после Райнера-Вернера любой твари можно выдавать нимб и подержанные крылья.

— Говорят, он неплохой переводчик. Прекрасно чувствует язык, — утешила меня Аглая. — Особенно разговорный. Последние несколько лет специализируется на боевиках и триллерах. Легко обучаем. И к тому же — наполовину русский.

— Да. Он только не сказал, на какую именно половину.

— Думаю, на худшую. Ну, не расстраивайтесь, девочка. У вас еще будет время, чтобы расстроиться...

...Райнер-Вернер Рабенбауэр не уронил засаленного стяга немецкой пунктуальности. Он появился ровно в одиннадцать, распространяя вокруг себя запах мускусного ореха. Я было подумала, что прошедшую ночь мюнхенский козлик провел в объятьях негритянки, но все оказалось гораздо проще: запах шел от большого бумажного пакета, который Райнер-Вернер держал в руках. Из пакета выглядывали фиолетовые листья какого-то растения. Листья самым безыскусным образом переходили в небольшие бледно-красные цветочки.

При виде Аглаи немец пришел в восторг. Он долго лобзал Аглаины перстни и кольца — так долго, что я начала беспокоиться. Но все обошлось. Спустя две минуты Аглая вырвала руку и с милой улыбкой солгала:

— Рада видеть вас, Райнер.

— А это вам! — еще шире улыбнулся немец и протянул Аглае пакет. А

потом неуверенно добавил: — Видимо, вам.

Аглая сорвала листок, потеряла его и повела носом:

— Базилик, — сказала она. — И что мне с этим делать?

Немец на секунду задумался.

— Засушить. И использовать как приправу. Замечательная вещь.

— Да. Вы большой оригинал, Райнер.

Действительно, большой оригинал. Притаранить пряность в качестве букета — до этого нужно додуматься. Базилик, надо же! Но это в стиле оставленного в Нюрнберге простака-папочки — дешево и практично.

Жалкий тип.

Мы эскортировали жалкого типа на кухню, где был приготовлен завтрак из серии «Утро с писателем». Интеллигентный кофе, полные скрытого достоинства тосты, нервный сыр со слезой и поджарый, тонко раскатанный пирог с клубникой из ближайшей кулинарии.

Райнер-Вернер уселся на стул, жалобно под ним скрипнувший, и осмотрел угощение.

— Я думал, что все будет по-русски.

— По-русски? — насторожилась Аглая.

— Ну да... Икра и водка.

Так и есть. Жалкий тип. А с учетом метелки, которую он приволок, малыш Райнер не заслужил даже панировочных сухарей.

Видимо, Аглая думала точно так же.

— Вы переводите не те книжки, Райнер. И понабрались всякой чепухи. Поверьте мне, что завтрак по-русски выглядит именно так, как он должен выглядеть.

— Теперь я буду переводить нужные книжки, — Райнер ухватился за кусок сыра. — Вас, *meine liebe*. Поверьте, для меня это большая честь.

— Охотно верю.

Пока я варила кофе, они обменивались литературными любезностями, неспешно принюхиваясь друг к другу. Немец, как ни странно, оказался на высоте: книги Канунниковой читал, в названиях не путался и к тому же непрестанно нахваливал метрессу, как нахваливают неожиданно получившийся плов. Когда поток панегириков в адрес таланта Аглаи иссяк, сыр был съеден, а кофе выпит, Райнер-Вернер (привычно срыгнув) перескочил на Москву, в которой не провел и суток. Но за это время уже успел поднабраться впечатлений.

— Я гулял всю ночь, — доверительно сообщил он и сунул руку под стол: очевидно, для того, чтобы проверить, не потерялся ли член во время гуляний. — Москва — очень красивый город. И Россия — замечательная

страна.

— Ну да, — заметила Аглая. — Замечательная. Если ты родился кедровой шишкой.

— Не понял?

— Давайте обсудим некоторые аспекты нашей будущей работы.

— А как же кедровые шишки? — Несмотря на свой идеальный русский, некоторые вещи Райнер понимал слишком буквально.

— Шишек вы себе еще набьете. Обещаю.

...Аглая оказалась не совсем права. Большинство шишек досталось мне.

Немец проторчал в Москве неделю, и за это время добил меня окончательно. И дело было не в его профессиональных качествах: как профессионал герр Рабенбауэр был почти безупречен (насколько я вообще могла судить со своим слабосильным университетским Deutsche^[10]), разве что ему не хватало легкости и изысканности Аглаинового стиля. Как редактор своих собственных переводов он был основателен. Как переводчик, работающий с иностранным автором, — любознателен и дотошен.

Но все остальное!

Чем больше я узнавала Майне Кляйне, тем чаще задумывалась о его матери. Не на пресного же нюрнбергского папашу пенять, в самом деле! Должно быть, мать Райнера была хамоватой потаскухой, склонной к бродяжничеству, алкоголизму и промискуитету^[11]. К тому же ее, еще в младенчестве, наверняка выкрали цыгане. И привили любовь ко всему блестящему.

Райнер-Вернер тоже любил все блестящее: кроме двух серег в ухе, он был счастливым обладателем нескольких цепей с медальонами, серебряного браслета и перстня на мизинце. И хотя немец никогда не представал передо мной в неглиже, я нисколько не сомневалась, что пупок у него проколот, а на детородном органе висят серебряные бирюльки в стиле инь и ян.

Наш совместный завтрак с Аглаей был первым и единственным.

Всю последующую неделю мы встречались на нейтральной территории — и только вдвоем: Аглая была слишком занята романом. После совместного распития кофе где-нибудь в недорогой забегаловке следовали прогулки по городу. Эти прогулки (Райнер уверял, что они необходимы ему для погружения в российскую действительность) были для меня сущей пыткой. Во-первых, Райнер-Вернер не пропускал ни одной юбки, да еще взял за правило обсуждать со мной достоинства и недостатки

всех проходящих мимо женщин. Во-вторых, он донимал меня расспросами на весьма специфическую тему: что может понравиться русской женщине в... «Ну, вы меня понимаете, Алиса».

Я поджала губы и высказалась в том плане, что шляться с ним в качестве гида по Москве я, так и быть, согласна. Но в том же качестве вышивать по койкам — извините, нет. Больше на эту тему понятливый немец не заговаривал. Зато переключился на Аглаю.

— Расскажите мне о фрау Канунниковой, — попросил он.

— Без комментариев, — ответила я. Этой фразе научила меня сама Аглая. «Без комментариев» — главное и единственное оружие личного секретаря.

— Но я не смогу уловить дух автора, не зная автора.

— Сможете, — уверила его я и добавила: — Самое интересное в Аглае — это то, что она пишет. Поверьте мне.

Последняя сентенция тоже принадлежала Аглае и была с успехом опробована ею в многочисленных интервью.

— Она была замужем?

— Без комментариев.

— У нее есть дети?

— Без комментариев.

— Как давно вы у нее работаете? Вы — ее родственница?

— Без комментариев.

— Когда вы в последний раз занимались сексом, Алиса?

— Без комментариев, — привычно пробубнила я. И тут же осеклась, а проклятый немец расхохотался, чрезвычайно довольный собой.

— Очень остроумно, Райнер. И, кстати, что мы тут делаем?

Только теперь я сообразила, что мы стоим возле станции метро «Алексеевская». И сердце мое тревожно сжалось. Совсем недалеко отсюда, на улице Бочкова, жила позабытая мною Дашка. Несколько раз я порывалась набрать ее номер и несколько раз клала трубку. Да и что я могла ей сказать? Что живу теперь в Москве и работаю у Канунниковой?

Этого она не переживет.

Быть может, потом, как-нибудь, при случае... Когда Канунникову перестанут читать... Или когда саму Дашку начнут печатать... Но внутренний голос подсказывал мне, что ни того, ни другого в ближайшее время не случится.

— ...У меня здесь встреча. Маленькая встреча. На пять минут. А после этого — Музей детектива, как вы и обещали. А потом...

Договорить Райнер-Вернер не успел. А я не успела дослушать. Потому

что в поле моего зрения появилась... Дашка.

Только этого не хватало! И что она делает возле метро, ведь у нее же тачка! Появление Дарьи было таким неожиданным, что я не нашла ничего лучшего, как спрятаться за широкую спину дружественной нам Германии. И затихла.

У меня еще была слабая надежда, что Дашка пройдет мимо и юркнет в метро (кто знает, может, бесшабашная «Мазда» скоропостижно скончалась в пробках), но Дашка остановилась возле Райнера. Более того, Райнер нагнулся к ней, и до меня донесся звук поцелуя. А потом и Дашкин голос:

— Держи свой рюкзак, дорогуша.

Я намертво приклеилась к широкому ремню Райнер-Вернера: слово «дорогуша» все объясняло. «Дорогушами», еще с университетских времен, Дарья называла мужчин, с которыми спала. Но как ей удалось переспать с темпераментным куском баварской сосиски и — главное — откуда она выцепила его?!

— Как насчет сегодняшнего вечера? — утробным басом проворковал Райнер.

— Я занята, освещаю презентацию одной попсовой книги, но если ты хочешь... — многообещающим альтом проворковала Дарья.

— Хочу, — Райнер качнулся вперед, обнажая тылы, и это неосторожное движение стоило мне подруги.

Дарья отстранила загребущие лапы немца и во все глаза уставилась на меня. Дернула себя за нос. Открыла рот и снова закрыла его. И снова открыла.

— Ты! — заорала Дарья, готовая броситься мне на шею. — Ты в Москве! А я-то ума не приложу, куда ты делась...

Она уже сделала шаг ко мне навстречу, когда туго соображающий Райнер-Вернер ляпнул:

— Кстати, познакомься, это секретарь Аглаи Канунниковой. Я говорил тебе...

Даже если бы пакостный бундес представил меня как самку американского таракана *Periplaneta americana* — даже тогда на лице Дашки не отразилась бы такая гамма чувств.

— Ты?! Секретарша этой выскочки? — Видимо, не в силах переварить подобную новость, она повернулась к Райнеру-Вернеру. — Она?!

— Она, — немец слегка опешил. — А вы знакомы?

Дарья не удостоила его и взглядом. Теперь она смотрела только на меня.

— Значит, она. Секретарша. Цепная собака у климактерички с

причудами. Бледная поганка. Синий чулок. Целка-невидимка, как ты изволил выразиться.

На немца жалко было смотреть.

— Я совсем не то... Ты не поняла... Это просто цитата из одной русской книги... Я цитировал... Die Shrecken!..^[12] — не договорив, он схватился за голову.

— Заткнись! — синхронно сказали Райнеру мы с Дашкой.

— Пристроилась? — ехидно спросила Дарья. — И когда только успела?

— Успела, — ссориться с Дарьей не входило в мои планы, но теперь я почувствовала приступ ярости. Целка-невидимка, надо же!

— Значит, подштанники уже не кроишь?

— Нет.

— Конечно, не кроишь. Ты теперь их стираешь. — Дашка расхохоталась, чрезвычайно довольная собой. — Или чем ты там занимаешься, секретарша?..

Закончив уничижительную тираду, Дарья бросила такое же уничижительное «пока», развернулась на сто восемьдесят градусов и двинулась к пешеходному переходу. Через несколько секунд баварское отродье пришло в себя и даже попыталось припустить за оскорбленной Дарьей, но вовремя сообразило, что Аглая в моем лице — верный источник денег за перевод. А роскошная русская девушка Дарья — всего лишь интрижка на стороне.

— Мне так жаль, Алиса... Очень неловко получилось, — промямлило отродье.

— Да уж, — я подождала, пока Дашка скроется в переходе. — Значит, бледная поганка? Синий чулок? И... Как это вы еще изволили выразиться? Целка-невидимка?

Райнер-Вернер затряс пудовым подбородком.

— Нет-нет, что вы... Я был неправильно понят. Это цитата из русской книги. Я просто рассказывал вашей знакомой... Это ведь ваша знакомая, да?.. Я просто рассказывал ей о своей работе. И о той чести, которую мне оказала фрау Канунникова...

— К вашему сведению... Я была замужем. И неоднократно, — здесь я явно преувеличила. В моем активе был лишь «Дервиш взрывает Париж», вовремя сменивший меня на призовую лошадь Тамару Константиновну. А также два неудавшихся гражданских брака — один длиной в месяц, другой — в три дня.

— Я не имел в виду ничего дурного... Я просто счастлив работать с

очаровательной помощницей знаменитой писательницы...

— Это которая климактеричка с причудами? — уточнила я.

Райнер-Вернер умоляюще прижал руки к груди и принялся что-то лепетать по-немецки. Потом снова перешел на русский. Как же он был мне отвратителен!

— Я надеюсь... Что этот прискорбный случай... это страшное недоразумение не повлияет на наши отношения.

— Повлияет. Еще как повлияет, — заверила я Райнера-Вернера и пошла в сторону метро. Пришибленный случившимся Райнер поплелся за мной.

Какое счастье, что завтра этот дебил убирается восвояси! Я, конечно, ничего не скажу Аглае, но... Интересно, где он познакомился с Дашкой? Нет, спрашивать его об этом я не буду. Много чести.

Терпения у меня хватило только до эскалатора. Я искоса посмотрела на топчущегося рядом немца и спросила:

— Где вы познакомились?

Он несказанно оживился. Но еще больше оживилась малосимпатичная мне область райнеровского таза. Райнер — совершенно произвольно — повилял бедрами и заискивающим голосом произнес:

— О, это знакомая моего приятеля. Он тоже немец, но уже несколько лет живет в России, изучает инвестиционный климат... У него много друзей среди богемы — актеры, музыканты, журналисты. Два дня назад он пригласил меня на вечеринку. Годовщина какого-то журнала. Там мы познакомились... И Дарья пригласила меня на кофе...

Зиппер Райнера заскрипел, а поясной ремень щелкнул языком. Пригласила на кофе, как же!.. Сколько же нужно было его выпить, чтобы забыть рюкзак? А характеристики, которыми снабдило нас с Аглаей это чмо? Интересно, когда у него развязался язык — до кофе или после койки?

— А вы знакомы с ней? — В голосе немца сквозило жгучее любопытство.

— Знакомы.

Сейчас он наверняка скажет: «Надо же, как тесен мир!»

— Надо же, как тесен мир! — промурлыкал Райнер. — Ну, вы больше не дуетесь?

Я не дулась, но в Музей детектива мы так и не пошли.

...Первое, что я увидела, вернувшись в квартиру Аглаи, был большой бумажный пакет, стоящий у двери. Я присела перед ним на корточки и заглянула внутрь. Из пакета торчали головки желтых гвоздик. Их было безвкусно много — я насчитала не меньше четырех десятков. Какой-то

сумасшедший поклонник, не иначе. И то, что цветы у двери, легко объяснимо: Аглая никому не открывает, потому что к ней никто не ходит. А с парламентарями из жэка и «Мосэнерго», как правило, веду переговоры я. На меня никто не пялится и не просит оставить автограф на счете за свет.

Впрочем, происхождение цветов легко выяснить.

Я спустилась к консьержке, и она сообщила мне, что цветы действительно принесены Аглае; что принес их парнишка в «шапке козырьком назад, как называется, забыла, тьфу ты, черт»; что содержимое пакета проверено, взрывчатки не обнаружено и мин нет.

И передайте привет нашей писательнице, она такая талантливая, такая талантливая, мы все ждем ее новую книгу!..

Гвоздик в пакете было ровно сорок восемь — я обнаружила это уже в квартире, когда вынула их, собираясь поставить в две вазы (в одну они не помещались). Это не слишком мне понравилось, это не соответствовало правилам — ведь количество цветов в букете должно быть нечетным.

Даже такое — сорок восемь!

Не сорок семь и не сорок девять — сорок восемь! Делится на две вазы без остатка — в любых возможных вариантах. А может быть, Аглае исполнилось сорок восемь лет, я ведь до сих пор не знаю ни месяца, ни дня ее рождения... Ей исполнилось сорок восемь, и кто-то поздравил ее таким оригинальным способом.

Очень оригинальным: нечетное число — для живых, четное — для мертв...

Один цветок все-таки лишний.

Его нужно отделить от общей массы, и тогда все встанет на свои места. Я заберу его к себе в закуток, будет очень мило. Успокоенная этой мыслью, я отогнала Ксоло, вертевшуюся у меня под ногами. И она с пакетом от цветов в зубах отправилась на лежанку.

А через несколько минут на кухне появилась Аглая.

— Очень мило, — сказала она, мельком взглянув на гвоздики. — У вас появился поклонник?

— У вас. Эти цветы — ваши.

— Сомневаюсь.

В эту же секунду я тоже засомневалась. Я посмотрела на букет ее глазами; этому я, слава богу, научилась за три месяца — смотреть на все ее глазами. Гвоздики и вправду были слишком просты для утонченной Аглаи, от них пахло почетными грамотами, одеколоном «Красная Москва» и колоннами пролетариата, стершего зубы на стройках социализма.

— Ну не выбрасывать же, — протянула я.

— Зачем же выбрасывать? Поставьте их у себя.

Остаток дня я провела в окружении гвоздик.

Из-за них я потратила целых полтора часа на очередное письмо, с которым обычно справлялась за двадцать минут. Из-за них я прочно застряла на термине «рогами шевелить» и плотно примыкающему к нему словосочетанию «рогач беспредельный», которые украшали страницы первого романа Аглаи. А теперь должны стать украшением ее глоссария.

Она ни от кого не ждала цветов. Цветы просто положили под дверь. И при них не было никакой записки...

Стоп.

Записка все-таки была. Мысль о ней пронзила меня электрическим током. Как я могла забыть! Она ведь и сейчас лежит в нижнем ящике моего стола!

Стараясь унять бешено колотящееся сердце, я отодвинула ящик и дрожащими руками вытащила папку с грифом «**ПАСКВИЛЯНТЫ. АНОНИМЫ. ГОРОДСКИЕ СУМАСШЕДШИЕ**». Дорого бы я дала за то, чтобы одно-единственное послание из этой папки никогда не приходило.

Но письмо было на месте. Полузабытое письмо с полузабытой угрозой:

«БОЙСЯ ЦВЕТОВ, СУКА!»

Вот они и пришли, цветы, все сорок восемь — довольно красноречивое четное число.

Стоило мне вынуть листок из конверта, как прежние, довольно абстрактные, страхи вспыхнули с новой силой. Я еще раз осмотрела гвоздики — теперь они не казались мне такими уж безобидными. Напротив, их растрепанные головки вдруг ожили, резные лепестки свернулись в трубочки и вытянулись в мою сторону.

Ничего опасного на первый взгляд.

Ни пистолетного дула, ни кинжального ребра. А что, если цветы обработаны каким-нибудь ядом?! Чем-нибудь вроде ртути или таллия? А я даже не знаю, как они выглядят. И можно ли ими хоть что-нибудь обработать... Господи, ну почему у меня в школе была тройка по химии?!

Несколько секунд я прислушивалась к себе: нет, ни тошноты, ни головокружения. И волосы не лезут пучками. И никаких резей в желудке, а о других симптомах отравления я не слышала и не читала. Да и в книгах метрессы злодеи никогда не использовали яды. Удавки из манильской пеньки, струнные карнизы, холодное оружие всевозможных размеров и модификаций — от мачете и самурайских мечей до вязальной спицы; и

старые добрые «макаровы», которыми так славно проделать дырку в черепе, — все это было. А вот ядов — не было.

Нужно избавиться от цветов. И чем быстрее, тем лучше.

Аглая накрыла меня, когда я тащила охапку гвоздик к двери.

— Все-таки решились? — сочувственно спросила она.

Я покраснела и пролепетала что-то невнятное, в духе: «Вот, решила забрать их с собой, если вы не возражаете».

Она не возражала.

...В последующие полтора месяца — до самой середины декабря — были присланы еще два букета желтых гвоздик — братья-близнецы первого. Борьба с цветами стала неотъемлемой частью моего существования. А бороться было с чем: телепередачи с участием Аглаи Канунниковой пошли косяком. В каждом уважающем себя эфире ей торжественно вручали традиционный букет роз. На творческих встречах выбор оказывался более широким: корзины хризантем от организаторов, связки гвоздик от любителей ее ранних — жестких — вещей. И задумчивые анемоны от ценителей поздней Аглаи — мастера детектива «закрытой комнаты».

Справляться с бесконечным потоком флоры было достаточно легко — Аглая не питала к цветам никакой любви. За все это время мы схлестнулись лишь однажды — по поводу симпатяги-бонсай.

Карликовое деревце было преподнесено «любимой писательнице» недавно вернувшимся из Токио чинушей. Чинуша служил в одном из департаментов, еще не погорел на взятках и по самому малейшему поводу мотался за границу. Книги Аглаи стали для него чем-то вроде «самолетного чтения», с которым даже перелет Москва — Сидней оказывался не более продолжительным, чем перегон Планерная — Новоподрезково.

Бонсай умилил Аглаю и насторожил меня: еще бы, на деревце красовались мелкие цветочки, а лицо чинуши не вызывало никакого доверия. Это было лицо садиста, поднаторевшего на порке розгами социально не обеспеченных слоев населения.

Аглая так крепко прижала бонсай к груди, что я сразу же поняла: мне придется туго.

— Прелесть, не правда ли, Алиса? — сказала она, когда мы вернулись в квартиру на метро «Аэропорт».

Я пожала плечами.

— Пожалуй, я поставлю его у себя в кабинете...

Только этого не хватало!

— Не думаю, что это хорошая идея, — я ухватила за горшок и

потянула бонсай к себе.

— Уберите руки, — голос Аглаи не предвещал ничего хорошего.

— Не уберу.

— Уберите.

— Не уберу.

Мы тащили деревце в разные стороны, и никто не мог одержать полной и окончательной победы. Пока в дело не вмешалась Ксоло. Собачонка подпрыгнула, ухватила меня за рукав и, шлепнувшись на пол, громко залаяла. От неожиданности Аглая выпустила горшок, а я, лишившись опоры, рухнула на пол. Вместе с бонсаем.

— Вы сошли с ума? — через секунду поинтересовалась Аглая, осматривая обнаженные корни деревца.

— Почти, — я тяжело дышала.

— Что происходит?

— Вы не должны... Не должны были приносить его домой.

— Подите к черту.

— Я пойду. Но хочу предупредить вас. Вы не должны принимать никаких цветов. Ни от кого. И не должны оставлять их в квартире.

— Она сошла с ума, Ксоло, — за неимением других собеседников Аглая апеллировала к собаке, которая пыталась лизнуть ее в лицо. — Я приняла на работу шизофреничку с манией преследования.

— Пусть так... Но вы не знаете...

Путаясь и сбиваясь, я рассказала Аглае о письме, максимально смягчив эпистолярные угрозы и опустив слово «сука». Аглая терпеливо выслушала меня до конца и рассмеялась.

— Так вот что вас взволновало, девочка? Покажите мне его!

— Я... Я его выбросила. Невозможно хранить такую гадость в доме.

— О чем еще я не знаю? — Аглая сменила гнев на милость. — Сколько их было, подобных писем?

— Одно. Только одно.

— Когда вы его получили?.. Подождите, попробую догадаться сама...

Незадолго до того, как в доме появились желтые гвоздики, да?

Я кивнула головой.

— И вы решили взять на себя функции телохранителя? Я вас недооценивала...

Неужели прибавит жалованье?

Но ни о чем подобном Аглая даже не заикнулась. Совсем напротив, прочла мне лекцию о том, что каждый популярный человек должен быть готов к такого рода неожиданностям. И что это — всего лишь

необременительная мзда. Копеечный билетик за проезд к станции под названием «Слава».

— И вы даже не знаете, кто мог вам послать цветочную метку?

— Понятия не имею. Слишком изысканно, чтобы подозревать первого встречного. Может быть, коллеги по цеху забавляются...

— Коллеги по цеху? — удивилась я.

— Мы, деятели масскульта, люди тяжелые. Не самых лучших душевных качеств, уверяю вас. Чужая популярность для нас — кость в горле. Стоит появиться кому-то свеженькому... Кому-то, кто чуть лучше перелицевал сюжеты Агаты Кристи... Или Чейза... Или красавчика Жапризо... И все. Конец карьере. Имя забыто. А ничего более тоскливого, чем забытый кумир, человечество не придумало.

— Так вы думаете...

— Лучше об этом не думать, — Аглая подмигнула мне. — И вообще, скоро вы с ними познакомитесь.

— С кем?

— С моими коллегами по цеху. Под Питером намечаются съемки одной любопытной передачи... Вы едете со мной. Так что повеселимся.

Я едва не упала от удивления. До этого Аглая не выказывала никакого желания пастись на одном лугу с прочими авторессами, даже больше — все ее публичные отзывы о них были окрашены легкой брезгливостью.

— А цветы? Что делать с цветами? А вдруг это не пустая угроза?

— Это пустая угроза. Не берите в голову.

— Но....

— Ничего страшного не случится... Ведь до сих пор же не случилось, правда? Но если вдруг... Если вдруг я паду, пронзенная стрелами молодого бамбука, обещайте мне, что присмотрите за Ксоло...

— Глупости.

— Обещайте.

Я пообещала.

Я пообещала, и бонсай был торжественно установлен в кабинете Аглаи. Больше я его не видела.

Впрочем, Аглаю я тоже почти не видела: она заканчивала роман. Тот самый, который должен был явить широкой литературной общественности новую Канунникову. Аглая почти не выходила из кабинета; иногда я и понятия не имела — дома она или нет. Ради последних страниц был заброшен даже кинотеатрик «КИНОЭТОПРАВДА24КАДРАВСЕКУНДУ» и наши воскресные в нем посиделки. Я не слишком переживала по этому поводу, тем более что теперь мне приходилось выдерживать натиск

эмиссаров нескольких издательств. Эмиссары жаждали вырвать у строптивницы права на издание романа.

Аглая только посмеивалась: она придерживала товар, чтобы впоследствии получить за него по максимуму.

— И как долго это будет продолжаться? — Я была измотана телефонными звонками и потому имела законное право на этот вопрос.

— Перенесем решение на начало следующего года, девочка.

— До начала следующего года я не доживу.

— Ничего. Съездите на съемки, развеетесь. Питер ваша родина, кажется?

Надо же, она не забыла! Я была тронута.

За неделю до нашего отлета Аглае передали сценарий новогодней программы «Играем в детектив», а еще спустя четыре дня в Москве всплыл Райнер-Вернер. Немец привез только что переведенное «Такси для ангела» и теперь жаждал заключить договор на перевод следующей книги.

Декабрьский Райнер оказался намного симпатичнее октябрьского. И все потому, что предстал пред нашими очами в тулупе, валенках и косматой ушанке из собаки. Тулуп скрывал от посторонних глаз его глупую, чрезмерно развитую мускулатуру и слишком много о себе возомнивший пах. А ушанка делала немца похожим на скотника с обветшалой колхозной фермы.

— Где вы достали эту прелесть, Райнер? — спросила у него Аглая.

— О, это подарок. Немцы из Казахстана, очень приличная семья. Натурализовались в Германии несколько лет назад. Я обучал их языку...

— Только не раздевайтесь, — шепнула я Райнеру, когда мы остались одни. — Так у вас будет больше шансов на договор.

— Вы думаете?

— Уверена в этом.

Немец отнесся к моим словам серьезно. Настолько серьезно, что даже кофе пил в тулупе, держа шапку на коленях. Он не настаивал на водке, не упоминал всуе паюсную икру, ни разу не срыгнул, трижды удачно пошутил, еще столько же — мелко польстил «unbegr[e^[13] фрау Аглае», а в заключение добавил, что удовольствие, которое она доставила ему своим романом, может сравниться разве что с удовольствием от...

В этом месте Райнер на секунду замолк и закатил глаза.

С удовольствием от группового секса со сборной по синхронному плаванию, — мысленно закончила я.

«С удовольствием от Германа Гессе, фрау Аглая».

Герман Гессе, надо же! Бедный ты бедный, не иначе, как с работой у

тебя совсем тухло, если ты так цепляешься за эти переводы...

— Он тоже пишет детективы? — ревниво спросила Аглая.

Райнер-Вернер несколько озадачился, и, пока обдумывал ответ, Аглая выдала такое, что я чуть не свалилась со стула:

— У нас намечается маленькое приключение за городом, Райнер. Не хотите присоединиться?.. Мы чудно проведем время, обещаю вам...

...Зачем она позвала немца, о котором столь непочтительно отзывалась еще совсем недавно? Быть может, все дело было в сценарии телепередачи? Я прочитала этот сценарий не единожды, но так и не смогла понять, чем же он прельстил Аглаю.

Написать подобную лабуду можно было только с тяжелого похмелья. И с такого же похмелья взяться за ее реализацию. А предполагаемый антураж! Старинный особняк, винтовые лестницы, оплывшие свечи, треснувшие зеркала, пыльные портьеры и сразившая меня наповал ремарка «в камине потрескивают дрова». Ремарка встречалась в сценарии раз пятнадцать и, очевидно, была главным двигателем сюжета.

За исключением приглашенных на съемку авторов детективов, разумеется.

Их — вместе с Аглаей — было четверо. И все они (во всяком случае, в сценарии) скрывались за аббревиатурами: СС, ТТ, ММ и АК.

Я не стала спрашивать о них у Аглаи, чтобы лишний раз не травмировать метрессу. Особенно после ее программных высказываний о конкуренции в масскульте.

О конкурентах — как о мертвых: либо хорошо, либо ничего. Это первое правило любого, даже самого незначительного, интервью деятеля массовой культуры. Никакой рекламы. Аглая выбрала «либо ничего» и за несколько звездных лет успела так выдрессировать журналистов, что уже никто не приставал к ней с вопросом: «Дружите ли вы с кем-нибудь из женщин-детективщиц?»

Соратницы по криминальной бойне платили Аглае той же монетой.

В этом я убедилась, покопавшись в мутной жижице Интернета. Там же я выловила сведения о СС, ТТ и ММ.

Аббревиатуры расшифровывались не так воинственно, как могло показаться на первый взгляд: Софья Сафьянова, Теодора Тропинина и — донельзя романтическая — Минна Майерлинг. Софья Сафьянова и Теодора Тропинина сотрудничали с издательством «Око-пресс», специализировавшемся на русопятом вале криминала. Ни одного сомнительного псевдонима, всем авторам выдается булава с мечом-кладенцом, после чего они формируются в полки и дружины. И с криком

«Сарынь на кичку!» отправляются штурмовать книжные развалы.

Софья Сафьянова и Теодора Тропинина были лицом издательства. Сафьянова (как бывший работник прокуратуры) специализировалась на полицейском романе. Тропинина же оседлала иронический детектив и ваяла по десятку книг в год.

С Минной Майерлинг дела обстояли несколько иначе. Ее коньком был мистический триллер и бесчисленное количество сносок в текстах. И отсылки к картам Таро, Костанеде и сериалу «Восставшие из ада». Под нее даже организовалось издательство с красноречивым названием «ВЕЛИАР»^[14]. Минна Майерлинг представлялась мне чахоточной вамп с браслетом на ноге и цыганщиной во взгляде. Одно имя чего стоило! Одно, покусанное вампирами, имя! Ах, Минна, Минна, несостоявшаяся супруга Дракулы...

Ну, а с АК...

С АК все было ясно. Аглая Канунникова, Автомат Калашникова, направленный прямо в сердце читателя. А мы с бесхитростным Райнером-Вернером будем вынуждены играть роль автоматных рожков. Мы — всего лишь свита знаменитой писательницы. Именно поэтому она берет нас с собой, вторым и третьим номером после голозадой Ксоло. Именно поэтому мы летим самолетом, а не едем поездом, как все остальные. Все эти СС, ТТ и ММ. Именно поэтому мы прибываем на полдня позже.

Именно поэтому я сижу сейчас в кресле между Аглаей и Райнером-Вернером и меланхолично жду посадки в аэропорту Пулково.

И начала игры.

Мы будем играть королеву, играющую в детектив...

Глава 2

За шесть часов до убийства

...В аэропорту нас встречал утонченный молодой человек, представившийся режиссером программы. У режиссера было довольно экзотическое восточное имя, запомнить которое не представлялось никакой возможности. И после того, как Аглая несколько раз мило переврала его, режиссер предложил укороченный вариант — Фара.

Все сошлись на том, что «Фара» звучит по-свойски и располагает к доверительным отношениям.

В джипе, который должен был доставить нас к месту назначения, Аглаю ждали подмерзшие розы и еще один нацмен.

Нацмен являл собой полную противоположность аристократическому Фаре: плоское блинообразное лицо монгольского божка, узкие глазки и лоснящиеся черные волосы (без тюленьего жира здесь не обошлось, как пить дать!). Божок был облачен в лисью доху и снабжен четками из хорошо отшлифованного черного агата.

— А это наш радушный хозяин, — с ходу охарактеризовал нацмена Фара.

— Чингисхан местного разлива? — шепнула ему Аглая. Она умела говорить комплименты.

— Почти. Любезно согласился предоставить свой дом на время съемок.

— Улзутуев. Дымбрыл Цыренжапович, — Чингисхан местного разлива вполне по-европейски лизнул руку Аглае. — Читайте ваши книги. Видел вас по телевизору. Рад приветствовать. Счастлив принять у себя. Надеюсь, вам понравится.

— Уже нравится, — пропела Аглая, и неизвестно, к чему это относилось: к самому божку, к его лисьей дохе или к джипу с четками. — Куда вы нас везете, Дымбрыл Цыренжапович?

Черт возьми, она ни разу не споткнулась на имени! Несчастный режиссер Фара даже позеленел от ревности.

— У меня небольшой домик на берегу озера. Это севернее Петербурга. Заповедные места.

— Никогда не была в заповедных местах. А вы, Алиса?

Деревня Замогилы Псковской области — вот предел моих мечтаний. И ближние пригороды Питера с очумевшими туристами. И мелкий, покрытый

тиной и нефтяной пленкой Залив. Озера — совсем другое дело. Озера кольцом опоясывают город с севера. Озера и сосны, по кускам распродаваемые в частную собственность.

Судя по дохе и заплывшему жиром затылку, этой собственности у Дымбрыла Цыренжаповича — просто завались.

...Дорога заняла добрых два с половиной часа. И то только потому, что Монгол Шуудан шел на ста пятидесяти кэмэ, лишь изредка притормаживая, чтобы всучить взятки гаишникам. За превышение скорости. Аглая тоже внесла свою лепту в акцию «Нейтрализуй ГИБДД»: две книги с автографами для жен младших сержантов и старших инспекторов.

На нас с притихшим немцем Дымбрыл не обращал никакого внимания: очевидно, мы проходили по ведомству телохранителей. Безликих узкопрофильных специалистов. Восточные единоборства и греко-римская борьба в одном флаконе.

— Кто-нибудь уже приехал? — спросила Аглая у Фары.

— Все на месте. Ждем только вас.

Краем глаза я заметила торжествующую улыбку на лице Аглаи: примадонну всегда подают на десерт.

«Небольшой домик» гостеприимного Дымбрыла Цыренжаповича потряс мое воображение: он напоминал табакерку, увеличенную до размеров стационарного цирка-шапито. От табакерки шли два крыла, венчавшиеся башенками в готическом стиле. Фасад табакерки был утыкан окнами с витражами, а ближние подступы к ней охраняло несколько миниатюрных дацанов.

Между дацанами носилась свора черных доберманов.

Стоило только собакам попасть в поле нашего зрения, как Райнер-Вернер, и без того пришибленный происходящим, сунул руку между колен. Я с трудом подавила смешок: не зевай, немчура, береги мошонку! Яичница делается на счет раз-два.

— Солидно, — не удержалась от возгласа восхищения Аглая.

— Налоговой инспекции тоже понравилось, — Дымбрыл самодовольно улыбнулся, продемонстрировав всем находящимся в машине хорошо подогнанные друг к другу, идеально ровные золотые зубы.

— А собаки... Это неопасно? — спросил Райнер-Вернер, а Ксоло, до этого спокойно сидевшая у меня на руках, залаяла.

— Опасно, — заверил Райнера Дымбрыл. — Но пусть дорогие гости не беспокоятся. Вас устроят в дальнем крыле. Отдельный вход и прекрасный вид на бухту.

Силуэты доберманов на хорошо утрамбованном, чуть голубоватом

снегу тоже были прекрасны. Я даже залюбовалась ими, но Райнер все еще не мог успокоиться. Похоже, он уже жалел, что принял приглашение Аглаи.

— По-моему, их чересчур много...

— Разве? А я еще троих прикупил. Жизнь-то волчья, без собак не обойдешься.

Дымбрыл Цыренжапович лихо припарковал джип к ангару, смахивавшему на самолетный. К машине тотчас же подошли два охранника. Один из них осторожно вынул из джипа тушу хозяина, другой занялся нами.

Спустя несколько минут мы уже приближались к дому. Впереди, презрев все правила приличия, неся Райнер-Вернер. Мне с трудом удалось догнать его.

— Не будьте идиотом, Райнер! В конце концов, это неэтично. Пытаться ворваться в дом, не дожидаясь хозяина.

— С детства боюсь собак... Особенно таких больших. Меня покусал доберман, — на ходу оправдывался немец. — И потом, нас уже ждут.

Нас действительно ждали.

У крыльца, украшенного скульптурами двух каменных львов, стоял молодой человек в черном смокинге и белых перчатках. Все трое — и львы, и молодой человек — были уменьшенной копией самого Дымбрыла: те же узкие глаза, тот же приплюснутый нос, та же плоская, как будто раскатанная скалкой, физиономия.

На лицо молодого человека падали крупные хлопья снега, но он, казалось, не замечал их: пантеон монгольских божков не замечает подобных мелочей. Даже появление хозяина не внесло никакой сумятицы. Юноша лишь слегка наклонил голову.

— Проводи гостей, Ботболт, — эти слова Дымбрыл Цыренжапович сбросил юноше на руки вместе с лисьей дохой — на ходу.

На непроницаемом лице Ботболта отразилась напряженная работа мысли. Видно было, что арифметические подсчеты даются ему с трудом: вместо одной приглашенной в улус хозяина прибыло трое. Что делать с двумя лишними единицами?

— Комната на третьем. Резерв, — подсказал несчастному Дымбрыл. И снова обратился к нам: — Буду рад увидиться с вами через час. На обеде.

Он еще раз припал к руке Аглаи, с укоризной посмотрел на проштрафившегося трусишку Райнера-Вернера, скользнул невидящим взглядом по мне, кивнул режиссеру Фаре — и удалился.

Мы остались в распоряжении меднолобого Ботболта.

Ботболт провел нас через огромный холл, больше напоминавший

внутренности юрты. Сходство с юртой усиливалось из-за множества ковров: ковры лежали на полу, были развешаны по стенам, затягивали потолок. В коврах терялись чучела гепарда и пумы (уж не в местных ли болотцах подстрелил их хозяин?); в коврах терялись коллекции холодного оружия и вазы с сухими цветами; мы и сами едва не потерялись. И лишь в последний момент успели — вслед за Ботболтом — выскочить за полог ковра, который на поверку оказался дверью.

Языческое бурятское великолепие кончилось так же внезапно, как и началось. Коридор, в который мы попали, был самым обыкновенным новорусским коридором: мраморные плиты пола, мраморные стены, встроенные светильники, абстрактные картины в узких багетах.

— Интересный тип этот Дымбрыл, — сказала Аглая режиссеру. — Чем он занимается?

Слегка подотставший от Ботболта Фара пожал плечами. Это могло означать все, что угодно: чиновник федерального уровня, нефтяной магнат, целлюлозно-бумажный король, преступный авторитет, глава коммерческого банка. В последнем я сильно сомневалась: с такой ряхой Дымбрыл Цыренжапович мог возглавлять разве что пункт по скупке пушнины у населения.

— Меценатствует? — не отставала от Фара Аглая.

— Как видите.

— Съёмки начнутся после... м-м... обеда?

— Съёмки начнутся завтра. Завтра утром приедет вся съёмочная группа. Много времени это не зай...

Аглая даже остановилась от неожиданности.

— То есть как это — завтра?! Вы хотите сказать, что я вынуждена буду просидеть здесь лишний день?!

Фара несколько смутился.

— Видите ли, это было его условие.

— Чье условие?

— Хозяина. Детективы — его слабость. Он предоставил нам часть дома для съёмок только с тем условием, что вы с ним отобедаете.

— Я? Я, Аглая Канунникова? Или...

Фара смутился еще больше.

— Я и три грации, — Аглая язвительно улыбнулась. — Я и три медведя. Я и дракон о трех головах. Понятно.

— Но лично он встречал только вас, — подсластил пиллюлю Фара. — Вы — первая.

— Я — четвертая, кому вы говорите «Вы — первая», умник. Иначе вы

не взялись бы за этот дрянной проект. Ну, да черт с вами. Даже интересно.

Пока режиссер и писательница перебрасывались репликами, мы успели подняться по винтовой лестнице и оказались на площадке с работающим телевизором и крошечным фонтанчиком: писающий Амур (он же Ботболт, он же Дымбрыл, он же пара каменных львов). В азиатских клешнях Амура были зажаты лук и стрелы.

— Подождите здесь, — бросил Ботболт нам с Райнером.

На то, чтобы избавиться от Фары и показать комнату Аглае с Ксоло, у Ботболта ушло не больше пяти минут. Я даже не успела досмотреть по телевизору захватывающий рекламный ролик о милых сердцу гигиенических прокладках.

Вернувшись, Ботболт указал нам на лестницу:

— Следующий этаж. Вторая дверь справа по коридору.

Я заподозрила неладное.

— Подождите, Ботболт... Вы хотите сказать, что мы... Что мы будем ночевать в одной комнате?

Райнер-Вернер скромно потупился.

— Вторая дверь справа по коридору. Через час спускайтесь вниз, вас проводят.

— Но...

Глас вопиющего в пустыне. Скошенный затылок Ботболта не оставил мне никакой надежды.

— Пойдемте, — сказал Райнер-Вернер, когда шаги храмового служки затихли на лестнице.

— Я не сумасшедшая, чтобы селиться с вами в одном номере.

— Успокойтесь, я тоже не сумасшедший, чтобы к вам приставать. — Он щелкнул Амура по носу: видишь, дружище, с какими стервами приходится иметь дело!

Я с тоской заглянула в колодец коридора. Где-то там, на самом его доньшке, устраиваются теперь Аглая и Ксоло. Предательницы, так легко обо мне позабывшие.

— Идемте же! — Немец потянул меня к лестнице.

Я подчинилась.

Мы поднялись еще на один этаж и без труда нашли вторую дверь справа. Судя по всему, до этого архитектурного аппендикса руки у господина Улзутуева не дошли. Над сомнительного качества дверью висел такого же сомнительного качества китайский фонарик. Если комнатка не будет снабжена ширмой или хотя бы раздвижными перегородками, я заявлю протест.

...Как и следовало ожидать, ни ширмы, ни перегородок в комнате не было и в помине. Но самым неприятным оказалось наличие только одной кровати. Узкую кушетку, которая стояла у окна, равно как и два кресла, всерьез рассматривать не приходилось.

— Вы, естественно, занимаете кровать, — сказал Райнер-Вернер.

— Протivoестественно, — парировала я. — Но все же занимаю.

— Интересно, за кого они нас приняли? — Райнер-Вернер сбросил тулуп на пол и с разбегу нырнул в кресло.

Я кисло улыбнулась. Комната не оставляла никаких сомнений на наш счет. С десятков пепельниц, дартс на стене, шахматы на низком столике у кушетки (рядом с батареей крепких напитков); простецкий писсуар в ванной и никакого намека на биде. И никакого намека на задвижку, дверь просто прикрывается, и все. А если заглянуть под кровать, там наверняка найдется пара забытых носков забытых телохранителей забытых хозяев жизни.

Только белье было свежим, а на крючках в ванной висели такие же свежие полотенца. А из широкого окна открывался потрясающий вид на свежие снега. И на бухточку с маленьким замерзшим причалом. Давненько я не видела такой красоты.

— И почему фрау Аглая не представила нас этому странному человеку?

— Много чести — представлять обслуживающий персонал, — я с трудом оторвалась от умиротворяющего пейзажа.

— Так нас посчитали обслуживающим персоналом?

— Ну, если быть до конца откровенными, это соответствует истине.

— У вас, русских, столько комплексов... И вы так любите самоутверждаться за чужой счет. А это некрасиво, очень некрасиво...

— Тогда зачем вы согласились ехать сюда? Сидели бы в своем Мюнхене и не зависели бы от капризов вздорной распоясавшейся старухи. — Я все еще была зла на Аглаю. Я совсем не так представляла себе эту поездку. — Как вы когда-то утверждали — климактерички с причудами.

— Я прошу вас, Алиса! — Райнер поморщился. — И потом, она пригласила. Я не мог отказаться. Я никогда не отказываю женщинам.

Кто бы сомневался! А еще эта чертова не закрывающаяся ванная!..

— У нас целый час. Чем будем заниматься?

Немец устроился в кресле поудобнее и широко расставил ноги. Не смотри, скомандовала я себе, не смотри — иначе ослепнешь. Навсегда — как от паленой водки. Или на время — как от куриной слепоты. И еще ноги

расставил, петух гамбургский. То есть мюнхенский. А «Гамбургский петух» — это совсем другое, это рубрика, которую вела Дашка в «Роад Муви». Возможно, ведет до сих пор. Дарья ведь тоже не устояла: дала этому субчику не глядя, как дают сдачу с бутылки пива. Господи, ну почему...

— Господи, ну почему так происходит? — воззвала я к Райнеру-Вернеру. — Почему любое, даже самое безобидное, слово в ваших устах звучит как пошлость? Почему вы говорите: «Передайте мне соль», а слышится: «Дайте мне, не пожалеете»?

— Кому слышится? — Немец снял валенки и носки. Затем по-собачьи обнюхал и то и другое. И громко вздохнул. И полез в свой дорожный баул — за ботинками.

— Какая разница — кому?!

— По-моему, у вас большие проблемы, Алиса.

Я пропустила вполне прозрачный намек Райнера мимо ушей.

— И не смейте заходить в ванную в ближайшие полчаса. Я буду мыться...

— Это предложение?

— Это предупреждение.

Неуемный Райнер поскребся в дверь через пятнадцать минут — стоило мне только намылить голову.

— Вам что-нибудь нужно, Алиса?

— Ничего, — отплевываясь, процедила я.

— Вы симпатичный человек. И неглупый, как мне кажется, — он подбирался ко мне издали, знаю я эти штучки! — Почему вы на нее работаете? Неужели не могли найти более подходящее место? Она ведь вами помывает. Лишает индивидуальности.

— Не ваше дело, — я вооружилась зубной щеткой на случай внезапной атаки. Но Райнер-Вернер не делал никаких попыток ворваться в ванную, и совершенно неожиданно...

Совершенно неожиданно я почувствовала легкое разочарование. В том, что Бывший сделал мне ручкой, была и моя вина. Сексуальности и шарма во мне не больше, чем в хозяйственном мыле. Чем в рулоне туалетной бумаги. Чем в ножном электроприводе швейной машинки. Даже Райнер-Вернер, готовый покрыть все, что угодно, включая комнатные тапки и ручной эспандер, не испытывает ко мне ни малейшего интереса.

С возрастом это будет только усугубляться.

И Аглая для меня — спасение. Она неуязвима для сексуального экстремизма, под ее сенью я пережду самый солнцепек и спокойно перейду

к сезону увядания. При условии, что Аглая протянет еще лет двадцать пять — тридцать...

— И все-таки, вы не ответили мне, Алиса.

— Без комментариев...

Продолжения дискуссии не последовало, и за дверью ванной наконец-то воцарилась тишина. Почти кладбищенская. Без комментариев, это точно...

* * *

...Я не дала поддержать себя под локоть и едва не скатилась с крутой лестницы. Райнеру удалось перехватить меня в самый последний момент: за ворот рубахи, совершенно непочтительно. Мы рухнули на ступеньки, монументальный подбородок Райнера уткнулся мне в шейные позвонки и затылок, подонок.

Впрочем, мой собственный затылок тоже вел себя не самым лучшим образом: он и не думал отлепляться от немца, предатель Родины.

— Отпустите меня, — прошептала я, продираясь сквозь давно забытую чащу мужских запахов: одеколон, подаренный предыдущей любовницей; крем для бритья, подаренный нынешней любовницей; гель для волос, подаренный будущей любовницей (подругой нынешней); и жевательная резинка, купленная в ларьке у станции метро.

— Я вас не держу.

— И помогите мне встать.

— Да, конечно.

Райнер-Вернер потянул меня вверх — чтобы тут же выпустить. Я снова упала на ступеньки и, кажется, отбила себе зад. Но теперь моя плачевная судьба никого не интересовала. И Райнера — меньше всего.

Позади нас стояла Дашка.

Я глазам своим не поверила. Если ее появление у станции метро «Алексеевская» еще можно было хоть как-то объяснить, то присутствие здесь, за семьсот километров от Москвы, в вотчине бурятского миллионера, — это не лезло ни в какие ворота!

— Развлекаетесь? — спросила Дарья совершенно будничным голосом. Как будто мы расстались вчера вечером, а не два месяца назад.

Вероломный, как план «Барбаросса», немчишка едва не наступил

ботинком мне на голову и, глядя на Дарью снизу вверх, принялся страстно бормотать, как он, натюрлих^[15], рад видеть фройляйн Дарью, и как он, натюрлих, счастлив, и как он все эти месяцы помнил о ней. И о том, натюрлих, времени, которое они провели вместе. И что вдалеке от Москвы он, натюрлих, надеялся на встречу, но даже не подозревал, что встреча будет такой волшебной. А надо было заподозрить, ведь в случае с фройляйн Дарьей это совершенно натюрлих.

— Зиг хайль! — отчеканила я, когда Райнер-Вернер закончил свою пламенную речь.

И захохотала.

Они посмотрели на меня как на сумасшедшую.

— Вывезла на природу свою мумию? — спросила у меня Дарья, как только мы спустились вниз. — А мюнхенский дорогуша помогает тебе перетаскивать ее с места на место?

Я оставила выпад в сторону Аглаи без последствий. В конце концов, Дарья имеет право на ненависть к Канунниковой. И на постельные отношения с герром Рабенбауэром, чтоб ему век валенок не снимать.

И тулупа.

— Ты-то что здесь делаешь?

— Представь себе, выбила командировку, чтобы освещать съемки этой зашибенной передачи. Места под материал дают немного, но... Четыре гюрзы в клубке, четыре самки тарантула в банке — нужно быть законченной дурой, чтобы пропустить такое зрелище.

— Четыре самки тарантула?!

— Разуй глаза! Твоя Великая Аглая — не единственная. Есть еще три соискательницы на вакантную должность Королевы Детектива.

— Должность уже занята.

— Да-а... Ты, я смотрю, поглупела за то время, что мы не виделись. Лучше бы нанялась на работу к какому-нибудь приличному малотиражному писателю. Постоянному автору журнала «Континент». Он бы тебя уму-разуму научил.

Грызться с Дарьей у меня не было никакого желания. И не было никакого желания наблюдать, как отдаляется от меня моя лучшая и единственная подруга. Как из-за ничтожнейшего повода рушится многолетняя дружба. А может, все это — дурной сон? И сейчас она рассмеется, обнимет меня за плечи и скажет: здорово же я тебя разыграла!

Но вместо этого Дарья подошла к чучелу пумы и подергала его за усы. А потом повернулась ко мне и вполне светски спросила:

— Ну, и как тебе здесь?

На одной чаше весов лежали писсуар, дверь без задвижки, одинокая арестантская койка и джинсовый беспредел Райнера-Вернера Рабенбауэра. На другой — скованное льдом озеро. И бухта с причалом.

— Пока терпимо. Ты что-нибудь знаешь о хозяине?

— Ничего. По-моему, у него сеть меховых магазинов... И еще, кажется, несколько казино. Но это непроверенная информация...

Говорить о господине Улзутуеве (в присутствии его ковров и коллекции холодного оружия) Дарья явно не хотела. И перескочила на Райнера-Вернера, отправившегося на поиски хозяев.

— Вы, я смотрю, поладили? — подколола она меня.

Я даже не подозревала, что в кротком Дашкином организме может быть разлито столько желчи. Я даже не подозревала, как неудобно стать ее врагом. Врагом неназванным, но тем не менее существующим реально. Врагом блестящей московской журналистки; врагом ее тщательно наложенного макияжа; врагом ее тщательно подобранного платья из бутика.

Я — совсем другое дело.

Я — секретарша известной писательницы. Гораздо более известной, чем марка швейной машинки «Минерва». Но это ничего не меняет. Я — обслуживающий персонал, как выразился Райнер-Вернер. Я отказалась от самостоятельной карьеры в «Рoad Муви» — и ради чего? Ради рутинной работы у Аглаи Канунниковой...

— ...Прямо два голубка, — продолжала издеваться Дашка.

— Мы живем вместе. Можешь спросить у него.

Эта фраза вырвалась у меня случайно, но была почти правдой: в ближайшие пару дней мы с Райнером-Вернером будем занимать одну комнату.

— Ах, вы живете вместе, — вспыхнула Дарья.

— Он сделал мне предложение, — я решила добить ее окончательно.

— Вот как!..

— Вот так.

— Учти, он бабник.

— Он покался.

Пока Дарья соображала, чем ответить на такое вероломство, в холле появились Райнер-Вернер и Ботболт. Райнер-Вернер на крейсерской скорости в тридцать три узла подгрел к Дарье и — спустя секунду — с той же скоростью дал задний ход. Краем уха я услышала что-то вроде «козла» — и улыбнулась обоим. Первый раз в жизни я сделала гадость. Довольно увлекательное занятие, нужно признаться.

Не отличающийся особой разговорчивостью Ботболт кивнул головой, и мы последовали за ним.

Чтобы через несколько минут занять свои места за обеденным столом.

Обеденный стол, напоминавший гандбольную площадку, стоял в самом центре зала, напоминавшего крытый стадион. Кроме стола, в зале располагались два камина, два дивана, два телевизора с примкнувшими к ним видеомагнитофонами, две горки для посуды и два комплекта рогов — над дверями. Одна из дверей вела в небольшой коридорчик, который соединял зал с кухней.

Дальний угол зала занимали огромные напольные шахматы. Искусно вырезанные из кости фигуры представляли собой ликбез по бурятской мифологии. Я то и дело выворачивала шею, чтобы рассмотреть приземистые очертания божеств.

Аглаи не было. Аглая, как всегда, выдерживала паузу.

А за столом сидели три женщины.

Очевидно, это и были СС, ТТ и ММ.

СС, ТТ и ММ, спустя рукава изучившие творческое наследие Станиславского. Если бы они были чуть более прилежны, то поступили бы так же, как Аглая.

Нам с Райнером достались места на галерке — самые ближние к кухонной двери. Напротив устроились Дарья и подтянувшийся к этому времени режиссер Фара. Два молочных брата Ботболта (в таких же, как и он, смокингах) хлопотали над приборами.

В полной тишине.

От нечего делать я занялась изучением триумвирата, попутно пытаюсь определить, кто есть кто.

Наискосок от меня восседала толстуха лет сорока с внешностью кастелянши рабочего общежития. Бесцветные брови, тяжелые веки, застенчивый румянец на щеках (краденое бельишко дает о себе знать, не иначе); и три выразительных подбородка, террасами спадающих на мощную грудь. Под террасами мерцала одинокая брошь под Палех. Хотя при желании здесь можно было бы разместить весь реестр правительственных наград Российской Федерации, включая памятные знаки к памятным датам.

Второй в списке шла мулатка.

Мулатка, как и положено мулатке, являлась счастливой обладательницей высоких скул, точеной шеи и прически а-ля Боб Марли. Ее стройную фигуру не мог скрыть даже длинный желто-красный жилет из плотной ткани. А в непомерно раздутой кокаиновой ноздре красоти

посверкивало колечко. Очень современно. Клубная молодежь приветствовала бы такую кокаиницу вставанием.

На лице третьей соискательницы на должность Королевы Детектива главенствовал рот. Он был произведением искусства, он жил своей собственной напряженной жизнью, он искривлял пространство вокруг себя и вытягивал мир, как винную пробку. В этот рот стоило заглянуть — хотя бы для того, чтобы увидеть земное ядро. Ко рту прилагались круглые глаза, выводок родинок, вьющиеся по-семитски волосы на висках.

Но ничего подобного я предпринимать не стала. Я просто прикрыла глаза и сделала свои ставки.

1. Толстуха с брошью — Софья Сафьянова, скромная летописица правоохранительных будней.

2. Акулий рот может принадлежать только Теодоре Тропининой — лучшего инструмента для нарезки острот в ироническом детективе не придумаешь.

3. Ну, а inferнальная мулатка — это и есть Минна Майерлинг. Просто потому, что никого другого не остается...

Уф, кажется все. Ставок больше нет, букмекерская лавочка закрыта. Теперь мне остается только ждать, когда кто-нибудь из них проговорится, назовет соседку по имени.

Но женщины молчали. Они молчали до тех пор, пока в зале не появилась Аглая, — в сопровождении Ксоло и Дымбрыла Цыренжаповича.

Для торжественного обеда в обществе звезд детектива Дымбрыл приоделся: пиджачишко из светлой кожи, шелковая рубашечка «Как упоителен закат на Бора-Бора» и брючата в тон кремовой скатерти. Хозяйские расшаркивания перед гостями заняли довольно продолжительное время, по прошествии которого я поняла, что проиграла.

Я продулась. Я не угадала ровным счетом никого.

Мулатка оказалась Теодорой Тропининой, адептом иронического детектива.

Акулий рот принадлежал мастерице полицейского романа Софье Сафьяновой.

А за экзотическим именем Минна Майерлинг скрывалась толстуха с брошью. И это стало моим главным разочарованием за весь сегодняшний длинный день.

Дымбрыл дал отмашку, и торжественный обед начался.

Буряты-официанты исправно меняли блюда, гости исправно стучали вилками, а хозяин исправно произносил здравицы. За талант (с большой буквы)! За ту радость (с большой буквы), что дарит талант (с большой

буквы)! За цвет (с большой буквы) литературы (с большой буквы)!..

Минна Прекрасная, прозит!

Софья Обворожительная, чин-чин!

Теа Восхитительная, алаверды!

Аглая!.. Нет слов!.. Ваше здоровье!..

Первые четыре тоста никто не выходил из рамок приличия. Даже Райнер-Вернер вел себя адекватно: не сморкался, не чавкал и не ставил локти на стол. И время от времени бросал тоскливые взгляды на Дарью.

Дохлая номер!

Дарья увлеченно болтала с режиссером Фарой, ей и дела не было до немецкого Ziegenbock^[16]. Поначалу я испытывала легкое чувство вины, но после основательной порции бурятской водки «архи» расслабилась. Свято место пусто не бывает, Райнер, тебе ли этого не знать! В конце концов, можно приударить за мулаткой. Или за китообразной Минной, чем не экстремальный секс?.. Впору снова делать ставки — с кем же проведет сегодняшнюю ночь сексуально озабоченный немец?

Но второй раз испытывать судьбу я не решилась, тем более что на противоположном конце стола произошел маленький инцидент: Ксоло ни с того, ни с сего облаяла мулатку, сидевшую рядом с Аглаей, — и едва не вцепилась ей в руку.

Мулатка отреагировала мгновенно — так же мгновенно, как писала все свои опусы: по десять книг в год. Она смерила презрительным взглядом малышку Ксоло, повертела огромный перстень на указательном пальце и произнесла:

— Это ваш пресс-секретарь, дорогая Аглая? Озвучивает ваши мысли по поводу коллег?

— Простите ради бога, дорогая Теа! Никак не могу убедить свою собаку, что бороться с халтурой в искусстве нужно другими способами.

Это был вызов, и мулатка приняла его:

— Полностью согласна с вами, дорогая Аглая. Вот только почему вы до сих пор не искусаны — ума не приложу. Если, конечно, исходить из взглядов вашей собаки...

Благость, до сих пор царившая за столом, испарилась. А торжественный обед стал походить на заурядную партию в подкидного дурака.

Играли четверо: Аглая, Теа, Софья и Минна. Всем остальным досталась безопасная роль наблюдателей.

Отбившись от собачницы Аглаи, Тропинина зашла под Минну. С мелких картишек: «Вы читали последний роман Кинга, дорогая Минна? А,

по-моему, вы не только читали, но и перевели его на русский... Но зачем было ставить под ним свое имя?..»

Чего только я не узнала о признанных мастерах жанра за последующие полчаса! Каких только вздорных речей не услышала!

Что «дорогая Софья», пользуясь служебным положением, собирает компромат на авторов, а потом шантажирует их, выбивая сюжеты. Что единственное достоинство «дорогой Теа» — красивый почерк, ведь всем известно, что свои романы она пишет от руки, пользуясь тремя ручками с разной толщиной пера. Что «дорогая Минна» давно практикует черную магию — и книги за нее строчат введенные в транс поклонники учения Вуду. И что «дорогая Аглая» перекрывает кислород молодым перспективным литераторам, устраивая истерики в кабинетах главных редакторов.

Самыми распространенными обвинениями были обвинения в плагиате. У кого только не крали сюжеты «дорогие дамы»! У Агаты Кристи и Стивена Кинга, у Дж. -Х. Чейза и Р. Стаута, у не переведенных на русский язык фиджийцев, алеутов и представителей маленького, но чрезвычайно образованного племени матамбве. У начинающих авторов, у оперов с Петровки, у спившихся фээсбэшников. И конечно же, друг у друга!

Покончив с плагиатом, камикадзе от детектива перескочили на стиль. Вернее, на его полное отсутствие. Даже надписи на заборе кожвендиспансера с примыкающим к нему абортарием — даже они являются образцом языка по сравнению с пассажирами в книгах «дорогих дам». Дуэлянтки с ходу цитировали друг друга и снабжали цитаты собственными комментариями. У меня глаза на лоб полезли от такой осведомленности.

И не только у меня.

Дымбрыл Цыренжапович — инициатор всего этого околосредствительного безобразия — только крякал. И рюмка за рюмкой дул ту самую «архи» — водку из коровьего молока. Райнер-Вернер обеими руками придерживал сорвавшуюся с резьбы нижнюю челюсть. Режиссер Фара нервно почесывался, вздыхал и шарил руками по столу — очевидно, в поисках так не вовремя забытой (язви ее в душу!) видеокамеры. Не растерялась только Дарья: она включила диктофон и теперь аккуратно пододвигала его к эпицентру событий. Маскируя прибор за бутылками, соусниками, супницами и развалами сыра хэзгэ.

Вот что значит профессионализм!

Я мысленно поаплодировала своей — теперь уже бывшей — подруге.

Аплодисменты совпали с началом очередного витка гонки вооружений. Оттянувшись на стиле, дамы, ничтоже сумняшеся, перешли на личности.

Вы в прекрасной форме, дорогая Минна! Не спишете адресок вашего фитнес-клуба?

«Говорят, вы ежедневно тратите два часа на усовершенствование своей росписи, дорогая Теа. А вашей каллиграфией заинтересовались японцы. Как будет называться выставка? «Тексты — ничто, перья для текстов — все?»»

— Говорят, вы дали санкцию на обыск у парочки литературных критиков, дорогая Софья. Нашли что-нибудь новенькое о себе? Чего еще не писали?

— У вас такой милый песик, дорогая Аглая. А что у него с шерстью? Выпала после прочтения вашего последнего романа? Говорят, он очень необычен...

— Ровно настолько, чтобы привести вас в отчаяние, — ответила Аглая. — Когда он будет опубликован, все ваши «жестокие романсы» не возьмут даже в детское издательство.

И в зале сразу же стало невыносимо светло от лучезарных дружеских улыбок. И воцарилась почти благоговейная тишина. Наконец-то я услышала, как в камине «потрескивают дрова» (в полном соответствии с ремаркой сценария).

А потом послышался сухой щелчок. Это закончилась кассета в Дашкином диктофоне.

Все четверо писательниц синхронно повернули головы в сторону Дарьи. И улыбнулись еще лучезарнее. Улыбки, казалось, намертво приклеились к их лицам.

— Извините, — выдавила Дашка, вороватым движением стягивая диктофон со стола.

Первой нашлась Аглая. Я бы удивилась, если бы она не нашлась.

— Ловко мы вас разыграли? — спросила она.

Дамы облегченно расхохотались, их поддержали мужчины, и неловкая ситуация рассосалась сама собой.

— За вас, дорогие мои! — с пафосом произнесла Аглая, глядя на трех конкуренток.

Все подняли фужеры и с чувством чокнулись. После чего размякший Дымбрыл Цыренжапович предложил гостям послеобеденную прогулку на свежем воздухе. Снегоходы, снегокаты, сноуборды и буера в распоряжении гостей, равно как и скромный берег озера с прилегающим к нему лесом.

Предложение было встречено с восторгом.

Через полчаса мы уже выходили из лакокрасочной табакерки. Для этого не пришлось даже возвращаться к центральному входу с дацанами и сворой собак. К обеденному залу вплотную примыкала оранжерея с зимним садом, больше похожая на крытый стадион: с невидимыми из-за растений стенами и большим стеклянным куполом. Из оранжереи — прямо на открытую террасу — вели трехстворчатые двери. Их украшал витраж с персонажами бурятского национального эпоса «Айдуурай Мэргэн», несколько строк из которого были вдохновенно прочитаны Дымбрылом Цыренжаповичем.

Толстуха Минна от прогулки отказалась: ее заинтересовали экзотические фикусы, цветущие кактусы и свисающие с потолка лианы. Одно из центральных мест в этой части огромной (по-настоящему огромной!) оранжереи занимала вымахавшая до пяти метров пальма. Несколько стволов ее были искусно сплетены в косу и прикрыты шапкой из густой кроны.

— Простите, это *Rachira Aquatica*? — зардевшись, спросила Минна у Дымбрыла.

— Понятия не имею... Как ее привезли, так она здесь и стоит.

— Дело в том, что у меня тоже небольшой парничок... Цветы — мое единственное утешение... Моя жизнь, моя страсть... И я давно мечтала... Но *Rachira Aquatica* — это такая редкость.

Дымбрыл сверкнул золотыми зубами: нет никаких проблем, пальма ваша, Минна, буду счастлив, если она окажется у вас.

Из-за толстомясого кактуса мне было хорошо видно, как на глаза Минны навернулись слезы. Благодарные и светлые, как у ребенка.

— Вы не возражаете, если я побуду немного в вашей оранжерее?

Хозяин не возражал, и на снежные просторы мы вырвались без Минны. И разбились на группы по интересам. Дарья и режиссер Фара оседлали снегоходы, Дымбрыл с Аглаей направились в сторону леса, Ботболт инструктировал Софью Сафьянову по поводу сноуборда с жесткими креплениями, а одинокая мулатка Теа устроилась под такой же одинокой сосной — чертить свои одинокие письма и раздавать автографы окружающим сугробам.

Облокотившись на каменную балюстраду террасы, я думала о семейных сценах за обедом. Я не очень-то поверила дежурной фразе Аглаи насчет «Ловко мы вас разыграли». Никаким розыгрышем тут и не пахнет. И подобную ненависть нельзя сымпровизировать — даже при желании. Или дело в подлой бурятской водке, которая без труда поднимает всю грязь со

дна души?.. В любом случае все четверо оказались готовы к уничтожению конкуренток, все четверо очень хорошо вооружились. Такие подробности из личной жизни, такие интимные детали книг! Голову на отсечение даю — друг о друге они знают гораздо больше, чем о собственных мужьях, детях, собаках и престарелых родителях!..

А все пакостная массовая культура!

Сколько небесталанных Аглай со товарищи она еще похоронит! Я прикрыла глаза и почтила минутой молчания Минну, Софью и Теа. ММ, СС и ТТ, которые могли бы написать хорошие умные книги. А вместо этого...

Лучше не думать, что они делают вместо этого.

Изводят друг друга под водочку. Так и до смертоубийства дойти может. Не удивлюсь.

Мои тягостные размышления прервал легкий шорох за спиной. Я обернулась.

Ну, конечно же, Райнер-Вернер, ловец женских душ. Две таких души еще находились в поле нашего зрения: Теа и Софья. Они, конечно, не могут похвастаться особой молодостью, но все же... Теа — мулатка, что возбуждает само по себе. А у Софьи такой чувственный рот... Интересно, кого он предпочтет после облома с Дашкой?

— Мне нужно поговорить с вами, Алиса! Отойдем. Здесь неудобно.

— Почему?

— Неудобно, — упрямо повторил Райнер.

Вздыхнув, я побрела за немцем, хотя не могла взять в толк, чем же ему так не понравилась терраса. А Райнер как будто с цепи сорвался: он пер напралом, по нетронутому снегу, он целенаправленно тащил меня к безлюдному краю леса.

Через пятнадцать минут я забеспокоилась:

— Дальше я не пойду. Поговорим здесь.

— Хорошо.

Разговор получился коротким: он ухватил меня за воротник куртки и макнул лицом в снег. Раз, другой, третий. От унижения я заплакала. Но мои слезы не произвели на немца никакого впечатления.

— Вы очень плохой человек, Алиса! Schlecht!..^[17] Abscheulich!..

^[18] Что вы сказали обо мне фройляйн Дарье?

Ах ты, сукин сын! А что ты говорил обо мне все той же фройляйн Дарье?! Синий чулок? Целка-невидимка?!

— Сам ты козел! Похотливая скотина! А я говорила правду! Что ты

сукин сын, бабник. И убери от меня руки, гад!..

Я извернулась и залепила Райнеру затрещину. А потом с силой оттолкнула его от себя. Должно быть, я вложила в это движение всю свою неприязнь — крупногабаритное тело немца отлетело на два метра, и тотчас же раздался треск ломающегося льда.

Господи ты боже мой! Мы были на озере!

Обильно выпавший снег уничтожил тонкую грань между берегом и закованной в лед поверхностью воды, мы перешли ее и сами не заметили этого.

Пока я соображала, что же предпринять, немец скрылся в полынье. Через секунду его голова замаячила над поверхностью и снова скрылась: тяжелый тулуп, подарок казахских немцев, тянул его на дно.

Я легла ничком и двинулась в сторону пролома. Только бы не утоп, проклятый, только бы дал мне время преодолеть жалкие два метра. Давай, всплывай, дерьмо не тонет!..

Дерьмо, как и полагается дерьму, не потонуло, и Райнер благополучно всплыл — теперь уже без своей собачьей шапки. Он ухватился за край полыньи, и тонкий лед сразу же хрустнул в его пальцах. Так он и меня потопит, гребаный толмач!..

— Помогите! — возопил Райнер, вертясь в полынье, как уж. — Я же тону, вы разве не видите?! Я гражданин Германии!

Как будто граждане Германии застрахованы от подобных неприятностей!

— Направьте ноту в консульство! — посоветовала я.

— Помогите! — не унимался бедолага.

— Помочь? После нашей задушевной беседы? — Я уже стягивала с себя шарф. — Как я могу вам помочь? Я ведь Abscheulich!..

— Я не умею плавать!.. Вы бессердечная русская...

— На вашем месте я бы прикусила язык. И не вертелась бы, как вошь на гребне. Держите шарф, идиот.

Я бросила несчастному кандидату в утопленники конец шарфа и потащила его на себя. Первые две минуты не дали никаких результатов: немец был слишком тяжел, да еще тулуп! У меня едва глаза не вылезли из орбит от напряжения. Наконец дело пошло. Райнер-Вернер перестал суетиться и постепенно выполз из дырки на безопасное место.

— Только не поднимайтесь, — тяжело дыша, бросила я немцу. — Ползите сколько есть сил. Вон к тому дереву.

Метрах в тридцати от нас возвышалась старая сосна — единственный ориентир в пространстве, в котором я была полностью уверена.

Райнер, ползя по-пластунски, преодолел это расстояние в рекордно короткие сроки. Должно быть, сработала светлая генная память о родном дедушке — доблестном вояке из дивизии СС «Мертвая голова».

Добравшись до сосны, немец обхватил ее руками и затих. Только теперь я заметила, что с его правой ноги соскользнул валенок — скорее всего он стал добычей озера.

— Не сидеть, мать вашу, не сидеть! Двигаться! — скомандовала я. — Быстро к дому, иначе простудитесь!

Райнер-Вернер не дал уговаривать себя дважды. Он поднялся на ноги и, высоко задирая колени, побежал к дому. Я последовала за ним.

Догнать несостоявшуюся жертву стихии оказалось плевым делом: Райнер был чересчур громоздок, чтобы бегать быстро.

— Веселее, веселее, дорогуша! — воспользовалась я Дашкиным определением. — Берегите дыхание. Это вам не в койке кувыряться!..

Мы в самые сжатые сроки достигли террасы и ворвались в оранжерею. Здесь силы покинули несчастного, и он рухнул на кожаный диван под пальмой *Rachira Aquatica*. Я же бросилась в сторону обеденного зала, чтобы найти хоть кого-нибудь, кто мог бы нам помочь.

Но в обеденном зале никого не было. Кроме веселого огня в каминах.

И стол сиял девственной чистотой.

Поколебавшись секунду, я двинулась в сторону гипотетической кухни. Уж там-то наверняка есть люди.

Темный коридорчик за дверью нисколько не смутил меня, тем более что впереди ясно вырисовывалась полоска света. И слышалось легкое позвякивание посуды. Ободренная этими чарующими звуками, я миновала коридорчик и толкнула кухонную дверь.

— Простите! Мне необходима ваша по... — начала было я и тут же осеклась.

Минна!

На кухне, возле антикварного буфета с открытой дверцей, стояла толстуха Минна!

Послышался звон разбитого стекла — Минна вздрогнула и что-то уронила. И только потом обернулась. Не успев прогнать испуг с лица. Щеки ее пылали так, что я машинально оглянулась в поисках огнетушителя.

— Простите, — пролепетала она. — Я...

— Мне необходима помощь...

— Я... Я набирала воду... Я хотела полить цветок, — путанные и никому не нужные объяснения толстухи мне не понравились, но главным

сейчас был Райнер-Вернер.

— Есть здесь кто-нибудь из местных? Мне нужен спирт... Или водка.

— Я не знаю... По-моему, они там, в коридоре, в подсобке...

— Спирт и водка?

— Официанты... Я уж не знаю, кто они... А водка здесь, в нижнем ящике. Я случайно... Я просто искала... Какую-нибудь емкость. Полить... цветок... Это очень редкий цветок... За ним неправильно ухаживают...

Слезы! Господи, у нее на глазах выступили слезы!.. Теперь смутилась и я сама — как будто увидела что-то неприличное. Например, толстуху Минну в дезабилье и чулочном поясе.

— Где, вы говорите, спиртосодержащие?

Минна кивком головы указала на дверцу. Я присела на корточки и открыла ее.

Действительно, две полки были полностью забиты спиртным: водка, коньяк, виски, джин и даже две упаковки баночного пива. После недолгих колебаний я остановилась на двух бутылках «Абсолюта» и двух банках джин-тоника.

— Случилось что-то серьезное? — запоздало спросила владелица трех подбородков.

— Пока не знаю, — бросила я и выскочила из кухни.

Райнер — беспомощный, как описавшийся младенец, — ждал меня в оранжерее, нужно было действовать мгновенно — и все же я не удержалась: уже выйдя в коридорчик, я ощупью нашла дверь в подсобку и открыла ее.

Бурятские радости. Что и следовало ожидать.

Двое Ботболтовых подручных, которые еще два часа назад обслуживали нас за столом, теперь ничком лежали на полу. А между ними стояли две бутылки коньяка и тарелка с недоеденными эклерами. Эти эклеры (вкупе с вишневым пудингом и желе) подавали на десерт.

Обе коньячные емкости были пусты, и я сплюнула.

Тела, судя по опорожненным бутылкам, пролежат здесь еще долго, и помочь им не представляется никакой возможности. А вот тело Райнера-Вернера еще можно спасти.

Когда я вернулась под сень пальм, немцу было совсем худо. Он, скорчившись, лежал на диване и, не переставая, трясся. И даже не подумал снять с себя злосчастный тулуп.

Мое появление было встречено мычанием.

— Идти можете? — спросила я.

— Не думаю... Нет.

— Можете. Вставайте.

— Куда? Куда идти?

— Наверх. Там есть одеяла... Но сначала выпейте.

Я отвинтила крышку «Абсолюта» и почти насильно влила в немца добрую половину бутылки.

— Ну, как?

— Уже лучше. А еще можно?

— Не сейчас. Идемте.

Мы поднялись наверх.

Я втокнула Райнера в комнату, закрыла дверь на ключ и принялась стаскивать с него мокрые заледеневшие тряпки.

— Что вы делаете? — хихикнул он.

— Да вас развезло! — Еще бы не развезло после такой дозы! — Заткнитесь и не мешайте мне.

С верхней одеждой все прошло гладко, и даже ремень на джинсах поддался. Я толкнула немца на кровать, выдернула его из штанов и сняла носки.

— Трусы тоже снимать? — поинтересовался Райнер.

Вопрос застал меня врасплох. Так же, как и исподнее немца: кусок белого трикотажа с разбросанными по нему маленькими красными фаллосами (а как же иначе!). Мультиязычные фаллосы подмигивали мне мультиязычными глазами, и под каждым красовалась надпись «BillyBoу».

— Снимайте. Я отвернусь.

Чтобы не поддаваться искушению, я отправилась в ванную и стащила с крючка жесткое махровое полотенце. И, схоронившись за дверью, трусливо крикнула:

— Прикройте чем-нибудь! Я иду.

Немец сидел в кровати, придерживая руками свою главную драгоценность.

Я развернула его спиной, вылила на полотенце остатки водки из бутылки и принялась растирать ему спину и грудь. Давненько же я не видела мужского тела! К тому же такого роскошного... По спине Райнера перекачивались мышцы, а торсу мог бы позавидовать любой культурист. Ни единой волосинки, выщипывает он их, что ли? Выщипывает и натирается розовым маслом, подлец! А татуировка! Пижонистый дракон, сжимающий в лапах миниатюрную женщину. Апофеоз мужского чванства.

Сексист! Дешевка!

— Осторожнее! — взмолился Райнер-Вернер. — Вы делаете мне больно.

— Я делаю правильно. Вас нужно хорошенько растереть, чтобы не простудились...

— Дайте мне выпить...

— Не сейчас.

Покончив с туловищем, я перешла к конечностям. О, если бы у Бывшего были такие руки, такие предплечья! Возможно, я бы пересмотрела свое отношение к супружеским обязанностям.

— Бедрa тоже будете растирать?

Черт с тобой.

— Буду! — решительно сказала я.

Бедрa заняли чуть больше времени, чем я предполагала. С трудом от них оторвавшись, я закутала немца в два одеяла и всучила ему бутылку водки.

— Только не переусердствуйте.

— Вы спасли мне жизнь, Алиса, — Райнер-Вернер задумчиво булькнул водкой.

— Сомневаюсь, правильно ли я поступила.

— Я вас недооценивал...

Похоже, я тоже тебя недооценила.

— Извините за безобразную сцену. Я был не прав.

Воспоминания о снежной баталии слегка подпортили мне настроение: она началась из-за Дашки, и Райнер был по-настоящему расстроен. Из-за меня никто бы не стал так расстраиваться и начищать физиономию ближнему, это уж точно.

— Я где-то читал, — язык у Райнера стал ощутимо заплетаться, — что замерзшего человека нужно согреть своим телом... Чтобы он не умер...

Это уже было верхом бесстыдства, и я не сдержалась:

— Ну, умереть-то вы не умрете, а вот...

— Что — «вот»?

— Могут возникнуть проблемы с потенцией.

Райнер-Вернер побледнел как полотно. Я же послала ему мстительный воздушный поцелуй и вышла из комнаты.

На маленькой площадке этажом ниже по-прежнему работал телевизор, вот только какой-то умник врубил звук на полную мощность.

«Видели ночь, гуляли всю ночь до утра» с духовыми, бубнами и цыганским монисто — не очень актуально, но на два притопа — три прихлопа сойдет. Я прослушала песню до конца, пощелкала пальцами, повиляла «слабовыраженными» (как говорила когда-то Дашка) костями таза — и выдернула телевизионный штепсель из розетки.

Какое же все-таки блаженство: тишина без подтекстов!

Но блаженство длилось недолго: и все из-за тонкого собачьего лая в самом конце коридора. Такие вопли — на грани ультразвука — могла издавать только Ксоло. Бедная псина, сидит где-то одна-одинешенька, принесенная в жертву беллетристическим разборкам.

Я двинулась на лай, который с каждой секундой становился все явственнее.

Чтобы добраться до него, мне пришлось завернуть за угол. Лай доносился из-за двери комнаты, выходящей в маленький холл. Пол в холле был устлан толстым ковром, а стена напротив двери — задернута плотными шторами.

Я подошла к двери и даже не сразу сообразила, что она приоткрыта. Несколько секунд я колебалась, но лай Ксоло призывал меня. Нет ничего предосудительного в том, что я успокою собачку. Я распахнула дверь настежь: по ногам пробежал сквозняк, и шторы на стене заколебались.

Ксоло!

Аглаин дорожный чемодан лежал прямо на кровати, а Ксоло сидела на чемодане и остервенело облаивала пространство.

— Ну, что с тобой? Кто тебя напугал? — елеиным голосом спросила я.

Ксоло подпрыгнула, вскарабкалась ко мне на руки и лизнула в подбородок. Тельце собаки била дрожь.

— Все в порядке, все в порядке, — уговаривала я маленькое чудовище, укачивая ее, как младенца. — Скоро придет мамочка, она тебя утешит...

Комната, предоставленная Аглае, являла собой резкий контраст с той халупой, в которой поселили нас с Райнером-Вернером. Окно во всю стену, пряничный рождественский пейзаж за окном, дорогая мебель — никакой двусмысленной восточной роскоши. Все предельно элегантно, утонченно и изысканно: совсем не для бурятского седалища Дымбрыла Цыренжаповича. Девяносто девять из ста, что все это великолепие — привет Дымбрылу от какой-нибудь европеизированной любовницы. Которая уже научилась пользоваться эпилятором, не краснеет от словосочетания «глобализация экономики» и способна кончить при одном только виде утюга с тефлоновым покрытием.

Ксоло наконец-то успокоилась, и я спустила ее с рук. Теперь нужно следить, чтобы они не потянулись — ни к Аглаиному чемодану, ни к ноутбуку, стоящему здесь же — на столе, возле окна. Ноутбук, равно как и чемодан, были частью ее рабочего кабинета, той самой privacy^[19], попытка влезть в которую может закончиться плачевно.

Даже для меня.

Интересно, забит ли в ноутбук ее новый роман? Роман, который никто еще никогда не видел и о котором все так много говорят.

Лучше убраться отсюда — от греха подальше. Иначе Аглая может обвинить меня в промышленном шпионаже.

Но убраться вовремя не получилось: приоткрыв дверь, я нос к носу столкнулась с Аглаей. На щеках метрессы пылал девичий румянец, а на скромной енотовой шубейке таяли последние снежинки. Аглая была в самом благостном расположении духа, поэтому никакой истерики не последовало.

— Что вы здесь делаете, маленькая дрянь? — весело спросила Аглая, отбиваясь от визжащей и прыгающей Ксоло.

— Я... Ксоло тосковала... Плакала... Я зашла ее проведать.

— А она открыла вам дверь? — Аглая поболтала маленьким плоским ключом у меня перед физиономией.

— Нет... Но дверь была открыта.

— Открыта? Странно, ведь я ее закрывала.

— Может быть, кто-то из obsługi? — высказала я предположение, и тут же вспомнила укутанную водочными парами мизансцену в подсобке.

— Может быть... Лес изумителен, не правда ли?

Леса я и в глаза не видела и потому промышчала что-то нечленораздельное.

— А наш маленький немецкий друг? — Аглая сбросила шубу прямо на пол.

— А что — «наш маленький немецкий друг»?

— Он так же изумителен в койке, как этот лес в сугробах?

Литые мускулы, безволосая грудь, дракон на предплечье... Черт возьми, лучше мне поискать другое место для ночевки! Взять хотя бы диванчик в оранжерее. Или подсобку в коридорчике. Бурятские юноши когда-нибудь оттуда уберутся, надо полагать...

— Вы покраснели? — Аглая рассмеялась. — Вы покраснели, значит, вы еще с ним не переспали.

— Да?

— Но вы этого хотите...

— Не хочу.

— Хотите, это у вас на лице написано.

— Что еще написано у меня на лице?

— Положили глаз на диванчик в зимнем саду? Бойтесь сами себя? Ладно, не стоит дуться на старую добрую Аглаю! А как вам сегодняшней паноптикум? Они готовы были разорвать меня на части, эти стервы!

Теперь до меня стала доходить истинная причина ее превосходного настроения. СС, ТТ и ММ. Она сыграла «Рондо каприччиозо» у них на нервах, она заставила их выйти из себя, она вынудила их показать зубы. Зубы, почти полностью потерянные в ходе борьбы за беллетристический Олимп.

Аглая плюхнулась на кровать — прямо в сапогах.

— Представляю, чем они занимаются в свободное от своих писулек время!

— И чем же?

— Подсчитывают количество публикаций о себе. Подсчитывают количество публикаций о конкурентках. А потом устраивают истерики своим литературным агентам. И мужьям-язвенникам, если таковые имеются... Массовая культура — не сахар, девочка моя. Чуть зазевался — пиши пропало. Затопчут. А издатели? Это же отпетые негодяи. Давай-давай, Аглаюшка, строчи, кропай, молоти, ни отдыху ни сроку — только не останавливайся!.. А читатели? Сегодня они без тебя и в метро не спустятся, и в туалет не зайдут, и в кровать не лягут, а завтра? Появится новая лахудра, у которой три деепричастных оборота в предложении — против твоего одного. И сюжет она подворовывает искуснее... И все. Был кумир — и кончился. На свалку истории, душа моя, в макулатуру!..

Из макулатуры в макулатуру — это больше похоже на афоризм.

— Ну и картину вы нарисовали... Ужасно.

— Прекрасно, девочка! Прекрасно! Только это заставляет кровь в жилах бежать быстрее. Сегодня вечером продолжим наши бои без правил.

— Вечером?

— Ну, да. Если вы, конечно, не захотите уединиться со своим подопечным. Или он положил глаз на кого-то другого?

Аглая была тертым калачом, она видела меня насквозь.

— Приходите, будет весело. Выпустим пар окончательно, чтобы завтра не бросаться друг на друга перед камерами. Ох уж мне эта массовая культура и ее деятельницы! Скажите, Алиса, она не напоминает вам секс по телефону?

— Секс по телефону? — опешила я.

— Неужели вы не знаете, что это такое?

— У меня... У меня никогда не было секса по телефону...

— У меня тоже, но я очень живо представляю себе это... Квартиренка на окраине, два разбитых телефона. И две разбитые артритом бабенки, в прошлом младшие экономисты, а в настоящем — безработные. С алкашом-мужем, двоечником-сыном и редкими волосами. Сидит такая сексуалка в

продранном свитере, грызет ногти, штопает носки, вяжет шарфики и, не отрываясь от этих благородных занятий, успеваает еще и постонать в трубку, имитируя оргазм. Который если и испытывала, то только в ранней юности, на уроке физкультуры, — ползая по канату.

— Ну, не только... — успела вставить я.

— Ах да, есть еще велосипед, душ и верховая езда... А потом начинает рассказывать вагинострядальцу на другом конце провода о своем шелковом белье и своей шелковой коже... Вот и вся романтика, девочка.

— А при чем здесь книги?

— Не книги — книжечки! — Аглая расхохоталась. — Книжечки в мягких обложках! Все то же самое, душа моя, все то же самое! Мелкий обман. Ну, скажите, какое представление может иметь какая-нибудь мать-ее-актриса-кукольного-театра-а-ныне-сочинительница-текстов о жизни банкиров? Или нефтяных магнатов. Или — крупных мафиози... Или — страшно подумать — о вилле на Сейшелах... Вот вы имеете представление о вилле на Сейшелах?

— Никакого.

— Я тоже, — она приподнялась и что-то вытащила из-под подушки.

Этим «что-то» оказался белый цветок, сантиметров десяти в диаметре, смахивающий на очень крупную чайную розу, с нежными, уже слегка примятыми лепестками.

— Как мило, не правда ли? — пропела Аглая, опуская лицо в лепестки. — И как по-восточному изысканно.

— Вы хозяина имеете в виду? — Слоноподобный Дымбрыл Цыренжапович монтировался с этим цветком так же, как потаскуха с поясом верности.

— И хозяина тоже. Вы не знаете, как называется эта прелесть?

Я понятия не имела, что это за цветок, но прямо передо мной, на безмятежной поверхности стены, неонем загорелась фраза: «Бойся цветов, сука!» Я не забыла о ней, надо же!

— Дайте его мне.

— Вы опять за свое? — Аглая покачала головой. — Вы меня в могилу сведете, честное слово!

— Я...

— И слушать ничего не хочу. Принимаете самый обыкновенный знак внимания... Жест признательности... Принимаете за черт знает что!.. Интересно, что преподнесли этим стервам?.. Как вы думаете?

— Никак.

— Верблюжья колючка — вот тот максимум, который они

заслуживают...

— Я бы на вашем месте, Аглая...

Аглая соскочила с кровати, подошла ко мне и ухватила за мой подбородок:

— Даже не мечтайте когда-нибудь оказаться на моем месте!..

Шутка, ну, конечно же, это была шутка. Вот только я и предположить не могла, что пальцы Аглаи могут быть такими жесткими! А глаза — такими холодными. А улыбка — такой искренней.

— И в мыслях не было мечтать... — пискнула я, пытаюсь освободиться из тисков. — Мне просто не нравится, что...

Аглая наконец-то разжала пальцы:

— Чем нести всякий вздор и мучить меня этой скверной историей, занялись бы лучше мюнхенским жеребчиком.

Это был сигнал: поболтали, девочка, пора и честь знать.

Я вышла, плотно прикрыв за собой дверь. Подниматься наверх, к спеленатому одеялами Райнеру, мне не хотелось. Да и мало ли что я могу там увидеть, кроме одеял, водки и наглого сексуального tattoo! Мулатку, например. Или бюстгальтер Минны на спинке кровати. Или — что самое ужасное — Дарью, которая сменила гнев на милость только для того, чтобы мне досадить.

Но, в конце концов, можно ведь побродить по дому...

В коридоре, ведущем в зал с охотничьими трофеями Дымбрыла, я нос к носу столкнулась с Ботболтом. Ботболт, этот бурятский шпион, пришедший с холода, был в расстегнутой дохе (но не лисьей, как у хозяина, а в волчьей — поскромнее) и с маленькой сумкой в руках.

— Простите, — обратился он ко мне. — Вы не видели эту женщину с... таким большим ртом?

— Софью.

— Да, — закивал он.

— А что случилось?

— Я ее потерял. А она оставила мне свою сумочку.

Прежде чем я успела что-либо сообразить, моя загребущая рука потянулась к частной собственности Софьи Сафьяновой.

— Давайте ее сюда. Я передам...

Ботболт секунду подумал, затем вынул из кармана фланелевую салфетку, зачем-то протер сумку и только после этого протянул ее мне.

...Вечер удался — по крайней мере, его начало.

Мы встретили наступление сумерек в том же количестве: шестеро женщин и трое мужчин плюс Ботболт. Плюс Ксоло. Правда, произошла одна существенная замена. Нас покинул душка Дымбрыл Цыренжапович, а его место занял оператор Фары по имени Чиж. Он так и представился, птичьей скороговоркой, — «ПетяНоМожноЧиж», и я сразу же поняла, откуда ветер дует. Должно быть, Фара простить себе не мог профессионального краха за обедом. И именно поэтому вывел под уздцы Чижа, который весь день благополучно проспал в комнате режиссера.

А нерасторопность Фары не вызывала никаких сомнений.

Еще бы, расшалившиеся дамы публично обнажились до самых гланд, а это даже не было зафиксировано на пленку! Но Фара все еще надеялся исправить положение, иначе бы в обеденном зале не появилась видеокамера. И ее опекун Петя Чиж.

О том, что луна Дымбрыла не будет сиять на небосклоне дружеской вечеринки, нам сообщил верный Ботболт: срочные дела призвали хозяина в Питер, он настоятельно просит извинить его и так же настоятельно требует, чтобы гости чувствовали себя, как дома. Верный же Ботболт (от кончиков белых перчаток до запасов шампанского «Veuve Cliquot Ponsardin») поступает в их полное распоряжение.

Прежде чем упасть в объятия «Veuve Cliquot Ponsardin», я успела сделать две вещи: распотрошить сумочку Софьи Сафьяновой (гореть мне в аду!) и послать к черту Райнера-Вернера (гнить мне в раю!).

Мучения начались сразу же, стоило только заполучить поганый сафьяновский ридикюль. Он жег руки так сильно, что к нашему закутку на третьем этаже я добралась едва ли не с ожогами второй степени. Дом все еще оставался для меня загадкой, из-за любого угла могла материализоваться большеротая Софья — так что более безопасного места, чем ванная без щеколды, и придумать было нельзя.

При условии, конечно, что немец спит после принятия «Абсолюта». Спит в самом примитивном смысле этого слова. Без всяких парафраз на тему «заниматься любовью».

Немец спал. Один как перст, слава богу!

Но и во сне демонстрировал свое превосходство над женщиной: картинно разбросанные руки, картинно вздернутый подбородок, картинно

разошедшиеся складки на лбу. Он даже не храпел, что совсем меня не удивило: не может же храпеть фото из рекламного журнала!

Я на цыпочках пробралась в ванную, плотно прикрыла за собой дверь и уселась на унитаз.

Ничего особо выдающегося в ридикюле не было, кроме разве что нескольких пакетиков с каким-то порошком. Я развернула один из пакетиков и уткнулась глазами в мелкие белые кристаллы. Уж не героин ли?..

Но лизнуть порошок я побоялась.

Следующим номером программы шла записная книжка, испещренная фразами типа «...на ладонь ей выпало нечто, впоследствии оказавшееся самым настоящим человеческим глазом». Из-за нескольких подобных фраз я сделала вывод, что это не просто записная книжка, а Записная Книжка Писателя.

Которая впоследствии может быть издана отдельным томом: «Из не вошедшего в собрание сочинений». В плексигласовый карман записной книжки был воткнут календарик на текущий год с отмеченными кружочками датами. Сегодняшний день тоже был обведен — оптимистической зеленой пастой. Кроме календаря и пары визиток, в кармашке валялся чек «ИЧП «Крокус».

Должно быть, это дорого, как память.

Оставив в покое чек, я перескочила на смятую двадцатидолларовую купюру и связку ключей. Ключей было пять — два от английского замка, один — совсем крошечный, — видимо, от почтового ящика; еще один — длинный, похожий на отвертку. Пятый предмет, который я поначалу приняла за ключ, сильно смахивал на отмычку...

— Вы здесь? — раздался за моей спиной голос Райнера.

От неожиданности я ойкнула, и все барахло из сумочки вывалилось на пол. С громким возмущенным стуком я, как коршун сорвавшись с унитаза, накрыла рассыпанное собственным телом. Но было уже поздно: треклятый Райнер все-таки успел разглядеть пакетики.

— Героин? — поинтересовался он и впервые посмотрел на меня с уважением.

— От кашля. Порошки...

— Понятно. А я думал...

Я все еще не могла подняться с пола. Скорее бы запихать все скромное Софьино имущество обратно в сумку. А тут еще раздражающий фактор в виде бесстыжих голых ног!.. Я как будто приклеилась к этим ногам: волосок к волоску, и ногти полирует, гадина!

— Стучаться надо, господин Рабенбауэр!..

Господин Рабенбауэр пропустил мое замечание мимо ушей.

— У меня к вам просьба, Алиса.

— Что еще за просьба?

— Вы не могли бы раздеться?

От такой наглости я снова выронила сумку, содержимое которой с трудом собрала.

— Что-о?!

— Раздеться.

— В каком смысле?

— Догола.

Уж не ослышалась ли я?! Или, может быть, немец не так хорошо владеет русским языком, как мне казалось? Или так принято в холодном, лишенном всяких сантиментов немецком обществе? Или это отношение к русским, перенесенное на меня, как на яркую представительницу нации?! Спокойно, Алиса, держи себя в руках!

— Значит, догола. А зачем, позвольте узнать?

— Вы же сами сказали мне... что после подобного купания могут возникнуть проблемы с... — Райнер понизил голос до шепота и, не договорив, красноречиво скосил глаза на собственный, прикрытый одеялом, пах.

— А я тут при чем? Не у меня же они могут возникнуть.

— Я понимаю, но... Если бы вы разделись, я бы мог проверить... Все ли в порядке... Он очень живо реагирует на женское тело. Он ни разу меня не подводил...

— Кто?

— Он.

Только теперь до меня стал доходить чудовищный, порнографический смысл просьбы. И никакого смущения на арийской физиономии, надо же!

— Кто — он? — упрямо повторила я.

— Он. Мой... перчик... Неужели непонятно?

О, если бы я могла дотянуться сейчас до этого перчика! С каким наслаждением я вырвала бы его с грядки и отправила в переработку на лечо!.. Но я ограничилась пощечиной.

— А я думал, мы друзья! — Райнер, стоически выдержавший удар, сокрушенно помотал головой.

— И зачем я вас только вытащила... А насчет вашего члена...

— Как грубо...

— Насчет вашего члена... Проконсультируйтесь лучше с андрологом.

Я думаю, андрологов здесь полон дом...

...К вечернему коктейлю мы спустились порознь.

Райнер-Вернер, ведомый своим перчиком, просочился в обеденный зал без всякой заминки, мне же обломилась не совсем приятная встреча с Софьей Сафьяновой. Софья ухватила меня за руку, когда я, зазевавшись, в очередной раз чуть не свалилась с лестницы.

И свалилась бы — если бы не жесткий прессинг укротительницы полицейских романов.

— Молодой человек по имени Ботболт сказал мне, что передал вам мою сумку. Это правда?

Вот они и начались, искривления пространства! У меня заложило уши, перед глазами поплыли разноцветные круги, а руки самопроизвольно сложились лодочкой: чтобы кримволчице было удобнее застегнуть наручники на моих запястьях.

— Это правда? — еще раз повторила Софья.

— Я вас не нашла.

— Где мои вещи?

Трясаясь, как осиновый лист, я протянула ей сумку.

— Надеюсь, вы в нее не заглядывали?

Только бы не сорваться! Только бы не потребовать ручку для подписания протокола о чистосердечном признании!

— Как вы могли подумать!

— А вы, собственно, кто такая, милочка?

Если я скажу, что приволоклась сюда следом за Аглаей, камеры предварительного заключения мне не избежать!

— Я... Я в съемочной группе.

— Зачем же лгать, — Софья обнажила крепкие, чуть желтоватые зубы, вполне годящиеся для перекусывания проводов сечением 20 миллиметров. — Я собрала о вас кое-какие сведения. Вы — подручная госпожи Канунниковой...

Дашка! Это Дашка сдала меня с потрохами, больше некому. Но вступать в прения с комиссаром Мегрэ в юбке я не стала.

— Так вот. Передайте вашей хозяйке, что... — Сафьянова сделала многозначительную паузу.

Что?

«Что по оригинальности сюжетов ее творчество находится на почетном предпоследнем месте: после «Колобка» и перед текстом гимна Российской Федерации».

— Передайте вашей хозяйке, что я восхищена ее книгами.

— Я обязательно... передам. Всенепременно.

Душная мадам отпала от меня, как пиявка, все вещи в радиусе трех метров перестали выгибаться дугой и наконец-то встали на свои места. Теперь, после близких контактов с «дорогой Софьей», в фразу из ее записной книжки «...на ладонь ей выпало нечто, впоследствии оказавшееся самым настоящим человеческим глазом» я верила безоговорочно.

Из-за небольшой заминки с Сафьяновой в «рогатый» зал для торжеств я вползла последней.

Все были в сборе: четыре всадницы Апокалипсиса, одна собака, один бурят, один толмач, два представителя телевизионной диаспоры и одна — журналистской. Всклоченный Чиж снимал на видео все, что только под объектив подвернется. А подворачивались все больше мармеладные улыбки писательниц, которые они то и дело посылали в разные концы зала.

И друг другу.

Делать это было особенно удобно: всех четверых сплотил небольшой ломберный столик, который — сразу после ужина — выставил Ботболт. И за который они тотчас же уселись. Перекинуться в добропорядочный бухгалтерский преф, как я подозревала.

Но преферанса не случилось, а случился дамский джокер — простенькая игра со взятками, дуться в которую я научилась еще в возрасте одиннадцати лет на незабываемом полуморском курорте Черноморка, вблизи совершенно антисанитарного Днепровско-Бугского лимана.

Дамский джокер, естественно, а что еще может объединять бывшую повариху, бывшую машинистку, бывшую ночную воспитательницу и женщину без всякого прошлого. Не бридж, не покер и не баккара же, в самом деле!

В перерывах между сдачами дамы перебрасывались цитатами из своих книг — уже не с таким остервенением, как днем. И уж, конечно, совсем с другим знаком. Да и цитаты были совсем другими. И резюме по поводу цитат.

«Вы в прекрасной форме, дорогая Минна! А ваш последний триллер просто великолепен. Уму непостижимо, откуда такая упругость плоти в бесплотных вещах!»

«Вы потрясающе, дорогая Теа! Не жаль, что ваши книги растаскивают на анекдоты? Может быть, следует подумать о том, чтобы продавать репризы в розницу?»

«Вы изумительны, дорогая Софья! Какой реализм, какая точность деталей! Если раздавать ваши романы в СИЗО, чистосердечных признаний

было бы гораздо больше...»

«Вы восхитительны, дорогая Аглая! Может быть, позвольте хоть одним глазком взглянуть на вашу новую вещь? Нет никаких сомнений, что она принадлежит двадцать первому веку! И что это за дивный цветок у вас на груди?»

Аглая действительно появилась в зале с цветком в разрезе декольте — тем самым двоюродным братцем чайной розы, который так поразил ее воображение час назад. Черт ее дернул приволочь с собой этот цветок!

Но повлиять на Аглаю я уже не могла.

Мне оставалось только восхищаться тонкой игрой конкуренток и исподтишка следить за несчастным Фарой, который был вовсе не готов к такому повороту событий. За каких-нибудь полтора часа он четырежды поменял цвет лица (по всему спектру — от теплой до холодной его части). А эмоции! Поначалу Фару согревала надежда на то, что фурии сорвутся и снова вцепятся друг другу в волосы. На смену надежде пришло легкое недоумение, переросшее в стойкое удивление. И наконец, режиссер впал в ярость. Тихую и поэтому особенно впечатляющую. Масла в огонь подливала Дарья, вороном кружившая над попавшим впросак горе-профессионалом: «Нужно знать, где, когда и сколько, парень!»

Только Чиж оставался безучастным: цветосветовые пятна мелькают, объекты движутся, мизансцены строятся сами собой, камера работает — что еще нужно?..

Покончив с воспеванием творчества, дамы перешли на забавные случаи — из карьеры и жизни. И даже на легкое философствование. Потом перескочили на издателей. В этом вопросе все четверо были поразительно единодушны.

— Негодяи, — сказала Минна. — Только вал у них на уме.

— Подонки, — сказала Теа. — Набивают карманы за наш счет. Проще «Войну и мир» состряпать, чем лишнюю копейку у них выпросить.

— Сволочи, — сказала Софья. — Тем более что «Войну и мир» у вас сейчас никто не купит, дорогая Теа. Времена адские. А этот дешевый глянец?

— Какие времена — такие и обложки, дорогая Софья.

— А художники! Где они только набирают этих бездарей? В привокзальных сортирах, что ли, отлавливают?

Все трое посмотрели на Аглаю — с той предельной степенью укоризны, которую могла позволить себе протокольная съемка. Аглая была единственной из всей четверки, кто издавался не в унижительных анилиновых обложках, а во вполне пристойном сафьяновом переплете.

Почти академическом.

— Может быть, объявим забастовку? Выйдем на улицу с плакатами? — Аглая подмигнула конкуренткам, и благодатная тема «Хуже издателя может быть только послеродовая горячка вкупе с мягким шанкром» увяла сама собой.

...Периодически все выходили в зимний сад и прилегающую к нему оранжерею — покурить. После одного такого перекура Аглая потеряла всякий интерес к дамскому джокеру (благо все остальные потеряли к нему интерес еще раньше). Теперь она вместе с Райнером-Вернером (что за трогательное единодушие!) наматывала круги вокруг шахмат и донимала очумевшего Ботболта расспросами об истинном значении фигур.

Польщенный таким вниманием, Ботболт начал путано и длинно объяснять, что все шахматы сделаны по специальному заказу в Тибете, что королем на доске выступает божество ясного неба Эсеге Малан-Тенгри. А роль ферзя играет Сахилгата Будал-Тенгри, в ведении которого находятся громы и молнии.

Остальные функции были возложены на Саган Себдега, желтую бешеную собаку Гуниг, бабушку Маяс Хара и быка Буха-Нойон Бабая, успешно заменившего коня.

Настолько успешно, что «все приезжающие к тайше Дымбрылу Цыренжаповичу Улзутуеву не нарадуются на такую красоту».

Интересно, что такое тайша? Оч-чень уважаемый человек? Или криминальный-авторитет-пальцы-веером-по-бурятски?

Аглае так понравился весь этот питомник тотемов, что она тотчас же предложила Райнеру сыграть партейку. Игроки они были неважные, да что там, вообще никакие! Уж я-то со своим первым разрядом могла по достоинству оценить их игру. Брутальный немец был способен только переставлять фигуры, никакого композиционного мышления (кто бы сомневался!); Аглая выглядела чуть лучше, в какой-то момент ей даже удалось сварганить (очевидно, по неведению) некое подобие защиты Тарраша. Шахматы так увлекли ее, что через каждые пять минут она отправлялась в оранжерею с очередной сигаретой: обдумывать ходы.

Спустя полчаса, с трудом загнав партию в колченогий эндшпиль, Аглая подозвала Ботболта.

— Тащите-ка ваш эксклюзивный «Клико Понсардин», дружище. Я хочу провозгласить тост. И прошу вас всем сообщить об этом.

Ботболт кивнул круглой головой и отправился на кухню.

Но только стоило ему выйти из зала, как между Аглаей и Райнером-Вернером возникла нешуточная склока.

— Вам мат, — объявил Райнер.

Но Аглая поражения не признала.

— Что же это вы сделали, голубчик? — спросила она. — Буха-Нойон Бабай так не ходит. Это же конь! Конь, а не ладья.

— Да нет же! Это вовсе не конь. Это и есть ладья — бабушка Маяс Хара. Маяс Хара, а не Бабай. Я же помню...

Со стороны их разговор напоминал оживленную беседу сумасшедших с непередаваемым национальным колоритом. То-то бы порадовался тайша Дымбрыл Цыренжапович Улзутуев!

— Не морочьте мне голову! — вскипела Аглая. — Ни черта вы не помните. Немцы вообще ни черта не помнят, до сих пор думают, что Берлинская стена сама упала, от порыва ветра!

— И все-таки это не конь. Это ладья. Ладья. Die Turm.

Вот чего Аглая не могла вынести, так это настойчиво-туполобого немецкого.

— Ботболт! — заорала она. — Ботболт, идите сюда немедленно!

Ответа не последовало. Махнув рукой, Аглая отправилась в оранжерею — «я должна выкурить сигарету, Райнер, иначе мне придется размазать вас по стенке». Она явилась через несколько минут — три-четыре затяжки, не больше. Еще спустя некоторое — довольно продолжительное — время пришел неспешный Ботболт, в руках которого подрагивал поднос с шампанским.

— Ваше шампанское.

— Взгляните-ка! Это конь или ладья? — Аглая не глядя сняла бокал с подноса.

— Бабушка Маяс Хара, — подтвердил Ботболт, пристально глядя на доску. — Ладья.

— Ну, что я говорил? — возликовал Райнер-Вернер и последовал примеру Аглаи, тоже взяв бокал. — Вам мат.

Ботболт, который, очевидно, терпеть не мог сцен грубого интеллектуального насилия, по-быстрому отвалил.

Аглая же все еще не могла успокоиться.

— Так не пойдет, — поджала она губы. — Я была введена в заблуждение... Я никогда не проигрываю, милый мой, никогда.

— Но это же очевидно!

— Никогда! — Аглая повела плечами, топнула ногой и неожиданно шмякнула бокал об пол.

Эта исполненная внутреннего драматизма сцена осталась практически незамеченной. Для всех — кроме меня. И флегматичной камеры Чижана.

Хоть что-то можно будет выдоить из четырехчасовой кассеты: впервые надменная нетитулованная королева потерпела фиаско — пусть и в шахматах.

Я была предпоследней, кто взял бокал с подноса.

Последней оказалась Дашка.

Вот здесь-то и произошла маленькая заминка: Аглая тоже отправилась в поход за шампанским — ведь свою емкость с «Veuve Cliquot Ponsardin» она уничтожила.

Но Дарья вовсе не собиралась уступать детективщице.

И подошедшей Аглае осталось только лицезреть пустой поднос.

— Ускользнул, — приступ внезапной ярости по поводу проигрыша прошел. Аглая была сама любезность. — Прямо как в старой песенке.

Аглая подмигнула опередившей ее Дашке. И произнесла длинную фразу на французском. Беглом, небрежном и удивительно чистом французском.

— Жаль, что я не могу этого напеть.

Давление было слишком очевидным. Очевидным был и подтекст: «Вы, милая моя журналисточка, всегда будете самозванкой. Славы ли это касается или остатков торта на презентации у разбогатевших галерейщиков. Или остатков спермы в постелях обедневших плейбоев. Или — как сейчас — бокальчика. Вы всегда будете чуть ниже — там, в толпе. Рядом — и невыносимо далеко». И Дарья — несгибаемая, непримиримая воительница Дарья — неожиданно стусевалась. Сникла. Дала задний ход.

— Извините. Может быть...

— Вы знаете французский?

— Нет, — бокал в Дашкиных пальцах дрогнул. — Возьмите...

— Ну, что вы... Эта проблема легко разрешима, не правда ли, Ботболт? Ботболт нагнул подбородок и удалился.

— А теперь тост! Тост!.. Я бы хотела выпить за вас, — торжественно произнесла Аглая, обращаясь ко всем сразу. — Думаю, через пару минут мне представится эта возможность.

Она добилась чего хотела (если, конечно, она добивалась именно этого) — все, как идиоты, стояли с шампанским.

И ждали ее одну. Королеву.

Наконец, появился Ботболт с таким же одиноким, как и Королева, бокалом на подносе.

«Veuve Cliquot Ponsardin» перекочевало к Аглае. Она подняла бокал и обвела взглядом присутствующих.

— Я бы хотела выпить за вас. За вас, дорогая Минна. За вас, дорогая

Теа. За вас, дорогая Софья... Я счастлива видеть вас, я счастлива познакомиться с вами. Делить нам нечего. Ведь мы, в конце концов, делаем одно общее дело, — она повернулась к камере. — Мы служим нашему читателю. Так что — рога в землю, шпаги в ножны, а флоты в гавань. Перемирие на всех фронтах. Если, конечно, никто не возражает.

Никто не возражал. Попробовал бы хоть кто-то возразить под прицелом объектива!

Все сдвинули бокалы и чокнулись.

Аглая первой — и здесь она не хотела терять первенство — сделала глоток. Маленький глоток. И снова улыбнулась.

— Странный вкус... Вы не нахо...

То, что произошло спустя секунду, навсегда запечатлелось в моей памяти. А сама эта секунда вдруг раздвинулась, как театральный занавес, обнажив самые потаенные уголки кулис. СС, ТТ и ММ с вымученными улыбками на лице. Ботболт с подносом в руках. Камера Чижа, направленная прямо на Аглаю. Прерывистое дыхание Райнера-Вернера у меня за спиной. Брови режиссера Фары, разлетевшиеся подобно пеночкам из гнезда. Дашка с проливающимся на платье шампанским — мое собственное зеркальное отражение.

Бокал выпал из рук Аглаи и разбился на мелкие осколки. Она сделала несколько шагов вперед, удивленно улыбнулась, перехватила пальцами горло и приоткрыла рот — как будто ей не хватало воздуха... А потом по ее телу пробежала судорога.

Секунда все еще не кончалась.

И, за несколько мгновений до того, как театральный занавес упал, Аглая сделала еще один шаг. Прямо на камеру. Она заглянула в объектив, как будто бросила в него прощальный взгляд. И снова растянула губы — то ли в улыбке, то ли в гримасе. И, оторвав наконец руку от шеи, погрозила пальцем. Кому-то или чему-то. Или указала. На кого-то или на что-то.

Но, скорее всего, это был ничего не значащий жест.

Через секунду лицо Аглаи Канунниковой, первой леди детектива, налилось синевой, и она, как подкошенная, рухнула на пол. И затихла.

— Врача! Позовите врача! — истошным голосом закричала Дарья.

Господи, какой врач?! Откуда здесь врач?..

Дашкин вопль запрыгал по стенам, заставил огонь в двух каминах вспыхнуть ярче и ураганом пронесся по лицам безмолвно стоящих людей. СС, ТТ и ММ поспешно стерли улыбки с лица — еще до того, как эти улыбки успели стать осмысленными.

В наступившей тишине вдруг явственно послышался стук. Поначалу я

не могла определить источник этого стука — и лишь потом поняла: стучали зубы Райнера-Вернера.

Кольцо вокруг лежащей на полу Аглаи не сжималось, но и не размыкалось: никто не мог сделать и шага. Никто не мог отвести глаза от ее стрижки, сразу же пришедшей в беспорядок; от брошенных на произвол судьбы складок платья, от чудовищно искривленного рта. И от бледно-воскового цветка в разрезе декольте.

«Бойся цветов, сука! Бойся цветов, сука! Бойся цветов, сука!» — бешено колотилось у меня в висках.

«БОЙСЯ ЦВЕТОВ, СУКА!»

Ксоло, до этого беспорядочно вертевшаяся возле хозяйки, залаяла. Этот — самый обыкновенный — собачий лай и вернул всех к жизни.

Первым решился Ботболт.

Он осторожно опустился перед Аглаей на колени и коснулся пальцами ее шеи. Ксоло лаяла не переставая.

— Заткните ее, бога ради! Заткните собаку!..

Нервы у Дашки ни к черту, кто бы мог подумать...

Лай перешел в тихое поскуливание. Это поскуливание не оставляло никаких шансов — ни Аглае, ни всем нам.

— Ну?! — Райнер-Вернер не выдержал первым. — Ну?!

Ботболт поднялся, машинально отряхнул брюки и бесцветным голосом произнес:

— Никакого врача не нужно. *Она мертва.*

Глава 3

Через полтора часа после убийства

...Никто не знает, сколько часов мы проведем в этом странном доме.

Я даже не уверена, что стылый ночной пейзаж за окном — реальность. Реальность, а не заставка к передаче, которая никогда не будет снята. Ради нее Аглая приехала сюда... Нет, черт возьми, нужно смотреть правде в глаза. Не ради передачи. Таких передач у нее был не один десяток. Она просто не могла отказать себе в удовольствии посидеть на бутафорском троне Королевы Детектива.

И ей это удалось. Почти удалось.

Устроиться на самом краешке и поднять бокал, в котором уже была хвостом ее смерть.

Смерть, которую констатировал случайный холоп случайного человека. Ровно полтора часа назад. Ровно полтора часа назад Ботболт поднялся, отряхнул брюки и бесцветным голосом произнес:

— Никакого врача не нужно. *Она мертва.*

* * *

...Несколько мгновений все переваривали страшную новость.

— Мертва? — переспросила Минна.

— Мертва? — переспросила Теа.

— Мертва? — переспросила Софья.

— Sie ist tot?!^[20] — сдавленным шепотом произнес Райнер-Вернер.

— Мертва, надо же! — Дашка истерически хихикнула. — Мертва.

— Что значит — «мертва»? — Режиссер Фара сделал шаг в сторону тела Аглаи и тут же в суеверном ужасе отступил. — Что значит — мертва?! Да убери же ты, наконец, эту чертову камеру, Петя!..

Все это время камера ни на секунду не выключалась, вот оно что!

Чиж с трудом отклеил от лица глазок видеоискателя. Судя по его застывшим зрачкам и сомнамбулической улыбке на лице, — он так до конца и не понял, что же произошло. Камера — во всем была виновата камера. Для камеры не существовало грани между реальностью и

воплощением реальности. Любой попавший в объектив человек становился персонажем. А персонажи могут только выйти из кадра, но никак не умереть. По-настоящему.

— Какой ужас! — совсем по-женски всхлипнул самец Райнер-Вернер. — Это сердце, да?

Вопрос застал все общество врасплох.

— Может быть, — сказала Минна.

— Конечно же, сердце, — сказала Теа.

— Скорее всего, — сказала Софья. — Кто бы мог подумать... А выглядела такой здоровой...

— Она действительно мертва? — Дарья уже взяла себя в руки.

— Посмотрите сами, — Ботболт пожал плечами.

— Посмотрю.

Теперь это снова была та самая Дашка, которую я знала тысячу лет: целеустремленная, волевая и несгибаемая. Она решительно двинулась к распростертому на полу телу; так же решительно она двигалась к глянцевым страницам модных журналов. И заполняла причитающиеся ей колонки жесткоструктурированными аналитическими сплетнями.

Но стоило только Дашке приблизиться к Аглае, как Ксоло, скулившая до этого совершенно абстрактно, набросилась на нее с самым конкретным желанием оттяпать половину подбородка.

— Убери эту дуру, — зло бросила мне Дарья. — Или вы не знакомы? С собакой и ее хозяйкой? Ты, я смотрю, не очень огорчена...

Аглая мертва, а я совсем не выгляжу огорченной. Неужели это правда?

Правда. Правда.

Господи ты боже мой, разве можно огорчаться по поводу торнадо? Тайфуна? Землетрясения в восемь баллов по шкале Рихтера? Разве можно огорчаться по поводу наступления ледникового периода, пересыхания Мирового океана, массовой гибели звезд в галактиках № 45, 67 и 89?..

Огорчаться можно только по поводу порезанного пальца. И лишь до тех пор, пока порез не скроется в крошечном, молочно-белом сугробе пластыря. Примерно такой же пластырь устроился сейчас на указательном пальце Теа. Но кто такая Теа? Самая заурядная мулатка, прижившая с десятков квелых книг от бородатых анекдотов. И кто такие Минна с Софьей — даже пластыря на пальце у них нет!

Аглая — совсем другое дело.

Аглая — звезда.

Звезда, и галактики № 45, 67 и 89 еще будут оспаривать друг у друга право считаться местом ее гибели... Так разве можно огорчаться по этому

поводу?

«Огорчаться» — это совсем другая эмоциональная шкала...

— Заткни ей пасть, — снова прошипела Дашка.

Я присела на корточки и тихонько позвала Ксоло:

— Ксоло, девочка, иди к Алисе... Иди, моя хорошая. Алиса тебя любит. Иди, иди сюда...

Спустя минуту несчастная Ксоло вняла моим мольбам. Скулить она не перестала, но, улегшись на брюхо, поползла ко мне. Я перехватила ее и прижала к груди. Еще никогда...

Черт, я, кажется, плачу...

Пока я прислушивалась к своим ощущениям, Дашка по-мясницки начала распоряжаться пространством вокруг Аглаи. И самой Аглаей.

Вернее, тем, что еще несколько минут назад было Аглаей Канунниковой, Королевой Детектива. Я даже не подозревала в своей подруге такого прозекторского хладнокровия. Если сейчас она вытащит из лифчика хирургический скальпель и вскрыет грудину Аглаи, как банку томатов в собственном соку, — я не удивлюсь...

Дарья приложила ухо к цветку в декольте, затем пристроила пальцы к голубоватой жилке на шее и, наконец, распялила Аглаино веко. Одно, а затем другое.

— Она мертва, — ровным учительским голосом отчеканила Дашка, делая ударение на каждом слоге: «Запомните, дети, как пишутся эти два слова. А теперь повторим все вместе, хором. И не забудем поставить восклицательный знак: **«ОНА МЕРТВА!»**»

— Она мертва. Мертвее не бывает.

Это был сигнал. Сигнал стае воронья, заградительному отряду гиен, садово-огородному товариществу грифов-стервятников.

— Какое несчастье, — сказала Минна, приближаясь к телу.

— В голове не укладывается, — сказала Теа, приближаясь к телу.

— Нужно вызвать «Скорую», — сказала Софья, приближаясь к телу. — Вы слышите меня, молодой человек?

Ботболт повел раскосыми глазами, но даже не сделал попытки сдвинуться с места. Напротив, присел на корточки рядом с задравшимся подолом Аглаино платья и стал меланхолично собирать осколки.

— Не стоит этого делать, — раздался голос позади меня. Малокровный, анемичный голос. Этого голоса я никогда не слышала, а если и слышала, то напрочь забыла, кому он принадлежит. — Не трогайте осколки.

Храмовый служка при смокинге пожал плечами, но от осколков стекла

все же отступил. А СС, ТТ и ММ синхронно повернули головы: кто это еще разговорился? Я последовала их примеру. Вместе с Дарьей, все еще не желавшей выйти из теплых ласкающих волн смерти Королевы.

За нашими спинами стоял Чиж.

Тот самый оператор «ПетяНоМожноЧиж», бесплатное приложение к камере, бледная телевизионная спирохета, последний козырь режиссера Фары. Все это время он находился в тени своей всемогущей «SONY Betacam» — тени настолько плотной, что я даже не могла рассмотреть его как следует.

Хохолок на макушке, потрепанные джинсики, потрепанная жилетка с таким количеством карманов, что по ним можно было бы рассовать всю Лондонскую публичную библиотеку; потрепанные ботинки армейского образца и полное отсутствие физиономии. То есть, безусловно, что-то на этой физиономии присутствовало — при близком контакте там можно было обнаружить нос, рот и даже глаза. И все же, все же... Какими-то смазанными они были, какими-то совсем тусклыми. Без камеры Чиж смотрелся как сорокалетняя женщина без макияжа, как дом без окон, как павлин без хвоста.

Даже я со своей совсем неброской внешностью могла сойти рядом с ним за супермодель Клаудию Шиффер.

И вот теперь этот павлин без хвоста что-то пропищал. Малокровным, анемичным голосом:

— Не трогайте осколки.

— А в чем дело? — спросила Минна.

— Мы ведь не можем оставить все так, — сказала Теа.

— Пока не приехала «Скорая», — сказала Софья.

— Пока не приехала милиция, — отбрил Чиж. — Пока не приехала милиция, не нужно трогать осколки.

Пожалуй, я ошиблась. Он оказался совсем не слабосильным, голос Чижа. И анемией он не страдал. Напротив, в нем было что-то вивисекторское, что-то заставляющее вспомнить лабораторные реторты, опыты на мышах и пункции плевральной полости.

— Не думаю, что это сердце, — сказал Чиж и деловито бросил Дашке: — Отойдите от тела.

Дарья подчинилась.

Сменив ее на посту № 1, Чиж принялся деловито обнюхивать, ощупывать и осматривать Аглаю. Потом так же деловито переключился на осколки.

СС, ТТ и ММ сбились в отару, Райнер-Вернер повис у меня на плече, а

Дашка демонстративно отошла к шахматам.

— Никто не утверждает, что это обязательно сердце! — топнула ногой Теа.

— Вот именно. Никто не утверждает, — топнула ногой Минна. — Может быть, это астма. Острый приступ, а под рукой не было никаких лекарств...

— Такое иногда случается при астме, — топнула ногой Софья. — Моя собака умерла от астмы. И тоже внезапно. Почти как дорогая Аглая. Я очень страдала...

— Все дело в том, что у нее не было никакой астмы. — Неужели это мой собственный голос звучит так спокойно? — И сердце у нее было здоровым. Она была абсолютно здоровым человеком.

Все три писательницы посмотрели на меня со скрытой ненавистью.

— Абсолютно здоровых людей не бывает, — выступила от лица триумвирата Софья. — Абсолютно здоровые люди уже давно лежат в могилах...

...Беглое обследование длилось не более пяти минут, после чего Чиж самым будничным голосом произнес:

— Она не умерла.

— Жива? — спросила Минна.

— Жива? — спросила Теа.

— Неужели жива? — переспросила Софья.

— Она не умерла, — Чиж затряс хохолком на затылке. — Ее... отравили.

Через секунду раздался грохот падающих шахмат, приправленный Дашкиным гомерическим смехом. Этим смехом ознаменовалось начало очередного акта драмы: Райнер-Вернер икнул, Ботболт поскреб безволосую щеку, а метрессы приблизились к Чижу и опекаемому им телу Аглаи вплотную.

— Что значит — «отравили»? — Минна, кряхтя и охая, опустилась на пышно взбитые подушки коленей.

— Когда это ее отравили? — Теа последовала примеру Минны, не издав при этом ни единого звука.

— Отравили чем? — Софья, хрустнув коленными чашечками, присоединилась к остальным.

— Я думаю — это цианид, — Чиж уселся на паркет и подпер голову ладонью. А потом обвел взглядом всех троих.

— Бред, — Минна покраснела.

— Полный бред, — Софья побледнела.

— Чушь собачья, — резюмировала Теа, сразу же перевоплотившись из цивилизованной мулатки в дикую, угольно-черную африканку племени кокофу.

— Если быть совсем точным — цианистый калий, — определенно, Чиж поставил перед собой задачу довести присутствующих до умоисступления.

Я поверила Чижу сразу, хотя он и не думал приводить доказательства своей версии. Да и кто такой Чиж, чтобы иметь право на версию?!

Но я поверила. И все потому, что на моих руках дрожала собака Аглаи Канунниковой — породы ксолоитцкуинтли. И все потому, что я знала об Аглае гораздо больше, чем все остальные. И все потому, что я знала об Аглае гораздо больше, чем сама Аглая. Во всяком случае, о том, что предшествовало трагедии.

Бледно-восковой брат чайной розы появился неспроста. Он взял доверчивую Аглаю под локоток, шепнул на ухо анекдотец, пообещал мороженое, чертово колесо и поцелуй в последнем ряду на последнем киносеансе — он даже залез к ней в декольте. А потом подвел к самому краю смотровой площадки и толкнул вниз. Лицом в смерть.

«БОЙСЯ ЦВЕТОВ, СУКА!»

Никто не видел этой записки. Никто, кроме меня. И человека, ее написавшего. Одна только мысль о том, что этот человек может находиться здесь, совсем рядом, и безнаказанно предаваться мыслям о совершенном злодеянии, обдала меня жаром. О, если бы можно было вскрыть все имеющиеся в наличии черепные коробки! В какой-нибудь из них я бы наверняка обнаружила эти самые слежавшиеся сладостные мысли об этом самом злодеянии.

Вот только в какой именно?..

— Цианистый калий? Да вы с ума сошли! — хихикнула Минна.

— Цианистый калий даже в аптеках не продается, — хохотнула Теа.

Софья же, наплевав на вялые протесты Чижа, ухватила за осколок, в котором еще поблескивали капли шампанского, и приблизила его к лицу.

— У вас большое воображение, молодой человек, — надменно бросила она спустя некоторое — совсем непродолжительное — время. — Если даже предположить... Просто предположить, что причиной смерти, как вы утверждаете, явился цианистый калий...

— Он, родимый, — с готовностью подтвердил Чиж.

— Тогда куда делся запах, а? Сильный запах горького миндаля?

— Вот именно — горького, — поддержала Софью Минна.

— Вот именно — миндаля, — поддержала Минну Теа.

— Какой же цианистый калий без сильного запаха горького миндаля? Это, простите, как... — Софья даже щелкнула пальцами. — Это как Буало без Нарсежака!..

— Вот именно. Как А. Вайнер без Г. Вайнера. — Теа по примеру Софьи тоже щелкнула пальцами.

А Чиж перевел взгляд на толстуху Минну: что-то она скажет? Давай, Минна, припечатай самонадеянного юнца!

Но детективные тандемы кончились. Прощельга-мулатка увела последний прямо из-под носа неповоротливого эсминца «Майерлинг», и Минна впала в легкую задумчивость.

— Ну, а вы как думаете, дорогая Минна? — хором спросили Теа и Софья.

Минна по-лошадиному фыркнула мясистым носом: все равно отвечать придется.

— Я думаю, что цианистый калий без сильного запаха горького миндаля — это все равно что Хемингуэй без кошек... — выдохнула она.

— Вот видите? — Софья снова повернулась к Чижу. — Надеюсь, против Хемингуэя вы ничего не имеете?

— И против кошек тоже, но это дела не меняет. Запах все равно присутствует, просто он не такой сильный. Не особенно выраженный... Словом, совсем необязательно, чтобы от цианистого калия за версту несло горьким миндалем. Выдумка это. Таких вот... с позволения сказать мастеров детектива...

Если бы Аглая была жива, она послала бы Чижу воздушный поцелуй — летучий, как синильная кислота.

— Что это значит — «с позволения сказать»?

— То и значит. Ваше невежество когда-нибудь вас погубит. Консультировались бы со специалистами, дамы, прежде чем расписывать ужасы отравления.

— А вы специалист? — Софья с сомнением уставилась на хохолок Чижа.

— Я химик по первому образованию. К тому же, посещал факультатив по ядам.

Некоторое время дамы молчали.

— У меня в книгах только горло перерезают. И распинают на кресте. Или живьем в землю закапывают, на худой конец. — Минна оказалась самой нестойкой. — А больше ни-ни. Никаких отравлений!

— У меня тоже никаких. — Теа сочла за лучшее присоединиться к Минне и лишней раз не нервировать дипломированного специалиста. —

Если вы, конечно, читали Теодору Тропинину, молодой человек. Смерть от маникюрной пилочки как минимум. Или в пасти крокодила — как максимум...

— Вот только не надо делать себе дополнительную рекламу, дорогая Теа, — Софья недовольно поджала губы. — «Если вы читали Теодору Тропинину»!.. Люди сами разберутся, что им читать. А если горький миндаль отпадает... И если вы, как говорите, химик... Какие у вас есть основания предполагать, что это цианистый калий, голубчик?

— У кого-нибудь есть нож? — спросил бледнолицый оператор-оборотень. — И салфетка?

Нож тотчас же нашелся у Ботболта. Ему стоило только отогнуть полу смокинга — и на свет божий явился внушительного вида тесак с костяной, украшенной орнаментом ручкой. Ботболт, не говоря ни слова, почтительно протянул тесак Чижу.

В следующий момент Чиж полоснул ножом себе по пальцу. И подставил под капающую кровь салфетку. На белой ткани сразу же расплылось красное пятно. Все, с облегчением забыв о трупе, усталились на салфетку.

— Есть еще добровольцы?

— Предлагаете нам сделать харакири? — Теа поморщилась. — В знак цеховой солидарности с покойной? Учтите, читатель нам этого не простит...

— Только ради чистоты эксперимента... — начал оправдываться Чиж.

— Ну, давайте я, — Ботболт протянул ему открытую ладонь. — Ради чистоты...

Чиж как будто этого и ждал. Без всякой жалости (вивисектор и есть! последний романтик городского морга) он обрушился на дубленую кожу Ботболта — и на салфетке появилось еще одно пятно: такое же красное. А я-то думала, что непроницаемый, желтолицый бурдюк-Ботболт набит войлоком и по жилам у него течет кобылье молоко!..

Бурятский стоик даже не поморщился. И не задал ни одного вопроса. Ни единого. В отличие от бывшей работницы прокуратуры Софьи Сафьяновой: задавать вопросы, в том числе и риторические, было ее основной профессией.

— Ну, и что вы хотите этим доказать?

— А вот что. Нагнитесь и посмотрите внимательно.

Стараясь не менять положения тела, Чиж приподнял руку мертвой Аглаи и слегка отодвинул ее. И слегка повернул.

— Теперь видите?

Запястье мертвой писательницы было испачкано кровью. Очевидно, она упала прямо на осколок бокала, и тонкая ниточка вены оказалась перерезанной. Порывшись в кармане жилетки, Чиж извлек лупу, состряпанную из самого обыкновенного объектива, и поднес ее к руке Аглаи.

— Видите?

СС, ТТ и ММ по очереди приложились к увеличительному стеклу.

— Порезала руку при падении, — сострила Минна. — Ну и что?

— И вообще неудачно упала, — сострила Теа. — Ну и что?

— Может быть, это стоит классифицировать как попытку самоубийства? — сострила Софья. — Удавшуюся?..

Никто не рассмеялся. Даже Дарья притихла.

— Все дело в цвете, — Чиж облизал порезанный палец. — Для сравнения: вот моя кровь, вот кровь уважаемого...

— Ботболта, — подсказала я.

— Уважаемого Ботболта. Цвет практически одинаков. А теперь сравните его с кровью покойной. Учтите, стекло задело вену, так что кровь по определению — венозная. То есть должна быть намного темнее. А она?

— А что — она? — Осведомленность какого-то выскочки от «SONY Betacam» стала заметно раздражать Софью.

— Сами видите. Ярко-алая.

Это была чистая правда: кровь мертвой Аглаи заметно отличалась от крови еще живых Чижа с Ботболтом. Она была гораздо более яркой. Нестерпимо яркой. Яркой до неприличия.

— И что это значит? — осторожно спросила Минна.

— Это значит, что произошло отравление цианидом. Цианид нарушил процесс усвоения кислорода. И кровь оказалась им перенасыщенной. Вот так. Таким образом обстоят дела.

Дела действительно обстояли хреново. СС, ТТ и ММ отползли от тела Аглаи, как от куска испорченного мяса, и разошлись в разные концы зала. Друг на друга они старались не смотреть. Чиж же остался на месте. Он протянул руку к лицу Аглаи и осторожно, кончиком мизинца, снял каплю слюны. Застывшую в уголке рта.

— Вы уверены, что это... яд? — спросила я. Только для того, чтобы что-то спросить, чтобы наполнить застывший воздух зала хоть каким-то звуком: даже поленья в камине притихли и перестали трещать, что было уж совсем противоестественно.

— Ну, на сто процентов я утверждать не могу... Но на девяносто девять... Вот если бы у меня под рукой оказался железный купорос... Я

был бы уверен абсолютно. И потом, судороги... Локальные красные пятна на шее... Характерно окрашенная слюна. Не слюна даже, а кровавая пена. Совершенно ясно, что воздуха ей не хватило, и она задохнулась. Умерла от удушья. Это — один из самых ярко выраженных симптомов, и он тоже подтверждает... Словом, абсолютно классический, абсолютно хрестоматийный случай отравления цианидом.

— А при чем здесь железный купорос?! — Софья с прокурорской ненавистью посмотрела на гнусного, испортившего всю обедню Чижка. — При чем здесь какой-то железный купорос, если вы заявляете, что она отравлена! И намекаете на то, что это...

Закончить фразу она не решилась. Произнести вслух «убийство» означало бесповоротно испортить дивный зимний вечер. И не менее дивную зимнюю ночь, которая должна была прийти на смену вечеру. Теперь же на смену вечеру придет не дивная ночь, а вполне прозаичная шайка оперов. Опера наберут понятых из соседней, полусгнившей от пьянства деревеньки. Опера будут топтать паркет грязными ботинками, сыпать пепел на восточные ковры и в кадки с пальмами; опера будут уединяться с участниками трагедии в самых интимных местах особняка и стряпать бесконечные протоколы. И еще неизвестно, чем это обернется, потому что абсолютное алиби имеет только один человек — Аглая Канунникова.

Мертвая Аглая.

— Вы намекаете на то, что это... — Софья сделала вторую попытку. Врывке. Но штанга ей так и не покорилась.

— Если классифицировать отравление как убийство, то намекаю, — бесстыжий Чиж находился с госпожой Сафьяновой в разных весовых категориях и поэтому легко справился со снарядом. С первого захода. — Нужно вызвать милицию.

— Подождите... — повысила голос Теа. — Почему мы должны верить какому-то сомнительному типу? И его сомнительным выкладкам?

— Вам-то что бояться, дорогая Теа? — тотчас же отозвалась толстуха Минна. — По-моему, это ваш звездный час. Попрактикуйтесь в даче автографов — какая вам разница, что подписывать: книгу или протокол?.. Говорят, у вас в наличии имеется двадцать вариантов подписи — на все случаи жизни.

— Вот именно — жизни! Но не... — мулатка скосила глаза на тело Аглаи.

— Никогда не поздно начать.

— Для меня — да. А в вашем почтенном возрасте поздно все. Даже

соучастие в убийстве. — Теа, самая легкая, самая хрупкая из всех, легко перемахнула барьерчик с надписью «преступление» и теперь на всех парах неслась к финишу.

Черт возьми, они снова начали совать друг другу шпильки в мягкие места!.. В самое удачное время и в самом удачном месте, ничего не скажешь! Даже сидя на соседних электрических стульях, они будут поносить друг друга, даже стоя в одной очереди на гильотину!..

— Я не претендую на соучастие в убийстве. Уступаю это почетное право вам... — Минна ловко обошла Теа на повороте и первой разорвала финишную ленточку.

— Дамы, дамы! — Софья постучала ладонью по столу. — Думаю, сейчас не самое подходящее время для выяснения отношений! В комнате находится тело.

— Если это тело, — бросила Теа. — Если это тело, а не мистификация. Вы уверены, что она нас не надула?

— В каком смысле?

— Она любит такие штучки. До последней страницы держит кукиш в кармане. Это ее обычная практика. Слова в простоте не скажет, от нормального, человеческого мотива преступления ее тошнит. Все норовит с подвывертом, с подвывертом, да еще и Фрейдом по башке бьет при первой же возможности.

Теа снова выдвинулась к лежащей на полу Аглае. Она присела на корточки перед телом и с влюбленной ненавистью посмотрела на него:

— Не на тех напали, дорогая Аглая! Поищите других дур.

— А, может, уже начались съемки? — высказала предположение Минна.

— В сценарии подобного эпизода не было, — уточнила Софья.

— А кто же придерживается сценариев? — Теа явно не хотела покидать первый ряд партера. Напротив, она основательно расположилась в нем и теперь не спускала глаз с обездвиженного, чудовищно искажившегося лица Аглаи. — Сговорила с режиссеришкой, возможно, даже заплатила ему, чтобы выставить нас идиотками.

Все повернули головы в сторону режиссера Фары.

Несчастный Фара стоял возле горки с посудой и все еще сжимал в руке бокал шампанского. У него был такой перепуганный вид, что мысль о сговоре отпала сама собой.

— Что скажете, Фараххутддин? — сдаваться вот так, запросто, Теа не хотела. — Сколько получили от этой флибустьерки пера?

Фара съезжился прямо на глазах и картинно, как в индийской

мелодраме, заплакал. После подобных тягуче-глицериновых слез непременно должен следовать танец «Джимми, Джимми, ача, ача» — на фоне цветущей магнолии и Бенгальского залива.

— Оставьте человека в покое, — вступился за своего коллегу Чиж. — Человек-то здесь при чем? Вы меня просто поражаете! Она мертва, вы же сами видите! Какая уж тут мистификация?!

— Я поверю в это только тогда, когда тело будет предано земле в присутствии как минимум двадцати свидетелей. — Теа было не так-то просто сбить с толку. Она призывно посмотрела на остальных корифеев жанра, как бы ища у них поддержки.

— А я бы и тогда не поверила, — Минна поправила брошь на пудровой груди. — Только после эксгумации с последующим анализом ДНК.

— Может быть, вскроем тело, чтобы убедиться окончательно? — подвела итог Софья. И выразительно посмотрела на тесак, который все еще держал в руках Чиж.

После этих слов ситуация в зале стала ощутимо отдавать сюрреализмом. Неужели не найдется ни одного здравомыслящего человека? Фара и Райнер-Вернер полностью деморализованы, то же самое можно сказать о Дашке, заслонившейся божками из набора начинающего шахматиста. О трех масскультовых стервятницах и речи не идет...

— Вскрывать тело будут судмедэксперты, — отрезал Чиж. — Это не ваша компетенция.

— Что касается компетенции, молодой человек... Я много лет проработала в прокуратуре. Я прошла все ступени... И готова провести дознание.

Огромный рот Софьи выгнулся — и снова все пространство вокруг нее искривилось. Пространство, находившееся теперь под прокурорским надзором. Софья моментально увеличилась в размерах, и в ее правой руке ослепительным светом блеснул меч законности. А в левой — звякнули весы правопорядка. Зрелище было таким завораживающим, что мне сразу же захотелось признаться во всех преступлениях человечества: от варварского распятия Христа до варварского истребления стеллеровой коровы. Подобное чувство, должно быть, испытали все присутствующие. Даже Чиж едва не выронил тесак перед суровой физиономией дознавательницы.

Но до признаний дело так и не дошло.

— Значит, говорите, прошли все ступени в прокуратуре? — съехидничала Теа. — От столовой на первом этаже до женского туалета на втором?

— И до бухгалтерии на третьем, — съехидничала Минна. — Кажется, вы там заседали последние пятнадцать лет, дорогая Софья?

— И даже не главным бухгалтером, — продолжала издеваться Теа.

— И даже не старшим экономистом, — продолжала издеваться Минна.

Дутая величина Софьи Сафьяновой лопнула, как мыльный пузырь. Меч законности выпал из ее рук, да и весы правосудия значили теперь не больше, чем самый обыкновенный безмен. С килограммом маргеланской редьки на крюке.

— А работали вы ма... — подмигнула Софье Минна.

— А работали вы ши... — подмигнула Софье Теа.

— ...нисткой, — хором закончили обе и подмигнули друг другу. — Машинисткой!!! Простой машинисткой, даже без среднего специального! Так что все вы врите в своих интервью!

Н-да... Если так пойдет и дальше, то мы узнаем много интересного.

— Да ладно, — огрызнулась Софья, усмирив беснующийся рот. — Сами-то... Минна Майерлинг, она же Мария Моисеенко, старший повар инфекционной больницы № 34. Уволена в 1992 году за систематические кражи продуктов!

Минна-Мария, не ожидавшая такой прыти от машинистки без среднего специального, почесала отроги груди и со слезой в голосе произнесла:

— А в 1993 году восстановлена. По суду.

— И снова уволена. — Теа, с проворством блохи, переметнулась через линию фронта. — Спустя месяц после восстановления. И не только за систематические кражи продуктов, но и за систематические кражи белья из прачечной больницы.

— Временные трудности, — пробормотала Минна.

— То-то вы харю... — подмигнула Минне Теа.

— То-то вы наели... — подмигнула Минне Софья.

— То-то вы харю наели на временных трудностях! — хором закончили обе и подмигнули друг другу. — Полнокровная вы наша! Кровушку с мясом девать некуда, вот и пишите про вампиров и маньяков. И про бензопилы на бойнях!

— Да ладно, — огрызнулась Минна, нервно застегивая и расстегивая палехскую брошку. — Сами-то... Теодора Тропинина, она же Теодора-Эйприл-Вивиан-Октавия Мкамбе, внебрачная дочь гражданина Ганы, отрывка Международного фестиваля молодежи и студентов...

— 1957 года, — ввернула Софья.

— Его, его! — подтвердила Минна. — После окончания педучилища

работала ночной воспитательницей в детских садах. Отовсюду уходила по ходатайству родителей. Дети жаловались на плохой сон, ночное недержание... Без аппетита ели. И вообще... нервничали.

— А все почему? — подмигнула Теа Софья.

— А все почему? — подмигнула Теа Минна. — А все потому, что Теодора-Эйприл-Вивиан-Октавия Мкамбе пичкала детей страшилками на ночь.

— С-страшными страшилками! Отдай мое сердце!!! — хором закончили обе и подмигнули друг другу.

— А может, это и вправду сердце? — неожиданно возвысил голос Райнер-Вернер, до этого только икавший и отделявавшийся от реальности негромкими пугами и такими же негромкими междометиями. — Может быть, господин Чиж ошибается и фрау Канунникова скончалась от сердечной недостаточности?..

Напоминание о покойной было таким неуместным, что все три фурии посмотрели на немца с плохо скрытым неудовольствием.

— Эта — от сердечной недостаточности не скончается, — сказала Минна.

— Эта — сама кого хочешь до нее доведет, — сказала Теа.

— У нее вообще сердца нет, — подытожила Софья. — Приглашают тебя на передачу, месяц договариваются... Звонят через день. А потом — за сутки до эфира — задний ход. «Просим простить, у нас произошли подвижки в сценарии, надеемся на дальнейшее сотрудничество...» А иногда и отснимут уже — и родным раззвонишь, и близким, и знакомым... Сядешь смотреть — и что же?! Вырезали!

— Чикнули! — добавила Минна.

— Исполосовали! — добавила Теа. — Ножничками: клац-клац.

— С ее подачи! Вот так она перекрывает кислород, наглянка! — проскандировали все трое.

Тишина после столь бурного эмоционального всплеска наступила сразу же. Высказав все, что думают, о постылой конкурентке, милейшие женщины потянулись к выходу. Они были у самой двери, когда их остановил голос Чижа.

— Я бы на вашем месте никуда не уходил, — процедил Чиж. — Тем более что кислород перекрыли не вам. В данном конкретном случае.

Выводок писательниц остановился, — как будто каждую из них хлестнули плетью. Или ударили по голове увесистым томом конкурентки.

— Не вам. А ей...

Софья, как человек, в не столь далеком прошлом имеющий отношение

к прокуратуре, отреагировала первой:

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что если госпожа Канунникова мертва... Отравлена... И мы классифицируем отравление как убийство. То...

— То?! — переспросила Минна.

— То?! — переспросила Теа.

— То?! — переспросила Софья.

— *То есть и убийца!* — закончил Чиж и красноречиво переброесил тесак из правой в левую руку. — Вот так. Таким образом обстоят дела.

Если бы не Райнер-Вернер, я бы не удержалась на ногах. Если бы не диван, Райнер-Вернер тоже не удержался бы на ногах. Что еще оставалось после подобной сногшибательной новости? Немец с размаху шлепнулся на упругие кожаные подушки, я с размаху шлепнулась на немца, Ксоло с размаху шлепнулась на меня — так мы и застыли. Если «убийство» было понятием абстрактным и могло относиться к чему угодно, то «убийца» было понятием конкретным и касалось каждого из нас.

Но прежде всего оно касалось Аглаи.

Еще совсем недавно Аглая была живой и здоровой, полной жизни, полной планов; она закончила новый роман, который просто призван был открыть новую страницу в ее творчестве. Ее обожали читатели, ее ненавидели конкуренты, ее помогали журналисты, по ней сохло телевидение. Полоумные Интернет-фанаты устраивали обсуждения канунниковских детективных ходов на форуме «СТРЕЛЯЙТЕ В ПИАНИСТА»^[21]. Полоумные Интернет-фанатки обсасывали саму Канунникову на форуме «400 УДАРОВ»^[22]. Иногда они путали оба этих форума, и мне — среди длинных аналитических посланий — приходилось вылавливать сентенции типа: «О боже! Я видела Ее на книжной ярмарке, и она дала мне автограф. Какая же она милая, боже!!! Help me: существует ли в природе дезик «MEA CULPA» (польз. героин. кн. «ИЗ ГЛУБИНЫ»)? Если да, то где его достать?!»

Теперь все поменялось.

Поменялось в какие-то жалкие десять секунд.

Ее больше нет. Она умерла не в своей постели — это было бы банально. Она не погибла в автомобильной катастрофе — это было бы тривиально.

Она была убита. Смерть, достойная Королевы Детектива. Лучшего и желать нельзя... Феерическая концовка. Музыка, туш!..

Пока я размышляла над этим удивительным поворотом судьбы, бедра

мои как будто тисками сжало.

Проклятый немец!

— Какого черта? — прошипела я. — Вы что делаете?!

— Ничего...

— Вы что, меня лапаете?!

— Was ist das^[23] — «лапать»? — в той же тональности прошипел немец.

Надо же, как быстро вылетел ненормативный русский из твоей гнусной головы!

— Уберите грабли, подонок! Извращенец! Нашли время и место!

— Вас только это смущает? — плоско сострила мюнхенская гадина, но руки все же убрала. А потом радостным шепотом сообщила: — Кажется, у меня все в порядке с...

— Да заткнитесь вы, ради бога!

— Вы сами... Дали повод! Сели мне на колени...

Так вот как была истолкована моя минутная слабость! Подскочив, я рванула от извращенца, как от чумного барака, и перевела дыхание только возле Дарьи. Дарья по-прежнему стояла на шахматном погосте, и вид у нее был самый оторопелый.

— Ну, вы даете! — покачала головой Дарья, издали разглядывая Райнера-Вернера, мертвой хваткой вцепившегося в собственный пах. — На одном гектаре с трупом... Это так сильно тебя возбуждает?

— Что — «это»?

— Это, — Дашка кивнула в сторону лежащей на полу Аглаи. — Мертвое тело. Надо же, какой темперамент! Теперь я понимаю, из-за чего сбежал твой Бывший...

Теперь, по прошествии шести месяцев, Бывший интересовал меня не больше, чем результаты выборов в Великий народный хурал Монголии в 1975 году, но я все же спросила:

— Из-за чего?

— Из-за твоих разнузданных сексуальных фантазий. Привязать к себе такого промискуитетчика, как этот гипер-Гансик, — уметь надо!

— Не говори глупости...

— Надеюсь, ты не думаешь, что это сделала я?

— Что — «это»?

— Это, — Дашка по-прежнему не отводила взгляда от тела.

— Не говори глупостей, — я даже не сразу сообразила, что она имеет в виду.

— Я ее не убивала. Честное слово...

— О чем ты?

— Я ее не убивала... Ты можешь сказать, что я ее ненавидела... Терпеть не могла. Что для меня она была как кость в горле... Но я не убивала...

— Прекрати сейчас же!

Но Дарью уже невозможно было остановить.

— Да, меня от нее тошнило... Меня вообще тошнит от масскульта... Но я ненавидела ее гораздо сильнее... Чтобы просто взять и вот так... Отравить, как крысу... Когда так ненавидят — не убивают.

— Да? — искренне удивилась я. — Почему?

— Это... — Дашка засопела, пытаясь подобрать самую нужную фразу, самые точные слова. — Это было бы слишком просто. Ты понимаешь меня?

Самым удивительным было то, что я понимала. Моя фанатичная (кто бы мог подумать!) подруга слишком долго культивировала в себе ненависть к прославленной, обласканной, облизанной, обожаемой Аглае Канунниковой; она пестовала эту ненависть, она холила и лелеяла ее, удобряла и подкармливала. Она смахивала пыль с широких листьев ненависти, она подрезала сухие ветки и поганой метлой гнала вредителей. Из крошечного, совершенно неприспособленного к жизни саженца она вырастила могучее дерево....

И теперь спилить его под корень вот так, за здорово живешь?! Засунуть псу под хвост многомесячные усилия? Лишиться любимой игрушки, даже не выставив в продвинутой галерее инсталляцию «Масскультура: Гибель «Титаника»? Не-ет... Куда проще мысленно уничтожать Аглаины примитивные ценности каждый день, чем навсегда расстаться с самой возможностью такого уничтожения.

— Ты сумасшедшая, — только и смогла выговорить я.

— Может быть, — скромно согласилась Дашка.

— Ты сумасшедшая, но...

Теперь и я смотрела на Аглаю. Чувство реальности покидало меня и снова возвращалось. Выдающаяся писательница, кумир миллионов, лежит на полу, в чужом доме, среди чужих людей... Она не напилась, она не уснула, она — мертва!..

— Ты сумасшедшая, но ты не убийца, — я все-таки заставила себя произнести эти слова. И Дарья благодарно сжала мне пальцы горячей и влажной рукой.

— Спасибо... Ты скажешь об этом?

— Кому?

— Когда... сюда приедут и начнут расспрашивать о происшедшем. Ты скажешь, что я не виновата? Я все время была здесь, я ни на секунду не отлучалась. Ты скажешь об этом?

— Конечно.

— Подтвердишь, что мы были рядом и друг от друга никуда не отходили?

— Конечно.

Получив верительные грамоты, Дарья сразу же успокоилась. К ней вернулась ее обычная надменность. И обычный, так восхищавший меня, цинизм.

— Не обижаешься, что я была с твоим немцем? — Она наконец-то позволила себе улыбнуться. — Это даже не интрижка, так, пересып одноразовый. И даже не в кровати, а в коридоре под вешалкой... Если это тебя успокоит...

— Что?

— Я же не знала, что у вас все получится. И что он, презрев широкий выбор, решит остановиться на твоём проблематичном тельце... А вообще — он забавный. Может быть, стоило его у тебя отбить?

— Что?!

— Шучу. Интересно, кто все-таки это сделал? Кто ее убил?

Действительно, кто?

Дарью я вывела за скобки как идейную извращенку. Райнер-Вернер — извращенец сексуальный — отпал сам, как лицо, незаинтересованное в жизни малодоступной для его «перчика» Аглаи (и, как следствие, — в ее смерти). Мы с Ксоло оказались вычеркнутыми из списка как близкие родственники покойной.

Режиссер Фара вылетает из того же списка, как тряпка, неспособная держать себя в руках. Он и таракана не отравит, не то что взрослую сильную женщину.

Химик при видеокамере Петя Чиж тоже вне подозрения именно как химик. Не станет человек, только что совершивший преступление, расписывать его в таких подробностях и в таких утонченных (если не сказать — изысканных) деталях. Яды — слишком экзотическая вещь, чтобы демонстрировать в них такие познания. И тем самым подставлять себя под удар.

Остаются трое.

СС, ТТ и ММ.

Три главные Аглаины конкурентки. Их ненависть (в отличие от высокой, опозитизированной ненависти Дашки) носит шкурный характер.

Она завязана на тиражах, интервью, съемках, издательствах. Она завязана на читателе. Смерть Аглаи выгодна всем троим.

Просто потому, что Великую и Неповторимую забудут через полгода. Максимум — через год. И поле для игры станет чистым. Я довольно долго проработала с Канунниковой, чтобы усвоить главный принцип массовой культуры: «С глаз долой — из сердца вон».

С глаз долой — из сердца вон.

Вон!

— ...Возьми платок, — сказала Дашка.

— Платок?

— Ты реवेशь уже пять минут. Смотреть тошно.

Я ухватила протянутый мне кусочек батиста и вытерла взмокшие ресницы. Похоже, что я действительно плакала. Я была единственной, кто отреагировал на смерть Канунниковой таким естественным и таким бесхитростным способом. Все остальные не опустили даже до элементарного сочувствия.

Все были озабочены только собой.

Особенно после того, как неугомонный Чиж произнес слово «убийца».

Три грации, уже готовые выплыть из зала, моментально вернулись, оседлали тяжелые дубовые стулья и с укором посмотрели на эксперта по ядам.

— Вы хотите сказать, что среди нас есть убийца? — подняла жидкие брови Минна.

— Он уже это сказал, — сморщила кокаиновые ноздри Теа.

— И кто же совершил это злодеяние? — опустила кончики губ Софья.

Чиж молчал. Пауза затягивалась, распухала, заползала за шиворот, холодила кожу — и, наконец, стала невыносимой. Первой не выдержала Минна — крупные женщины, как правило, отличаются мнительностью.

— Опять эти дурацкие намеки!

— Это не намеки, — зараза мнительности перекинулась и на Теа. — Это прямые обвинения, разве вы не видите?! Этот сопляк нас обвиняет!

— Как будто мы здесь единственные! — поддержала товарок Софья. — Как будто, кроме нас, здесь никого нет.

— Вот вы, девушка, — теперь Минна в упор смотрела на меня. — Вы кто такая? Вы ведь не из съемочной группы, правда?

— Нет... Я — личный секретарь Аглаи Канунниковой.

Эта сухая, лишённая всяких эмоций информация породила целую бурю народного возмущения.

— Личным секретарем обзавелась, надо же! И здесь

выпендривается! — сказала Минна.

— Цену себе набивает! — сказала Теа.

— Корчит из себя Артура Конан Дойла! — сказала Софья. — А вы, такая симпатичная, ей подыгрываете! Стыдно, девушка! На легкие деньги польстились! А могли бы зарабатывать на жизнь более достойным способом!

Похоже, они держат меня за проститутку, а Аглаю — за разухабистую владелицу публичного дома! Обвинения были столь чудовищны, и я даже не нашлась, что ответить. Зато у всех остальных появилась возможность высказаться.

— Да что же мы на нее накинулись? — неожиданно пожалела меня Минна. — Может быть, девушка не виновата. Может быть, она стала жертвой обстоятельств. Может быть, дорогая Аглая платила ей жалкие гроши!

— С нее станется! Прижимиста, как пейсатый рэбе! — запоздало возмутилась Теа.

— За копейку в церкви пернет, — по-прокурорски грубо выругалась Софья. — Мне рассказывали осведомленные люди... Она такую бойню из-за гонораров устраивает — хоть святых выноси! Зубами деньги вырывает!..

Софья перевела дыхание и ласково улыбнулась мне:

— А вас саму она не достала?

Подтекст был более чем прозрачен: Аглая доведет до мысли о смертоубийстве кого угодно. Вот и тебя довела!..

— Ну, хорошо, с девушкой все понятно, — наконец-то они оставили меня в покое. — А молодой человек?

— Ах, этот извращ... — я мельком взглянула на гнуса Райнера и тотчас же поправилась. — Этот молодой человек — господин Рабенбауэр, из Мюнхена. Он переводит книги Канунниковой на немецкий, приехал сюда по личному приглашению писательницы.

Немец закивал головой, а мое вполне невинное замечание вызвало у трех детективщиц самую настоящую ярость.

— Вы слышали? — Теа картинно вознесла руки к небу. — Мало ей нашего несчастного оболваненного читателя! Так она до немцев добралась!

— Тихой сапой, — сквозь зубы процедила Софья. — И здесь отличилась! У меня переговоры уже год идут... С узбеками. Тянут, проклятые, Митю за титю! А эта уже и Германию окучила!

— Мерзавка! — добавила Минна.

— Авантюристка! — добавила Теа. — На ходу подметки рв...

До сих пор молчавшая Дашка самым бесцеремонным образом

перебила мастерицу иронического детектива:

— Вы, как я посмотрю, горячо любили покойную.

— А это кто? — спросила Минна.

— Вот именно, кто это? — спросила Теа.

— Это журналисточка, — как и подобает бывшему работнику прокуратуры, Софья обладала самой полной информацией о гостях. — Приехала освещать съемки.

В подтексте явно слышалось «Черт тебя принес», но известие о «журналисточке» заставило женщин присмиреть. Да еще диктофон за обедом! Диктофон, бесстрастно зафиксировавший литературную склоку, где все стороны не особенно стеснялись в выражениях. Да что там «не стеснялись»? Они готовы были живьем друг друга сожрать.

Вместо десерта.

Теперь диктофонная пленка могла вылезти писательницам боком. Если, конечно, она попадет в руки следствия. А Дашкина внешность — внешность стервы и закоренелой провокаторши — не оставляла никаких сомнений: пленочка до компетентных органов доковыляет и, к тому же, будет снабжена соответствующими комментариями. И финальное Аглаино «Ловко мы вас разыграли!», выданное уже после отключения диктофона, не спасет троицу от обстоятельного разговора, при наличии стольких свидетелей.

И психологического давления со стороны следователей.

И, возможно, камеры предварительного заключения.

Все эти простые мысли галопом проскакали по лицам СС, ТТ и ММ. Но выводы, которые они сделали, оказались различными.

— Вас, кажется, зовут Дашенька? — Голос Минны, которая еще минуту назад Дашку в упор не видела, был полон ничем не разведенной глюкозы.

— Дашенька, — хихикнула Дарья и даже подобрала живот в предвкушении экстремальных писательских ходов.

— Видите ли... То, что вы слышали сегодня за обедом — это, так сказать, наши маленькие литературные игры. Что-то вроде спарринга. Как в боксе. Не стоит придавать нашим словам никакого значения. Это всего лишь слова. Не больше.

— Конечно, — Теа попыталась перехватить инициативу, выдвинуться на полкорпуса вперед и первой припасть к ногам «журналисточки». — Слова — это единственное наше оружие. Единственный смысл нашей жизни... Слово может поднять до невиданных высот и может уничтожить. Убить наповал...

Лучше бы она этого не говорила!

— Так, значит, слово... ее убило? — поинтересовалась Дарья. — И какое именно? И кто же его произнес?.. Впрочем, это легко будет установить. По пленке.

— Вы не так меня поняли, — заныла Теа.

— Она поняла ровно так, как вы это произнесли, дорогая Теа, — Софья презрительно улыбнулась. — Вы, как всегда, не следите за речью. Ляп за ляпом. Совсем как в ваших псевдоиронических детективах. Но, если мне не изменяет память, ваша фамилия — Валикова, милочка?

— Память вам не изменяет.

— Дарья Валикова из журнала «Роад Муви», не так ли?

Дашка заподозрила неладное, но все же ответила:

— Да. Я работаю в «Роад Муви».

— Та самая Дарья Валикова, специалистка по отстрелу книжной дешевки. В последнее время вы развязали настоящую охоту на госпожу Канунникову, не так ли? Вы ей проходу не давали. Ни одного доброго слова в рецензиях, одни проклятья... И вот, пожалуйста, срываетесь на съемки передачи с ее участием. Вам это не кажется странным?

— А вам? — Дарью не так-то легко было сбить с толку.

— Не показалось бы... Если бы все не закончилось столь плачевно.

— Вы хотите сказать...

— Я только хочу сказать, что все мы находимся в одинаковом положении. Я бы даже сказала — в одинаково скверном положении.

— Не совсем, — раздался тихий голос Чиж. Только теперь я заметила, что голос этот имеет одну замечательную особенность: его забывает сразу же, как только он перестает звучать. — Кое-кто хочет свое положение улучшить.

— Кое-кто? — удивилась Софья.

— На вашем месте я бы никуда не уходил.

Чиж обращался к Теа, которая, воспользовавшись моментом, мелкими перебежками двигалась в сторону двери. Окрик заставил ее вздрогнуть и обернуться.

— Мне нужно выйти. Ненадолго. В дамскую комнату, — заблеяла Теа. — Надеюсь, в этом нет ничего предосудительного?

— Нет, но... — Чиж замялся.

— Думаете, я собираюсь вынести пузырек с ядом? Канистру с цианистым калием?.. Замести следы?

— Не забывайте, что среди нас находится убийца, — после некоторого раздумья бухнул Чиж.

— И этот убийца — я? — Теа нервно рассмеялась.

— Я этого не говорил... Если вам нужно выйти, тогда, разумеется... Но будет лучше, если вы возьмете провожатого.

— В качестве провожатого или в качестве соглядатая?

Следователь-любитель задумчиво поскреб подбородок. Любой из ответов оскорбил бы почтенную женщину.

— Если вы позволите, я могу составить вам компанию, — встрепенулся Райнер-Вернер, и я досадливо поморщилась.

Теперь, когда ситуация с царем джинсовой горы (не без моего участия) была взята под контроль, в Райнере вновь разыгрались его порочные инстинкты. Мулатка же, в полном имени которой (Теодора-Эйприл-Вивиан-Октавия) явно проклевывался африканский темперамент, предложение немца встретила благосклонно:

— Буду вам очень признательна, господин Рабенбауэр.

Но интернациональный дуэт так и не состоялся.

— Не пойдет, — сказала Минна.

— Не пойдет, — сказала Софья.

— Никаких сепаратных переговоров с переводчиками, — добавила Минна.

— Тем более что ваши квазииронические тексты вообще не переводимы, — добавила Софья.

— Даже на язык здравого смысла, — заключила Минна.

— А если вам так уж приспичило, пусть вас проводит кто-нибудь из обслуги. Да вот хотя бы Ботболт... — заключила Софья. — Ботболт!..

Но призыв к мажордому в смокинге повис в воздухе.

Ботболт исчез.

Этот прискорбный факт окончательно прояснился через пять минут, когда Минна и Теа прочесали оранжерею, а Софья и Райнер-Вернер хором проскандировали затейливое татаро-монгольское имя, стоя в дверях зала. И даже выдвинулись с этим именем на устах в холл с коврами и оружием.

Но никакого ответа не последовало.

Ботболт как сквозь землю провалился. И никто не смог объяснить толком, когда же он выскользнул из зала. Все хорошо помнили момент, когда бурят передал Пете Чижу тесак и позволил выдоить из себя несколько капель крови.

После этого наступил коллективный провал в памяти.

Пока свидетели преступления шастали в поисках бурята, Ксоло все-таки удалось вырваться из моих рук, и она снова прибилась к Аглае. Крупно дрожа, собака подползла к хозяйке, несколько раз лизнула ее

сжатую в судороге ладонь и затихла.

— Мы не можем оставить ее вот так, — жалобным голосом сказала я Чижу. — Давайте перенесем ее куда-нибудь... Хотя бы на диван.

— Нет, — Чиж был непреклонен. — Это сделают те, кто должен сделать.

— Нужно хотя бы прикрыть... — не отставала я от Чижа.

— Хорошо.

Скорченная фигурка Аглаи рвала мне сердце. Она была нереальна и непристойна одновременно — как и любое физическое проявление смерти. Впрочем, что я могла знать о смерти? Несколько отрывочных воспоминаний детства: дед в простеньком гробу в гостиной (той самой, где по воскресеньям обедала вся семья); похороны воробушка в дальнем углу двора, за гаражами (стеклышки, фантики от конфет, перемазанные млечным соком одуванчики); похороны жука, похороны стрекозы, бабочки и маленькой лягушки... Телефонный звонок мадам Цапник («Заказ на костюм отменяется, Алиса, мой шурин умер в прошлую пятницу»)... Соседская колли, околевшая от рака. Дельфин на песчаной отмели у Евпатории — искалеченный винтом...

И вот теперь Аглая.

Ее уход, так похожий на заставку к телепрограмме «Играем в детектив», и сам был детективом. Но три закомплексованные литературные экстремистки превратили его в фарс.

А теперь еще Чиж...

Чиж придал фарсу законченность, сняв со стола тяжелую скатерть. Скатерть еще хранила в себе несколько темных, непросохших пятен шампанского и воспоминания о шведском столе. С икоркой, салями, балычком, пикулями и швейцарским сыром.

— Что вы делаете, Петя? Вы с ума сошли?!

— Предлагаете, чтобы я сорвал шторы?

— Нет, конечно... Я поднимусь к себе и возьму простыню.

— Хорошо, — согласился он и повернулся к режиссеру Фаре. — Ты побудешь здесь?

Фара закивал аккуратно зализанной восточной головой, надул щеки и тряхнул плечами. После подобных красноречивых телодвижений непременно должен следовать танец «Куч куч, хота хаи». На фоне цветущей сливы и горы Нангапарбат.

— Идемте вместе... — Чиж подхватил меня под руку. — В холле я видел телефон. В ментовскую нужно звонить в любом случае.

— Да, вы правы.

Телефон действительно стоял на небольшом столике в холле рядом с гепардом. Возле него уже ходили кругами Софья и Райнер-Вернер. Судя по мизансцене, Райнер порывался схватить трубку, а писательница Сафьянова всеми силами пыталась этому воспрепятствовать.

Увидев нас, Сафьянова отпрянула — и от Райнера, и от телефона.

Райнер-Вернер, воспользовавшись моментом, тотчас же бросил плоский палец на клавиши.

— Куда это вы собираетесь звонить, любезнейший? — поинтересовался Чиж.

— В консульство. Я — гражданин Германии и не хочу быть втянутым в это... м-м... неприятное происшествие.

— Положи трубку, — голос Чижа не предвещал ничего хорошего, но что значило это квелое предупреждение для мускулистого адепта швабского атлетического порно?

— Плюю на вас, — с чисто немецкой обходительностью ответил Райнер. — И на вашу дикую страну. С вашими дикими озерами и дикими женщинами....

Интересно, кого он имеет в виду? Скорее всего — меня. Меня и мои социальные протесты по поводу клешней на бедрах.

— ...и диким снегом, и диким льдом...

— И дикими мужчинами, — добавил Чиж и исподтишка ударил немца в пах.

Несчастный «перчик»! Одно испытание за другим!

Пока Райнер-Вернер корчился от боли, Чиж быстро набрал сокровенное «02». Несколько секунд он мрачно слушал, потом — так же мрачно — принялся дуть в трубку.

— Не работает, — спустя непродолжительное время сообщил он.

— Милиция не работает? — хором уточнили мы с Софьей.

— Телефон.

— Что значит — не работает?

— А то и значит. Глухо, как в танке. Можете сами попробовать.

Пока мы с милейшей Софьей по очереди трясли трубку, Чиж присел на корточки и внимательно осмотрел провод. А потом отогнул ковер.

— Надо же! Вы только посмотрите.

Провод у телефонного гнезда был аккуратно перерезан.

— Идиоты, — процедил Чиж, и было совершенно непонятно, к кому относится это нелестное определение: к нам или к тому, кто сделал надрез.

Наплевав на возможные трения с Дымбрылом Цыренжаповичем, оператор с мясом вырвал часть провода, зачистил его концы

универсальным ботболтовским тесаком и заново соединил их.

— Проверьте, — бросил он Софье.

Софья поднесла трубку к уху и покачала головой.

— Ну, что? — спросил Чиж, хотя и так все было ясно: телефон не работал окончательно и бесповоротно.

— Ничего.

— Странно, — Чиж нахмурился.

— Кажется, есть еще один. На кухне, — робко подсказала я.

— А вы откуда знаете?

— Я видела...

Я действительно видела еще один телефонный аппарат в простенке между буфетом и мойкой, когда заходила на кухню за спиртным и встретила там Минну.

— Идемте.

Исполненные самых дурных предчувствий, мы вернулись в зал, прошли через маленький коридорчик и оказались на кухне. Деревянная коробка с телефоном висела на стене, а сам телефон поблескивал хромированными деталями и отделанной малахитом панелью. Трубка тоже была малахитовая. Должно быть, падкий на роскошь Дымбрыл сторговал аппарат в Музее радио и вынес его через служебный ход.

Чижу понадобилось пять секунд, чтобы определить, что телефонный раритет начала века полностью разделит участь своего более современного собрата. Тот же аккуратный надрез у гнезда, и та же вселенская немота в трубке.

— Плохо, — Чиж почесал тесаком подбородок и поморщился. — Очень плохо.

— Вы думаете? — осторожно спросила Софья.

— А вы нет? Если, конечно, смерть Канунниковой и шалости с проводами как-то связаны. А вот и бутылка...

На небольшом, отделанном под красное дерево столике расположилась целая батарея развеселых пузырьков: джин, виски, вермут, два вида хереса и яичный ликер. Вплотную к ликеру примыкало с десятков чистых бокалов. И над всем этим алкогольным великолепием высилось маленькое, почти кукольное окошко. За окошком царила та особая молочная темнота, которой так отличаются зимние ночи в глуши. Засмотревшись на эту скорее амбразуру, чем окно, я не сразу заметила стоящую в отдалении от основной батареи бутылку «Veuve Cliquot Ponsardin». Бутылка была полной. Или почти полной. Опорожненной максимум на один-два бокала.

— Неужели та самая? — благоговейно прошептала Софья. — Из

которой?..

— Хотите попробовать? — ухмыльнулся Чиж.

— Воздержусь. Интересно, куда пропали те двое?

— Какие двое?

— Те два парня, которые обслуживали нас за обедом. После обеда я их не видела. И за ужином — тоже.

Подсобка! Пустые бутылки, остатки эклеров на блюде, две мертвецки пьяные головы, прильнувшие друг к другу... Не говоря ни слова, я оставила своих спутников, метнулась в коридорчик и распахнула дверь подсобки.

Пусто.

Никаких следов возлияний. Два бурята, казалось, пустившие здесь корни, обильно политые коньяком, исчезли. Вместе с бутылкой, блюдцем и отчетливым запахом конины.

Но сдаваться так просто мне не хотелось. Осмотрев каждый сантиметр пола (уж не завалились ли они за плинтус, чертовы отпрыски быка Буха-Нойон Бабая!), я переключилась на полки. Хозяйственная мелочь, банки с краской и какими-то химикатами (сплошь испещренные затейливыми химическими формулами: $\text{FeSO}_4 \cdot 7\text{H}_2\text{O}$, FeCl_2 , NaHCO_3), пакеты с удобрениями, запасные лампочки, несколько похожих на лассо скрученных садовых шлангов, открытые ящики с инструментами...

И все же визит в подсобку оказался не напрасным: на одной из полок, рядом со скатертями, салфетками и кухонными полотенцами, я нашла стопку чистых простыней. Хоть здесь повезло, теперь будет чем укрыть Аглаю от посторонних глаз.

Прижимая простыню к груди, я вернулась в зал.

Дарья по-прежнему торчала у шахмат, Фара подпирал плечом горку с посудой, а дамы вместе с Петей Чижом обсуждали сложившееся положение.

— Неужели нельзя починить телефон? — спросила у Чижа Теа.

— Теоретически можно, но для этого необходимо полностью отследить проводку. Проводка скрыта, значит, придется долбить стены. Все стены во всем доме. Плана коммуникаций у нас нет... Да и понравится ли это хозяину, когда он вернется?

— Если... Если он вернется, — трагическим шепотом произнесла Минна. Как и все крупные женщины, она была склонна излишне драматизировать события.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что сказала. Гостеприимный хозяин исчезает в самое

неподходящее время. А в еще более неподходящее время исчезают его люди. Дом пуст, дом не подает никаких признаков жизни, на полу лежит мертвое тело и к тому же телефон не работает.

Я поежилась.

Картинка, нарисованная Минной, действительно выглядела не лучшим образом. Даже если вынести за скобки те семнадцать леденящих душу триллеров, которые она написала.

— Я не понимаю только одного, — Софья тоже решила внести свою лепту в общий разговор. — Зачем был нужен дубль с телефоном?

— Что значит — дубль?

— Если где-то испорчена проводка, то зачем нужно было подрезать провода у самих телефонов, ведь они и так не работали?..

— А вы поищите хозяев и спросите их об этом, — посоветовала мулатка Теа.

— Где же их искать, помилуйте!

— Дом, конечно, велик, но не настолько, чтобы в нем заблудиться!

Готические башенки, венчавшие крылья дома, узкая винтовая лестница, лесная глухомань, в которую черт занес господина Улзутуева... Да и сам Улзутуев — порочно расплывшийся бурят с порочно-желтым лоснящимся лицом... Обрезанные телефонные провода, пропавшая услуга, мертвая Аглая Канунникова — все эти неприятные факты отбивали всякое желание исследовать дом. И, видимо, не только у меня.

— Обрезать телефоны, надо же, какая подлость, — Теа скрипнула зубами. — Как раз в духе покойницы... Наверняка это она все организовала!

— Мне кажется, нужно уезжать отсюда. И чем скорее — тем лучше, — вынесла вердикт Софья. — Не нравится мне это место...

— На чем? На палочке верхом? Или на снегоходе? Или на хозяйском буере? — ревниво спросила Минна. Изысканный триллер с маньяческим душком катился в сторону боевика в мягкой обложке, а уж этого она допустить не могла. — Нас сюда привезли, если вы помните.

— А хоть бы и на снегоходе... Правда, для вас он будет несколько тесноват, дорогая Минна...

— Тесноват? — рассмеялась Теа. — Да она в него не влезет!

— Дамы, зачем же препираться? — Чиж постучал ладонью по столу. — Я приехал сюда на машине, при желании мы можем выехать в любую минуту.

— И где она, ваша машина?

— В гараже... Я загнал ее в гараж.

— Замечательно, сейчас же соберемся и уедем.

— Мы не можем уехать все. Кто-то должен остаться. С телом.

— Думаю, лучшей кандидатуры, чем личный секретарь госпожи Канунниковой, и придумать нельзя. Это, так сказать, ее прямая обязанность.

Все с плохо скрываемым торжеством посмотрели на меня.

— Не волнуйтесь, милочка, — подмигнула мне Софья. — Как только мы доберемся до ближайшего поста, мы сразу же обо всем сообщим. Вам не придется долго скучать в одиночестве.

— Если хотите, мы можем взять с собой вашу собачку, — подмигнула мне Минна.

Конечно же, я останусь. Я останусь с Аглаей при любом раскладе, Теа права: это моя прямая обязанность.

— Хорошо, я буду ждать вас здесь, — холодея от собственной храбрости, произнесла я.

— Благородный поступок, — одобрила меня Минна.

— Это пример редкого благородства, — добавила Теа.

— Мы не заставим вас ждать, — заверила Софья. — Обещаем...

Трогательная сцена прощания неожиданно была прервана Чижом.

— Вы не так меня поняли, дорогие дамы, — сказал он. — Речь идет не о том, чтобы уехать всем вместе. Отправится кто-то один. Он сообщит, что произошло, и приведет помощь.

Такой поворот не очень понравился писательницам.

— И кто же этот «кто-то»? — спросила Минна.

— Я. Машина-то моя.

Несколько секунд дамы переваривали услышанное. Первой не выдержала Минна, крупные женщины всегда склонны к панике:

— Я еду с вами, Петр.

— И я, — поддержала коллегу Теа.

— Я тоже не вижу причин, чтобы здесь оставаться, — добавила Софья. — Мы будем готовы через десять минут.

Все трое, обгоняя друг друга, бросились к выходу. Чтобы в дверях столкнуться с Райнером-Вернером. Райнер был в шапке и еще не просохшем после дневного купания тулупе. Через плечо у него висела сумка, а лицо запорошил снег. И ничего утешительного я на этом лице не увидела. Арийский нос, арийский рот и такие же породистые глаза немца сбились в кучу, образовав комбинацию, которую можно было охарактеризовать двумя словами: «яростное разочарование». Или — «разочарованная ярость».

— Собаки, — пролепетал он, плюхаясь на ближайший стул.

— Что значит — «собаки»? — спросил Петр.

— Эти сволочи не загнали собак! Роклятый дом!.. Я хотел уйти, но там собаки! Собаки и метель, метель и собаки!..

Демонические улзугуевские доберманы среди миниатюрных культовых сооружений! Поджарые твари, способные перегрызть глотку любому! Доберманы благополучно выпали из моей головы, — и, судя по всему, не только из моей. Все остальные тоже смотрели на Райнера широко раскрытыми глазами.

— Та-ак... И сколько их? — спросил Чиж.

— Откуда же я знаю! Десять, двадцать, тридцать... Они так лязгали зубами... Я даже шагу с крыльца не сделал! О, майн готт!

— Плохо дело, — второй раз за сегодняшний вечер Чиж разразился подобной тирадой. — Из рук вон.

— Что вы имеете в виду? — Минна нервно хихикнула.

— Гараж. Если собаки не привязаны, до гаража нам не добраться.

— Но очевидно, можно что-то придумать?

— Можно, — вклинилась Теа. — Отправим вас, дорогая Минна. Займете их делом.

— Каким это делом?

— Мяса на вас много. Им надолго хватит.

— А может быть, все не так страшно? — высказала предположение Софья. — Может быть, господин Рабенбауэр преувеличивает?

— А вы подите проверьте, — огрызнулся Райнер-Вернер.

Софья зябко повела плечами: отправляться в пасть к злобным тварям ей явно не хотелось. Ни ей, ни кому-либо другому.

— А если подослать к ним вашу собаку? — цинично поинтересовалась у меня Теа. — В качестве, так сказать, отвлекающего маневра?

Я представила несчастную плешивенькую Ксоло в окружении огромных псов и даже затряслась от негодования.

— Да вы просто ээсовка, дорогая Теа! — как и все крупные женщины, Минна была сентиментальна и чрезмерно впечатлительна. — Отдать такую крошку на растерзание!

— Вашим читателям это вряд ли бы понравилось, — добавила Софья. — Тем более что их и так немного... Потеряли бы последних!

Теа смутилась:

— Я просто ищу приемлемые варианты...

— Вариантов не слишком много, — неумный Чиж снова перехватил инициативу. — Можно, конечно, отправиться в обход — через террасу,

озеро и лес. От дома до основной трассы по прямой не больше пятнадцати километров...

— Вы предлагаете проделать этот путь пешком? Ночью, в метель? А если на шоссе не будет машин? Пятнадцать километров плюс еще двести пятьдесят — до Питера. Лучше уж остаться и заняться проводкой. Когда должна приехать ваша съемочная группа?

— Завтра, в первой половине дня. В двенадцать, если быть совсем точным.

— Ну, до утра мы продержимся...

— Я на вашем месте не была бы настроена столь оптимистично, дорогая Теа, — жанр мистического триллера с детективной начинкой развратил Минну Майерлинг до предела. — Телефоны обрезаны, хозяин исчез, прислуга пропала, собаки перекрыли все пути к отступлению... И к тому же — в наличии труп!

— И что это по-вашему значит?

— *А если труп не последний?*

— Как это — не последний?

Воспользовавшись зловещей тишиной, повисшей в зале, Минна обратилась к деморализованному всем происходящим режиссеру:

— Откуда вы вообще выкопали этого типа, Фараххутддин? Этого господина Улзутуева с его вотчиной?

Фара некоторое время сосредоточенно молчал.

— Видите ли... Полгода назад я снимал рекламный ролик о его фирме. «Облачиться в мех — не грех».

Черт возьми, я прекрасно помнила этот дурацкий ролик — «Облачиться в мех — не грех». Центральный персонаж ролика — плюгавый мужичок в сюртуке и с кружевным жабо — радостно сообщал зрителям, что он не кто иной, как Леопольд фон Захер-Мазох. После чего предлагал всем желающим купить у него свежее издание «Венеры в мехах». Но стоило только камере наехать на «свежее издание», как оказалось, что этот катехизис мазохизма без зазрения совести подменен вульгарным каталогом меховых изделий. Более бездарной рекламы я за всю свою жизнь не видела.

— Потом было еще несколько заказов... А когда господин Улзутуев узнал о съемках этой программы, он, как страстный поклонник детектива, сам предложил помощь. Сказал, что мы можем полностью отснять ее у него в доме.

— И вы согласились?

— А вы бы не согласились? Тем более что от его фирмы

предполагались презенты участницам.

При упоминании о презентях беллетристки оживились.

— И что же это за презенты? Набор писателя? — высказала предположение Минна. — Блокнот из кожама и гелевая ручка?

Фара отрицательно покачал головой.

— Неужели блокнот из натуральной кожи и ручка «Паркер»? — повысила ставки Теа.

Фара замотал головой сильнее.

— Горжетки из рыбьего меха? — сострила Софья.

— Шубы! — секунду покочевряжившись, сообщил режиссер. — Шубы для признанных мастеров жанра.

— И где эти шубы? — У мулатки Теа загорелись глаза. Да и все остальные выглядели не лучше: лихорадочный румянец на щеках, распаленные губы, капли пота на лбу.

Только известие об издании собрания сочинений за рубежом с последующей экранизацией в Голливуде могло привести их в столь экзальтированное состояние.

— Где же эти шубы? — переспросили у Фары все трое.

— Видимо, там же, где и сам хозяин, — хмыкнул Петя Чиж. — *Нигде.*

Это — довольно циничное — замечание сразу же остудило пыл писательниц. Они сникли и снова вернулись к обсуждению животрепещущей темы: *что* может значить опустевший дом и как выбраться из западни.

И стоит ли серьезно относиться к предположению Минны «А если труп не последний?».

Предположение могло стать реальностью в одном-единственном случае: если бы Дымбрыл Цыренжапович Улзутуев, этот Ланселот Озерный, этот почтенный глава почтенной фирмы, оказался маньяком. И не просто маньяком, а маньяком изобретательным, маньяком с огоньком, маньяком, питавшим слабость к детективам и их авторам.

Теперь уже ни у кого не вызывало сомнений, что Канунникову отравил исчезнувший Ботболт. Он принес шампанское из кухни, он передал Аглае бокал, и он же ретировался, как только дело запахло керосином, предварительно лишив все общество связи с внешним миром. Ботболт, судя по его дубленой физиономии, больше похожей на задницу слона, до такого самостоятельно вряд ли бы додумался. Следовательно, за ним стоял кто-то еще.

А именно — пушной князек, любитель детективов, тайша Дымбрыл.

— Интересно, почему он начал с нашей дорогой Аглаи? — спросила

Минна.

— Убрал самую толковую, — процедила Теа: не для того, чтобы польстить покойной Канунниковой, а для того, чтобы уязвить оставшуюся в живых Майерлинг.

— Вот именно, — Софья чуть не плюнула с досады. — И здесь она умудрилась всех обставить. Проскочила первая...

Но развить тему не удалось.

Провозвестник бесплатной раздачи шуб Фара, до этого выступавший лишь бесплатным приложением к горке с посудой, неожиданно хлопнул себя по лбу и расхохотался.

— Мобильник! — заорал он. — Мобильник, ну конечно же! Как я мог забыть! У меня же мобильник!.. Он наверху, в комнате!..

По залу пронесся ветер надежды.

— Вы идиот, — пропела Минна.

— Ненормальный, — пропела Теа.

— Полный кретин, — заключила Софья. — Отправляйтесь за ним немедленно!

Отправиться за телефоном немедленно означало только одно: Фара должен покинуть зыбкий островок безопасности и отправиться в путешествие по дому. Но предпринимать этот вояж в одиночку он явно не хотел. И потому обратился к жалкому подобию Терминатора — господину Рабенбауэру.

— Вы не составите мне компанию, Райнер?

— Думаю, будет лучше, если господин Рабенбауэр останется тут, — Софья все еще питала надежду, что дутые мускулы немца способны оградить слабых женщин от непредвиденных ситуаций, в том числе — и от нового татаро-монгольского нашествия. С ножами, топорами, ракетными установками и ядохимикатами на все случаи жизни. Как же она заблуждается, бедняжка!..

Фара с надеждой посмотрел на Чижа. Нет, Чиж никуда не уйдет, Чиж не двинется с места. Уйти из зала означало бы потерять контроль над ситуацией. А Чиж был полон решимости передать тело Аглаи компетентным органам. С рук на руки...

— Если вы не возражаете, пойду я.

Мое предложение не вызвало у режиссера особого энтузиазма, но это было лучше, чем ничего. И Фара скрепя сердце согласился.

...Почему все опустевшие дома выглядят так подозрительно? И почему они так похожи на декорации?

Эти немудреные мысли пришли мне в голову, как только мы с Фарой покинули зал и очутились в холле. Гепард с пумой, разномастные ножи, булавы и арбалеты, вазы с бессмертником и высохшими камышами — все было на своих местах. Ковры все так же застилали пол, обволакивали стены и потолок — но теперь они вовсе не казались настоящими.

Театральный реквизит — только и всего.

Если бы я сейчас отогнула тяжелый край какого-нибудь ковра, то обязательно обнаружила бы чернильный штамп: «К/с «Ленфильм»»; если бы я сейчас заглянула в пасть гепарду, то обязательно обнаружила бы вензеля магазина «Рыболов-охотник». И личинки моли, усеявшие вензеля... А оружие на стенах!

Крашенное серебрянкой дерево, не иначе!

Только непроницаемый служка Ботболт придавал этому дому достоверность. Но стоило ему исчезнуть — и лак на табакерке облупился, да и сама она пошла трещинами. И превратилась в никчемный театральный задник.

Даже смерть выглядела здесь бутафорски: Аглая заслуживала большего, чем умереть на пыльной авансцене...

— Не плачьте, пожалуйста, — дрожащим голосом попросил меня Фара. — Я и сам сейчас заплачу.

— Простите...

— Нет, ничего. Я все понимаю.

Перед тем как подняться наверх, мы, не сговариваясь, подошли к двери, ведущей наружу, к такому недосягаемому, если верить Райнеру-Вернеру, гаражу. Забежав чуть вперед, Фара толкнул передо мной дверь; как и все восточные люди, он был галантен. Но при данных обстоятельствах это была галантность растерянного лучника — по отношению к своему щиту.

— Прощу вас!

Я шагнула на крыльцо, и ровно через две секунды убедилась, что Райнер был прав. Во всяком случае, в пункте, обозначенном как «метель». Всего лишь несколько часов назад в окрестностях дома гуляло низкое

солнце и посапывали самые безмятежные снега. Теперь же ни о каком покое не было и речи; природа как будто впала в ярость от одной мысли, что Аглая Канунникова мертва.

— Гараж справа, — сладким голосом подсказал мне Фара.

Я вытянула руку вперед, и она сразу же исчезла в снежной круговерти.

— Думаете, нам стоит рискнуть?

— Почему бы и нет?

Авантюра. Чистой воды авантюра. Особенно, если учесть, что на улице минус десять, а на мне нет даже завалящего свитера.

— Хорошо, давайте попробуем.

— Тогда вы первая, а я за вами.

Но нам не удалось даже спуститься с крыльца: где-то совсем рядом раздался приглушенный метелью собачий вой, и идти к гаражу мне сразу же расхотелось. Так же, как и Фаре. Проклиная снег, собак и обстоятельства, мы вернулись обратно в дом.

Ничего не поделаешь, остается только уповать на мобильник режиссера. Добраться до него будет гораздо проще.

На узкой лестнице, ведущей наверх, Фара попытался затеять со мной столь же узкопрофессиональный разговор.

— Вы — личный секретарь Канунниковой, насколько я понял.

— Да, — сказала я, хотя справедливее было бы ответить «уже нет». Когда все закончится (а когда-нибудь все обязательно закончится), я вернусь в Питер, к швейной машинке «Минерва» и к мадам Цапник — вечной, как гробница фараона Рамзеса. И верной, как сорок тысяч братьев. Уж с ней-то наверняка ничего не случится.

— У вас ведь есть эксклюзивные материалы, Алиса...

— В каком смысле?

— В самом прямом. После того, что произошло... Словом, можно ожидать очередного всплеска интереса к Канунниковой. Будут передачи, я вам голову даю на отсечение...

— И что?

— Мне бы хотелось снять о Канунниковой что-нибудь элегическое. И я хотел бы заручиться вашей поддержкой. Свидетельства очевидцев, людей, которые близко знали покойную, вы представляете, как это важно?

Сейчас я лягну его ногой!

— Этот товар выгодно продается, и вы сможете получить неплохие дивиденды! Засветитесь на телевидении... Есть в вас нечто такое... Скрытое обаяние, да! Камера его обязательно проявит, ручаюсь.

Если я лягну его, он не удержится и скатится вниз по крутым

ступенькам. Какое-нибудь острое ребро, какой-нибудь выступ, за которые так любят цепляться виски и позвоночники — и все! Второй труп этому дому обеспечен.

— Сейчас самое благодатное время, — продолжал увещевать меня Фара. — Как вы не понимаете? Пара месяцев — и о ней все забудут... Появятся новые кумиры. Вы только подумайте! Некоторые наизнанку готовы вывернуться из-за двух строчек в желтой прессе, а здесь — целая программа!..

Пока я примерялась, как бы сподручнее пнуть мерзкого типа в живот, Фара неожиданно остановился, хлопнул себя по лбу и принялся хохотать. И даже сделал несколько фривольных движений: ни дать, ни взять — свадебный танец «Рачпурати, рагав рая, а-а-а!». На фоне цветущих персиков и реки Брахмапутра.

— Чиж! Как же я забыл! Он ведь снимал весь наш дружеский ужин! И ее последние минуты — тоже! «Смерть в прямом эфире», каково?!

— Никаково, — мрачно сказала я.

У меня отпало всякое желание мараться о его продажно-телевизионную физиономию, тем более что мы уже вывернули в хольчик второго этажа.

Телевизор работал по-прежнему, а вот свет в коридоре был погашен. В этом не было ничего сверхъестественного, обыкновенная экономия электроэнергии, не больше, — но кормушка детских страхов живо наполнилась. Фара тотчас же забыл о своих наполеоновских планах по созданию передачи «Смерть в прямом эфире» и как будто стал меньше ростом. И намертво прилип к экрану с эмтэвэшными милашками Бивисом и Баттхедом.

— Баклан, — пропищал Бивис.

— Баклан, — рыкнул Баттхед.

— Идемте, Фара, — я перехватила режиссера за вялое запястье. — Не будьте бакланом, в самом деле!

Мелкими перебежками мы добрались до третьей от холла двери.

— Подождите меня здесь, — небрежно бросил режиссер.

И даже не пригласил войти. Месть за Бивиса и Баттхеда, понятно!

Тяжело вздохнув (не напрашиваться же в гости!), я осталась стоять у двери.

Сегодня днем я уже была в этом коридоре. В самом конце его, погруженном сейчас во тьму, состоялся мой последний, ничего не значащий разговор с Аглаей. Ноутбук на столе, Ксоло на чемодане, бледный цветок на подушке. И сама Аглая в предвкушении боев без

правил.

«Чем нести всякий вздор и мучить меня этой скверной историей, занялись бы лучше мюнхенским жеребчиком».

Ее последние слова, обращенные ко мне.

«Мюнхенский жеребчик» — не кто иной, как господин Рабенбауэр.

«Скверная история» — не что иное, как «Бойся цветов, сука!».

Теперь скверная история подошла к своему логическому концу. Теперь Аглая накрыта простыней и лежит на полу в обеденном зале.

Воспоминание о цветах заставило меня поежиться и прикрыть глаза. А когда я открыла их — в «Аглаином» углу мелькнул свет. Неверный, подрагивающий — но все же это был свет. От карманного фонарика или небольшой переносной лампы. На какую-то секунду он застыл в раздумье, а потом стал медленно удаляться. И скоро исчез совсем.

Фара все еще не появлялся. Сквозь неплотно прикрытую дверь я слышала странные звуки (как будто там передвигали мебель) и гортанные причитания (как будто там ругались изысканным восточным матом).

И тогда я решилась.

Распахнув дверь, я прямо с порога торжественно объявила:

— Я видела свет!

Фара стоял посреди комнаты, перед раскрытым кофром. Кровать и стол были сдвинуты на середину, шкаф выпотрошен, а стулья перевернуты.

— Я видела свет!

— А по воде вы не ходили? — хмуро спросил Фара.

— В конце коридора...

— И что?

— Нет, ничего... Вы дозвонились?

— Дело в том, что телефон пропал.

— Что значит — «пропал»?

— То и значит. Днем ведь только по нему говорил! А потом сунул в кофр, идиот, чтобы Чиж не клянчил... Он своей мамаше через каждый час звонит!.. И вот, пожалуйста. Сто баксов, плюс роуминг... Что за бардак!

Нет, это был не бардак, отнюдь. Пропажа Фаринового мобильного удачно вписывалась в схему, думать о которой не хотелось вовсе.

— А больше ничего не пропало? — с тайной надеждой спросила я. О, если бы вместе с мобильником исчезло еще хоть что-нибудь! Пусть самое невинное: расческа, пенка для бритья, худосочное портмоне, оторванная от рубашки пуговица... Тогда все можно было бы квалифицировать как ничего не значащую проходную кражу, шалость подвыпивших бурятских горничных...

— Нет. Больше ничего. Даже фонарик не тронули. Японский, — поспешил разочаровать меня Фара. — Что еще за свет вы видели?

— Не знаю. Идемте, посмотрим вместе.

По лощеной физиономии Фараххутддина пробежала тень: с большим удовольствием он отправился бы в Мекку, к древнему святилищу Каабы, чем со мной, в жалкий конец коридора.

— Вы же не оставите женщину одну, Фара?

Оставит, еще как оставит!

— Услуга за услугу, — я тут же применила запрещенный прием. — Я ведь согласилась пойти с вами. И потом, у Аглаи тоже есть телефон...

Это была чистая правда. Крошечный мобильник был торжественно вручен Аглае одной из крупных фирм — как участнице ток-шоу «Поговорим, сестра?..» Подобными телевизионными подарками была завалена целая кладовка; Аглая называла их «внебрачные дети славы». Поголовье «внебрачных детей» росло в геометрической прогрессии и включало в себя:

— пылесосы (четыре штуки);

— видеоманитоны (две штуки);

— телевизоры (две штуки);

— фены (восемь штук);

— кухонные комбайны (три штуки);

— уменьшенную копию картины «Утро стрелецкой казни» (одна штука);

— уменьшенную копию скульптуры «Гибель Адониса» (одна штука);

— уменьшенную копию диорамы «Гибель Варяга» (одна штука);

— пояса из собачьей шерсти (пять штук);

— велотренажер «Мурманчанин-2» (одна штука);

— дозиметр «Мурманчанка-3» (одна штука).

Ну, а о таких мелочах, как парфюмерные корзинки и шоколадные наборы, и говорить не приходилось: их Аглая скармливала консьержке, племяннице консьержки, племяннице племянницы консьержки и дворничихе Люсе.

«Внебрачные дети славы» развратили и без того неприятную в быту Аглаю до безобразия. Когда я заикнулась о том, что вытяжку на кухне пора заменить, она только руками замахала: «Подождите, девочка, у меня в январе запись этого кретинского шоу «У камелька», спонсор — завод вентиляторных изделий, — там мы этой хреновиной и разживемся».

Но мобильник — мобильник это совсем другое дело!

С ним Аглая почти не расставалась. Как славно было посылать

главного редактора, сидя в зачуханном такси! Как славно было посылать директора издательства, поднимаясь в лифте! Как славно было посылать «крышу» директора издательства, поднимаясь по трапу самолета!

Именно так Аглая и поступила, перед тем как мы заняли свои места в салоне бизнес-класса. Но главным было совсем не это — главным было то, что она взяла аппарат с собой! Я вспомнила о нем только сейчас, когда оцепенение, вызванное ее смертью, прошло. И когда возник свет в коридоре. Такой же приглушенный, как и мысль, неожиданно возникшая в липкой тьме черепа: *Аглая нас разыграла!* Взяла в сообщники тугодумов-бурят — и разыграла! Взяла в сообщники весельчака-оператора — и разыграла! В стиле мистических страшилок Минны Майерлинг, иронических опусов Теодоры Тропининой и милицейских побасенок Софьи Сафьяновой. А потом осенила все это крестным знаменем «запертой комнаты»: подозреваемые выбывают по одному, как в детской считалке. Пока мы с Фарой околачивались на крыльце, Аглая самым чудесным образом сбросила с себя простыню, на ходу обложила хохмами оторопевших гостей, поднялась по лестнице и скрылась в своей комнате. И уже оттуда стала подавать сигналы нам, несчастным трусишкам.

— ...Он никуда не денется, — шепнула я Фаре.

— Кто?

— Тот, кто стоит за светом. Ему просто некуда деться. Там тупик. Там мы его и накроем.

Сказанное мной заставило Фару поджечь хвост.

— Обалдели?! Куда вы меня тащите?

— А вы боитесь?

— Нет.

— Признайтесь, что боитесь!

— Да нет же! Просто...

Просто ты не знаешь того, что знаю я: в тупике, у задернутой шторами стены, нас ждет Аглая! И мы будем последними, кто узнает о розыгрыше!

Фара осветил фонариком темный коридор, повертел головой и зацепился за небольшую бронзовую статую Будды — сначала глазами, а потом и руками. Будда был молод, мосласт и долговяз, так что в этом своем воплощении вполне мог сойти за дубинку. Или за импровизированную бейсбольную битку, которой так сладко кроить черепа.

— Это лишнее, — я подмигнула Фаре.

— Лишнее тоже не помешает, — Фара подмигнул мне. — Ну что, пошли?

Мы на цыпочках дошли до конца коридора и свернули за угол.

Фараххутддин, перехватив несчастного бронзового Бодхисатву за шею, направил луч света на шторы, потом переместил его на стены и пол.

Никого.

— Ну? — В голосе Фары сквозило нетерпение. — Возвращаемся?

— А телефон? — поманила я режиссера сладкой морковкой.

— Он здесь?

— Он должен быть в комнате. Это ее комната.

— Ну, так входите, если ее.

Секунду поколебавшись, я нащупала ручку и с силой нажала на нее. Если моя теория верна (только бы она была верна!), дверь должна быть открыта!

...Моя теория оказалась верной лишь отчасти: дверь действительно была не заперта. Я юркнула внутрь и принялась шарить рукой по стене — в поисках выключателя. Он нашелся сразу же, но мне понадобилось еще некоторое время, чтобы укротить лязгающий сердечный клапан.

Все. Можно включать!

Комната была пуста. Абсолютно, безвозвратно, вопиюще пуста. Ноутбук на столе, чемодан на кровати, сумка с продернутой через ручку шалью на кресле — полная пустота. Точно такая же пустота поселилась у меня внутри. И неизвестно, сколько она еще просуществует там, истязая и без того слабое сердце.

Никакого чуда не произошло.

Никакого чуда не произошло, но надежда осталась — если не на воскрешение Аглаи, то хотя бы на ее мобильник.

Исподтишка оглядываясь на дверь (как будто Аглая могла войти и застукать меня на месте преступления!), я открыла сумку и принялась в ней копаться. Телефон нашелся сразу же, теперь остается уповать на то, чтобы Аглая его не отключила.

Она никогда не отключала его, никогда!

Но чуда не произошло и во второй раз: мобильник, черт бы его побрал, оказался отключенным!

Совершенно машинально я нажала на кнопку: крошечный дисплей вспыхнул зеленым и на нем высветились буквы: **«ВВЕДИТЕ PIN-КОД»**.

Pin-код, пароль доступа, ключ к свободе и безопасности, ключ к разгадке, дверь, за которой кошмар сегодняшнего вечера должен был закончиться. Но эта дверь, как в любой из Аглаиных книжек, была заблокирована.

Вот и все.

Эпопею со связью с внешним миром можно считать законченной.

— Ну, что? — В дверях показалась лисья физиономия Фараххутддина.

— Ничего хорошего. Я не знаю кода.

— Так какого же черта?! Ладно, пойдемте обрадуем остальных.

Он не договорил и снова скрылся за дверью. Пойдемте, конечно, пойдемте!..

Перед тем как выйти из комнаты, я подошла к столу и коснулась пальцами ноутбука: если верить сволочной психологии Фары — то, что находится в компьютере, может принести большие дивиденды.

Последний роман Аглаи Канунниковой. Предсмертный роман Аглаи Канунниковой. Посмертный роман Аглаи Канунниковой. Творческое завещание Аглаи Канунниковой.

Интересно, сколько это будет стоить?

Я приподняла легкую крышку ноутбука и... отшатнулась от стола.

На клавиатуре лежал смятый цветок. Те же белые лепестки, то же хищное желтоватое жало сердцевины — брат брата чайной розы!..

«БОЙСЯ ЦВЕТОВ, СУКА!»

Цветок на клавиатуре легко переводился на вполне доступный мне язык: кто-то хотел не только уничтожить Аглаю, но и уничтожить дело ее жизни. В любом случае, компьютер нужно взять с собой — чтобы не погубило хотя бы это.

— Ну, что вы там застряли? — Фара снова напомнил о себе.

— Ничего. Уже иду.

— Или мародерствуете втихаря?

Я едва сдержалась, чтобы не запустить ноутбуком в его наглые губы — раскоряченные, как ляжки у последней потаскухи. Никогда еще он не был мне так отвратителен. Должно быть, все это отразилось у меня на лице, — Фара хлопнул пасть и примирительно сказал:

— Шучу.

— Идемте.

Связываться с придурком, вооруженным Буддой, не хотелось. Но свет... Я ведь явственно видела свет в конце коридора!..

Всю обратную дорогу я прикрывала тылы. Фара, так и не пожелавший расстаться со статуэткой, гордо шествовал впереди.

До первого этажа мы добрались без приключений, но стоило только режиссеру распахнуть дверь в мини-юрту, как спина у него затряслась, а Будда выскользнул из руки. И с громким стуком упал на пол.

— Вы?! — прошелестел Фара.

Прямо напротив нас, у противоположной стены холла, стоял Ботболт.

— Зачем вы взяли Будду? — с укоризной спросил он. Как будто ничего

не произошло, как будто он и не пропадал никуда, как будто он и не был записан в разряд убийц-оборотней.

— Что?!

— Зачем вы взяли Будду?

— Орехи колоть, — нашелся Фара. — А вы куда запропалились?

— Вы должны поставить статую на место. Статуя освящена, не нужно навлекать на дом неприятности.

«Не нужно навлекать на дом неприятности», надо же! Как будто смерть Аглаи не берется в расчет, как будто до нее и дела нет всесильным степным богам!

— Сами и ставьте, — Фара уже пришел в себя и ощерился.

— Гости не должны так вести себя...

— А хозяйева... Хозяйева не должны лишать гостей жизни, вот!

Ни один мускул не дрогнул на лице Ботболта. Он подошел к Будде, поднял его и любовно поднес к груди. И только теперь я заметила, что в руке у непроницаемого мажордома зажата банка с каким-то раствором.

Интересно, где он был все это время? И что это за банка? И как объяснить таинственное исчезновение связи с внешним миром? Вопросов было гораздо больше, чем ответов. Да и получим ли мы ответы? В любом случае второе пришествие Ботболта можно считать настоящей удачей; хотя бы потому, что с его появлением дом перестал быть декорацией к третьесортной бульварной пьесе, ковры с негодованием отказались от клейма «К/с «Ленфильм», а чучела пумы и гепарда с таким же негодованием отреклись от родства с магазином «Рыболов-охотник». Все снова стало подлинным, отяжелевшим и подтвержденным документально.

— Мы искали вас, Ботболт, — вступилась за Фару я. — Согласитесь, что это странно, пропадать в такой момент.

— Я не пропадал, — Ботболт не оправдывался, он мягко указывал нам на наши заблуждения. — Вот. Железный купорос. Ваш парень что-то говорил о железном купоросе. Что с его помощью можно определить состав яда... вам повезло. У нас в подвале как раз осталась одна-единственная банка, строители им пользовались для консервации древесины.

Я принес.

— Долгонько же вы несли, — проворчал Фара. — У вас что, подвал под Петропавловской крепостью? Или под Мариинским театром?

— Зачем же? Он в другом крыле. Вы можете спуститься, посмотреть.

— Увольте.

— Как знаете...

— И вот еще что, Ботболт. У меня пропал мобильный телефон.

— Этого не может быть, — отрезал Ботболт.

— То есть как это — не может? Куда же он, по-вашему, делся?

— Вам виднее.

— Или вы хотите сказать, что его и вовсе не было?

— Вам виднее.

Лицо Фары накрыла ударная волна самого оголтелого расизма: ах, ты, бурят, мелкая сошка, чурбан косорылый, кобылье дерьмо, от мертвого ламы уши! Ужо я тебе!..

— Значит, мне виднее?! Я же при тебе разговаривал! Не помнишь?

— Вам виднее.

Фара попытался сказать что-то еще, но махнул рукой, а я снова взяла на себя функции парламентаря.

— Ваши телефоны тоже не работают, Ботболт.

— Этого не может быть.

Интересно, в каком гостиничном колледже он обучался?! Скорее всего, в том, где существует только два спецкурса: «вам виднее» и «этого не может быть».

— Проверьте сами.

Ботболт пожал плечами и двинулся к телефону. Как бы я была счастлива, если бы появление Ботболта воскресило еще и телефон!

— Ну? Что скажете? — с убийственной вежливостью поинтересовался Фара после того, как бурят протер трубку вытащенной из кармана салфеткой, а затем швырнул ее на рычаг.

— Этого не может быть, но...

— Что — «но»?

— ...вам виднее.

Поменяв местами банку с купоросом и безответного Бодхисатву, Ботболт направился к залу. Мы поплелись за ним. «Чуда не случилось, чуда не случилось, чуда не случилось», — выбивали дробь мои зубы, теперь чуду остается только раствориться в железном купоросе.

Или выпать в осадок.

...«Пейзаж с телом» при виде Ботболта пришел в неопишное волнение.

— Вы? — громко выдохнула Минна.

— Вы? — еще громче простонала Теа.

— Вы?! — возопила Софья. — Вы, черт бы вас побрал?!

Они встречали Ботболта как запоздавшего боженьку, как спасенного со льдины полярника, как порнозвезду в расквартированном в непроходимых

джунглях артдивизионе.

Остальные накинулись на нас с Фарой.

— Где вы его отрыли? — спросил Чиж, повернув тонкий нос в сторону Ботболта.

— Теперь я наконец-то могу позвонить в консульство? — затрясся лжетерминатор Райнер-Вернер Рабенбауэр.

Я с упоением развела руками. Еще ни разу в жизни я не испытывала такого удовольствия, говоря кому-то «нет»!

— Телефон, значит, накрылся медным тазом? — шепотом поинтересовалась Дарья. — Дервиш поджег Париж?

— Примерно, — расстраивать и без того расстроенное общество сообщением о том, что «близок локоток, да не укусишь», мне не хотелось.

— Скажи болвану-оператору, чтобы он отпустил меня... Сил нет слушать, как препираются эти стервы...

Я только развела руками. Что поделать, Дашка, я и сама оказалась в вольере, куда согнали обитателей серпентария на время дезинфекции...

Когда волнение улеглось, все взглянули на Ботболта-мученика новыми глазами: кому только в голову пришло, что в доме, который охраняет такой основательный, такой неспешный желтолицый дух, может быть нечисто? Кому только в голову пришло, что поход за железным купоросом можно трактовать как подготовку к серии ритуальных убийств? Кому только в голову пришло заподозрить невинного, как лифчик старой девы, бурята в сговоре с темными силами?

А сага о рабочих и неоконченном гарнитуре из карельской березы в подвале — трогательная, как куличик на Пасху! Эта сага вызвала у слушателей слезы благодарности.

— Вы сказали, что с помощью железного купороса можно определить наличие яда, — Ботболт обращался теперь только к Чижу. Он инстинктивно, как и полагается рабочей лошадке, понял, *кто* является хозяином положения на сегодняшний, такой скорбный, момент.

— Можно, в принципе. В полевых условиях, — Чиж даже распух от гордости. И слабый девичий румянец коснулся его щек.

— Я принес.

— А можно ли в полевых условиях позвонить в немецкое консульство? — снова завел свою шарманку Райнер-Вернер. — Я не прошу чего-то сверхъестественного?..

— Да, Ботболт, что-то случилось с телефоном... — Чиж посмотрел на бурята с нескрываемой симпатией.

— Я не знаю, что случилось с телефоном. — Ботболт посмотрел на

Чижа с нескрываемой симпатией. — Просто ума не приложу.

— Может быть, вы посмотрите? Вскроете проводку? А?..

— Я не могу.

— Почему? У вас ведь наверняка есть схема коммуникаций...

Ботболт на секунду опустил свои свинцовые азиатские веки. И снова приоткрыл их.

— Схема тут ни при чем. Без разрешения хозяина я не имею права портить его имущество...

В узких и желтых, как масляные светильники, глазах бурята, обращенных к Чижу, плавало такое же масляное сострадание: «О солнценосный, что же я могу сделать, если речь идет о презренном евроремонте? О нечестивых обоях, сатанинских плитусах и безбожной штукатурке?..»

— Помилуйте, — неугомонный Райнер-Вернер был просто создан для того, чтобы подрубать на корню любые молитвы и сводить на нет любую медитацию. — Кто же говорит о порче имущества? Вы простучите телефонный кабель и найдете разрыв, только и всего!

— Тысяча метров провода, — Ботболт даже не повернул головы в сторону назойливого, как карельский комар, иностранца. — Ковры, колонны, лепнина... Нужно ждать хозяина.

— Может быть, вы проверите источник питания? Может быть, все дело в источнике питания?

— С коробкой все в порядке. Я уже посмотрел... С ней все в порядке, она не работает. Нужно ждать хозяина...

— И как долго его придется ждать?

Ботболт поднял глаза к потолку: кто знает, сколько времени пройдет, прежде чем небо упадет на землю, девственница понесет под сердцем дитя от медведя-шатуна, а верховный шаман закончит партию в домино?..

— Ну, хорошо, — не сдавался Райнер. — Пусть вы не знаете, когда вернется ваш хозяин... Но, может быть, есть какие-нибудь другие варианты?

— Какие? — оживился Чиж.

— А что, если запустить ракету? Есть у вас ракетница?

— Нет.

— Конечно, нет, — Чиж решил вступить за Ботболта. — А даже если бы и была... кто увидит эту ракету? Волки? Лоси? Брачная пара зайцев-беляков?

— О, дикая страна! — взвыл Райнер-Вернер. — Тогда уберите хотя бы собак. Уберите собак, и мы уедем на машине.

— Я не могу...

Отлично, к бесплатным спецкурсам «вам виднее» и «этого не может быть» добавился еще один, коммерческий: «я не могу». Подобные фразы можно произносить лишь за отдельную плату.

— Вы что, издеваетесь? — Еще секунда, и немец потребует жалобную книгу. — Как это — «не можете»?

— Доржо и Дугаржап. Они занимаются собаками.

— А вы?

— Я не занимаюсь собаками.

— А кто занимается собаками?

— Доржо и Дугаржап.

— Так позовите их!!!

— Я не могу.

Дитя торопливой европейской цивилизации, Райнер-Вернер явно проигрывал схватку с тягучим, как горная цепь, и ускользящим, как кипящее молоко из кастрюли, бурятом.

— Я — гражданин Германии! — Это был последний его аргумент — такой же неотразимый, как и ядерный гриб.

Но и он не произвел на Ботболта никакого впечатления: Германия в личном списке мажордома занимала ничего не значащее место между освежителем воздуха и лунными кратерами.

— Ну, хорошо, — Райнер попробовал зайти с другой стороны. — Нам нужно попасть в гараж. Это возможно?

— Конечно.

— О майн готт! — возликовал немец. — Скажите только, как туда добраться.

— Через двор.

— Через двор, где собаки?!

— Да.

— А... другого пути нет?

— Нет.

— А эти... как их... Доржо и Дугаржап... Вы можете позвать их?

Ботболт, изрядно измотанный приставаниями немца, принялся что-то шептать на ухо Чижу. Чиж только хмыкал и вздыхал. И, когда Ботболт, наконец-то отпал от него, торжественно произнес:

— Перевожу! Для наших немецких товарищей. Доржо и Дугаржап — помощники Ботболта. Вы их видели сегодня за обедом.

Я имела возможность лицезреть двух спившихся помощничков не только за обедом, но и после него, в подсобке, — но делиться этой

сомнительной радостью с Чижом не стала.

— Так вот, с ними произошла неприятность.

— Неприятность? — Райнер-Вернер затрясся и инстинктивно повернул голову в сторону прикрытой простыней Аглаи. — Какого рода неприятность?

— Они слегка не рассчитали свои силы, — Чиж щелкнул пальцами по горлу. — И теперь... спят...

— Так разбудите их!

— ...спят в гараже.

Ситуацию нелепее и придумать было невозможно! Еще нелепее выглядела передислокация бурятских пьяниц из подсобки в гараж. Уж не в сомнамбулическом ли состоянии отправились туда преподобные Доржо и Дугаржап?..

— И когда они проснутся?

Ботболт снова поднял глаза к потолку, и Райнер-Вернер понял, что проиграл схватку. Он нахохлился, по-армейски (пятки вместе, носки врозь) сдвинул ноги и сунул нос в отворот тулупа.

— Не говорите ерунды, милейший, — на помощь павшему духом немцу неожиданно пришла Минна: не столь уж дальнее родство фамилий «Майерлинг» и «Рабенбауэр» заставило толстуху действовать. — Если они спят в гараже, то как вы могли узнать об этом?! Ведь если исходить из ваших слов, вы... не имеете никакого влияния на собак!

Но поймать за руку ушедшего Ботболта не удалось. Он снова нагнулся к Чижу и снова стал что-то сладострастно нашептывать ему на ухо.

— Перевожу! Для наших немецких товарищей! И не только немецких, — Чиж подергал себя за подбородок. — На первом этаже, в правом крыле, слева по коридору, находится аппаратная. В ней установлены мониторы. Для видеокамер. Одна наблюдает за окрестностями, другая — за двориком, а третья — за гаражом. Доржо и Дугаржап находятся в гараже в... м-м... положении риз. Все желающие могут посмотреть картинку на мониторе. Ботболт проводит желающих в аппаратную, дабы они убедились в правдивости его слов.

Но «желающих убедиться в правдивости» не нашлось. И разговор мягко спланировал на личность Дымбрыла Цыренжаповича Улзутуева. И так же мягко заколебался в воздушных потоках.

— Согласитесь, это странно, — открыла форум дельтапланеристов Минна. — Гостеприимный хозяин исчезает в самый неподходящий момент. А во время его отсутствия... вы сами видите, что случилось во время его отсутствия...

— Вот именно! Хозяин исчез, а его холоп вешает нам лапшу на уши, — поддержала Минну Теа. — Одной уважаемой писательнице пришел карачун, а три других не менее уважаемых писательницы не могут выехать из этого проклятого места, не могут никого позвать на помощь и находятся в прямой зависимости от каких-то... алкашей из чума!

— Из юрты, — мягко поправил Теа Чиж.

— Да какая разница!

— Вот именно! — После минутной паузы Софья тоже решила присоединить свой голос к голосу писательской общественности. — Нет никакой разницы — чум это или юрта. А вот то, что малоизвестный широким слоям населения господин Улзутуев улизнул... Это похоже на заранее продуманное алиби.

— Кстати, об алиби, — снова встрял Чиж. — Нам всем неплохо бы позаботиться о нем.

Эти, в общем-то, довольно банальные слова напугали общество милейших людей сильнее, чем намозоливший глаза труп под простыней. Аглая Канунникова легко перекочевала из разряда модной писательницы в разряд бельма на глазу, но на этом вся легкость заканчивалась. Ее смерть оказалась делом хлопотным, ее смерть никого не хотела оставить в покое, ее смерть не искала сочувствия — она обвиняла.

— Вы опять за свое! — шмыгнула носом Минна.

— Никак не уймется! — шмыгнула носом Теа.

— Спросите об алиби у того, кто подал ей бокал! — шмыгнула носом Софья.

Стоило только Сафьяновой произнести эти слова, как вокруг Ботболта сразу же образовалась зона отчуждения: даже Петя Чиж, которому еще секунду назад импонировала гора бурятского мяса за спиной, сделал шаг в сторону. И смешался с толпой алчущих справедливости писательниц.

— Итак, мы слушаем вас, Ботболт, — прежде чем призвать к ответу массивного бурята, Софья благоразумно зашла в тыл такой же массивной Минне. — Вы принесли ей шампанское. Один, отдельно стоящий на подносе бокал. Почему? Почему ей не хватило бокала? Вы не рассчитали количество людей?

— Рассчитал, — Ботболта невозможно было сбить с толку. — Я принес ровно восемь бокалов с шампанским...

— Вот вы и попались! — по здоровом размышлении Теа тоже заняла место за широкой спиной Минны. — Как вы могли принести восемь бокалов, когда в зале находилось *девять* человек? Я, дорогая Минна, дорогая Софья, эта стерв... э-э... дорогая Аглая, проныра-журналисточка,

наш новый друг господин Рабенбауэр, секретарша покойной, уж не помню, как ее зовут, режиссер и оператор! Вы все рассчитали, вы специально сделали так, чтобы кому-то не хватило одного бокала! И не просто кому-то, а именно — дорогой Аглае!

— Я принес ровно восемь бокалов, — упрямо повторил Ботболт. — Оператора я не считал...

— Почему? — поинтересовалась Софья.

— Он снимал на камеру, и руки у него были заняты. У нас однажды работал оператор, он пил после всех, на кухне. И ел тоже.

Это была маленькая месть перебежчику Чижу: Чиж-Чижевич, маленькая блеклая пичуга с объективом наперевес, знай свое место, пичуга! Обьедки за печкой и выпивка в людской — знай свое место, пичуга!

— Ну, хорошо, оператора с камерой мы исключаем, — Теа продолжала гнуть свое. — Оператора мы исключаем, итого остается восемь человек. Бокалов тоже было восемь?

— Да.

— Тогда почему одного не хватило?!

Ботболт задумался.

— Потому что она разбила свой первый бокал, фрау Канунникова! — На выручку Ботболту неожиданно пришел Райнер-Вернер. — Ну, что же вы! Разве не помните? Она проиграла мне партию в шахматы и от злости разбила бокал.

— Ах, вот оно что! — Теа улыбнулась. — Меня совершенно не удивляет, что она проиграла. Шахматы, надо же! Стоклеточные шашки — вот ее потолок!

— Ошибаетесь, дорогая Теа, — Минна улыбнулась еще шире. — Ее потолок — настольное лото. Сорок один — сплю один. И барабанные палочки!

— Ошибаетесь, дорогая Минна, — улыбка Софьи, казалось, могла поглотить не только зал, но и оранжерею с пристегнутой к ней террасой. — Ее потолок — не лото, а лотерея. Причем моментальная. Купить десяток билетов в ларьке, у метро, и соскоблить номер монеткой — на это много ума не надо!..

Интересно, как долго я могу сносить оскорбления в адрес беззащитной Аглаи? Пора действовать.

— А вы разве не помните, как она разбила его, дорогие дамы? — с самым невинным видом спросила я. — Разве вы при этом не присутствовали? Разве вы выходили куда-нибудь? По делу, разумеется?

Стоклеточные шашки, моментальная лотерея и барабанные палочки были немедленно забыты. Дамы сплотили ряды и выступили единым фронтом:

— Кажется, я что-то припоминаю, — сказала Минна.

— А я — я вижу это явственно. Как будто только что произошло, — сказала Теа.

— До сих пор этот звон стоит в ушах. Звон разбившегося бокала, я имею в виду, — сказала Софья. И тут же снова переключилась на бурята. — Значит, заметив, что одного бокала не хватает, вы отправились на кухню, и?..

— И наполнил еще один бокал. Из открытой бутылки — она стояла на столе. А потом вернулся сюда. Все остальное вы знаете.

Все остальное выглядело не в пример печальнее, чем звон разбившегося бокала. Аглая взяла шампанское с подноса, сделала глоток и умерла.

— Да. Все остальное мы знаем. Она умерла, — Теа фыркнула. — И вы были последним, в чьих руках находился бокал с ядом. Вы сами поднесли его!

Никакой реакции на это — почти прямое — обвинение не последовало. И дамы, не сговариваясь, попятились к выходу. И остановились у двери.

— Душегуб! — влюбленно прошептала Минна.

— Отравитель! — влюбленно прошептала Теа.

— Новый Грэхем Янг!^[24] — влюбленно прошептала Софья. — А еще железный купорос притаранил!.. Ни стыда, ни совести!

Ботболт вздохнул и вопросительно приподнял брови: имя Грэхема Янга ни о чем ему не говорило. Так же, как и большинству присутствующих. Но клеймо «душегуба» и «отравителя» зажглось на бурятской физиономии ярким пионовым фонарем. Фонарь этот осветил самые потаенные уголки: ноздри, забитые серной кислотой, рот с привкусом таллия, носогубные складки с налетом мышьяка, ртутно-блестящие глаза; подбородок, унавоженный сурьмой и фосфоресцирующие щеки. Да и с кончика его языка, казалось, капала воспетая Аристотелем цикута.

А перчатки! Чего стоили перчатки на руках Ботболта! Он не снимал их — ни за обедом, ни за ужином. Белая хлопчатобумажная ткань, не оставляющая никаких отпечатков — ни на бутылке, ни на бокале!..

Дамы уже были готовы покинуть столовую, когда раздался голос Дашки. Голос, полный иронии и легкого презрения:

— Вы с ума сошли! Вы только посмотрите на него! Разве он похож на отравителя?!

— Вы правы, Дарья, — похоже, Дашка и Чиж играли в одной команде. — Идите-ка сюда, Ботболт!

Бурят по-воловьи покорно двинулся в сторону Чижа. И замер перед ним, опустив руки по швам. Чиж приподнялся на цыпочки и коснулся кончиками пальцев плоского лица Ботболта. Затем ощупал мускулы, нагло выпиравшие из-под смокинга. И в заключение изо всех сил ударил Ботболта в солнечное сплетение. Бурят даже не поморщился.

— Действительно... Этот травить не будет. Этот может только череп раскроить. Или позвоночник сломать. О колено. Или расстрелять жертву из автомата, на худой конец. Даже контрольного выстрела не понадобится. Я прав?

Ботболт смущенно улыбнулся.

— Я прав, — Чиж послал Ботболту такую же смущенную улыбку. — Не будет такой бугай заморачиваться ядами. Яд — вещь тонкая, старомодная. Я бы даже сказал — интеллигентная. Требуется точной дозировки и определенной доли вдохновения. А здесь, как видите, интеллигентность даже не ночевала. Что скажете, Ботболт?

Мажордом только развел руками, похожими на ковши экскаватора: что тут скажешь? И говорить нечего!

— А почему вы не упомянули о двери, Ботболт? — Дашка, до сих пор находившаяся на периферии цианидовых страстей, теперь тянула одеяло на себя.

— Какой двери? — все три дамы насторожились.

— Двери в оранжерее... Куда она ведет?

— А это важно? — Ботболт надул щеки.

— Нет. Но...

— Этой дверью никто не пользуется. Недостаток планировки, остался еще от прежних владельцев... Хозяин приказал ее закрыть. Теперь там клумба с флоксами...

— Куда она ведет?

— На кухню.

— Может быть, осмотрим ее?

— Зачем? — Ботболт все еще не мог взять в толк, о чем же говорит ему Дарья. — Зачем осматривать? Ведь она заперта.

Но теперь уже никто не слушал Ботболта. Даже стадо африканских слонов, отправившихся на водопой, произвело бы меньший шум. Впереди, высоко подбрасывая колени, неслись беллетристки. За ними едва поспевали

Дарья с Чижом; они же волочили под руки ничего не понимающего бурята. Замыкали кавалькаду мы с Райнером-Вернером.

Дверь находилась в самом дальнем углу оранжереи. И нужно было сильно постараться, чтобы обнаружить ее среди зарослей веерных пальм и лиан, свешивавшихся прямо с потолка. Ближние подступы к ней охраняли целая плантация папоротника и цветочный молодняк. К папоротникам вела узкая, выложенная плиткой дорожка, терявшаяся в зарослях. Прямо перед клумбой дорожка раздваивалась, и плиточный отросток вел к небольшому тупичку, в котором стояло массивное кресло. Один конец клумбы упирался прямо в стену, другого вообще не было видно.

Я и глазом моргнуть не успела, как Чиж, разбежавшись, перемахнул через клумбу и приземлился на небольшом пяточке перед дверью.

Его пример оказался заразительным.

— ...Ни к чему не прикасаться! — завопил Чиж, стоило только дамам приблизиться к двери на расстояние нескольких метров и вплотную подойти к клумбе. — И ничего не топтать!

— Хозяину это не понравится, — поддержал Чижа Ботболт. — Там растут его любимые флоксы!

— Никто не покушается на ваши флоксы, дубина! — процедила Софья, но так и не решилась приблизиться к двери. И даже сделала несколько шагов назад.

Ее примеру последовали все остальные. А Минна, тяжело дыша, направилась к креслу. Она уже готова была втиснуть в него телеса, когда раздался голос Ботболта:

— Это кресло хозяина. Никто не должен сидеть в кресле хозяина!

— Скажите, пожалуйста! — проворчала Минна, но окрику все же подчинилась. И, отойдя от кресла, присела на край кадки с разжиревшим фикусом.

— Интересно, почему все так переполошились из-за этой двери? — задала вполне уместный вопрос мулатка Теа. — Объясните мне, пожалуйста, вы, специалист по ядам!

Чиж покраснел, открыл рот, как будто собирался что-то сказать — и не сказал. И бросил умоляющий взгляд на Дашку.

— Это была ваша идея, Дарья. Развивайте.

— Я подумала вот о чем... Если наш друг Ботболт не является отравителем...

— А почему это *ваш* друг Ботболт не является отравителем?! — Теа сделала ударение на слове «ваш». — Разве кто-то доказал обратное?

— Нет. Но это было бы нелогично. Ведь подозрение падет прежде

всего на него. Вы же сами сказали: он подал Аглае Канунниковой... — Дарья едва удержалась, чтобы не скрипнуть зубами от застарелой ненависти к этому имени. — Он подал Аглае Канунниковой бокал. Следовательно, он — первый подозреваемый. Но ведь он не самоубийца, чтобы самому совать голову в петлю, правда? Ведь какова цель убийцы?

— А вы не знаете, деточка? Не в курсе дела? Цель убийцы — убить. Поэтому он и называется убийцей, а не истопником, — автор семнадцати леденящих душу триллеров посмотрела на мою бывшую подругу со снисходительной улыбкой.

— Цель убийцы — убить и не быть пойманным. Иначе убийство, плодами которого нельзя воспользоваться, теряет всякий смысл. И может быть смело приравнено к самоубийству. Вы ведь не самоубийца, Ботболт?

— Нет, — после минуты мучительных размышлений выдоил из себя бурят. И тут же принялся шарить руками на своем поясе — очевидно, в поисках меча для харакири.

— Вот видите! — обрадовалась Дашка. — Значит, кто-то сильно постарался, чтобы вы были единственным возможным подозреваемым.

— «Кто-то» — это кто? — осторожно спросила Теа.

— Кто-то, кто знал о существовании этой двери. Все очень просто: злоумышленник хочет отравить Аглаю Канунникову. Он проникает на кухню через дверь в оранжерею и подсыпает яд в бутылку с шампанским. Ничего не подозревающий Ботболт наливает шампанское в бокал и... Остальное вам известно.

— Бред, — Минна покраснела.

— Полный бред, — Софья побледнела.

— Чушь собачья, — резюмировала Теа, сразу же перевоплотившись из цивилизованной мулатки в дикую, угольно-черную африканку племени кокофу.

Даже я, столь далекая от детективных хитросплетений, понимала, что Дашкина теория не выдерживает никакой критики. Она и держалась-то на одном-единственном зыбком, как песок, факте: *Аглая разбила предназначенный ей бокал*. Разбила, а ведь могла и не разбить, если шахматная партия с Райнером-Вернером закончилась бы в ее пользу.

— А если бы фрау Канунникова не разбила бокал? — Немец, страдальчески сморщив нос, озвучил мои собственные мысли. — Если бы она не разбила бокал, ничего страшного бы не произошло, не так ли?

— Ну, не знаю...

— А если бы даже она и разбила бокал, то почему тут же не взять другой? — Софья решила поддержать немца. — Или вы считаете, что все

шампанское было отравлено?

— Не думаю, — Дашка растерялась. — Ведь мы же пили потом... Все пили. Кто успел, во всяком случае...

— Следовательно, злоумышленник подсыпал яд только в один бокал? Тот, который принесли позже? — продолжала наступать Софья.

— Выходит, что так...

— Вот именно! — Минна обмахнула декольте широким листом фикуса. — И как вы себе это представляете, деточка? Злоумышленник следит за дорогой Аглаей, он ловит каждое ее движение... Та грохает бокал об пол, и он опрометью бросается в оранжерею, уже зная, что там находится дверь на кухню. И всыпает яд в бокал...

— Нет, — Ботболт произнес самую длинную фразу за сегодняшний длинный вечер. — Не было никакого яда в бокале, на кухне их два десятка, они стоят на столе, доньшками вниз, я просто взял чистый и даже протер его. А шампанское налил из бутылки.

— Вот видите! — Софья несказанно обрадовалась новости, которую сообщил Ботболт. — Следовательно, э-э... злоумышленник добавил яд в бутылку, если уж мы пошли на поводу у вашей безумной теории. И проверить все это он должен был еще до того, как наш громила появится на кухне. Такой план невозможно придумать на ходу, а тем более ввести в него элемент случайности. А тем более — осуществить его!

— И все-таки кто-то его осуществил, — из-за папоротников показалась лохматая голова Чиж.

Пока Дашка препиралась с писательницами, он успел обследовать саму дверь и прилегающее к ней пространство.

— Осуществил?! — Теперь уже и Софья хлопнулась на кадку с фикусом.

— Дверь на кухню *открыта!* — выдохнул Чиж.

— Она не может быть открыта, — переубедить Ботболта было не так-то просто. — Я лично закрывал ее два года назад.

— А она открыта! — Чиж на цыпочках подошел к двери и аккуратно, одним пальцем, подтолкнул. Дверь тихонько хихикнула петлями и подалась: в образовавшейся щели можно было даже разглядеть кусок стола и бутылку.

Ту самую бутылку с «*Veuve Cliquot Ponsardin*», которую мы уже имели счастье лицезреть. На нее так никто и не покусился.

— Она не может быть открыта, — Ботболт все еще продолжал спорить с очевидным. — Я лично закрывал ее два года назад.

— А ключи от нее сохранились?

— Ну да... Лежат в кладовке, в ящике с инструментами.

— Кладовка тоже заперта?

— Нет. Обычно ее не запирают... Она в коридоре, возле кухни.

Кладовка, ну конечно же! Кладовка, которую я уже окрестила подсобкой. Предпоследний приют алкашей-экстремалов Доржо и Дугаржапа, братская могила простыней, химикатов и прочей хозяйской мелочи.

Чиж, на пару с неугомонным увеличительным стеклом от объектива, исследовали поверхность замка и дверной косяк.

— Никаких следов взлома. Дверь открывали ключом.

Мы попытались сжать кольцо, чтобы и самим убедиться в этом, но снова были остановлены: густыми зарослями флоксов и пронзительным визгом Чижа.

— Я же сказал — ничего не топтать! Не вздумать прыгать на клумбе!.. — Он плотно прикрыл злосчастную дверь — от греха подальше.

— Никто не позволит вам прыгать на клумбе, — бас у Ботболта был внушительный, ничего не скажешь.

— Вот именно! — Чиж даже обрадовался такой поддержке. — Не прыгать по клумбе и не приближаться!

— А почему это вы тут раскомандовались? — выразила запоздалое удивление Теа. — Вы кто такой, чтобы всем заправлять?

— Тем более что здесь есть люди, имеющие непосредственное отношение к правоохранительным органам! — Софья явно намекала на себя. — И не один год в них работающие, заметьте! Тоже мне, Нат Пинкертон!..

— А вы не догадываетесь почему? — Интересно, когда они успели так спеться, Дарья и Чиж: поют в унисон, ни единой фальшивой ноты!

— Почему же, деточка? — спросила Минна, по-прежнему терзая фикус.

— Потому что наш оператор был единственным, кто не выходил в оранжерею. Он снимал на камеру и все время находился в столовой. Он ни разу ее не покинул, разве нет?

— А вы откуда знаете?! Вы так и шмыгали туда-сюда, якобы покурить! От такой несправедливости Дашка вспыхнула.

— Что значит «якобы покурить»? Я, к вашему сведению, курю с пятнадцати лет! Пачка в день и ни единой сигаретой меньше! Вот она, — Дарья кивком указала на меня, — знает. Правда, Алиса?

Мне оставалось только констатировать этот прискорбный факт, подтвержденный смятым «Капитаном Блэком», которого Дашка вывалила

из кармана.

— Видите! — Она демонстративно потрясла опустевшей пачкой перед писательницами. — Последняя осталась! А «Captain Black» — это вам не дамские штучки типа сигарет с ментолом! Серьезная вещь! Его пока выкуришь — умаешься! Ни на что времени не останется!

«На подготовку убийства — во всяком случае», — мысленно добавила я, а Дашка совершенно машинально пристроила в уголке рта кремовый сигаретный леденец. А Ботболт с Райнером-Вернером — также машинально — щелкнули зажигалками. Несколько секунд Дарья обдумывала, до кого бы снизойти, и решила остановиться на Ботболте. Райнер-Вернер пролетел мимо Дашки на бреющем, несмотря на умоляющий подбородок и исполненные скорби глаза. А все я со своими ариозо о пасторальной близости с немчурой!..

Райнер-Вернер посмотрел на меня с неприкрытой ненавистью. Я же ответила ему ничем не замутненным взглядом. Немец откровенно сох по Дашке, и меня вдруг страшно задело это обстоятельство. Ничего, равным счетом ничего я не могла противопоставить ей, преуспевающей журналистке с преуспевающей грудью, преуспевающей задницей и преуспевающим множественным оргазмом (другого оргазма у нее и быть не могло, байки про множественный оргазм я слышала еще в универе: под водочку, болгарские перцы и нечленораздельные вопли попугая Кеши).

И все же у меня было перед ней одно неоспоримое преимущество: *я не курила*.

От курева меня отучил Бывший, страдавший аллергией на табачный дым.

И впервые за полгода я вспомнила о нем с благодарностью: дай тебе бог здоровья, паренек; тебе и твоей бизнес-мымре, а также вашим детям, если они вдруг появятся — по недоразумению или по недосмотру геронтологического центра!..

Я не курила и потому не выходила в оранжерею. Я не курила и почти все время держала на руках малышку Ксоло — и потому не выходила в оранжерею. Я оставалась в зале до самого Аглаинового конца, я не имела никакого отношения ни к двери за пальмами, ни к бутылке за дверью! Не то что все остальные, для которых лозунг «Курение опасно для вашего здоровья» становится на сегодняшний момент самым актуальным.

Но это, похоже, никого не волновало. Подчиняясь инстинкту стадности, все вытащили собственные сигареты, сунули их в зубы и сосредоточенно задымили.

Райнер-Вернер — подванивающие портянками болгарские «Родопи»

(господи ты боже мой, где он только раздобыл этого игуанодона табачной промышленности? И как это вообще может сочетаться с высоким званием гражданина Германии?)

Теа — кокетливый «Вог».

Софья — не менее кокетливый «Данхилл».

И только Минна, в полном соответствии с фамилией Майерлинг, ограничилась трубкой. Самой настоящей трубкой с непомерно длинным чубуком.

Минна с поразительной для ее толстых пальцев ловкостью набила трубку табаком и глубоко затянулась. Да-а... «Вог» с «Данхиллом» сразу же померкли и плавно перешли в разряд козжих ножек. Ничего не скажешь, толстуха Минна переиграла товарок по всем статьям!

— У какого Чингачгука вы вырвали изо рта эту трубку мира, дорогая Минна? — прошипела Софья, глядя на толстуху остекленевшими глазами.

— Почему же вырвала? — Минна выпустила струю ароматного дыма прямо в лицо Софье. — Хотя вы правы... Это действительно трубка мира — калюмет. Вещь почти антикварная, конец девятнадцатого века. Мне подарили ее друзья из Орегона. Стопроцентные североамериканские индейцы.

— Ваше счастье, что они не умеют читать по-русски! Иначе бы они не дарили вам трубку мира, а оставили бы себе на память ваш содранный скальп.

— Оставьте ее, дорогая Софья, — теперь к СС присоединилась и Теа. — Разве вы не видите, что она просто пытается оригинальничать?

— Что же ей еще остается? — Софья с остервенением затушила недокуренную сигарету. — Что же ей еще остается, как не оригинальничать? Иначе о нашей дорогой Минне все забудут. Ни одной статьи, ни одной рецензии за последние полгода! Тут не то что трубку закуришь, тут иголки начнешь загонять себе под ногти!..

— Да-да, что-то припоминаю, — Теа ехидно улыбнулась. — Вот уже полгода пресса молчит о госпоже Майерлинг. Что бы это значило?

— Только то, что пресса пребывает в немом восторге. От меня и моих книг, — огрызнулась Минна. И быстро сменила тему: — И почему мы уперлись в эту дверь, черт возьми?! Какой-то маленькой паршивке пришло в голову, что оранжерея связана с отравлением, а мы эту галиматью поддержали! Попались на крючок! Стыдно, дорогие дамы! В конце концов, мы имеем определенный вес в обществе, нельзя же позволять так собой манипулировать...

— Ну, насчет галиматьи я бы поостерегся, — голова Чижа снова гордо

вознеслась над папоротником.

— Это почему же?

— Здесь кое-что есть. Кое-что, что может пролить свет на тайну двери. Бросьте мне вашу перчатку, Ботболт! Лучше правую, так будет удобнее...

На то, чтобы стянуть перчатку с руки, Ботболту понадобилось некоторое время. Странная нерасторопность для лакея — если, конечно, его не вывезли из захудалого дацана в Притибетье пару месяцев назад. Интересно, чем он вообще занимался, прежде чем получил из щедрых рук Дымбрыла Цыренжаповича Улзутуева будку, миску и сахарный мосол?..

Через секунду перчатка оказалась в руке Чижа, а еще через секунду он победно поднял над собой кусок какой-то ткани.

— По-моему, это первая серьезная улика, — благоговейно прошептал он.

— И что же это такое? — заинтересовались дамы.

— Платок.

— Тоже мне, улика! — фыркнула Теа. — Может быть, он лежит там со времен братьев Райт, Блерио и первого перелета через Ла-Манш...

— Исключено, — для бурята Ботболт был подозрительно эрудированным. — Строительство дома начато в 1993-м, а закончено в 1995 году. У меня есть все бумаги...

— И что же это за платок, голубчик?

Софья — эта прожженная весталка храма правосудия — питала слабость к крохотным, невесомым и трепещущим, как крыло бабочки, вещицам, в просторечии именуемым уликами.

Чиж картинно поднес к платку свою импровизированную лупу.

— Та-ак... Платок батистовый, хорошего качества, а в углу даже имеется монограмма.

— Какая же? — выдохнула Теа.

— Какая же? — выдохнула Софья.

— Монограмма... «ММ».

«ММ» — только одному из всех присутствующих в оранжерее людей сопутствовало это незатейливое сочетание букв.

ММ — Минна Майерлинг.

В оглушительной тишине послышался жалобный скрип кадки. Минна попыталась встать с нее — и не смогла. Пудовая грудь ее безвольно упала на живот, а лицо позеленело и приобрело восковой оттенок: теперь оно почти не отличалось от листьев фикуса, паривших над толстухой.

— Почему это вы на меня уставились? — сглотнув слюну, наконец прошептала она.

Некоторое время все сосредоточенно молчали.

— Потому что вы единственная среди нас, чьи имя и фамилия начинаются на букву «М», — подсказала несчастной Софья.

— Это ничего не значит... Мерилин Монро имела те же инициалы. И Мария-Магдалина... И... и африканское восстание маджи-маджи!

— Они-то здесь при чем?

— Ни при чем! Так же, как и я...

Чиж разбежался и одним прыжком преодолел растительность, отделявшую пространство перед дверью от остальной оранжереи. Это был впечатляющий прыжок; такой впечатляющий, что Райнер-Вернер присвистнул, а Дашка зааплодировала. По-прежнему держа платок в руках, Чиж двинулся к Минне. И распялил его на всеобщее обозрение — кусок тонкого батиста; плотные, похожие на взбитые сливки, кружева по краям. И жирненькая красно-черная монограмма в углу.

— Посмотрите, это не ваш платок?

Минна мелко затряслась.

— Ну, так как? Что скажете?

— Да... Это мой платок. У меня дюжина таких платков... Там, наверху, в комнате. Я всегда беру с собой платки, у меня хронический гайморит... И воспаление носовых пазух.

— Хронический гайморит, надо же! — не удержалась Теа. — А за весь вечер ни разу не высморкалась!

Минна перестала трястись и заплакала.

— Москва слезам не верит! — хмуро бросила Софья.

После этой фразы, больше приличествующей инспектору детской комнаты милиции, Минна была сломлена окончательно. Простодушно-русское и так любовно вышитое «ММ» моментально превратилось в изысканный готический англицизм: «**Mysterious Murderer**» [\[25\]](#). Стопроцентные североамериканские индейцы, орегонские собутыльники госпожи Майерлинг, были бы тронуты.

Очевидно, так думала не только я. Даже Теа проявила странную для беллетристки живость ума.

— «Таинственный убийца!» — с пафосом произнесла она. — Кажется, так назывался ваш первый роман, дорогая Минна?

— Да, но...

— А как бы перевели это название ваши друзья-американцы?

Грудь Минны наконец-то отлепилась от живота и заходила ходуном. И от этой вибрации с фикуса начали медленно облетать листья.

— Таинственный убийца! Mysterious Murderer! Не правда ли, похоже

на аббревиатуру «ММ»?

Что ж, ничего не скажешь, грациозная мулатка Теодора-Эйприл-Вивиан-Октавия Мкамбе сделала такой же грациозный ход. Даже суровая Софья с ее (о, жалость!) недоношенным школьным то ли испанским, то ли немецким была вынуждена признать красоту этого хода. А признав, попыталась перехватить инициативу.

— Не просто похоже, а одно лицо, — заявила она. — И один и тот же приемчик! Если память мне не изменяет, дорогая Минна, в этом вашем романе... «Таинственный убийца»... герой-маньяк оставлял что-то подобное на месте преступления.

— Не «что-то подобное», а именно платки с монограммой, — Теа победительно рассмеялась. — Придумали бы что-нибудь новенькое, дорогая Минна!

— Вы-то откуда знаете о платках с монограммой в моем романе? — рявкнула Минна. — Ведь во всех своих бездарных интервью вы говорите, что никогда не читаете произведения конкуренток!

— Все так говорят. Все говорят, что не читают конкуренток, и все говорят, что читают Агату Кристи. И то только потому, что она умерла! Разве нет?

— Сколько, вы сказали, у вас платков, дорогая Минна? — снова вклинилась Софья. — Дюжина?

— Дюжина! Двенадцать! — подтвердила Теа.

— Так-так... Сегодня вечером нас было девять, включая доблестного Ботболта и исключая саму дорогую Минну... Плюс два алкоголика в гараже, плюс радушный хозяин! Итого ровно двенадцать! Двенадцать участников драмы — двенадцать платков! Вы обо всех позаботились, надо же! Первая жертва уже есть, кто следующий?

— Да, кто следующий?! — как эхо повторила за Софьей Теа. — Кто?..

Минна беспомощно переводила взгляд с одной обличительницы на другую. А те, на секунду застыв, как соляные столбы, вдруг начали стремительно сближаться. Еще полметра — и они упадут друг другу в объятия и сольются в экстазе просветленного знания!

Но объятий не последовало.

Напротив, Софья и Теа замерли. И пригнули головы. Мне даже показалось, что челюсти их выдвинулись, как паучьи хелицеры.

— Это мой сюжет, дорогая Софья! — брызнула ядом Теа. — Руками не трогать.

— С каких это пирогов он ваш, дорогая Теа? — брызнула ядом Софья. — Ведь это я его озвучила! Я, а не вы!..

— Я подумала о нем раньше, чем вы открыли свое хлебало! Так что сюжет — мой!

— Вы что, зарегистрировали его в агентстве по авторским правам?

— А вы, что ли, зарегистрировали?!

— Воровка!

— Сама воровка!

О, несчастная улика! Из самого обыкновенного батистового платка она мгновенно превратилась в полусгнивший, побитый морозцем огрызок яблока раздора! Почтенные женщины уже примерялись, как бы половчее вцепиться друг другу в волосы, когда раздался низкий утробный смех Минны.

— Я просто удивляюсь! — пропыхтела она. — Я просто удивляюсь, с какой наглостью вы терзаете фабулу книги, которую я написала еще пять лет назад! Если у вас такой затык с сюжетами, идите в народ! Пообщайтесь, пообщайтесь с ним, корона с головы не упадет! Даже Горький этого не стыдился, Алексей Максимович! Даже Короленко этого не гнушался, Владимир Галактионович, — не говоря уже об обоих Толстых!.. Идите в народ, все лучше, чем подбирать крошки с чужого стола! Обе вы воровки, вот!

Забыв о распре, Софья и Теа сдвинули ряды.

— Уж вы бы помолчали, дорогая Минна! Ее, видите ли, фабула! Да у вас эта фабула и не ночевала, вы свои примитивные книжонки упырями украшаете! Или в лучшем случае — маньяками!.. Такое иногда отчебучиваете — глаза на лоб лезут! Шайка вампиров просочилась в правительство и заправляет всей страной! Умудрилась даже покусать главу президентской администрации! И когда — в день святого великомученика Федора Стратилата!.. Ну, не бред ли?!

Действительно, бред, подумала я.

— Вы мне мозги не пудрите! И лучше не прикасайтесь к моему сюжету! Со света сживу! По судам затаскаю! Репутацию так подмочу, что ни один союз писателей вас и близко не подпустит! — пригрозила Минна.

— Это вас по судам затаскают! Платочек-то ваш! Ваш платочек — вы и отравительница!

Все происходящее выглядело так отвратительно, что Чиж решил вмешаться.

— Дамы, дамы! Ну, как не стыдно! Тело еще не остыло, а вы устроили бог знает что!.. Думаю, будет лучше, если вы вернетесь в зал... Успокойтесь... Да и не стоит затаптывать площадку, возможно, еще не все улики собраны... Вы ведь проводите женщин, Ботболт? А господин

Рабенбауэр составит вам компанию.

Ботболт опустил тяжелые веки: все будет в лучшем виде, пять отечественных овец каракульской породы и один баран породы баварский меринос не останутся без присмотра.

Впрочем, дамам и самим надоело жаться в субтропической оранжерее. Или все дело заключалось в близости к кухне, на которой было состряпано нехитрое варево Аглаиной смерти? Кухня была совсем рядом, за дверью, которую закрыли на замок два года назад.

Но сегодня кто-то эту дверь открыл.

И этот кто-то сейчас находился среди нас.

— И правда, пойдете, — подхватила Минна инициативу Чиж. — Перекусим чего-нибудь... У меня на нервной почве всегда разыгрывается страшный аппетит.

Судя по комплекции госпожи Майерлинг, нервничать ей приходилось довольно часто.

— Перекусим, надо же! — процедила Теа. — Может быть, еще и выпьем?

— Одна уже выпила, — процедила Софья. — Теперь под простыней отдыхает. Вы нас в эту ловушку больше не заманите, отравительница!..

У самой двери в зал Чиж перехватил бдительно следящего за стадом Ботболта и что-то шепнул ему на ухо. Ботболт покивал головой и вышел следом за всеми остальными. А Чиж неожиданно крепко ухватил меня за руку и сказал:

— Оставайтесь, Алиса.

— А что случилось? — взглянув в его суженные зрачки, я невольно понизила голос до трагического шепота.

— Так нужно. Есть пара мыслей, и мне хотелось бы проверить их.

* * *

Странно, что он выбрал меня, а не Дашку. Кажется, это был первый случай, когда из нас двоих предпочли не героиню, а подругу главной героини. Не демона от журналистики, а существо, которому не доверят даже стричь ногти и полировать рога демонам. Ничем не выдающееся бесплатное приложение: сначала к швейной машинке «Минерва», а затем — к торговой марке «Аглая Канунникова». Это было странно еще и оттого,

что именно Дарья указала на дверь в оранжерею. Следовательно, у нее имелись на этот счет свои соображения. И свои версии.

Так же, как и у Чиж, в чем я нисколько не сомневалась. Сомнения вызывал только тот факт, что Чиж не захотел поделиться версиями с самой Дарьей. А почему-то выбрал меня.

— А почему именно я, Петя?

— Потому что! — удивительно исчерпывающий ответ. — Идемте.

Чиж подхватил меня под руку и поволок к проклятой двери, проклятой клумбе, проклятым зарослям папоротника и проклятому кожаному креслу с подлокотниками из красного дерева. Именно в это кресло он и запихнул меня, а сам принялся бегать по дорожке.

— Объясните мне, что происходит?

— Хорошо. У меня появились некоторые соображения по поводу всего происшедшего. А поскольку я не могу доверять никому, кроме вас...

Похвала была явно незаслуженной, и я заерзала в кресле.

— Почему? Почему вы не можете доверять никому, кроме меня?

— Ну, насчет трех ведьм, которые готовы живьем друг друга сожрать, все понятно?

— Более-менее...

— Теперь ваша подруга — Дарья... Откуда она узнала о двери? Ее никогда не найдешь, если специально не будешь искать. И потом, если я правильно понял, она тоже не жаловала покойную.

— Это не аргумент, — вступилась я за Дашку. — Если бы мы все травили своих врагов при первой же удобной возможности, то ровно через двенадцать часов человечество исчезло бы как вид!

Чиж на секунду задумался.

— Все равно. Уж очень быстро она состряпала версию... Да и старые хрычовки правы: она все время шастала в оранжерею! Теперь немец.

— Этот-то здесь при чем?

— Он глаз с нее не спускал. И вообще, они похожи на сообщников. Разве вы не обратили внимание?..

Я поморщилась, как от зубной боли: Чиж с простодушной интуицией ребенка нащупал мою болезненную мозоль и теперь от души выплясывал на ней полупьяную матросскую джигу.

— ...к тому же он чего-то страшно боится.

— Он иностранец. А все иностранцы обязательно чего-то страшно боятся. Это их естественное состояние в России.

— Все равно, — Чиж упрямо нагнул голову. — Все равно...

Но я-то видела, что ему совсем не все равно! Зависть, обыкновенная

зависть к более удачливому и несомненно более красивому самцу. Петя Чиж ничего не мог противопоставить атлетической, бугрящейся мускулами фигуре немца. У самого — почти бесплотного — Чижа бугрился только лоб. Да и то только в минуты сильного душевного волнения.

Как сейчас, например.

— Ну, хорошо. А Ботболт? — вполне резонно заметила я. — Вы вроде уже зачислили его в союзники...

Чиж остановился, как будто его ударили в грудь, и приложил палец к губам.

— Хитрая бестия. Косит под простачка, благо обедненная азиатская мимика это позволяет... К тому же, где-то шлялся, пока все приходили в себя. А история с телефоном?.. Сдается мне, что он совсем не пешка...

— Конечно. Он конь. Вернее, бык Буха-Нойон Бабай, — не ко времени вспомнила я затейливую шахматную мифологию.

— Не надо иронизировать. Он за всем следит и обо всем имеет собственное мнение. Мне кажется, он умудряется быть в нескольких местах сразу...

— Скажите еще, что у него шесть рук!

— Такой возможности я тоже не исключаю. — Чиж завертел головой по сторонам. — Спорим, если я подойду сейчас к ближайшей пальме и отогну ветку — он обязательно там окажется?

— А разве он не вышел вместе со всеми?

— Спорим?!

— Спорим, — нехотя согласилась я. — На что?

— Не знаю... На желание.

— Идет.

Чиж метнулся к ближайшей пальме и приподнял нижний лист.

О, боже! Я едва не выпала из кресла от удивления: из-за листа показалась непроницаемая физиономия Ботболта.

— Подслушиваете? — напустился на него прозорливый оператор.

— Нет. Я просто вернулся, чтобы напомнить: никто не имеет права сидеть в кресле тайше Дымбрыла.

— Это все?

— Все.

Неужели мы, два худо-бедно европейских человека, позволим торжествовать и править бал азиату, вся обязанность которого заключается в том, чтобы разливать шампанское по бокалам и следить за тем, чтобы уровень этого шампанского в каждом бокале был одинаков?!

— А у меня — не все! — Чиж решил поддержать реноме чахлой

Европы. — Проследите за тем, чтобы никто из гостей не выходил на кухню. И сами воздержитесь от этого.

— Хорошо. А вы не садитесь в кресло хозяина.

Чувствуя себя отверженной наложницей из гарема, недостойной даже омыwać ноги хозяина, я сползла с кресла. Ботболт удовлетворенно улыбнулся и направился к выходу из оранжереи.

— Как он сумел так незаметно подойти? — шепотом спросила я у Чижа, когда он ушел. — Ведь дорожка все время оставалась в поле моего зрения...

— Не забывайте, это его дом.

Странное исчезновение и такое же странное возвращение под ручку с так и не опробованным железным купоросом; перерезанный телефонный кабель, мифические Доржо и Дугаржап в мифическом гараже... А узкие губы, а узкие глаза, а порочное отсутствие растительности на лице!.. А бицепсы, удавами копошащиеся под смокингом! А тело медузы, готовое в мгновение ока трансформироваться в сгусток мускулов!.. Как можно было поверить в то, что Ботболт не в состоянии найти управу на собак?

Наглая ложь.

Так нагло врать может только ниндзя, появляющийся из темноты.

Так нагло врать может только борец сумо, покидающий дохэ^[26].

А Ботболт, судя по всему, и есть нечто среднее между ниндзя и сумоистом со стажем...

— ...и не забывайте, что вы должны мне желание! Эй, что с вами? — Чиж потряс меня за плечо, и я с трудом очнулась от своих мыслей.

— Вы правы, не следует ему доверять...

— Вот видите! Вы тоже думаете, что в этой бурятской туше есть двойное дно?

— Думаю, здесь в каждом есть двойное дно.

Это была чистая правда. По этому — двойному — дну брели теперь все невольные пленники дома. И оно достаточно хорошо просматривалось. Дохлые морские ежи, обрывки водорослей, разбитые раковины, скелетики кораллов — во всем этом была разлита ненависть.

Все ненавидели всех, вот в чем дело!

Софья, Теа и Минна ненавидели друг друга: писательский цех был выстроен по образу и подобию террариума. И теперь «недостаток в планировке» (как сказал бы Ботболт) вылез боком Аглае Канунниковой, лучшей из них.

Дашка ненавидела Аглаю.

Райнер-Вернер ненавидел меня: ведь это я сломала ему стопроцентное

эротиссимо с Дашкой.

Режиссер Фара ненавидел себя: съемка передачи «Играем в детектив» накрылась медным тазом, как только Аглая сделала глоток из бокала.

Я ненавидела Аглаин мобильник: из-за дурацкого pin-кода.

Ботболт ненавидел всех — с появлением в доме чужаков все пошло наперекосяк. А это не может понравиться хозяину, когда он вернется. И — если он вернется!

И все вместе ненавидели собак, собачьих царьков Доржо и Дугаржапа, молчащий телефон и саму Аглаю, наглая смерть которой поломала такой симпатичный телевизионный уик-энд за городом. И превратила самую обыкновенную литературную вечеринку в подобие сюрреалистического кошмара... По ее вине все эти люди вынуждены коротать время в обществе друг друга.

И мертвого тела под простыней...

— Здесь в каждом есть двойное дно, — повторила я.

— Кроме вас. — Чиж решился на грубую лесть. Уж очень ему хотелось заполучить бесплатного и совершенно ручного доктора Ватсона, наконец-то я это поняла!

— Вы полагаете?

— Я просто уверен в этом. Если кто и не причастен к этому убийству, так это вы.

— Ну, спасибо.

— Благодарить меня не за что. Это — чистая логика. Во-первых, вы ее личный секретарь, стало быть, она платит вам деньги. Хорошие деньги?

— Неплохие.

— Вот видите. А устроиться на хорошие деньги в наше время очень трудно. А теперь, когда она умерла, вы этой работы лишились, так?

Все верно, Чиж! Но то, что я лишилась работы, волновало меня меньше всего. В конце концов, еще полгода назад я строчила на «Минерве» и в ус не дула. И вряд ли за прошедшие полгода я разучилась кроить и обметывать петли. Дело было в другом. Дело было в Аглае. Я лишилась ее, но так до сих пор и не осознала масштабы этой потери. И вряд ли осознаю в ближайшее время. О, если бы я была чуть более настойчивой! Если бы я была чуть более бдительной, лозунг «Берегись цветов, сука!» никогда не воплотился бы в жизнь!..

— Да... Этой работы у меня теперь нет.

— Вот видите! Вам было совсем невыгодно убивать Канунникову, которая, образно говоря, кормила вас с руки. Теперь второе: вы не курите.

Слава богу, хоть кто-то это заметил!

— Вы не курите и потому ни разу не выходили из столовой. И вы все время были рядом с Канунниковой.

— И это вас не смущает?

— Нисколько. Потому что руки у вас были заняты собакой. Вы ведь почти не спускали ее с рук. Следовательно, были ограничены в маневре и уж никак не могли отравить свою хозяйку... Я прав?

Потрясающая наблюдательность!

— Потрясающая наблюдательность, — сказала я. — Всех остальных вы прощупали так же?

Чиж смутился.

— Ну, речь сейчас не о них, а о вас. Конечно, мне бы очень хотелось ошибиться и утешить вас тем, что ваша работодательница умерла своей смертью. Пусть нелепой, но своей...

Цветы! Когда они успели прорасти в благодатной тьме организма? Распуститься в желудке и набраться сил в печени?.. Я почти физически ощущала, как внутренние стенки моего тела покрывает цветочный ковер. Если я ни с кем не поделюсь этой тайной, она убьет меня! Задушит пьянящим ароматом.

— Нет, Петя. Она не умерла своей смертью. Ее убили. Я знаю это точно.

— Да?

— Видите ли... Ей угрожали. Довольно долгое время. Сначала пришла записка.

— Какая записка?

— По почте. Конверт без обратного адреса. В конверте был листок с одной фразой: «Бойся цветов!» — распространяться о «суке» перед посторонним мне не хотелось. — Потом было несколько букетов — тоже без обратного адреса.

— А Аглая?

— Аглая отнеслась к этому достаточно легкомысленно. Она посоветовала мне выкинуть дурные мысли из головы и не заморачиваться пустяками. В конце концов, на орбите каждой звезды обязательно найдется пара-тройка сумасшедших поклонников...

— Н-да, — Чиж сокрушенно покачал головой.

— Но это еще не все. Сегодня, когда я зашла к ней... Перед ужином... Кто-то подбросил ей в спальню цветок.

— Какой цветок?

— Тот самый, который теперь приколот к ее платью. Аглая решила, что это подарок хозяина. Милая деталь, способная порадовать гостя.

— Да уж, милая!.. Почему же вы раньше не сказали обо всем?

Действительно, почему? Или это был подсознательный страх за свою собственную жизнь? Любое упоминание о цветочной записке стало бы сигналом для убийцы: берегись, в живых остался человек, который знает чуть больше, чем все остальные! И кто даст мне гарантию, что яда у убийцы больше не осталось?..

— Почему не сказала? Потому что никому не пришло в голову спросить... Так какие соображения у вас имеются?

— Если это и убийство, то очень странное, — издалека начал Чиж.

Не более странное, чем записка трехмесячной давности.

— И чем же оно так вас удивило?

— Не знаю, как вам объяснить. — Чиж запустил пальцы в волосы. — Оно... Оно очень сложное! Оно какое-то... придуманное! Яд, надо же! Нужно быть математиком со степенью, чтобы просчитать его и уберечься от случайностей. И еще. Чтобы совершить его, нужно быть, по крайней мере, перворазрядником по прыжкам в длину!

— Вы полагаете?

— Конечно! Давайте попытаемся восстановить всю картину. Или, во всяком случае, ту ее часть, которая касается шампанского и кухонной двери.

— Давайте.

— Яд подсыпали в бутылку, вы согласны?

— Если это сделал не Ботболт, то да.

— Когда можно было подсыпать яд в бутылку, чтобы не отравить никого, кроме Канунниковой? Когда она разбила бокал, верно?

— Да.

— Итак, Аглая Канунникова разбивает бокал... Вы были рядом с ней, постарайтесь вспомнить, что произошло потом.

Я прикрыла глаза, стараясь восстановить в своем собственном, не очень-то податливом воображении события у шахматной доски.

— Значит так. Аглая проиграла немцу в шахматы, но со своим поражением не согласилась.

— Она хорошо играет в шахматы?

— Она никогда не упоминала об этом. Возможно, она когда-то и играла — с папой или с соседским мальчиком... Но никакой системы в ее игре нет. У немца, кстати, тоже. Это даже не любительский уровень.

— Вы разбираетесь в шахматах?

— Скажем, я имею об этом представление, — о своем разряде я предусмотрительно умолчала. — Мы отвлеклись. Аглая проиграла,

вспылила, и примерно в это же самое время в зале появился Ботболт с шампанским.

— В это самое время или чуть раньше?

— Господи, я не помню точно... Но, в конце концов, вы же снимали все это камерой!

Странно, что счастливая мысль о камере пришла мне в голову только сейчас. Но еще более странной оказалась реакция Чижа. Он залился краской, как старая дева, в присутствии которой произнесли слово «минет».

— Н-не думаю... что это прольет свет...

— Как это — не думаете? Ведь вы же все время снимали!

— Боюсь, именно этот момент я упустил...

— Разве вы не должны были запечатлеть на пленку писательниц?

— Я отвлекся...

Интересно, на кого?

— ...давайте все же вернемся к шахматной партии, Алиса. — Чиж так отчаянно хотел реабилитироваться в моих глазах, что рот его повело в сторону, а кончик носа причудливо изогнулся.

— Ну, хорошо. Еще во время игры Аглая сообщила Ботболту, что хочет произнести тост. Ботболт отправился за шампанским.

— По-моему, в пятый раз за вечер.

— В шестой, — уточнила я.

— Ну, это не суть важно. Важно то, что когда он вернулся, то первым подошел именно к Аглае. Правильно?

— Да. Ведь это была ее идея... С тостом. Аглая сняла бокал с подноса. То же самое сделал Райнер-Вернер. Ботболт отошел, и больше я за ним не следила. Очевидно, он отправился раздавать выпивку остальным гостям.

— Да.

— Не знаю, сколько времени ушло у Аглаи на препирательство с немцем. Может быть, минуту, может быть — чуть больше. Я только помню, что, когда Аглая выловила Ботболта на противоположной стороне зала, на подносе оставался один бокал.

— Его взяла ваша подруга.

— Да. Его взяла Дарья.

— Кстати, как давно вы знакомы?

— Много лет. Мы дружим еще с университета. Правда, в последние годы мы редко виделись...

— Она ведь не жалуется вашу работодательницу, насколько я понял?

— Ну и что?

— Нет, ничего. Когда ваша подруга взяла бокал, оказалось, что Аглая

Канунникова осталась без шампанского. И Ботболт отправился обратно на кухню. Сколько ему понадобилось времени, чтобы дойти до кухни и наполнить бокал шампанским?

— Не знаю... Минуты три? — неуверенно произнесла я.

— Да, он не очень-то расторопен. Впрочем, время легко установить при следственном эксперименте... — Чиж многозначительно поднял брови. Уж не он ли собирается проводить следственный эксперимент? — Итак, Ботболт возвращается с отравленным шампанским на подносе. Аглая берет бокал, и к этому моменту все присутствующие столпились вокруг нее. Ведь тост должна произнести именно она... Поправьте меня, если я неточно изложил события.

— Пока все верно.

— А если верно, то что мы имеем в наличии?

— Что?

— Мы имеем три с половиной — четыре минуты чистого времени! — Очевидно, по замыслу Чижа, это и было кульминацией всего рассказа. Но кульминация была явно смазана моей собственной тупоголовой непочтительностью.

— Что это еще за три-четыре минуты?

Чиж скис: любовно выпестованный им доктор Ватсон (в моем, не обезображенном особым интеллектом, лице) оказался не на высоте.

— Три-четыре минуты — ровно столько понадобилось убийце, чтобы осуществить задуманное. И подготовить плацдарм для преступления.

— Понятно, — я надолго замолчала.

— Ну! — Чижу не терпелось добить меня окончательно.

— Что — «ну»?

— Теперь спросите меня о схеме преступления. Как я ее вижу.

— Хорошо, — я послушно округлила глаза. — Как вы видите схему преступления?

— Думаю, все происходило следующим образом. Весь вечер убийца находился неподалеку от Аглаи. Искал любую возможность травануть несчастную. Ну, например, незаметно подсыпать яд в выпивку...

— Интересно, каким образом можно незаметно подсыпать яд в выпивку?

— Она ведь пила не только шампанское, не так ли?

— Пару раз Ботболт приносил ей ликер.

— Вот видите. Ликер невозможно выпить залпом!

— Вы думаете?

Чиж посмотрел на меня как на завсегдатая пивного ларька:

— Во всяком случае, пить ликер залпом — это дурной тон. Тем более она играла в шахматы, и вполне могла отставить ликер в сторону, чтобы сделать ход. И ликер этот мог некоторое время находиться без присмотра. И этого времени хватило бы, уверяю вас! При известной ловкости убийцы.

— Ну, хорошо. Допустим, у убийцы были далеко идущие планы насчет Аглаи и ликера. Но если он собирался подсыпать яд в зале — при чем здесь открытая дверь на кухню? Зачем ему вообще нужно было открывать эту проклятую дверь?! Но Чиж! Вы разве забыли, что она была отравлена шампанским! Шампанским, а не ликером!..

— Я к этому и веду, Алиса! Когда она разбила бокал, убийца посчитал это хорошим знаком. Несколько секунд у него ушло на то, чтобы оценить ситуацию и начать действовать. Он выскакивает в оранжерею, благо сюда выходят все и здесь легко затеряться в зарослях. Прямо по дорожке он направляется к клумбе, за которой находится дверь на кухню. Открывает ее ключом. Высыпает яд в бутылку и тем же путем возвращается обратно. И как ни в чем не бывало присоединяется ко всем остальным. Ну, как?

— Не знаю, — я с удивлением обнаружила себя бегущей по дорожке под руку с Чижом. — Все это как-то зыбко. Не забывайте, что к моменту, когда на подносе остался один-единственный бокал, все остальные бокалы были розданы. Следовательно, убийца не мог выскользнуть из зала, не получив на руки свое шампанское. Правильно?

— Я думал над этим. Убийца взял шампанское и отправился вместе с ним в оранжерею. Там он оставил шампанское где-нибудь под пальмой. И налегке бросился к двери. Такое объяснение вас устроит?

— Такое — да. Но тогда ваш убийца автоматически теряет секунд тридцать, а то и целую минуту. А это много.

Чиж посмотрел на меня со смесью досады и уважения:

— Ну, теоретически все можно успеть. Особенно... Особенно, если не тратить время на замок в двери. Но дверь могла быть открыта убийцей заранее. Как вам такой вариант?

— Тогда это не просто убийца, тогда это — король преступного мира. Во-первых, ему нужно было найти дверь.

— Ну, ведь ваша подруга эту дверь обнаружила?

— Она журналистка. Сует нос во все дыры... Так что ничего удивительного в этом нет.

— Но откуда она узнала, что дверь ведет именно на кухню?

Крыть было нечем, но я все же попыталась отвести подозрения от Дашки:

— У нее всегда было хорошее пространственное воображение. И

потом, наверняка она заметила дверь на самой кухне и просто сопоставила вход и выход.

— Она заходила на кухню?

Это было уже слишком, и я ощерилась:

— Я и сама заходила на кухню. Так, из любопытства. И не только я...

— И что же вы там делали?

— Я же сказала: заглянула из чистого любопытства. Не сбивайте меня. Дверь — не проблема. Проблема — ключи. Откуда убийца мог знать, что от двери существуют ключи и ключи эти спрятаны где-то в кладовке, в ящиках с инструментом? Ботболт сказал нам об этом всего лишь минут пятнадцать назад...

— Тоже мне проблема! Эту чертову дверь можно оприходовать любой отмычкой.

— Не говорите ерунды! — прикрикнула я на Чижа. — Солидные, уважаемые люди приезжают в солидный, уважаемый дом с набором отмычек? Да это же просто...

Я осеклась на полуслове. Черт возьми, совсем недавно я думала об отмычках, вот только в каком контексте? Голые ноги Райнера-Вернера, выкраденные у какой-нибудь греческой статуи под покровом ночи, мощные безволосые икры, пальцы совершенной формы, аккуратные розовые ногти... Господи, о чем я думаю?! Голые ноги Райнера-Вернера, выкраденн... Нет, так я ни к чему не приду! Голые ноги Райнера-Вернера в проеме двери... ф-фу, слава богу проскочила!.. в проеме двери в туалет. Унитаз — и я возле унитаза. Рассыпавшееся содержимое ридикюля Софьи Сафьяновой: записная книжка, двадцатидолларовая купюра, жалкая мелочь, связка из пяти ключей, один из которых сильно смахивал на... на отмычку!

Да, именно об отмычке я и подумала, когда взяла связку в руки. А потом появился Райнер-Вернер — укутанный в одеяло, с голыми ногами...

Черт, там были еще и порошки!!!

— Я кое-что хочу сказать вам, Чиж, — трагическим шепотом произнесла я. — У... У одного из гостей я видела маленькие бумажные пакетики!

— Что за пакетики?

— Не знаю. В них был белый кристаллический порошок. Без всякого запаха.

— А на язык вы его пробовали?

— Не решилась. Но потрогать — потрогала... Может быть, это и есть яд?

— Вряд ли, — после непродолжительного раздумья сказал Чиж. — Во всяком случае, это не тот яд, которым была отравлена Аглая Канунникова.

— Не тот?

— Я уже говорил: убийца для своих низменных целей использовал цианистый калий. Так что если бы вы его потрогали, то вас уже не было бы в живых.

— Это почему же? — задним числом я даже похолодела.

— Видите ли... Цианистый калий, попадая на воздух, вступает в реакцию с углекислым газом. И образуется синильная кислота, которая легко может проникнуть через кожу... Про синильную кислоту объяснять?

— Не стоит... — У меня даже зачесалось в носу от засилья страшных, как смертный грех, химических терминов. Еще секунда — и с пальцев начнет лохмотьями сползать та самая кожа, которую живописал Чиж. — Мы остановились на том, что дверь могла быть вскрыта с помощью отмычки.

— Да... Отмычка... — судя по всему, отмычка была самым слабым местом в теории Чижа, и я решила прийти к нему на помощь.

— Убийца мог открыть дверь заранее. До ужина.

Чиж остановился, хлопнул себя по лбу и посмотрел на меня с признательностью:

— Умница! Ну, конечно же... Все пошли к озеру, кататься на снегоходах. Убийца мог вернуться чуть раньше...

— Или вообще не уходить, — выпалила я.

— Не уходить?

Минна! Толстуха осталась в оранжерее (восклицательный знак!), сославшись на то, что обожает цветы (восклицательный знак!). Сославшись на то, что цветы — ее страсть. Сославшись на то, что она жить без цветов не может и что у нее самой есть небольшой парничок (три восклицательных знака!!!).

А ее пребывание на кухне? Когда я вошла, она была страшно напугана и смущена, как будто я застала ее за чем-то неприличным.

Да еще сумасшедший платок с инициалами!

— Минна! — заорала я, впившись ногтями в ладонь Чижа. — Минна. Она единственная оставалась в доме... Вернее — в оранжерее. Потом я видела ее на кухне. И она была прекрасно осведомлена, где хранится спиртное...

Минна, толстая завистница! Минна, мать книжных демонов, внучатая племянница маньяков и беспутная кузина идейных российских упырей! Минна, о которой уже давно молчит критика!..

— А платок с ее инициалами! Скорее всего она просто уронила его в спешке, а потом у нее не было никакой возможности вернуться...

Но мой энтузиазм несколько погас, стоило мне только взглянуть в грустные глаза Чижа. Зрачки его покачивались, веки дрожали, ресницы выгибались, он так хотел поверить мне! Так хотел поверить — и не мог!..

— Что-то не так, Чиж?

— Все не так. То есть теоретически это могло бы иметь место. Но практически... Как вы думаете, сколько она весит?

— Кто?

— Минна Майерлинг.

— Откуда же я знаю. — Я вспомнила пудовые груди Минны, ее гренадерские плечи и массивный живот. И все три ее подбородка, и даже ямочки на руках. Пожалуй, на титулованного борца сумо (прости, Ботболт!) она потянет. — Это неэтичный вопрос.

— Какая, к черту, этика! Согласитесь, что в ней не меньше килограммов ста двадцати.

Я — исключительно из женской солидарности — промолчала.

— Она физически не смогла бы перепрыгнуть клумбу. Идемте.

Через полминуты Чиж уже тыкал меня носом в папоротники.

— Видите? Ширина клумбы примерно около двух метров. Во мне шестьдесят килограммов, и к тому же я когда-то занимался прыжками в длину. Я смогу перескочить через эту клумбу — и то, если у меня будет небольшое пространство для разбега. А Минна... Не думаю, что она умеет летать...

— Далась вам эта клумба! — доводы Чижа были достаточно убедительны, но почему-то вызвали во мне глухой протест. — В конце концов, она могла просто обойти эти чертовы папоротники. И эти чертовы флоксы.

— Не могла. Не выходит по времени.

— Ну, не обойти, так обежать.

— Все равно не выходит.

— Ну, тогда... Тогда она могла броситься напролом. Велика важность — клумба! Тем более — чужая, которую и жалеть-то смешно. Когда речь идет о такой вещи, как убийство, о такой вещи, как клумба не вспоминают.

— Вспоминают, и еще как! С ума вы сошли, что ли! Любой сломанный цветок, любой отпечаток обуви на земле выдадут преступника с головой.

— И что — ни одного сломанного цветка?

— Ни одного. — Чиж сокрушенно развел руками. — А это невозможно. Невозможно пройти сквозь такие густые заросли, не оставив

следов...

— А вы все внимательно осмотрели?

— Ну-у... по мере возможности...

...И когда только Чиж успел так освоиться в этом огромном влажно-зеленом пространстве?.. Мы шли вдоль невысокой стены папоротников, а она все никак не хотела кончаться. Бедняга Дымбрыл Цыренжапович, как же, должно быть, тебя достала ровная как стол бурятская степь! И гнусный континентальный климат! Зато теперь ты можешь отрываться в персональных джунглях, и никто тебе слова не скажет...

— ...Ну вот. Мы добрались до конца, — гаркнул Чиж мне на ухо. А затем посмотрел на часы. — И это заняло у нас ровно пятьдесят пять секунд.

— Господи, что такое пятьдесят секунд!

— Не забывайте: пятьдесят пять секунд туда — пятьдесят пять секунд обратно. Это уже минута пятьдесят. Плюс еще минута на то, чтобы успеть взять шампанское, выскользнуть из зала и пристроить свой бокал где-нибудь под пальмой... Итого — две пятьдесят. Каким общим временем мы располагали?

— Три-четыре минуты...

— Возьмем среднее значение: три с половиной минуты. В распоряжении убийцы было всего лишь сорок секунд. Не густо. — Чиж даже крикнул от напряжения.

— Впритык, я согласна... Но если все делать живенько, на спринтерской скорости... — представив себе Минну, несущуюся на спринтерской скорости и размахивающую грудями, я прыснула.

Оператор посмотрел на меня с укоризной. Он не произнес ни одного слова, пока мы (по небольшому, не более чем в полметра, проходу) не дошли до двери. И не остановились перед ней.

Площадка перед дверью была естественным продолжением полуметрового прохода. Но сама дверь... Эта дверь стоила того, чтобы продирается к ней сквозь папоротники, честное слово! Я так и не смогла определить, из чего она была сделана: то ли липа, то ли орех. Но она как будто светилась изнутри — мягким и мудрым светом. Дверные панели были украшены довольно искусной резьбой: цветочный (опять цветочный!) орнамент. Розы сменяли колокольчики, маки сменяли жасмин, пионы путались лепестками с хризантемами — и ни один изгиб, ни одна линия не повторялись! Как зачарованная я смотрела на эту резную бледно-желтую дверь — теперь она казалась мне входом в склеп.

Круг замкнулся.

Живые цветы сменили неживые — и круг замкнулся.

— Нет, — голос Чиж среди всего этого застывшего цветочного великолепия прозвучал слишком резко. — Ни черта не получается!

— Вы о чем?

— О том, что убийце нужно было обежать клумбу. В лучшем случае он объявился бы на кухне вместе с Ботболтом... Либо секунд за десять-пятнадцать до него. Хватило бы этого времени, чтобы отравить шампанское и скрыться?

— Не знаю, — нехотя ответила я. Мне вообще не хотелось разговаривать. — Может быть, вы все усложняете, Петя? Может быть, во всем виноват Ботболт? Он самым хладнокровным образом отравил Аглаю, а потом, пользуясь всеобщим замешательством, выскользнул из зала и отключил телефон... Вот и все. И забудьте о трех-четырёх минутах.

— Но зачем! — простонал Чиж. — Зачем ему было убивать популярнейшую писательницу, объясните мне, пожалуйста! Вряд ли он ее читал.

Сомнительный комплимент, ничего не скажешь!

— А зачем всем остальным было убивать популярнейшую писательницу?

— А платок? Платок Минны... Как он оказался перед дверью?

— Ботболт подбросил его, чтобы отвести от себя подозрения!

— Ну, хорошо, допустим. Находясь в кухне, он открыл дверь, выбросил платок... Но зачем он перерезал телефонный кабель? Это нелогично. Он мог просто отключить коробку — и все!

— Опять же — перерезал кабель, чтобы отвести от себя подозрения...

Я вспомнила лицо Ботболта: ни единой морщины, ни единой складки, ни единой мысли на плоском лбу — абсолютная безмятежность.

— Вы полагаете, что он настолько умен, Алиса?

— Во всяком случае, он знает, что Блерио и братья Райт обстряпывали свои авиационные делишки в начале века. Поразительная осведомленность для кочевника, даже если он предстал перед нами в одомашненном варианте.

Последнюю тираду я произнесла, уже глядя в тощий зад Пети Чижа. Когда он только успел упасть на четвереньки? Наверное, именно в тот момент, когда я загляделась на удушающе-нежные деревянные объятия розы и вьюнка...

— Что с вами, Петя?

Чиж ничего не ответил, но еще быстрее заработал локтями и коленями. Наконец, он уткнулся носом в узкий лист папоротника и замер.

- Вам плохо? — не на шутку перепугавшись, спросила я.
- Еще не знаю... Ползите сюда.
- Ползите?!
- Так удобнее, — для убедительности Чиж даже повертел задницей.
- Ну, если вы настаиваете...

Я последовала его примеру и через несколько секунд уже дышала ему в плечо. Теперь папоротники были совсем рядом и почти касались моего лица. И я почувствовала, как у меня засосало под ложечкой. Так бывает в детстве, когда боишься темноты. Так бывает в юности, когда боишься поцелуя. И наверное, так бывает в старости, когда боишься холодной одинокой постели. И смерти вылинявшей кошки — единственного близкого тебе существа.

Папоротники всегда вызывали во мне трепет. В их совершенной красоте было что-то неправильное, что-то вероломное — как если бы они прорастали из пустых глазниц, из полых костей, из слежавшихся волос. Как если бы между их корнями ползала глухая и слепая насекомая смерть...

— Видите? — громко шепнул Чиж, и я даже вздрогнула от неожиданности. — Вы видите?

— Что?

— След! Вот здесь, чуть правее, под листом!

Теперь и я увидела этот след на жирной, перекормленной удобрениями земле: даже извечной Петиной лупы не понадобилось. Это был не совсем полноценный след, вернее — даже часть следа: узкий каблук с характерной набойкой и часть подошвы.

— Несомненно, женский! — прохрипел Чиж.

— Несомненно.

— Вот видите. Значит, кто-то все-таки решился перепрыгнуть через клумбу.

— Вы же сами говорили... Перепрыгнуть через клумбу — невозможно. Тем более — женщине.

— Это почему же? У нас равноправие. И торжество феминизма.

— Господи, при чем здесь феминизм?..

— При том, что нормальная женщина способна на преступление только в состоянии аффекта. И лишь проклятые феминистки совершают гадости сознательно и долго к ним готовятся.

— Вы пострадали от лап феминистки, Чиж? А гадость — это убийство, насколько я поняла?

Не на шутку возбудившийся Чиж пропустил мои слова мимо ушей.

— След совсем свежий, Алиса. Ему максимум час-полтора. Сколько

времени прошло со смерти Канунниковой?

В который раз мне напоминают, что Аглая умерла!..

— Не знаю.

— Что же вы... Момент смерти необходимо было зафиксировать.

— А вы сами-то зафиксировали?

— У меня цифровая камера с таймером... Но и без нее я могу вам сказать, что смерть наступила в двадцать два часа сорок четыре минуты. Сейчас, соответственно, ноль часов одна минута... Итого прошел ровно один час семнадцать минут...

Вот оно что! Оказывается, под легкое подрагивание папоротников мы переползли в новые сутки, и трагический конец Аглаи был уже «вчера».

А Чиж... Чиж все еще не мог отлепиться от следа. Он обхаживал отпечаток без всякого стеснения: так морячок, вернувшийся из рейса, обхаживает шлюху в портовом кабаке. Новоиспеченный сыщик-любитель то припадал к четкому рельефу подошвы, то тянул губы к трепетному силуэту каблука, на котором явно просматривался рисунок звездочки, то благоговейно сучил руками перед листом-спасителем, укрывшим от посторонних глаз такую важную улику. Еще минута — и он предложит случайному следу от случайной женской туфли руку и сердце. И маленькую, но гордую операторскую зарплату.

— Ну что вы прилипли к земле, Петя? — с долей нездоровой ревности спросила я. — Так и будете сидеть?

— Вы не понимаете... Это чрезвычайно важно... Обувь так же индивидуальна, как и отпечатки пальцев. По этой набойке легко установят владельца. Убийцу...

— Все еще продолжаете считать, что убийца перепрыгнул через клумбу?

— Теперь я убежден в этом на сто процентов.

Жаль, что я не могла разделить уверенность Чижа. И все из-за противоположного берега папоротниковой реки: только теперь я поняла, как он был далеко! Отсюда был виден только край дорожки и царственная спинка кресла.

Никогда, никогда я не решилась бы устроить побег на другую сторону: побег в окружении жалких сорока-пятидесяти секунд, каждая из которых могла оказаться губительной для идеально просчитанного плана...

Да нет же, черт возьми, как он может быть идеально просчитанным, если с самого начала строился на разбитом Аглаей бокале? Она разбила его, а могла бы не разбивать!..

— Какая глупость! — рывкнула я так громко, что Чиж дернулся и

повернулся ко мне. — Какая глупость все это!

— Что — «это»?

— Все, что вы здесь нагородили! Не может человек без специальной подготовки перепрыгнуть через эти папоротники!

— Все бывает, — философски заметил Чиж только для того, чтобы морально поддержать отпечаток каблука на земле.

— Без разбега? Здесь же полметра, не больше! Не развернешься!

— Все бывает...

— Не бывает! Не может идеально просчитанный план зависеть от разбитого бокала!

— А с чего вы взяли, что он идеально просчитан? Может быть, мы имеем дело с гениальным наитием!

— Не смешите меня!

Ватсон из меня никакой, это точно: вместо того чтобы почтительно кивать головой, соглашаться и бросать в воздух лифчик от полноты чувств, я брюзжу, ною и подвергаю сомнению не только выводы Чижа. Но и знаки препинания, которыми заканчиваются эти выводы.

Дура я, дура!

— Дура вы, дура, Алиса! — в сердцах бросил Чиж. — Сколько вы проработали у Канунниковой?

— Какое это имеет значение?

— Сколько?

— Ну, полгода... Ну и что?

— Разве она не говорила вам, что любой идеально просчитанный план, равно как и любое идеально просчитанное преступление, проваливаются?

— Это почему же?

— Именно потому, что их можно *просчитать*! Если это сделал один человек, то почему бы другому не сделать то же самое?

— Один человек... Вы имеете в виду преступника?

— Ну да! Преступника и того, кто раскрывает преступление. Нужно просто настроиться на нужную волну и правильно задать систему координат... И выбрать точку отсчета. А если мы имеем дело с наитием, с целой цепью обстоятельств, которые играют на руку убийце... И если, к тому же, убийце удалось воспользоваться ими...

— То?..

— ...то преступление может быть и не раскрыто.

Черт возьми, неужели Аглая останется неотомщенной?..

— Но думаю, это не наш случай, — успокоил меня Чиж. — Идемте, посмотрим свежим глазом на точку отсчета. На бутылку, я имею в виду.

Чиж осторожно приоткрыл цветочную дверь и галантно пропустил меня вперед.

...На кухне ничего не изменилось. Тот же столик, тот же кавалерийский взвод выпивки, те же бокалы, тот же мягкий свет из окошка. Вот только бутылка...

Бутылка с «Veuve Cliquot Ponsardin» исчезла.

— А где же шампанское? — растерянно спросила я у Чижа. — Оно ведь стояло здесь, под окном...

Чиж надулся, как индюк, пошел красными пятнами, затряс нижней губой и, наконец, разродился полузадушенным матом.

— Ах, сукин сын, Ботболт! Ведь я же просил, просил!.. Ах, подонок!.. Я его в тюрягу засажу, подлеца! За сокрытие улик! Ну, надо же, а!!! Идемте! — Он впился пальцами мне в ладонь и потащил к выходу.

Но покинуть кухню мы не успели: где-то в глубине дома раздался ледящий душу и исполненный невыразимого ужаса женский вопль...

Часть вторая. Мартиролог

«... — Отгадала загадку? — спросил Болванщик, снова поворачиваясь к Алисе.

— Нет, — ответила Алиса. — Сдаюсь. Какой же ответ?

— Понятия не имею, — сказал Болванщик.

— И я тоже, — подхватил Мартовский Заяц.

Алиса вздохнула»

Льюис Кэрролл. Алиса в стране чудес

Глава 1

Через три часа после убийства

...Вопль повторился еще раз — и затих.

— Что это было? — спросила я у Чиж, чувствуя предательскую слабость в коленях.

— По-моему, кто-то присоединился к вашей покойной хозяйке, — плоско сострил Чиж. И поддержал рукой отвисшую челюсть. — Что за люди! Ни на секунду нельзя оставить одних!

— Идемте, посмотрим! — Я и не думала сдвинуться с места.

— Да, сейчас. — Оператор и не думал сдвинуться с места.

— Ну что же вы?!

— Давайте послушаем, будет ли продолжение.

Но никакого продолжения не последовало. Тишина, так внезапно разбитая криком, осколками лежала вокруг, а мы все стояли в кухонном проеме. Уж не потому ли, что боялись порезать ноги об эти осколки?..

— Как вы думаете, кто на этот раз? — Чиж с трудом ворочал распухшими от страха губами. — Теа, Минна или Софья?

— Почему вы решили, что именно они?

— По законам жанра. В конце концов, несправедливо убивать только одну. Они все достойны этого в равной степени.

— Вы так не любите детективы, Чиж?

— Люблю, но хорошие. К ним это не имеет никакого отношения...

— Господи, нельзя же лишать человека жизни только на том основании, что он плохой писатель!

— Нельзя. А жаль...

Если мы простоим еще две минуты, он наговорит мне такого, что станет подозреваемым № 1. Во всяком случае, в моих глазах. Придя к этой неутешительной мысли, я вырвала ладонь из пальцев Чижа и двинулась вперед. Чиж засеменял за мной.

Миновав коридорчик, мы снова оказались в зале.

Шахматы, ломберный столик с разбросанными картами, огонь в камине (удивительно, но дрова еще не прогорели!)... И тело Аглаи, покрытое простыней. И Ксоло, лежащая на краю этого импровизированного савана.

За то время, что мы отсутствовали, в зале ровным счетом ничего не изменилось. И смерть не перестала быть смертью.

Вот только в зале никого не было. Никого, кроме Фары. Да и Фара...

Теперь уже вскрикнула я: Фара сидел прямо на полу, возле горки с посудой, широко раздвинув ноги. Голова его свесилась на плечо, а глаза были закрыты.

— Что это? — сдавленным голосом спросила я у Чиж. — Что это с ним?

— Понятия не имею.

— И куда делись все остальные?

— Понятия не имею.

Я уже приготовилась хлопнуться в обморок, когда бесстрашный Чиж подошел к Фаре, бесстрашно присел перед ним на корточки и бесстрашно похлопал его по щеке.

И — совершенно бесстрашно — полез во внутренний карман Фариного пиджака.

— Все в порядке, — Чиж повернулся ко мне и потряс маленькой плоской бутылочкой, извлеченной из кармана режиссера. — Он спит.

— Спит?!

— Налакался и спит!

Я набралась смелости и приблизилась.

— Неприкосновенный запас, — Чиж щелкнул по бутылочке кончиками пальцев. — Смесь текилы, водки, рома и стеклоочистителя «Льдинка».

— Что вы несете, Чиж?

— Я работаю с Фарой два года и знаю его повадки. Он сам готовит эту адскую смесь, причем пропорции держит в секрете. Говорит, что она помогает отрешиться от проблем. В экстремальных ситуациях.

— Да уж, экстремально... Особенно — стеклоочиститель «Льдинка».

— Не пугайтесь, это всего лишь один из компонентов.

— А это не вредно для здоровья?

— Еще как вредно. Два наших звукотехника как-то откушали такого коктейля.

— И что?

— Один ослеп, другой помер. — Чиж кровожадно, в лучших богемных традициях, засмеялся. — Вот так-то. А Фара только спит крепче. Аксакал! Глыба! Восточный человек!

— Насколько я знаю, восточные люди редко... употребляют, — заметила я, впрочем, не особенно уверенно: мой собственный опыт общения с восточными людьми (несмотря на бурное университетское прошлое) ограничивался просмотром фильмов «Седьмое путешествие

Синдбада» и «Не бойся, я с тобой!». С Полладом Бюль-Бюль-оглы в главной роли.

— Он — неправильный восточный человек. Он — режиссер. — Чиж любовно погладил Фару по волосам и закрыл тему. Я так и не поняла, что означает сакральное Петино «режиссер» — то ли сверхчеловек, то ли недочеловек, то ли совершенно новая, цветущая ветвь в истории эволюции...

А впрочем, кем бы ни был Фара, я страшно ему позавидовала. Поскольку все свои проблемы он уже решил. Хотя бы на сегодняшнюю ночь.

— Ну, и что будем делать, Чиж?

— Идемте, поищем остальных.

Но я не могла уйти из зала просто так. Ксоло — вот кто мучил меня и заставлял сжиматься мое сердце. Бедная собака, исполненная голой, ничем не прикрытой верности! Которую теперь никто не оценит по достоинству.

— Ксоло, — тихонько позвала я и для убедительности постучала пальцами по паркету. — Иди сюда, девочка!

Ксоло даже не сдвинулась с места. Она лишь повернула в мою сторону узкую грациозную голову и тихонько заскулила.

— Ну вот! Нашли время! — окоротил меня Чиж. — Давайте сначала с людьми разберемся!

...Первой, кого мы встретили, выйдя в холл, была Дашка. Дашка интенсивно вооружалась: самым варварским способом она сдирала с ковра турецкий ятаган.

— Помочь? — сочувственно спросил Чиж, остановившись у нее за спиной.

Дашка вздрогнула, но присутствия духа не потеряла.

— Помогите, — сказала она, обернувшись.

— А что, собственно, произошло?

— К одному трупу прибавились еще два. А так — ничего особенного...

— Это вы кричали?

— Нет, не я. Это Теа, — Дарья нервно хихикнула.

— Понятно. Значит, Минна и Софья...

— Успокойтесь, с ними все в порядке.

Фара в столовой, мы с Чижом в преступной кухне, Дашка в оружейном холле. А также целехонькие СС, ТТ и ММ! Кто остался?

Райнер-Вернер и Ботболт. Ботболт и Райнер-Верн...

Доверчивый, как жертва финансовой пирамиды, немец! Трогательные

серьги в ушах, трогательный перстень на мизинце, трогательный дракон на плече, трогательные, младенчески-белые волосы... Обнадеживающие плечи, обнадеживающие руки... И такой обнадеживающий русский язык! Как забавно он тонул в проруби, как забавно он кутался в одеяло, неужели я больше никогда не заговорю с ним, неужели...

— Ну, что ты так побледнела, Алиса? — Дашка расплылась в иезуитской улыбке. — С твоим перцем ничего не случилось.

— С каким перцем?

— А теперь покраснела!

— Ничего я не покраснела...

— Покраснела-покраснела! Правда, Чиж?

Чиж приблизил бледные ноздри к моему лицу:

— Вы покраснели, не отпирайтесь. А что произошло?

— В том-то и дело, что ничего. С ее немцем ничего не произошло.

Жив-здоров.

— Подождите, Дарья! Вы же говорили о двух трупах.

— Ну да. Эти два парня. Доржо и Дугаржап. Теа нашла их в правом крыле дома. В аппаратной.

— В какой аппаратной?

— Ботболт говорил о ней. Идемте, я покажу.

...В этой части бурятской табакерки мы еще не были. Она начиналась таким же коридором и отличалась от нашего временного пристанища лишь незначительными деталями. Тот же безликий евростандарт, те же светильники в стиле модерн, те же мраморные стены, те же мраморные плиты пола. Не было только абстрактных картин, но от их отсутствия коридор здорово выигрывал.

Метров через двадцать сходство обоих коридоров кончилось. Там, где по идее должна была начинаться лестница, торчала дверь, запертая на висячий замок. У замка кружил теперь одинокий Райнер-Вернер. Увидев меня, он обрадовался, как радуется младенец при виде сухой молочной смеси.

— Алиса! Это ужасно!

— Ну и парень тебе достался! — сыронизировала Дашка. — Просто Ричард Львиное Сердце. Просто Бей первым, Фрэдди! Просто Пой, ковбой, пой! Просто Сирена Миссисипи!

Я пропустила ее язвительное замечание мимо ушей и следом за Чижом направилась в аппаратную.

Аппаратная — двадцатиметровая квадратная комната — была под завязку набита всевозможной видеотехникой. Небольшой пульт,

музыкальный центр на стеллаже, два видика и два подсоединенных к ним работающих телевизора — побольше и поменьше, но с одинаковым срамным кинцом на экранах.

Центральное место в аппаратной занимала стена с восемью мониторами. Но только три из них показывали картинку. Ботболт не соврал: я без труда узнала занесенные метелью мини-дацаны и въезд в мрачную ргивасу Дымбрыла Цыренжаповича, больше напоминающую охраняемую территорию военной базы.

Третье изображение контрастировало с первыми двумя: никакого снега, никакой ночи — спокойный полумрак ангара, только и всего. Но даже полумрак не мог скрыть умопомрачительных силуэтов двух иномарок.

Очевидно, это и есть гараж. Вот только как там оказалась старенькая, поношенная «копейка»? Уж не престарелый ли отец местного садовника поставил ее на прикол?..

— А вот и моя машина! — В голосе стоявшего рядом со мной Чижа слышались мечтательные нотки.

Похоже, жалкая развалюха интересовала его гораздо больше, чем тела несчастных Доржо и Дугаржапа. Я же не могла отвести от них взгляда: две смерти остались за кадром, но — вместе со смертью Аглаи — неожиданно образовали роковой треугольник. Но кто сказал, что это — окончательный вариант фигуры? Углов может прибавиться в любой момент, неэвклидова геометрия еще и не на такое способна! Шестиугольник, пятиугольник, квадрат — все зависит от того, как долго продлится ночь. И как быстро придет помощь. И придет ли она вообще...

У двух плосколицых и плосконосых бурятов не было ничего общего с аристократической Аглаей, и все же, все же... Мгновенная и — судя по всему — мучительная гибель сделала их почти близнецами. Те же скрюченные пальцы, те же узкие, вытянувшиеся в нитку, рты... Те же красные пятна на шее. И те же прилипшие к черепу волосы.

Доржо (или Дугаржап?) ничком лежал на широком кожаном диване, установленном против телевизоров. Дугаржап (или Доржо?) валялся на полу, поджав под себя ногу. Здесь же, на полу, валялись и три пластмассовых стаканчика.

Нельзя сказать, чтобы эти жалкие посудинки как-то особенно поразили меня. Скорее меня поразило их число. Оно явно намекало на еще одного участника драмы; да что там участника — на ведущего актера, который вряд ли согласится выйти на поклон. Но он хорошо провел свою роль, ничего не скажешь.

И все, что требуется сейчас от благодарной публики — не сорваться и не закричать «бис!».

От тягостных размышлений меня отвлек протяжный, хорошо поставленный стон. И только теперь я заметила, что в аппаратной, кроме меня, Чижа и двух трупов, находятся все три писательницы.

Теа полулежала в глубоком кожаном кресле и стонала в унисон с раскоряченными телевизионными порнодевками.

Второе кожаное кресло было оккупировано притихшей Минной.

А Софья, которой посадочного места не досталось, фланировала между ними. Голова Софьи была вывернута под совершенно неприемлемым углом в сто градусов. Именно по этому азимуту находились оба телевизора.

Черт возьми! Я не знала, что происходит с Теа, но две другие дамы исподтишка смотрели порнушку!

Теа в очередной раз застонала, а Софья и Минна в очередной раз гадливо поморщились.

— Прекратите, дорогая Теа, — сказала Минна. — Прекратите озвучивать эту дрянь! Синхронных переводчиков полно и без вас!

— А вы прекратите пялиться на экран, дорогая Минна! — парировала Теа, не открывая глаз. — Тоже мне, эротоманка! И это в вашем-то возрасте и при вашей комплекции!

— А в вашем... В вашем я тоже была мулаткой с талией пятьдесят четыре сантиметра! Так что в недалеком будущем вас ждут метаморфозы! — пригрозила толстуха. — Не обрадуетесь!..

В дверном проеме показался Ботболт со стаканом воды, и Теа застонала сильнее.

— Выпейте, — на своих мертвых подопечных Ботболт старался не смотреть. — Вам сразу станет легче.

— Сначала вы, — потребовала Теа.

Ботболт пожал плечами, но глоток из стакана все-таки сделал.

— Вот видите, все в порядке. Это хорошая вода, уверяю вас.

— Ваше шампанское тоже выглядело приличным...

Теа вцепилась в стакан, и я услышала, как стукнули о его край ее зубы. Неужели она до сих пор не может прийти в себя от увиденного? Это странно, тем более что смерть Аглаи, произошедшая у нее на глазах, такой реакции не вызвала.

— Это вы взяли бутылку из кухни, Ботболт? — Чиж воспользовался наступившей паузой. — Я же просил вас ничего не трогать!

— Я не брал бутылки. Я вообще не выходил на кухню. Вы сказали,

чтобы я оставался в зале. Я там и оставался.

— Точно! — подтвердила Минна, не спуская глаз с экрана. — Да еще исподтишка следил за нами, как будто мы преступницы!

— Точно, — подтвердила Софья, не спуская глаз с экрана. — Хотя еще неизвестно, кто настоящий преступник и кто совершил это злодеяние. А мы в гробу его видели, не так ли, дорогая Минна? Кто он такой, чтобы указывать нам, что делать?

— Именно, дорогая Софья. Мы видели его в дешевом колумбарии!..

— Ваши приятели отвратительны, Ботболт! — сказала Теа, осушив стакан. — И об этом вы должны поставить в известность хозяина! Смотреть такую гадость в приличном доме! Да еще когда приглашены гости!..

— Извращенцы! — добавила Минна, не спуская глаз с экрана. — Маньяки!

— Бог шельм метит, — добавила Софья, не спуская глаз с экрана. — Собакам — собачья смерть!

— Уж вы бы помолчали, дорогая Софья! — даже находясь в полуобморочном состоянии, Теа не упустила случая лягнуть конкурентку. — Любовные сцены в ваших книгах — вот где настоящее порно!

— Это почему же? — обиделась Софья.

— «Он закрыл свои прекрасные голубые с серыми крапинками глаза и осторожно ввел свой роскошный стержень в ее роскошное лоно, — противным сюсюкающим голосом процитировала Минна. — Она тоже закрыла свои прекрасные зеленые с золотыми искорками глаза и, обняв его за роскошные мускулистые плечи, застонала от наслаждения».

— «Тебе хорошо, милая?» — подхватила цитату Теа. — «О, да, дорогой, я люблю тебя! Только не останавливайся, прошу! О-о-о!..»

— Зачем же вырывать из контекста? — хмуро процедила Софья. — И вообще, «О-о-о!» там не было. Там было «А-а-а!..» «А-а-а» ближе русской традиции, чем прозападное «О-о-о!». А я — патриотка, в отличие от вас обеих! И потом, вы забыли две ключевых фразы: «Еще, еще, еще, я чувствую, что умираю от счастья! И пусть я потеряла состояние, зато я обрела тебя, любимый!..»

— Все равно — гадость, — Теа, забыв о нервном потрясении, гнусно хихикнула.

— Все равно — пошлость, — не менее гнусно хихикнула Минна.

Но сбить с ног заслуженную работницу прокуратуры оказалось делом бесперспективным.

— Уж кто бы говорил, дорогая Минна! — Софья, нимало не смутившись, перешла в контратаку. — А соитие зомби и вампира в разрушенном фамильном склепе действительного статского советника... э-э... как его?..

— Терпигорева, — подсказала Теа.

— Вот именно!.. Мертвецов бы пожалели! Тоже, нашли страстных любовников! Ну, какой сексуальный партнер из полуразложившегося зомби, в самом деле! У них же проблемы с мягкими тканями, спецлитературу читать надо!.. Консультироваться со специалистами!

— Да и вампир к трупам на километр не подойдет, пусть даже и ожившему! — блеснула познаниями Теа. — Их всегда на свеженькое тянет! Для них застоявшаяся кровь что молоко прокисшее. Пить можно, но никакого удовольствия...

— Зачем же вырывать из контекста? — хмуро процедила Минна. — Вампиры — они тоже разные бывают. Кому-то арбуз нравится, а кому-то — свиной хрящик.

— Все равно — гадость! — Теа, во второй раз забыв о нервном потрясении, гнусно хихикнула.

— Все равно — пошлость! — не менее гнусно хихикнула Софья.

После непродолжительной паузы Минна вместе с тяжелым кожаным креслом развернулась в сторону мулатки и наставила на нее жерла своих грудей.

— А вы, дорогая Теа...

Вот он и наступил, звездный час мастера иронического детектива Теодоры Тропининой! Еще ни разу я не видела столь ослепительного блеска в ее матовых, подернутых легкой поволокой глазах. Теа ловко свернула два кукиша и сунула их под нос Минне:

— А я любовных сцен не пишу! Принципиально!

Минна беспомощно скосила глаза на Софью.

— Не пишет! — заскрежетав зубами, подтвердила Сафьянова.

Зубы Минны отозвались таким же скрежетом:

— Выпендриться хочет! Кольцо в нос продела, а ведь уже не девочка!

— Ага! Решила стать круче вареного яйца! Вот только наша дорогая Теа забывает, что отсутствие любви в романе — это и есть самая страшная гадость и пошлость! Ведь что нужно нашему читателю? Нашему читателю нужно море крови, океан чувств и счастливый конец.

— Зачем же так грубо? — поморщилась Минна. — Можно сказать то же самое, но другими словами... Вы же сами писали — «роскошный стержень»! Не опускайтесь до уровня так называемых иронических

детективов, дорогая Софья! Там, кроме дешевого мата, скабрзных шуток и анекдотов с бородой, нечего почерпнуть!

— Вообще-то я совсем не то имела в виду...

— Вообще-то пора прекращать всю эту порнографию! — не выдержал Чиж.

Его высокий ломкий голос пронесся над головами писательниц ударом хлыста. Теа моментально откинулась на спинку кресла и болезненно искривила губы. Минна вздохнула, а Софья набросилась на Ботболта:

— В самом деле, Ботболт! Наш юный друг прав. Вы долго еще будете испытывать наше терпение этой, с позволения сказать, эротической агиткой?! Выключите видеомагнитофон немедленно! Не дом, а вертеп какой-то!

Ботболт пожал плечами, но сафьяновскому окрику все же подчинился. Он подошел к телевизорам и выключил их, после чего протер салфеткой.

Когда оба экрана погасли и в аппаратной наступила тишина, Чиж обратился к Теа:

— Это вы обнаружили тела?

Метаморфозы настигли мулатку гораздо раньше, чем предрекала Минна. Еще минуту назад — со смуглыми кукишами наперевес — она выглядела достаточно оправившейся от потрясения. Но теперь ей снова стало плохо, и жалобные, едва слышные стоны возобновились.

— Это вы обнаружили тела, госпожа Тропинина? — повторил вопрос Чиж.

Теа выдержала паузу и прерывающимся, слабым голосом произнесла:

— Это ужасно.

— Да уж, ничего хорошего...

— Вы бы не могли принести мне еще воды, Ботболт? Я все еще неважно себя чувствую...

Ботболт кивнул и направился к двери.

— Как вы нашли их?

— Вот что, молодой человек, — жарко зашептала Теа, как только бурят исчез из поля зрения. — Вы должны немедленно вывезти нас отсюда! Я с этим убийцей и минуты не останусь!

— С каким убийцей?

— С этим басурманом Ботболтом, с кем же еще!.. За два часа умудрился троих прихлопнуть! Да еще с выражением христианского смирения на лице!

— У вас есть основания полагать, что он убийца?

— А у вас разве нет?! Почему он солгал? Почему сказал, что эти

двое... — Теа обернулась к дивану с трупами и понизила голос. — Что эти люди находятся в гараже?

— А вы у него не спрашивали?

— Ну, я же не сумасшедшая! Я ему вопрос, а он мне — яду в глотку! Или тесаком по башке! Вы же держали в руках его... мачете! Вам, Петр, было бы сподручнее переговорить с ним... Вас он послушается...

Чиж в очередной раз покраснел и бросил на меня самодовольный взгляд: смотри, дура, как меня ценят! И какие люди! Не тебе чета!

— Я поговорю с ним. А теперь расскажите мне, как вы обнаружили тела?

— Зашла в комнату и обнаружила. Любой бы обнаружил. Товар, как говорится, на витрине, — бросила Теа и зябко повела плечами. При этом в жилете у нее что-то звякнуло.

— Я же просил! — распетушился Чиж. — Я же просил никого не покидать зал!

— Пошли вы к черту! — надменно бросила Теа. — Какие могут быть просьбы, когда у нас три трупа на руках!..

— Ну, хорошо. Значит, вы отправились в это крыло...

— Да, я отправилась в это крыло, чтобы посмотреть на мониторы, о которых вы же нам и сообщили, насколько я помню! Полагала, что, может быть, собаки угомонились, наивная!.. Или эти... деятели пришли в себя.

— И...

— Как видите, в себя они не пришли. Даже более того... Сначала я подумала, что они просто напились и спят. Но когда подошла... — Теа перевела дух.

— Это вы так кричали?

— Нет, вы! Что за дурацкие вопросы!

— Мне просто казалось, что вы не робкого десятка. И в самообладании вам не откажешь.

— Три трупа! Какое уж тут самообладание...

— Вы ничего здесь не трогали?

— Я ведь не наша дорогая Минна, чтобы возиться с мертвецами!

— Когда вы пришли, дверь была закрыта?

— Да.

Чиж повернулся к Минне и Софье:

— Вы появились здесь позже?

— Все бросились на крик, — ответила за двоих Софья. — Мы тоже посчитали нужным подойти.

Наверняка только для того, чтобы убедиться, что с поганкой Теа что-то

случилось. И что еще одной конкуренткой стало меньше.

— Мы страшно испугались, — Минна затрясла всеми подбородками сразу. — В этом доме происходит что-то нехорошее, неужели вы не понимаете?

— Чего уж тут не понять!

На этом дознавательный пыл Чиж закончился, и он обратился ко всем трем почтенным беллетристам сразу:

— Я попрошу вас вернуться в зал. Ботболт вас проводит.

— Только не Ботболт! — вырвалось у всех троих.

— Хорошо. Тогда я попрошу нашего немецкого друга...

Я оглянулась: немецкий друг уже стоял в дверях и исподлобья осматривал аппаратную.

— Вы проводите наших дам в столовую, Райнер?

— Gut! — Немец по-военному четко вздернул подбородок. — А вы?

— Мы подойдем чуть позже...

Опять «мы»! Положительно, Чиж не хотел со мной расставаться. Или все дело в моей способности заполнять пустоты и становиться гарниром к любому, даже самому незатейливому, блюду?..

Так и есть. Я — гарнир. Я всегда нахожусь в последних строках меню. Вне зависимости от того, где это меню составляется: на сквозняке в забегаловке «Чанахи» или в дорогом ресторане.

В университетские годы я приправляла Дашку, затем — Бывшего, затем — швейную машинку «Минерва» и мадам Цапник. Затем — Аглаю.

Теперь пришла очередь Чиж.

...Дамы под предводительством Райнера-Вернера удалились, и мы снова остались одни.

— Из рук вон, из рук вон, из рук вон, — запричитал Чиж. — Дела обстоят из рук вон. Но самое ужасное, что в их смерти нет никакого смысла. То есть вообще никакого!

— Как будто в смерти Аглаи есть какой-то смысл!

— С точки зрения литературы большого стиля... Это символический акт.

Я с трудом удержалась, чтобы не отвесить Чиж пощечину:

— Это подло, Чиж!

Но он уже и сам понял, что зашел слишком далеко.

— Простите меня, Алиса... Конечно же, я сглупил.

— Сглупил!

— Правда... Мне искренне жаль... Но зачем было убивать еще и этих двоих? Они отравлены, и боюсь, тем же ядом, что и Канунникова...

Пока Чиж примерялся к месту преступления, я подошла к двери и осторожно выглянула в коридор: никого. Даже Ботболт, отправленный за водой для страждущей Теа, куда-то запропастился. Чужой, затаившийся дом отталкивал меня — и притягивал одновременно. Гулкая тишина, полумрак, окоченевший мрамор стен и пола, предательская мягкость ковров... А собаки, а снег, а машины, запертые в гараже! Лучшего антуража для съемок программы «Играем в детектив» и придумать нельзя! Дорого бы я дала, чтобы и смерть Аглаи оказалась всего лишь сценарным ходом...

— Идите сюда, Алиса! — тихонько позвал меня Чиж.

С трудом оторвавшись от созерцания коридора, я повернулась к нему.

Чиж стоял на коленях перед лежащим на полу Дугаржапом (или Доржо?) и внимательно изучал тело.

— Вы не находите ничего необычного, Алиса? — спросил он.

— Ничего, кроме того, что они мертвы.

— Да нет же, посмотрите внимательно! Они без ботинок. И один, и другой.

Действительно, оба новоиспеченных покойника сверкали одинаково белыми носками. Но торопиться с выводами я не стала.

— Может быть, это национальный бурятский обычай — ходить в доме без обуви?

— Не думаю. В холле — еще куда ни шло, там ковры, да и в комнатах пол наверняка с подогревом. А в коридоре — мрамор... А если, к тому же, они пришли из гаража... Не могли ведь они переться через двор босиком по снегу, правда?

— А если они вообще не были в гараже? Если все это время они находились в доме? Или вы верите тому, что сказал вам Ботболт?

— А вы нет?

— Не знаю...

— Послушайте, Алиса! Вы ведь не эти тупоголовые детективщицы! Вы ведь должны понимать, что Ботболт не стал бы морочить нам голову с гаражом. Он сам предложил взглянуть на мониторы, помните?

— Ну и?..

— Зачем ему отправлять на тот свет своих... уж не знаю, кем они ему приходится... Сослуживцев, что ли...

— А если они увидели что-то такое, что не должны были видеть? — высказала я туманное предположение.

— Уж с ними бы он договорился. Земляки все же, не исключено, что родственники...

Все это время Чиж, вороном круживший вокруг тела Дугаржапа (или Доржо?), со знанием дела обшаривал карманы покойного. Я просто диву давалась ловкости его рук.

— Самое время для мародерства, — подколола я Чижа. — Что вы ищете?

— Не знаю. — Чиж на секунду задумался, а потом продолжил: — Ботинки.

— Посмотрите во внутреннем кармане пиджака...

Шутку озабоченный Чиж не оценил, но несколько раз катком проехался по Доржо и Дугаржапу.

— Черт возьми, ненавижу людей, у которых нечего изъять из карманов!

— А если изъяли до вас?

— Знать бы только *что* ...

Обогнув тело и проползя на четвереньках около полуметра, Чиж заглянул за диван, левый угол которого примыкал к окну. И присвистнул.

— Что там?

— Думаю, Ботболт прав. Покойники были не дураки выпить. Взгляните.

В узкой щели между окном и диваном стояла целая батарея стеклотары: от литровых емкостей до стограммовых «мерзавцев». Доминировала водка, но я без всякого труда узнала два упитанных пузыря «Veuve Cliquot Ponsardin».

— Вкус у парней неплохой, — в голосе Чижа послышалась меланхоличная зависть. — Впервые вижу бурятов, квасящих коллекционное шампанское под порнуху...

Я тотчас же вспомнила подсобку с коньяком: вкус у парней действительно неплохой.

— А днем они пили коньяк...

— Вы видели их днем, Алиса?

— Ну, видела — это громко сказано. Они спали в подсобке. Той самой, которая возле кухни. А проспавшись, видимо, переместились в гараж, если верить Ботболту. Или — сюда, если верить своим глазам.

— Значит, вы видели их днем...

— Я заглядывала туда некоторое время назад еще раз. Уже после того... как это произошло с Аглаей. И там уже никого не было. А еще...

Минна, ну, конечно же, Минна! Оставив мокрого Райнера в оранжерее, я отправилась за спиртным и на кухне встретила Минну! Она не ожидала подобной встречи и была явно смущена. Еще бы, мы с немцем вернулись с

прогулки намного раньше, чем можно было ожидать!

— Что — «еще»?

— А еще я видела на кухне Минну. И тоже днем. Может быть, это ничего не значит, но мое появление на кухне страшно ее смутило.

— Так-так... Платок, кухня, буряты в кладовке...

— Спящие буряты, — уточнила я.

— Это не имеет значения. Возможно, кто-то из них выполз... Не ко времени. И что-то увидел. Не к месту. Как это вы сказали — «они увидели что-то такое, что не должны были видеть». Я не исключаю такой возможности.

— Да, вот еще что... Когда я спросила у Минны, есть ли где-нибудь поблизости алкоголь, она вполне уверенно показала мне запасы спиртного...

— А зачем вам понадобилось спиртное? — тоном ревнивого мужа спросил Чиж. — Замерзли и решили согреться?

— Да нет. Просто немец провалился под лед, и я его растирала.

Мое безыскусное признание не понравилось Чижу. Очень не понравилось. Он нахмурился и бросил:

— Вы близкие друзья?

Интересно, что он вкладывает в понятие близкие друзья?

— Почему вы так решили?

— Ну-у...

— Из проруби вытаскивают не только близких друзей, Чиж. Я просто помогла человеку, который нуждался в помощи... — Я решила сменить тему. — А Минна... Минна явно не ожидала увидеть меня на кухне, она даже что-то уронила. Что-то бьющееся.

— Чашку? Плошку? Миску?

— Не знаю... Не обратила внимания.

Пока я докладывала Чижу о своих наблюдениях, он внимательно изучал обе бутылки из-под шампанского.

— Странно... Обе бутылки пусты.

— Вы думаете, что одна из этих бутылок... и есть та самая?

— Вряд ли... В той шампанского оставалось гораздо больше половины... Хотя... — Чиж накрутил на палец хохолок на макушке, что призвано было символизировать крайнюю степень умственного напряжения. — Нет... Подождите! Откуда здесь третий стакан? И кому он принадлежал?

— Убийце?.. — непослушными губами прошептала я.

— Если убийце, то зачем он оставил его? Зачем так явно было

указывать на присутствие третьего? С его стороны это просто глупость. Или наглость. Или...

— Или?

— Или какой-то расчет. Но какой?

Мизансцена у дивана была достаточно красноречивой: два мертвых тела и три опрокинутых стакана. Чиж метнулся от бутылок к легким пластмассовым стаканчикам и принялся осматривать их. А заодно — и пол вокруг.

— Похоже, они выжрали все до дна. Ни одной капли не пролито!

Полтора часа назад Аглая сделала всего лишь пару глотков. И этого оказалось достаточно, чтобы умереть.

— А цианистый калий действует на всех одинаково? — глупо спросила я.

— Смотрите в самый корень, Алиса, — Чиж взглянул на меня с одобрением. — Один грамм яда, попавший в кровь, — и уже ничто вас не спасет. Но достаточно и пятидесяти миллиграммов. У них не было шансов.

— Но ведь тогда убийца... Если это был убийца... Он должен был уничтожить все следы... Затереть пол, вылить остатки яда. Или унести бутылку... А если он унес бутылку, то зачем оставил стаканы? И к тому же — три, а не два!

— Я же говорил вам! — Чиж даже затряс головой. — Я же говорил, что все в этих преступлениях неправильно. Что так не должно быть! Он над нами издевается!

— Кто?

— Тот, кто это сделал!.. И куда девалась их обувь?

Мы с Чижом принялись обшаривать глазами аппаратную. Ни одной ниши, ни одного, даже самого заваливающего, шкафа. Ни одной вешалки. Пол, диван, два кресла, аппаратура на открытом стеллаже. И стена с мониторами.

— Кстати, почему работают только три монитора? Только три из восьми?

— Вы у меня об этом спрашиваете?

— Ладно. Оставаться здесь смысла не имеет. Идемте.

Мы вышли из аппаратной, плотно притворив за собой дверь. Но направились не к залу, а в противоположную сторону.

— Куда теперь? — спросила я у Чижа, после того как мы миновали несколько дверей и нишу со скульптурным воплощением очередного Будды.

— Не знаю... Если они пришли из гаража, то где-то оставили хотя бы

обувь... В зале их никто не видел, следовательно, попасть в дом они могли только через это крыло.

— «Если они пришли из гаража»! А если нет и Ботболт действительно солгал?

— Не думаю.

До самого конца коридора Чиж молчал. И оживился только тогда, когда мы остановились перед небольшой дверью с узкими витражными стеклами. Дверь венчала собой небольшую площадку, которую смело можно было назвать прихожей: небольшой домотканый коврик на полу и шкаф-купе слева от двери. Стоило Чижу приблизиться к двери, как он тотчас же упал на колени и принялся обнюхивать коврик.

— Ну вот, что и требовалось доказать! — протрубил он. — Коврик мокрый. Значит, кто-то здесь был! И совсем недавно. Кто-то пришел с улицы. И собаки его не тронули.

После таких впечатляющих оргвыводов сыщик-любитель переместился к шкафу и раздвинул дверцы.

— Смотрите, Алиса!

В шкафу висели два коротких тулупчика из овчины. А прямо под ними стояло две пары высоких ботинок на шнуровке.

— Доржо и Дугаржап! Очень аккуратные молодые люди! — провозгласил Чиж и двумя пальцами по очереди приподнял ботинки.

На том месте, где они стояли, образовалась цепочка еще не подсохших лужиц.

— Они пришли не так давно. Снег успел растаять, но следы просохнуть не успели.

Оставив ботинки в покое, Чиж запустил блудливую руку в карманы тулупов. Первым, что он извлек на свет, оказалась тонкая металлическая цепь сантиметров пятидесяти в длину с крупными кольцами по краям. За цепью последовали одинокий желтый ключ от английского замка, несколько вкладышей от жвачек с горячими, только что испекшимися пляжными девочками. И полупустая бледно-зеленая пачка сигарет «Вог».

— Вам не кажется странным, Алиса, что два юных бурятских охранника и собаковод, проживающие в лесной глуши, курят дорогие женские сигареты?

— Разве это единственное, что кажется странным? — вполне резонно заметила я. — Самое странное, что мы до сих пор не спрыгнули с ума от всего происходящего.

— Вы правы... Кажется, я видел такие сигареты у одной из наших дам.

— У Теа, — подсказала я.

— И именно Теа нашла молодых людей... в таком плачевном состоянии.

— Да. Вы думаете, что это может послужить уликой?..

— Ничего я не думаю, — неожиданно взвился Чиж. — Какие это, к черту, улики? В них нет никакого смысла! Так, набор предметов... Платок, сигареты... Как будто кто-то хочет убедить нас, что именно это — улики! Как будто кто-то хочет убедить нас, что чем больше вещей — тем лучше. Что, стреляя наугад, мы куда-нибудь да попадем!

— Никто не просил вас стрелять наугад. Рыться в этом дерьме было вашей личной инициативой, — не выдержала я. — А след в оранжерее?

Чиж на секунду бросил потрошить полушубки.

— След в оранжерее — единственное, что заслуживает внимания. Но даже я не могу объяснить, как он там оказался... Если вам что-нибудь придет в голову на этот счет...

— Если мне что-нибудь придет в голову, я обязательно с вами поделюсь.

После неожиданной находки сигарет настала очередь бесформенного, грязно-белого куса какой-то субстанции с налипшими на него крошками.

— Что это, как вы думаете?

Не дожидаясь ответа, Чиж поднес кусок к носу, потом ко рту — и прежде, чем я успела что-то сказать, лизнул его.

— Сладко! — промурлыкал он. — Похоже на какое-то пирожное...

— Эклеры! — выпалила я. — Они ели пирожные. Во всяком случае, в подсобке стояло блюдо с недоеденным десертом.

Мое сообщение привело Чижа в неопишуемый восторг.

— Так они сладкожки! Жрали пирожные в свободное от работы время! Теперь все ясно!

— Что ясно?

— У них было какое-то время. Немного, но было. Во всяком случае, чтобы допить шампанское. Сладкое в какой-то мере нейтрализует действие яда. А если накапать цианид на кусок сахара и сожрать его на глазах у изумленной публики... Лучше — у девушек нежного возраста... То все может обойтись. А ты сам приобретешь статус сверхчеловека.

— Что, проделывали такое?

— Никогда, — признался Чиж. — Теперь вижу, что правильно делал. Пирожные этим двоим не помогли.

— Если честно, ваши познания меня потрясают, Петя.

— Да, если бы я хотел, то мог бы стать великим отравителем!.. —

Поняв по моему вытянувшемуся лицу, что сболтнул лишнее, Чиж немедленно заткнулся.

Задвинув дверцы шкафа, он снова подошел к двери. И в задумчивости стал поигрывать дверной ручкой. Потом пальцы его переместились к английскому замку.

— Не хотите подышать свежим воздухом, Алиса? — спросил он.

— Как-то не тянет, — призналась я. — Во-первых, на улице снег... Во-вторых, собаки...

— Давайте выйдем. Постоим возле двери... Наша дорогая Минна права. Этот дом начинает действовать на нервы...

— ...и в-третьих, — закончила я. — Вы же не станете прыгать рядом с домом в одной жилетке... Или вы хотите... Не стоит этого делать, Чиж!

Но оператора было уже не остановить. Он вытащил из шкафа полушубки Доржо и Дугаржапа и один из них бросил мне.

— Надеюсь, вы не суеверны.

— Суеверна! Еще как суеверна!

— Идемте, проветримся.

Господи, ну почему всем и всегда я говорю «да»?..

Через секунду полушубок угнездился на моих плечах. Он принес с собой массу неизведанных, незнакомых запахов: кислая овчина, законсервированный юношеский пот, острый привкус собачатины и что-то еще... Что-то яростно-гормональное, что Бывший в минуты пьяных откровений о службе на точке ПВО где-то в богом забытом Заполярье характеризовал поговоркой: «Чай кипит — заварки нет. Член стоит — Тамарки нет».

Пожалуй, это была самая бесстыжая одежонка в моей жизни: едва лишь напялив ее, я почувствовала себя изнасилованной.

— Ну что, готовы? — спросил у меня Чиж и щелкнул замком.

Через секунду мы уже стояли на улице.

Метель закончилась, и разом потеплело. А в невидимом небе дрожали крупные звезды. Им было глубоко наплевать на дом и его пленников.

Дверь с витражными бойницами вывела нас в крошечный, ничем не огороженный дворик с такой же крошечной деревянной пагодой; пагода светилась изнутри — в самой ее сердцевине горело несколько лампочек. Лампочки украшали и небольшие деревца вокруг пагоды. В этом было что-то нереальное — красные, желтые, голубые точки света, парящие над снегом. От пагоды к двери вела дорожка из камней. Сейчас она была припорошена снегом.

Зачарованная изысканной рукотворной красотой пейзажа, я прошла

по дорожке и, обогнув пагоду, вышла к небольшому, старательно-неправильной формы водоему: то ли запруде, то ли озерцу. Несмотря на зиму, вода в запруде не замерзла, совсем напротив: стоило мне только присесть на корточки и опустить руку в воду, как я тотчас же машинально отдернула ее. Озерцо было теплым — таким теплым, что по нему плавали кувшинки! А где-то в самой глубине стояли рыбы. В этом было что-то нереальное — красные, желтые, голубые точки света, парящие под водой.

Вода в запруду проникала через бамбуковый желоб, похожий на детские качели: она стекала из маленького фонтанчика прямо в пасть бамбуку. Когда ее набиралось достаточно, центр тяжести смещался, и желоб опрокидывался. Очередная партия воды пополняла запасы озерца. А край желоба ударялся о камень с мелодичным стуком.

— Какая красота! Вы когда-нибудь видели такое, Чиж?

— В свое время я плавал в бассейне «Москва». Градусов в двадцать, в самый мороз, — отвечал мне приземленный до последней степени специалист по ядам. — Так что меня ничем не удивишь.

— Вы бескрылый человек!

— Не я один. Все остальные тоже ходят по земле.

— Что вы хотите этим сказать?

— Не сказать, а показать. Видите следы? Они огибают дом. Думаю, что это тот самый путь, по которому Доржо и Дугаржап добрались до своей смерти.

Так вот ради чего Чиж вытащил меня на улицу! Ради того, чтобы найти снежный хвост покойников! Метель (очевидно, вступив в сговор с Чижом) закончилась вовремя. Теперь ничто не помешает ей выступить свидетелем обвинения: на первых же слушаниях она сообщит суду присяжных, что две цепочки следов прервались прямо у витражной двери. А до этого посетили места N, NN и NNN...

— Может быть, взглянем?

Еще не успев закончить фразу, Чиж снова потащил меня к дому: никаких «может быть» быть не может!

— Я бы не стала так рисковать, Чиж. Вы забыли о собаках.

Чиж опустил голову и уперся взглядом в следы: свежие, четкие отпечатки рифленых подошв искушали его, и противиться этому искушению было невозможно.

— Мы пройдем совсем чуть-чуть, — заканючил Чиж. — Всего лишь несколько метров.

— А собаки?

— Если Доржо и Дугаржап пришли с улицы... Возможно, они загнали

собак. Даже наверняка загнали!

— Я не пойду.

— Ну и оставайтесь! Черт с вами! Можете даже искупаться, если есть охота...

Чиж сердито развернулся на пятках и затрусил параллельно следам. А спустя секунду, проклиная все на свете, я отправилась вдогонку за не в меру любопытным куском сыщицкого дерьма.

Цепочка следов заворачивала за угол и шла параллельно стене дома. Фасад был темен, только на третьем этаже... На третьем этаже мутно светилось окно! Даже я, страдающая извечным топографическим идиотизмом, определила, что окно это находится под защитой двери с висячим замком. Странно, этот замок казался мне незыблемым, древним, как яйцо динозавра, повешенным еще во времена войны Алой и Белой розы...

— Видите? — Я дернула Чижа за полу тулупчика. — Свет!

— Вижу, — промычал Чиж, но головы не поднял.

— Это ведь с той стороны, где запертая дверь на лестницу?

— Угу-м-да... Все может быть...

— Но там же висячий замок!

— Все может быть...

Чиж совсем не слушал меня. Вытянутый чуткий нос заставлял его преследовать следы, до всего остального ему не было дела. А я... Я могла бы дать руку на отсечение, что за этим зловещим окном мелькнула какая-то тень!..

— Чиж! Там кто-то есть! — севшим голосом пробормотала я.

— Конечно, есть. В доме полно народу...

— Вы не поняли. Там, наверху, кто-то есть!

Наконец-то до Чижа дошли мои стенания! Он остановился, оторвал взгляд от меток, оставленных Доржо и Дугаржапом, и поднял голову.

— Ну, что там еще?

— Свет.

— Какой свет?

Черт, черт, черт, я, кажется, вспугнула свет и тени за окном! Либо этот свет был предназначен только для меня! И для моего взвинченного воображения. Во всяком случае, он исчез ровно за мгновение до того, как Чиж уставился на фасад.

— Ну, и где же ваш свет?

— Он был... Только что!

— Ага. Был и погас?

— Именно.

— Разберемся с ним, когда вернемся в дом, — он не очень-то поверил моим словам. А я — не поверила его.

Оставшуюся часть пути мы прошли под аккомпанемент нежного и размеренного стука: только теперь я сообразила, что это — бамбуковый желоб. Невинный перпетуум мобиле, летнее чудо на краю зимы. Я так и не смогла понять природу этого звукового эффекта: в закутке дворика желоб бился о камень гораздо тише. Но откуда взялся этот резонанс? Может быть, все дело в рельефе местности, утыканной миниатюрными холмами и низинками? Может быть, все дело в архитектуре здания, по-особенному отражающей звук? А может, это сама судьба терпеливо отсчитывает мгновения нашей жизни. И только она знает, сколько их осталось...

— Они были дураками! — неожиданно воскликнул Чиж.

— Кто?

— Пуришкевич, князь Юсупов и вся компания! Полные профаны в химии. Надо же, до чего додуматься — начинять ядом пирожные! Естественно, эффект минимальный. А потом еще удивляются, почему он не сразу окоचурился, Распутин...

Самое время для исторических экскурсов!

— Тоже, нашли время читать лекции, — улыбнулась я.

— Просто развлекаю вас... Чтобы не было скучно идти.

Чтобы не было страшно идти, вот так! Фасад дома выглядел ночью очень зловеще, да и сам дом теперь казался мне в несколько раз больше, чем днем. Зачем такие площади одному человеку? Или это дань широким пространствам исторической родины? Спросить не у кого, Дымбрыл Цыренжапович благополучно отсутствует... Если это его затея, если выкормленные с руки и укрощенные убийства — его промысел, у нас нет шансов!..

Я поглубже закуталась в овчину, сунула нос в воротник и обнаружила, что Чижа уже нет рядом. Только этого не хватало! Я в отчаянии завертела головой: Чиж как будто сквозь землю провалился! Зарылся в сугробе, уснул под снегом...

А бамбуковый маятник качнулся в очередной раз. И от этого короткого зловещего звука у меня чуть не лопнули барабанные перепонки.

— Чиж! — что было сил заорала я. — Чиж! Вы где?! Чи-иж!!!

Прошла вечность, прежде чем Чиж откликнулся.

— Ну что вы орете, Алиса? — Его голова показалась из-за сугроба. — Нервишки шалят?

— Пошаливают, — я устыдилась своей минутной слабости.

— Идите-ка сюда!

Чтобы добраться до него, мне пришлось перемахнуть через сугроб. Для начала я увязла в снегу по колено, потом едва не потеряла ботинок. И в довершение ко всему больно отбила зад, когда, не удержав равновесие, плюхнулась рядом с Чижом.

Он и не подумал помочь мне. Его хватило только на ехидную ухмылку.

— Вы всегда идете напролом?.. Здесь есть тропинка, вы разве не заметили?

— Нет.

Я поднялась на ноги и осмотрелась. Что ж, приходится признать, что Чиж добился своего: следы Доржо и Дугаржапа привели его к глухой стене дома, украшенной одним-единственным микроскопическим окошком. Окошко находилось достаточно низко, на уровне груди.

— Узнаете? — торжественным голосом произнес Чиж. — Это то самое кухонное окно. Можете заглянуть внутрь, только осторожно, не затопчите следы.

Мне даже не пришлось оттаивать стекло дыханием: отсюда, со двора, совсем неплохо просматривалась часть кухни и темный проем коридора.

— Оранжерея чуть дальше, — просветил меня Чиж. — Судя по всему, они обогнули ее и некоторое время простояли возле этого окна.

— С чего вы взяли?

— Следы! Видите, как тут все утрамбовано! И вот еще что! — Чиж раскрыл ладонь, на которой оказался мокрый и сморщенный окурок «Вога». — Они даже успели покурить.

— Одну на двоих? Как в окопе?

— Не знаю... Может быть, курил только один.

— А пепел вы случайно не собрали?..

Чиж пропустил мою шпильку мимо ушей. Он был слишком увлечен собой и своей находкой.

— Факт остается фактом: они простояли здесь достаточно долго...

— Достаточно долго для чего?

— Для того, чтобы что-то увидеть! — выдохнул Чиж. — Иначе они были бы живы!

— Интересно, что такого здесь можно было увидеть?

— Ну, например, как убийца подсыпает яд в бутылку.

Я самым циничным образом рассмеялась:

— У вас разыгралось воображение! Ну как, скажите... Как можно было понять, что кто-то что-то подсыпает в бутылку?

— Возможно, они что-то сопоставили...

Я живо представила себе лица Доржо и Дугаржапа, еще более плоские и еще более круглые, чем лицо Ботболта. Сонные лощины глаз и рты, изъеденные алкоголем и жаждой дешевых порнопоцелуев. Если они что-то и могли сопоставлять, так это только размер своих пенисов во время мастурбации перед телевизионным экраном. Похоже, Чижу пришла в голову сходная мысль. Он нахмурился, возмущенно покашлял, а потом изрек:

— Или... Или преступник убрал их до того, как они успели что-то сопоставить. Нанес, так сказать, упреждающий удар. Подстраховался.

— Не забывайте, что на кухне было светло. А здесь, за окном, соответственно, темно. Тем более ситуация была экстремальной... Вряд ли преступник обратил бы внимание на окно. К тому же такое маленькое.

— Вот именно. Экстремальная ситуация! — бесцеремонно перебил меня Чиж. — Нервы напряжены до предела, скрытые человеческие возможности высвобождаются. Любая мелочь врезается в память... А два лоботряса за окном — это не мелочь, смею вас уверить. И потом, не забывайте. Стол с напитками стоит возле окна. Даже больше — прямо под ним. И вплотную придвинут. Они могли столкнуться нос к носу, их разделяло только стекло!..

Я просто диву давалась, с какой горячностью, с какой страстной убежденностью Чиж развивал понравившуюся ему версию. Все, что так или иначе не подходило под нее, вызывало в нем скрытую ярость. Он был готов закрыть глаза на одни обстоятельства и выпятить другие, лишь бы пасьянс сошелся и победителя наградили бы тульским пряником.

— О чем вы думаете, Алиса?

— О том, что опасно идти на поводу у своих теорий. Вы были бы бичом убойного отдела, Чиж. Вы засадили бы за решетку сотню невинных — и только из-за того, что их имя рифмовалось с названием ботинок, которые носила жертва. Или с маркой пива, которое жертва пила за полчаса до смерти... А все потому, что вы — хренов эстет.

— Разве плохо быть эстетом? — оскорбился Чиж. — Разве ваша Агляя не была эстеткой?!

— Красота схемы еще не гарантирует ее истинности!

— Да ладно, бросьте на меня рычать.

— Я не рычу.

— А кто же тогда рычит?..

Теперь и я услышала этот тихий вибрирующий звук. Он приближался. Он не предвещал ничего хорошего, он заставил кровь в жилах свернуться калачиком и заледенеть, а сердце — шлепнуться прямиком в желудок.

Прямо на остатки бурятского фуршета.

— Что это? — шепотом спросила я у Чижа, хотя уже знала *что*.

Собаки.

Собаки, готовые отомстить за лесных братьев Доржо и Дугаржапа.

— Не оборачивайтесь, — Чиж не произнес этого, нет: он просто беззвучно пошевелил губами. — Не оборачивайтесь.

Но я и не собиралась оборачиваться. Одного вида Пети Чижа мне хватило с лихвой: его мягкий и податливый хохолок распушился венецианским веером, ресницы встали дыбом, а вместо рта теперь зияла впадина.

— Они? — почти теряя сознание, пролепетала я. Справиться со словом «собаки» мне так и не удалось.

Чиж прикрыл глаза и тотчас же открыл их, что могло означать только одно: собаки, кто же еще, ну вот и прошвырнулись, а ведь я был хорошим оператором, и всегда одалживал страждущим десятку на пиво, и собирал монеты арабских стран, и читал Марио Варгас Льюсу в подлиннике, и с формулой дезоксикортикостерона справлялся как будьте-насте!.. А теперь, через минуту-другую, вся эта груда человеческих достоинств, прикрытая жилеткой, превратится в суповой набор для волкодавов!..

— Не оборачивайтесь, — просипел Чиж.

— Сколько их?

— Понятия не имею... У меня в глазах двоится.

— Где они?

— Метрах в пятнадцати... Теперь уже в десяти...

— Что будем делать?

Чиж ухватил меня за край полушубка и стал потихоньку подтягивать к себе.

— Может быть, они нас не тронут... Может быть, они признают одежду...

Что ж, бурятские тулупчики дадут нам выигрыш во времени: минуты две, не больше: этого доблестным улзутуевским доберманам вполне хватит, чтобы вспороть овчинку и добраться до наших с Чижом красных кровяных телец.

— Жаль, что мы познакомились так поздно! — В минуту сильных душевных потрясений я, как всегда, порола несусветную чушь.

— Мне тоже жаль, — Чиж по части глупости мог составить мне достойную конкуренцию. — Обещай, что, если эти твари нас не разорвут, ты как-нибудь со мной пообедаешь...

— А я думала, ты предложишь мне стать твоей женой...

— Моей вдовой! — Голос Чижа поднялся до высот ультразвука.

— Дела обстоят так плохо? — Я все-таки не выдержала и обернулась.

Дела обстояли не просто плохо. Дела обстояли из рук вон. Черные собаки с янтарными волчьими глазами сжимали вокруг нас кольцо. Самым недвусмысленным образом.

— Может быть, разобьем окно? — задала я риторический вопрос. В кухонное оконце могла пролезть только кошка, и то — не всякая. Разве что какая-нибудь поджарая сиамская самочка. Разжиревшим кастратам породы невская маскарадная и двуногим придуркам вход строго воспрещен!..

— О чем ты говоришь! Какое окно! Гадить место преступления я не позволю!

— Отлично! Собаки будут просто счастливы! Собаки будут аплодировать твоим гражданским чувствам!

— Ты хорошо бегаешь? — спросил Чиж, и в руке его что-то звякнуло. Это была металлическая цепочка, которая до этого покоилась в кармане тулупа Доржо (или Дугаржапа). Более наивного оружия и придумать было невозможно!..

— Понятия не имею... Последний раз я бегала за своим мужем. Это было лет пять назад.

— Ты замужем?

— За своим бывшим мужем...

— Плевать, — было совершенно непонятно, к чему именно относится последняя реплика: к моим спринтерским возможностям или к эпопее с Бывшим. — Говорят, в экстремальных ситуациях в людях открываются невиданные способности...

— Мне что-то не хочется их открывать.

— Хочешь, чтобы они тебя сожрали?

— Не хочу.

— Тогда сделаем так. Сейчас ты побежишь к дому.

— А ты?..

Неужели он останется один на один с острыми, как кинжалы, зубами доберманов? Неужели он останется и принесет себя в жертву? В жертву малознакомой мамзельке сомнительной внешности и сомнительной репутации... С которой познакомился всего лишь несколько часов назад? А если бы на моем месте был кто-нибудь другой? Толстуха Минна, например? Или язвительная Теа?.. Или кривое зеркало правоохранительных органов Софья Сафьянова? Вот если бы речь шла о секси-Дашке... Но даже тогда это трудно было бы понять... А может, он просто благородный человек и в его груди бьется великодушное и отчаянно

храброе сердце?.. О, Чиж прекрасный! Всю свою жизнь я искала идеального мужчину, но все они, как правило, образовывали трогательную спайку со словом «мудачина»!.. И вот теперь... Вот теперь...

— А ты? — прошептала я почти влюбленно.

— Побегу вместе с тобой. На счет «три». И не оборачивайся. Положимся на удачу.

«Три» случилось так же неожиданно, как случились чертовы собаки. Я слегка подзадержалась на старте и на счет «четыре», «пять» и «шесть» могла лицезреть только спину Чижа. Он несся впереди меня, подбрасывая худой зад и размахивая руками. Он даже ни разу не оглянулся, подлец, самая удачная иллюстрация к слову «мудачина»! Впрочем, я тоже ни разу не оглянулась. Собаки были совсем близко, я ощущала их испепеляющее дыхание своими лопатками. Кажется, одна из них ухватила меня зубами за подошву. Или за край тулупа?..

Подгоняемая злобными тварями, я показала вполне приличное время. И даже, не оборачиваясь, бросила в собак цепочкой — точно такой же, какая была у Чижа. До сих пор она лежала в кармане и не подавала признаков жизни. Ничего не скажешь, близнецами-братьями были не только Доржо и Дугаржап, близнецами были и их вещи.

Но Чиж!..

Чиж бил все рекорды, включая мировые и олимпийские. Когда я вывернула из-за угла и на всех парах понеслась ко входу в дом, он уже топтался там. И отчаянно дергал за ручку двери. А потом принялся биться в равнодушное витражное стекло всем телом.

— Закрыто! — заорал он страшным голосом.

После этого душераздирающего вопля последовала автоматная очередь из самой отборной площадной брани.

И в ту же секунду я услышала треск: одна из собак вырвала клоч из моего тулупа. По тому, как легко кусок овчины отделился от материнского лона, стало ясно: проблем с мясом новопреставившейся Алисы Зданович у собак не будет. Да, черт возьми, по сравнению с тем, что меня ожидает в ближайшие несколько секунд, смерть Аглаи можно считать подарком из рождественского носка!..

Но толком попрощаться с жизнью не удалось.

Чиж самым волшебным образом справился с дверью и в самый последний момент за шиворот втащил меня в дом. И щелкнул замком.

Добрых пять минут мы, тяжело дыша, лежали голова к голове и прислушивались к вою и яростному царапанью за дубовой обшивкой двери.

— Что случилось? — спросила я.

— Дверь была закрыта... Но я точно помню, что не закрывал ее. Значит...

— Значит?

— Значит, ее закрыл кто-то другой!.. Кто-то, кто хотел, чтобы мы остались на улице и чтобы собаки нами пообедали.

Удивительная прозорливость!..

— Поужинали, — поправила я.

— Какая разница!

— Как ты открыл ее?

Чиж победительно рассмеялся и продемонстрировал мне ключ.

— Вот он, наш золотой ключик! Лежал в кармане. Я в самую последнюю минуту догадался. Поройся, может, и у тебя есть что-то подобное.

— Почти наверняка, — я сунула руку в карман (оказавшийся порванным), порылась за подкладкой и извлекла оттуда точно такой же желтый блестящий ключ.

Мой ключ — в отличие от голенького Чижового собрата — был прикреплен к медному брелку. Брелок, очевидно, был куплен за небольшие деньги в этномагазине «Ганг» и представлял собой сцену из навязшей на зубах «Камасутры»: два человекоподобных существа исполняли акробатический этюд, который с натяжкой можно было назвать спариванием. Кроме ключа от входной двери, на брелке болтались еще два неопознанных, из чего я сделала вывод, что в универсальном симбиозе Доржо — Дугаржап все-таки существовало понятие «ведущий — ведомый». Тем более что один из ключей стоил того, чтобы присмотреться к нему повнимательнее. Ни разу в жизни я не видела ключа, который смело можно было причислить к произведению искусства. Как он уживался с похабным псевдоэротическим брелком и двумя сермяжными собратями — уму непостижимо! Ключ был довольно внушительный, что-то около десяти сантиметров в длину, и представлял собой стилизованное изображение приготовившейся к прыжку большой кошки: то ли гепарда, то ли пантеры, то ли коротко постриженной львицы. Кошка отливала платиной и посверкивала крошечными бриллиантиками, вправленными в глаза. Бородкой же служил непомерно длинный хвост животного. При виде этого испещренного насечками хвоста у меня бешено заколотилось сердце: выпустить подобную прелесть из рук означало обречь себя на страдания и муки. И на дискомфорт на смертном одре. Если я сейчас положу ключ обратно в карман тулупа, то никогда в жизни не прощу себе этой глупости!

В конце концов, Доржо (или Дугаржап) мог потерять его, обронить в близлежащий сугроб или щель в полу... В конце концов, никто не станет проедать плешь мертвецу только из-за того, что какого-то ключа не оказалось на месте... В конце концов, Доржо и Дугаржап не откроют больше ни одной двери, разве что дверь в кабинет строгого судьи господина бога...

Внутренне содрогаясь от изменности своих устремлений, я сунула ключи в собственный карман и затихла.

— Ну, что там с ключами? — вернул меня к действительности проклятый Чиж.

— Ничего особенного... Не брелок, а порнографическая гадость. Приличный человек такую дрянь и в руки не возьмет. А если и возьмет, то будет потом полдня отмываться. Хочешь взглянуть?

Глаза Чижа блеснули дьявольским любопытством, и я поняла, что перестаралась. Ничто так не возбуждает человеческую особь, как упоминание о гадости и дряни. Тем более порнографической.

— Хочу! — презирая себя, Чиж протянул ко мне требовательные пальцы.

— Не для слабонервных, предупреждаю. — Я, как могла, оттягивала время, пытаюсь прямо в кармане отсоединить от брелка ключ-пантеру. Наконец это мне удалось, и я протянула Чижу брелок.

— Юмористка! — Чиж с упоением рассматривал презент от индийских производителей ширпотреба, больше похожий на воплощенный в медной болванке рисунок из привокзального сортира.

— Ну, что я говорила!..

— Ладно... Черт с ними, с ключами... А ведь они могли нас загрызть... Собаки, я имею в виду...

Изогнувшись, я осмотрела безнадежно испорченный тулуп: недостающий кусок овчины, казалось, был аккуратно срезан ножом. Представив эти ножи на своей куцей шее, я судорожно вздохнула.

— Но во всем этом есть один положительный момент.

— Какой же?

— Мы перешли на «ты». — Чиж перевернулся на живот, подпер подбородок кулаком и взглянул мне прямо в глаза. — Так как насчет того, чтобы пообедать вместе? Когда все закончится.

— Мне кажется, это никогда не кончится, — я обвела глазами предбанник. — И мы будем вынуждены бродить по этому дому целую вечность.

— Тоже неплохо. — Чижа словно бес попутал. Он протянул ладонь и

крепко сжал мои пальцы. — Я согласен.

— По-моему, ты форсируешь события...

— А по-моему, нет. Во-первых, роковые обстоятельства сближают. Близость смерти активизирует все ферменты организма. Химический состав корректируется, реакции ускоряются... Во-вторых, еще неизвестно, что будет через час или два. Возможно, я окажусь единственным мужчиной, который поможет тебе скрасить ожидание конца... В-третьих, ты мне нравишься, чего уж тут скрывать.

Только теперь мне стало ясно, почему из пестрой толпы возможных преступников и возможных свидетелей преступления Чиж выбрал именно меня. Я ему нравилась, надо же! Что ж, в этом нет ничего удивительного. Три беллетристические дивы были намного старше его, а Дашка... Дашка была уж слишком красива! И у бедняги Чижа не было ни малейшего шанса. Оставалась только я: не особая красавица, но и среди экспонатов Кунсткамеры мне тоже делать нечего. Так что, если скромняга Чиж и вздумает приударить за мной, это не будет выглядеть мезальянсом. По степени привлекательности мы оба находимся в нижней части квалификационной сотни, сразу же за суматранской плащеносной ящерицей.

— ...очень нравишься, — еще раз повторил Чиж.

— Ты очень наглядно это продемонстрировал. Особенно, когда бежал впереди собственного визга. И даже ни разу не оглянулся. — Теперь, находясь в тепле и безопасности, я решила чуть-чуть пообижаться.

— Я вел тебя за собой, служил ориентиром... Живым маяком, так сказать, — он ничуть не смутился. — Так как насчет обеда где-нибудь в приличном ресторанчике?

— Не пойдет.

— Почему?

— Ты не в моем вкусе.

Это известие несколько не расстроило Чижа, даже наоборот, привело его в веселую ярость.

— Все мои женщины говорили мне об этом, — сказал он, делая ударение на слове «мои».

— Женщины всегда правы, — сказала я, делая ударение на слове «женщины».

— Все мои женщины говорили мне об этом. Прежде, чем лечь со мной в койку.

— Ну, насчет койки у меня совсем другие планы.

Чиж откинулся на спину и расхохотался.

— Жалкий фриц, как же я мог забыть! Ходячая обложка журнала для гомосексов! Урод! Поди еще и волосы бреет во всех местах... Тьфу! Он как раз из тех самовлюбленных болванов, которые считают самым выдающимся изобретением человечества палочки для чистки ушей! И посвящают венки сонетов своему драгоценному члену. Скажешь, нет?

Я с тоской вспомнила шикарное тело простака Райнера-Вернера и его ритуальные пляски вокруг собственного паха. Конечно же, Чиж был прав, тысячу раз прав. Но это была завистливая правда не слишком эффектного самца, всегда проигрывающего битву за самку.

— Кстати, Алиса, ты не находишь, что он... м-м... несколько трусоват?

— Он осторожен. Как и любой иностранец, заброшенный со спецзаданием в нашу великую страну...

— Он трус! Гансик недобитый! Трус, сын труса и сын сына труса! Мой дед мочил его деда еще во время операции «Березина»! Мой дед снял с его деда кожаный плащ. И забрал у него две серебряные ложки с гравировкой «Георг Хольх и Фрау»! Русские немцев всегда били, ты это учти на будущее... Ихнему шнапсу против нашей водки делать нечего!

Как ни прискорбно это звучало, но термин «трус» в общем подходил господину Рабенбауэру. При его габаритах и развороте плеч, заставляющих вспомнить Бруклинский мост, он мог быть и поактивнее. Да что там поактивнее! Он просто обязан был возглавить операцию по спасению слабых женщин и деморализованных мужчин. Но этого не случилось, и я вдруг испытала ненависть к Чижу. Уж он-то находился в полной безопасности! Никому бы и в голову не пришло потребовать от тщедушного оператора широкомасштабных наступательных действий.

— Ну, ты тоже не проявил чудеса храбрости.

— Как сказать... — Чиж вытянул ноги и поболтал в воздухе цепочкой, некогда принадлежавшей Доржо (или Дугаржапу). — Интересно все-таки, что это такое?

— Это строгий ошейник, — грянул с небес совсем нестрогий голос. — Строгий ошейник для собак. Наши парни всегда носят их с собой.

От неожиданности Чиж икнул, а я зажала себе рот рукой — чтобы не завопить от ужаса. Путаясь в тулупчиках, мы вскочили на ноги.

Прямо перед нами, в мягкой полутьме предбанника, возвышался Ботболт.

— Черт возьми, вы нас напугали, Ботболт! — промямлил Чиж. — Вы давно здесь стоите?

— Не очень...

— Что это за дурацкая привычка — подкрадываться!

— Я не подкрадывался, я просто подошел. Только что. А потом услышал ваш вопрос и решил ответить.

— А больше вы ничего не слышали? — Чиж почему-то покраснел.

— Ничего.

— Нас едва не сожрали ваши собаки.

— Я предупреждал. Собаки у нас серьезные.

Чиж похрустел пальцами и с подозрением уставился на Ботболта.

— Это вы закрыли дверь, чтобы мы не могли войти?

— Я не закрывал дверь.

— Вы ее закрыли. Вы что, специально это сделали?

— Я не закрывал дверь, — Ботболт был воплощением буддистского спокойствия. — Я подошел сюда лишь сейчас. Услышал голоса и подошел.

— Тогда кто ее закрыл?

— Не знаю.

— То есть как это не знаете?! Кто-то злонамеренно решил обречь нас на смерть, а вы не знаете!

— Если бы кто-то хотел злонамеренно обречь вас на смерть, он вряд ли посоветовался со мной, — наставительно подняв палец, произнес Ботболт.

Я даже рот раскрыла от изысканности этой фразы. Нет, он был совсем не таким простым, каким хотел казаться, наш храмовый служка. Если бы звезды при его рождении встали бы по-другому, он вполне мог занять место Далай-ламы. Или писать стихи на шелке в беседке, посреди пруда с уточками-мандаринками.

— Не морочьте мне голову, Ботболт! Если это сделали не вы, тогда кто же это сделал?

Ботболт легонько отодвинул Чижа и подошел к двери. Затем щелкнул замком, приоткрыл ее и тотчас же снова захлопнул.

— Дверь просто захлопнулась, — торжественно объявил он и принялся протирать ручку салфеткой. — Вы забыли, что это английский замок. Нужно было поставить его на предохранитель. Опустить собачку. Вот так.

Я с укоризной посмотрела на Чижа. Если бы у него не оказалось ключа... Страшно даже представить, что бы произошло с нами, если бы у него не оказалось ключа!

— Не надо меня лечить! — взвился Чиж. За то короткое время, что мы были знакомы, я, кажется, уловила доминанту в беспокойном характере оператора Пети: он терпеть не мог, когда кто-то указывал ему на

недостатки. Он хотел быть непогрешимым!

— Но это же очевидно, Петя. Вы забыли опустить собачку, и дверь захлопнулась, — я решила поддержать Ботболта.

— Я все сделал правильно. Я зафиксировал дверь, — не закончив, Чиж махнул рукой и перескочил на более спокойную тему. — Как там наши дамы?

— Лучше, чем можно было ожидать. Может быть, хотите перекусить? Я приготовлю.

— Вы еще выпить предложите!

Что ж, в доме, окутанном парами цианида, подобная ирония была вполне уместна. А о себе я могла сказать только одно: случившееся с Аглаей и двумя несчастными собачьими божками надолго отобьет у меня охоту к возлияниям.

— Я просто подумал...

— Когда вернется ваш хозяин, Ботболт? — строго спросил Чиж.

— Думаю, он вернется...

Достойный ответ, ничего не скажешь!

— Я хотел спросить... — и без того мягкий голос Ботболта стал теперь податливее проститутки со стажем. — Что вы делали во дворе?

— Воздухом дышали, — отрубил Чиж. — Кстати, я тоже хотел спросить. В этой комнате... В аппаратной... Вы говорили о трех мониторах. Но там их восемь. Что, остальные пять не работают?

По лицу Ботболта, обычно невозмутимому, как кладбищенская ограда в летнее утро, пробежала тень. Или мне только показалось?

— Мониторы остались от прежнего владельца. Его убили лет пять назад. Наверное, было за что, если целых восемь мониторов не помогли, — после небольшой лживой паузы сказал Ботболт. — А мой хозяин решил, что и трех работающих будет достаточно. Я ответил на ваш вопрос?

— В общих чертах. Ладно, идемте к нашим женщинам.

* * *

...«Наши женщины» сидели в столовой и под присмотром покрытого простыней трупа Аглаи вяло переругивались.

За то время, что мы с Чижом отсутствовали, в их хорошо задекорированной неприязни друг к другу ничего не изменилось.

Напротив, она выкристаллизовалась и засверкала новыми гранями. И в отблеске этих граней по-новому засверкала женственная красота Дашки, и мужественная красота Райнера-Вернера, и даже живительные капли стеклоочистителя «Льдинка», который принял на грудь режиссер Фара. Фара по-прежнему спал, прислонившись спиной к горке с посудой. Дашка же расположилась возле камина — того, что был ближе к террасе. А Райнер-Вернер, чтобы хоть чем-то занять себя, подкладывал поленья в другой камин — тот, что был ближе к кухне. На близкие контакты они не шли, я мимоходом этому порадовалась.

Наше появление прошло незамеченным: писательницы, оправившись от первого потрясения, живо обсуждали профессиональные проблемы.

— Представляю, как теперь подскочат ее тиражи! — Минна бросила взгляд на простыню и растянула губы в завистливой улыбке.

— Это ненадолго, дорогая Минна, — Теа тоже бросила взгляд на простыню и тоже растянула губы. Но ее улыбка была скорее удовлетворенной. — Через год все и думать забудут, кто такая была Аглия Канунникова. Депутат Госдумы? Зубной техник из соседней поликлиники? Школьная подруга иллюзиониста Игоря Кио?.. Никто и не вспомнит, уверяю вас! А на место павшего бойца встанут сотни новых. Как говорится, с глаз долой — из сердца вон. Смерть хороша только для больших писателей, она их украшает и придает им монументальность. А для беллетриста это всего лишь бесславный конец карьеры.

— Вы правы, дорогая Теа, — Софья тоже решила высказаться по такому животрепещущему поводу. — Для нашего брата, сочинителя текстов, жизни после смерти не бывает.

Впервые я посмотрела на беллетристических фурий с симпатией: в чем в чем, а в здравом смысле им не откажешь.

— Ну, как вы здесь? — бодро спросил Чиж. — Успокоились, пришли в себя?

— Вы шутите? — хором воскликнули все трое. — Как можно быть спокойным на одном квадратном метре с трупом?..

— Да... Об этом я как-то не подумал.

Посрамленный Чиж наклонился к моему уху и шепнул:

— Пойдем на кухню. Только тихо.

— Зачем?

— Ну, не целоваться же! — Чиж мелко мстил мне за неудавшийся любовный блицкриг в предбаннике. — Нужно кое-что проверить.

Стараясь не шуметь, мы юркнули в коридор. Впрочем, предпринятые Чижом меры безопасности были излишни: наши скромные персоны никого

не интересовали.

Перед тем, как окопаться на кухне, Чиж сунул нос в кладовку.

— Значит, ты видела парней здесь?

— Да. Они накачались коньяком и спали.

— Понятно. Кладовку можно считать частью кухни, так что выходов здесь два: один в столовую и через нее в холл, где центральный вход. Второй — в оранжерею, через ту самую дверь, которая, по утверждению Ботболта, была закрыта. Из оранжереи опять же два выхода — один на террасу, к озеру. И другой — в столовую и холл. В котором часу ты их видела?

Я задумалась: после обеда мы были приглашены на прогулку. Эпопея со спасением утопающего немца заняла полчаса — сорок минут от силы. Потом мы вернулись. Я оставила немца на диванчике в оранжерее и отправилась на кухню. Чтобы встретить там Минну...

— Я не знаю, когда точно это произошло. Но на кухне была Минна.

— Ты говорила... Да. Не будем пока заикливаться на Минне... Ты видела их во время обеда — Доржо и Дугаржапа?

— Да. Они разносили блюда.

— И что? Они были вменяемыми?

— В каком смысле?

— Ну... Перегаром от них не несло?

— Знаешь, я не приняховалась.

— В любом случае... Они должны были еще убрать со стола и вымыть посуду, если я правильно понимаю. И привести в порядок столовую. После такой обильной трапезы с таким количеством едоков на это уйдет минут двадцать — полчаса как минимум...

— К чему ты клонишь?

— Упитья в стельку и заснуть мертвецким сном за какие-то жалкие двадцать минут — с таким талантом нужно родиться!

— Я не понимаю... Ты что, не веришь мне? Думаешь, я все придумала про бурятов и кладовку? Если уж на то пошло, у меня есть свидетельница — Минна.

— Да-да, я помню. Минна. Минна и здесь оказалась поблизости. Значит, они спали?

Теперь, после допроса с пристрастием, который учинил мне Чиж, я начала сомневаться. А были ли буряты в кладовке? И была ли вообще кладовка?

— Мне показалось, что они спали, — сдержанно ответила я. — Это же простая логика, Чиж! Два человека валяются на полу, между ними — две

пустые бутылки коньяка... Ну, скажи, что бы ты подумал на моем месте?

— Не знаю...

— Они были мертвецки пьяны, говорю тебе!

— Вот именно, *мертвецки!* — От безмятежной улыбки Чиж у меня побежали мурашки по спине.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что после обеда их никто не видел. Во всяком случае — живыми.

Я недоверчиво хихикнула.

— По-моему, ты заговариваешься.

— По-моему, мы совсем не знаем этого дома. И тех, кто в нем обитает.

— Хочешь заняться изысканиями?

Чиж накрутил на палец хохолок и, секунду подумав, честно сказал:

— Не имею ни малейшего желания.

После столь чистосердечного признания Чиж оставил в покое и кладовку, и мои скорбные воспоминания о пьянчужках. И мы наконец-то переместились на кухню. В ней ровным счетом ничего не изменилось, если, конечно, не считать исчезновения главной улики, гвоздя сегодняшнего вечера — бутылки с шампанским.

Те же стройные ряды бокалов и нестройные ряды выпивки, тот же раритетный телефон на стенке, то же крошечное окошко.

— Странное место для кухни, — изрек Чиж, обшарив глазами мебель.

— Почему же странное?

— Я имею в виду это куцее окно. Несолидно как-то. Везде азиатская роскошь и торжество евростандарта вкупе со стеклопакетами. А здесь как в деревенской бане: минимум света.

Пожалуй, Чиж был прав: кухня освещена из рук вон, даже днем без ламп не обойтись...

— Так что здесь делала Минна?

— Я не знаю. Когда я пришла, она стояла у буфета. Вот здесь.

— И чем она занималась?..

— Ну, я же не буду заглядывать ей через плечо! И потом, если учитывать ее комплекцию... Это довольно трудно сделать! Мне вообще было не до этого! — Я прикусила язык, вспомнив, как нежно относится Чиж к забубенному фрицу Рабенбауэру.

— И?..

— Когда я вошла, она страшно смутилась и уронила что-то бьющееся.

— Что?

— Не знаю... Потом она сказала... Она сказала, что ищет какую-

нибудь емкость, чтобы полить цветок. Да, именно так она и сказала: «какую-нибудь емкость, чтобы полить редкий цветок».

— А ты?

— А я спросила у нее, где находится водка или спирт. Для растирания.

— А она?

— Она указала мне на нижние полки буфета.

— На эти? — Чиж присел на корточки перед антикварным чудом и попытался открыть дверцы. Но у него ровным счетом ничего не получилось — дверцы были заперты!

— Что за черт! — громко удивилась я. — Днем они были открыты!..

— Вот как! — Оставив в покое неподдающийся буфет, Чиж переместился к столу с выпивкой. А потом нагнулся к оконцу и расплющил нос по стеклу. — Да, жаль, что мы не можем восстановить всю картину. Вот если бы... — И тут створка, тихо скрипнув — подалась. Окно не было закрыто на задвижку! Может, Ботболт проветривал кухню?

— Вот если бы я снова вышла и посмотрела на тебя через окно. А ты — на меня. Чтобы восстановить всю картину. Ты это хочешь сказать?

Чиж крикнул: он хотел сказать именно это. Тут и к гадалке ходить не надо!

— Ну... В общих чертах.

— В общих чертах пошел ты к черту!

— Не злись, я...

Окончания фразы не последовало: Чиж неожиданно упал на колени и принялся ползать по полу. И через минуту извлек из-под шкафа, стоящего как раз напротив буфета, в противоположном углу кухни, керамический черепок.

...Это осколок от той самой емкости, которую разбила Минна?

При жизни черепок принадлежал изделию, отдаленно напоминающему краснофигурную греческую вазу. На нем явно просматривались складки туники и часть ступни. Кроме того, весь черепок был покрыт несколькими слоями зубодробительного лака, что отнюдь не придавало ему исторической ценности.

— Это он?! — переспросил меня Чиж.

— Вряд ли... Во-первых, Минна стояла возле буфета, а это совсем в противоположном углу. Не мог же осколок отлететь так далеко!.. Во-вторых, ты просто больной человек, Чиж! И всех окружающих заражаешь тем же сумасшествием. А если этот кусок керамической дряни пролежал здесь с прошлого года? Или вообще со времен раскопок Трои...

— Не похоже. Ты видишь, какая здесь чистота? На кухне все

тщательно убирается. Ни единой соринки. Ему бы просто не позволили лежать здесь, этому, как ты говоришь, куску керамической дряни.

— Ну, не знаю. — В словах Чиж была определенная логика. Кухня господина Улзутуева действительно казалась вылизанной, как провинциальная церквушка накануне двенадцатого праздника Воздвижения Креста Господня.

— Здесь и знать-то нечего, достаточно разуть глаза... И в-третьих, шкаф стоит впритык к двери, посмотри! — Чиж торжествующе рассмеялся. — Двери в оранжерею... Интересно, когда именно разбилась сама ваза?

— Сегодня, — раздался за нашими спинами мягкий бас Ботболта.

Опять чертов бурят! По воздуху он летает, что ли?! Или его простая бурятская мать из простого бурятского улуса согрешила с простым бурятским привидением?

— Это опять вы, Ботболт, — недовольно поморщился Чиж. — Такое впечатление, что ваша мать согрешила с привидением. За девять месяцев до того, как вы появились на свет.

— Привидений не существует, — отрезал Ботболт. — Привидений не существует, а ваза разбилась сегодня. Но как же я не заметил этот осколок?!

Он поднял голову и указал нам на самую верхнюю полку шкафа. Там, в керамических зарослях из кувшинов, горшочков, копилков и мордатых кооперативных нимф-подсвечников, зияла теперь довольно ощутимая проплешина. Брешь на фланге сомкнутых рядов была такой наглой и лезла в глаза так назойливо, что я даже удивилась, почему не заметила ее раньше!

— Она стояла вон там.

— А потом упала и разбилась?

— Да.

— Вот так просто упала и разбилась?

— Нет, сделала кульбит в воздухе! И сальто-мортале! — не выдержала я. — Ну что ты ко всему цепляешься, Чиж! Уже и вазу заподозрил в сговоре с убийцей!

— Ничего я не заподозрил, — огрызнулся Чиж. — Посуда, стоящая на полке, просто так не бьется. И потом: эта ваза — самая крайняя в ряду. Если смотреть на нее со стороны оранжереи. Вы видели, как она разбилась?

— Нет, — секунду подумав, произнес Ботболт. — Не видел.

— Когда это произошло? Во время ужина? — Возбуждение Чижа нарастало с каждой минутой: волосы его побелели, щеки покраснели, а глаза сияли теперь нестерпимой библейской синевой. Еще секунда, и он

разразится Нагорной проповедью! Я даже залюбовалась им исподтишка, моментально изменив подборюшью господина Рабенбауэра.

— А вы откуда знаете? — Ботболт позволил себе намек на удивление. — Она разбилась, когда я нес шампанское в зал. Это имеет значение?

— Еще какое! А где осколки?

— В мусорном ведре. Я вернулся и собрал их.

— Вернулись из зала?

— Нет. До зала я тогда не дошел. Вернулся с полдороги, посмотреть, что случилось. И увидел, что осколки вазы валяются на полу.

— А шампанское?

— А шампанское я поставил сюда, на край стола.

— И сколько времени у вас ушло на то, чтобы собрать осколки?

— Не знаю... Что их собирать! Секундное дело.

— Тащите их сюда!

— Кого?

— Да осколки же!

Ботболт пожал плечами, но просьбу Чиж все-таки выполнил. Он открыл дверцы шкафчика под мойкой и выудил оттуда плотно набитый пакет из-под молока.

— Это и есть мусорное ведро? — изумился Чиж.

— Я использую это как мусорное ведро. Мусора у нас мало, и к тому же он не задерживается в доме.

Из импровизированного ведра были извлечены огрызки краснофигурной композиции числом четырнадцать. И они же спустя секунду несмотря на молчаливые протесты Ботболта, щедро усеяли пол перед шкафом.

— Сделаем так. Сейчас я засеку время, а вы по моей команде начнете собирать черепки. И старайтесь делать это в том же темпе, в котором делали тогда, во время ужина. Задача ясна?

— Чего уж неясного...

Чиж устался на часы и дал отмашку рукой. И огромный Ботболт, который мог бы без всякого ущерба для здоровья выступать в коммерческих матчах боксеров-супертяжеловесов, высунув язык от усердия, принялся хватать осколки и сбрасывать их в пакет. Оплакивая тот самый черепок, который он не заметил. На этот мартышкин труд, если верить Чижу, у него ушло ровно пятнадцать секунд.

— Мало! — нахмурился Чиж, зафиксировав время. — Мало, не успеть. Скажите, Ботболт, вы вышли из кухни, как только собрали осколки?

— Ну да.

— И больше не задерживались?

— Нет. Я собрал осколки и вытер воду...

Известие о воде пригнуло Чижа к полу. Чтобы не упасть, он даже ухватился за мой локоть.

— Воду? Вы сказали — воду?

— В вазе почему-то оказалась вода. Это странно, там ее не должно было быть... Но она там была!..

— Вот! — заверещал Чиж. — Вот оно! Вода, конечно же! Давайте повторим то же самое, но уже с водой!

— Вы хотите, чтобы я налил воды на пол? — Ботболт несказанно удивился такому эксцентрическому предложению Чижа.

— Хочу.

— Зачем? Зачем я должен разливать воду? Пол чистый, зачем же...

— Это следственный эксперимент, Ботболт. Не ломайтесь.

Только через минуту Ботболт согласился на святотатство по отношению к навощенному и натертому полу. Он достал из-под мойки чистую скатерть, которую почему-то обозвал половой тряпкой, аккуратно разложил черепки, аккуратно пролил воду и так же аккуратно принялся ее вытирать. Теперь мартышкин труд занял гораздо больше времени и вплотную приблизился к отметке «одна минута восемь секунд».

— Что теперь? — закончив, поинтересовался Ботболт.

— Ничего, — Чиж загадочно улыбнулся. — Просто у нас появилась лишняя минута. И даже чуть больше. Скажите, Ботболт, это вы заперли ящики в буфете?

— Я, а что?

— Вы всегда их запираете?

— Всегда. Стараюсь, во всяком случае.

— А зачем?

Ботболт нахмурился: стоит ли доверять первому встречному родные скелеты в шкафу? Вернее, в буфете. Но, по зрелом размышлении, решил все-таки поведать нам о малоприятных полусемейных тайнах.

— У парней проблемы с алкоголем. Не всегда, но случается. А уж если к ним на язык попал градус, все, пиши пропало. Не успокоятся, пока не вылакают все, что найдут под рукой.

— Зачем же вы держите пьяниц? — «и любителей групповой терапевтической порнолирики», мысленно добавила я. — Нашли бы непьющий персонал.

— Это не персонал, — обиделся Ботболт. — Это родственники

хозяина. Дальние, но родственники. Жили при Эцагатском дацане, но отличались порочным нравом. Потому тайше Дымбрыл и выписал их сюда. Вроде как на воспитание. И на просветленную помощь по хозяйству.

Хорошенькое «воспитание»! Хорошенькая «просветленная помощь»! Брелок «камасутра», бутылочный склеп за диваном и нахальное дрочилово перед экраном телевизора в режиме нон-стоп! Когда только они успевали тарелки перемывать и подкармливать собачек при такой напряженной и полной соблазнов жизни?..

— Дальние родственники, понятно. Дальние родственники зарились на хозяйские запасы? — поинтересовался Чиж.

— Я старался этого не допускать, — Ботболт скромно потупил глаза.

— Верю. А сегодня ящики тоже были закрыты?

— Конечно. Это был такой день! Много гостей. Много работы. За всем нужно следить... Я получил инструкции от хозяина...

Все, сказанное Ботболтом, совсем не вязалось с послеобеденной Минной. И с ее робким пребыванием на кухне. И гостеприимно распахнутыми дверцами шкафа, из которых я лично выудила две бутылки «Абсолюта» и две банки джин-тоника. Опять же по наущению Минны.

— Вы не можете их открыть?

— Конечно, — Ботболт отстегнул от пояса связку ключей на широком кольце и присел на корточки перед буфетом.

И в тот же момент и буфет, и связка, и сам Ботболт перестали для меня существовать. А все потому, что ничем не примечательное ключное кольцо украшала собой пантера! Точно такая же, какая лежала сейчас у меня в кармане!

— Какая хорошенькая, надо же! — Мой распутный язык раздвоился и выскочил изо рта прежде, чем я успела сообразить, что делаю.

Ботболт повернул ко мне массивную голову.

— Что вы имеете в виду?

Нужно было спасти положение, и я прикинулась наивной солисткой школьного хора с перекошенным бантом и спущенными гольфиками:

— Какая хорошенькая зверюшка! Никогда не видела таких оригинальных ключей!

Ботболт моментально укрыл платиновую пантеру в ладони. И ровным, недрогнувшим голосом соврал:

— Это не ключ. Это талисман. Мой личный талисман.

— А можно мне взглянуть на него? — Солистка школьного хора выдала наглое верхнее «до» второй октавы и осталась чрезвычайно довольна своей наглостью.

— Нельзя, — отрубил Ботболт. — Нельзя передавать свой талисман в чужие руки. От этого он теряет силу.

— Я и не знала... Какая жалость...

Чиж буквально испепелил меня взглядом: «Тоже, нашла время сюсюкать и эстетствовать, безмозглая идиотка!»

— Теперь будешь знать, — проскандировал он. — Не отвлекайтесь, Ботболт.

Но Ботболт и не думал отвлекаться. Он открыл дверцы буфета и отступил в сторону. И перед моими глазами снова предстали когорты спиртного. Ничего интересного в этом не было, и я, мельком взглянув на полки, уступила место Чижу. А Чиж... Чиж буквально влез в буфет.

— Так-так... Это все ваши запасы, Ботболт?

— Нет. Часть коллекционных вин и бочки с коньяком хранятся в подвале.

— А подступы к нему заминированы?

— Зачем же? — Ботболт не оценил шутки. — Подвал тоже запирается на ключ.

— Понятно. А это что такое?! — Голос Чижа дрогнул. — Что это такое, Ботболт?

Интересно, что откопал в буфете неумный Чиж? Неужели замаскированный тростником проход к Великой Китайской стене?

— Ну-ка, дайте-ка мне вашу перчатку!

— Я уже дал вам одну свою перчатку, — укоризненно сказал Ботболт. — И до сих пор не получил ее обратно!

— Кой черт! Не знаю, куда я ее сунул... Дайте вторую!

На этот раз Ботболт не стал пререкаться и безропотно вытащил из кармана перчатку, в которой обслуживал нас во время ужина. Чиж двумя пальцами ухватился за ткань и сунул перчатку в буфет. И через секунду, с величайшими предосторожностями, извлек на свет божий... початую бутылку «Veuve Cliquot Ponsardin»!

— Что скажете, Ботболт? Это та самая бутылка, из которой вы наливали шампанское в последний раз? Аглае Канунниковой, я имею в виду?

Ботболт несколько озадачился.

— Ну же, смотрите! Это она?

— Не знаю...

— Вы поставили ее сюда?

— Нет. Вы же сказали ничего здесь не трогать. Бутылка осталась стоять на столе. К ней я не прикасался.

— До тех пор, пока она не исчезла?

— Я же сказал вам... К бутылке я не прикасался и понятия не имею, куда она делась.

— Значит, это не она?

— Не знаю.

— Тогда откуда же взялась эта? Начатая? Или вы храните недопитые бутылки в шкафах?

— Нет, мы не храним недопитые бутылки в шкафах. Их мы храним в холодильнике. Но обычно...

Обычно до этого не доходит, если учесть порочные нравы Доржо и Дугаржапа, ежу понятно!..

— Лично вы ее сюда не ставили? — не унимался Чиж.

— Лично я — нет.

— Ну, хорошо...

Чижа вдруг забила мелкая дрожь, а волосы, солидаризуясь с хохолком, встали дыбом. Оператор завращал глазами и засучил руками в таком бешеном темпе, что его смело можно было назвать прелюдией к эпилептическому припадку. Во всяком случае, я нисколько не удивлюсь, если на губах у умалишенного Чижа вдруг покажется пена.

— Тебе плохо? — участливо спросила я. — Может быть, воды?

— Шампанского! — изрыгнул из себя Чиж. — Я буду пить шампанское.

— В каком смысле? — Я даже оторопела, а невозмутимый Ботболт направился к холодильнику.

— Вы не поняли... Я буду пить *это шампанское!*

— Какое? — хором воскликнули мы с Ботболтом.

— Вот это самое, — Чиж пальцем указал на бутылку, извлеченную из буфета.

Если до этого у меня еще оставались сомнения в психическом здоровье Чижа, то теперь они исчезли напрочь. «ПетяНоМожноЧиж» был опасно болен, а все мы, вместо того чтобы с почетом препроводить его в больницу им. Скворцова-Степанова, пошли у него на поводу. Да, именно так! Все это время мы выслушивали бредни сумасшедшего.

— Я буду пить это шампанское, — еще раз повторил Чиж и даже закусил губу от бесповоротности решения.

Мы с Ботболтом переглянулись.

— Может быть, не стоит шампанское? — Ботболт страдальчески приподнял брови. — Может быть, ограничьтесь виски? Или текилой? Или водкой, на худой конец?

— Не ограничусь!

— Ну, хорошо... Не хотите крепких напитков, есть замечательное вино. «Шато Доман де Шевалье»... Любой гурман продаст Родину за бутылку «Шевалье». За пробку от бутылки! Хотите?

— Не хочу! — продолжал кочевряжиться Чиж.

— А может, ликерчику, Чижевич? — встряла я. — Ликерчику, а? Самое то! Ликерчику — и баиньки.

— Я же сказал: я буду пить это шампанское. Дайте мне бокал, Ботболт!

Впрочем, нетерпение Чижа было так велико, что он не стал дожидаться Ботболта, а блохой подскочил к столу и вцепился в бокал.

И в ту же секунду я поняла: этот болван действительно опорожнит проклятую бутылку! Назло мне, назло Ботболту, назло Дашке, назло трем грациям в столовой, назло недобитому фашисту, назло спящему режиссеру, назло отсутствующему хозяину, назло трем трупам... Назло самому себе, наконец! Вот ведь твою мать! Три трупа были еще туда-сюда, они составляли классическое, воспетое мировой культурой триединство... Но четыре! Четыре — это был явный перебор!

— Нет, — дрожащим голосом сказала я и протянула руку к бутылке. — Нет, я не дам тебе пить эту гадость.

— Отпечатки! — простонал Чиж. — Не смей ее касаться, там же отпечатки!

Скорее повинувшись его властному голосу, чем вслушиваясь в слова, я отпрянула от «Veuve Cliquot Ponsardin».

— Ты идиот! А если это и есть отравленное пойло?

Чиж потер взмокший лоб и расплылся в улыбке:

— Ты переживаешь?

— Переживаю. Хватит смертей на сегодня.

— Ты переживаешь из-за этих смертей или из-за меня?

Я надолго замолчала. Я не знала, что ответить. Больше всего я переживала за себя. Вернее, за свой собственный пошатнувшийся рассудок. То, что выйти из этого трижды проклятого дома без потерь не удастся — свершившийся факт. Но и на роль наперсницы смерти я своего согласия не давала. Весь вопрос сейчас состоит в том, какой репликой закончить пьесу и как побыстрее опустить занавес. И при этом не пришибить декорациями ни в чем не повинных работников сцены.

— Ты не ответила, — напомнил о себе Чиж.

— А ты как думаешь? — осторожно сказала я.

— Хотелось бы, чтобы ты переживала из-за меня.

— Хорошо. Я переживаю из-за тебя.

— Замечательно! Но в общем... Если я правильно оценил ситуацию, ничего страшного в том, что я выпью это чертово шампанское, не будет.

— А если ты неправильно оценил ситуацию?

Чиж развел руками, что могло означать только одно: если он неправильно оценил ситуацию, то в стане дорогих покойников ожидается пополнение.

— Не нужно этого делать, Чиж... Пожалуйста.

— Я просто хочу проверить свою версию. Я подозреваю, что она верна.

— А если неверна?

— Если неверна, пусть высокое собрание выслушает последнюю волю приговоренного к смерти. Вы готовы выслушать ее, Ботболт?

Ботболт кивнул головой в знак согласия.

— Ты готова выслушать ее, Алиса?

— Может быть, для начала напишешь бумажку? — Чиж сознательно играл у меня на нервах, и я была больше не в силах сдерживаться. — В моей смерти прошу никого не винить.

— Два свидетеля. Два свидетеля — вполне достаточно. Никаких бумажек не надо. — Он опустил голову и тихим жалобным голосом попросил: — Поцелуй меня, пожалуйста.

— Что?!

— Поцелуй меня.

— Не поняла...

— Он попросил, чтобы вы его поцеловали, — просуфлировал Ботболт.

— С какой радости?

— Это — моя последняя воля. Возражения есть?

Я молчала.

— Неужели откажешься? — заканючил Чиж. — Отказать приговоренному — это все равно что пьяного обобрать! Это все равно что ребенка ударить. Это все равно что... Это все равно что дать на лапу Генсеку ООН! В рублях!..

Последний аргумент был особенно неотразим, и я решилась. Я подошла к Чижу и, закрыв глаза, поцеловала его в твердую и почему-то пахнущую бензином щеку.

— Не пойдет, — прокомментировал Чиж мой смиренный монашеский поцелуй. — Считаю, что пьяного ты уже обобрала!

В общем это соответствовало истине: я обобрала. Но не просто пьяного, а мертвого пьяного. Доржо (или Дугаржапа). Восхитительная платиновая пантера покоилась в моем кармане, и иначе, чем мародерством,

назвать это было нельзя. Увы мне, увы! Позор, презрение и анафема!..

— Я не знаю... — пролепетала я.

— Чего не знаешь? Как целоваться? Брось, ты же не проститутка! И не грудной младенец...

И прежде, чем я успела что-либо сообразить, Чиж притянул меня к себе и поцеловал в губы.

Господи, как же давно меня не целовали! Как давно меня не целовали *так!* Чиж, кем бы он ни был на самом деле, превратил поцелуй в целый ритуал, в хорошо отпечатанную программу передач с анонсами к высокорейтинговым проектам. Я получила весь набор телевизионных ощущений: от бесплотного утреннего «Голоса верующего» в начале до разнузданного «Цвета ночи» в конце. Высокодуховные христианские пожевывания и покусывания сменились глубоким бурением в стиле незабвенной «Эммануэль». Почетный член «Клуба кинопутешественников» «ПетяНоМожноЧиж» добросовестно исследовал горную цепь моих зубов и спустился в долину языка. Бессменный егерь «В мире животных» «ПетяНоМожноЧиж» сделал полный анализ микрофлоры моей слюны. «О, счастливчик!» «ПетяНоМожноЧиж» верно ответил на вопрос «Все ли в порядке с пломбами у Алисы Зданович», выбрав вариант D — «Все в порядке».

Это была чистая правда: позавчера, ровно за двое суток до рокового самолета на Питер, я вышла из платной стоматологической шарашки «Доктор Дент» со свежезапломбированным верхним резцом. Хороша же я была бы, если бы Чиж, кем бы он ни был на самом деле, нащупал дупло в моем богохульном рту!.. Но я оказалась во всеоружии!..

В какой-то момент нам обоим не хватило воздуха, и Чиж на секунду отвалился от моих разомлевших губ. Этого было достаточно, чтобы я пришла в себя и попыталась не допустить второго захода.

— Надеюсь, последняя воля приговоренного к смерти исполнена? — тяжело дыша, спросила я.

— Почти, — тяжело дыша, ответил он.

— Что значит «почти»? Надеюсь, ты не попросишь меня продемонстрировать нижнее белье и родинки в паху?

— Нет... Но вот если бы ты согласилась пообедать со мной, я был бы полностью удовлетворен.

Я сильно сомневалась, что какой-то одноразовый обед в состоянии удовлетворить мужчину больше, чем какая-то, пусть даже одноразовая, женщина, но на всякий случай решила согласиться:

— Хорошо. Я пообедаю с тобой.

— А если шампанское все-таки отравлено? — не ко времени встрял Ботболт.

— Тогда закажете поминальный пудинг за упокой моей души.

Чиж со значением посмотрел на меня, перехватил ботболтовской перчаткой матовое стекло бутылки и налил полный бокал шампанского. Судя по всему, оно давно выдохлось и даже не рискнуло выпустить пену.

— Ну, мое здоровье!..

По вискам Чижа стекали капли пота, а губы, минуту назад целовавшие меня, крупно дрожали. Отвага покинула его — в самый последний момент.

— Ну! — подстегнул оператора Ботболт. — Что же вы?

— Сейчас...

Если всю эту комедию он затеял только для того, чтобы вырвать у меня поцелуй, то...

Додумать я не успела. Чиж крикнул, хекнул, кашлянул, шмыгнул носом, втянул ноздрями воздух, закрыл глаза — и опрокинул шампанское себе в рот!

Прошло пять секунд. Десять. Пятнадцать. Двадцать. Почти остановившееся время с трудом подползло к минуте, а с Чижом ничего экстраординарного не происходило. Он стоял перед нами, раздавленный собственным безрассудством, — и был живее всех живых!

Еще спустя несколько секунд он посмотрел на часы и расплылся в самодовольной улыбке.

— Все! Все! Все! — объявил он. — Контрольное время вышло, а я жив и здоров! Что и требовалось доказать! Я жив и здоров, а значит, моя версия верна! Верна!

— Если вы такой умник, — Ботболт был явно недоволен бескровным исходом дела. — Если вы такой умник, то зачем я бегал за железным купоросом?..

Действительно, о железном купоросе, этом обличителе (если верить словам Чижа) цианида, все благополучно забыли.

А Ботболт помнил.

— Или про купорос вы сказали для красного словца?

— Нет, не для красного... Просто математически построить версию гораздо интереснее, чем довериться унылым лабораторным опытам.

— Так вы математик? — не отставал Ботболт. — Вы же сказали, что химик!

Только теперь я заметила, что Ботболт злится. Нет, внешне ничего не изменилось, и он оставался абсолютно спокойным, но под заледеневшей пергаментной кожей бурята теперь бурлила жизнь. Глаза стали чуть шире,

рот — чуть больше, а ноздри расплющились так, что покрыли собой половину щек. Чиж не оправдал его ожиданий, он мог умереть, он даже вытребовал себе посмертные льготы — и остался жив!

— Вообще-то, я оператор, — Чиж примирительно улыбнулся. — Но чистая математика интересует меня гораздо больше, чем химия. Как оказалось. Извините, если я вас расстроил.

Это прозвучало как: «Прости, старик, коньки я не откинул, хотя и старался».

— Ты обещал рассказать о версии, — напомнила я Чижу.

— Да. Я расскажу... Обязательно. Но ее должны услышать все. Убийца прежде всего.

По тому, как деловито Чиж произнес слово «убийца», стало ясно, что версия — посоленная, поперченная и обжаренная до золотистой корочки — уже готова к употреблению.

— Сделаем так, Ботболт. Вы можете отправляться к остальным. Мы с Алисой подойдем ровно через пять минут.

Ботболт, уже успевший взять себя в руки, слегка поклонился нам и исчез в коридоре.

— По-моему, он сильно расстроился из-за того, что акта самоубийства не произошло, — глядя вслед буряту, сказал Чиж.

— По-моему, ты просто идиот. Ты действительно мог погибнуть, или это был спектакль, рассчитанный на простаков?

— А ты бы жалела?

— Ни секундошки, — с легким сердцем сказала я.

— Я тебе не верю, — безапелляционности Чижа можно было только позавидовать. — Тебе совсем не понравилось?

— То, что ты остался жив?

— То, как я тебя поцеловал.

Поцелуй, поцелуй... Интересно, как целуется Райнер-Вернер? Его губы совсем непохожи на худосочный рот Чижа, его губы — мягкие и слегка припухлые, как пятки у младенцев... Интересно, какие они на вкус?..

— Прекрати! — зло бросил Чиж, и я даже вздрогнула от неожиданности.

— Что прекратить?

— Прекрати думать об этом лесе! Я же вижу! Стоишь рядом со мной и нагло сравниваешь... Мол, Петя Чиж — это так, детский лепет на лужайке! Мол, Петин поцелуй — это укусы комара, не больше. Прихлопнул и забыл. А гансик — гансик совсем другое дело! И губы у него другие. Мягкие и

слегка припухлые, как...

— Как пятки у младенцев, — раскололась я.

— Держи карман шире! Как переваренные пельмени! Кое-какой товарный вид имеется, но жрать-то невозможно!

— Кстати, насчет «жрать», — я почувствовала легкий укол совести и решила успокоить Чижа. — Если твое предложение остается в силе, мы можем пообедать. В каком-нибудь ресторанчике. Когда все закончится.

Чиж, получивший утешительный приз, сделал круг почета по кухне.

— Мне кажется, это никогда не кончится! — с горечью произнес он. — А ты что скажешь?

Я развела руками: что тут скажешь, в самом деле!

— Ты подозреваешь кого-то конкретно? Ты думаешь, это Минна?

Мой невинный вопрос вызвал у Чижа странную реакцию. Он снова принялся наматывать круги по кухне.

— Ох уж эта Минна! Она прямо как бельмо в глазу, честное слово! Куда ни кинь, везде она! Под благовидным предлогом она не пошла на прогулку, а осталась в доме. Более того, когда ты случайно... Так сказать... внепланово... заглянула на кухню, она была там и производила манипуляции с... С чем она производила манипуляции?

— Не знаю, — я вдруг почувствовала угрызения совести оттого, что днем оказалась не на высоте, не набросилась на Минну с нунчаками и ордером на арест и не потребовала от нее немедленной дачи показаний.

— И дверцы шкафа... Они были открыты. Почему они были открыты, ведь Ботболт утверждает, что спиртное обычно запирается.

— Они были открыты, потому что их открыли. Может быть, это сделали Доржо с Дугаржапом. Раз уж они такие порочные и лакают что ни попадя, то подобрать ключи к буфету для них не было проблемой...

— Ты хочешь сказать, что Минна просто воспользовалась этим?

— И не только она, — неуверенно протянула я. — Я тоже.

— Я не верю в случайности. Вернее, в цепь случайностей. Цепь случайностей — это уже закономерность. Это хорошо продуманный план. И это смущает меня больше всего.

— Что именно?

— Для того чтобы провернуть это дельце и выйти сухим из воды, преступник должен был отлично знать дом. И не просто изучить его за пару часов. Он должен был приехать с заранее заготовленным планом! Иначе ему бы просто не удалось провернуть его. Иначе он просто не открыл бы дверь на кухню.

Самое важное в этом деле — открытая дверь. И ваза на полке. Они

дали убийце выигрыш во времени и обеспечили ему стопроцентное алиби. Или почти стопроцентное.

— Стопроцентных алиби не бывает, — полгода работы со звездой детектива не прошли для меня бесследно. — Во всяком случае, так утверждает Аглая... Утверждала. Она говорила, что у каждого человека есть маленькая грязная тайна.

Чиж самым непостижимым для меня образом залился румянцем.

— У каждого человека есть маленькая грязная тайна, — повторила я. — И для того, чтобы скрыть эту маленькую грязную тайну, человек способен признаться в самом настоящем преступлении. Даже если он его не совершал. Или пойти на настоящее преступление... В настоящем преступлении есть что-то от высокой трагедии. В нем можно раскаиваться, в нем можно не раскаиваться, но оно не является постыдным.

— В отличие от маленькой грязной тайны?

— Ну да...

— Какой бред! — со вкусом сплюнул Чиж. — Где ты набралась этой псевдофилософской мути?

— Почему же мути? — обиделась я. — Разве ты не читал «Стыдливые сны»? Между прочим, они признаны лучшим детективом прошлого года...

— Кем признаны? — Щеки Чижа продолжали полыхать. — Экзальтированными журналисточками из желтой прессы? Критикессами в буклях, которые за штуку баксов объявят какую-нибудь госпожу Тютюкину или Пупкину новым Львом Толстым? Или — страшно даже подумать — новой Агатой Кристи!

— Почему же за штуку баксов? — оскорбилась я подобным расценкам.

— Правильно, необязательно за штуку. Можно и за пятьсот. И за триста.

— Можно и бесплатно. Если критикесса так думает.

— Критикесса никогда ни о чем не думает. Думать ей нечем. У нее акульки хрящи вместо мозгов. Голая мускулатура. Критикесса либо дует в задницу, либо размазывает по асфальту. Третьего не дано.

Такая яростная, такая жаркая осведомленность о жизнедеятельности книжных червей показалась мне удивительной. Я, конечно, многое могла бы порассказать Чижу о беллетристах и их церберах в лице главных редакторов издательств. Но — воздержалась.

— В конце концов, существуют рейтинги...

— Рейтинги покупаются, — безапелляционно заявил Чиж.

— Невозможно купить попсовый рейтинг! Это же не большая литература, в конце концов!

— Еще как возможно. Политику определяют не читатели, а издатели. Если издатель решил: вот звезда, значит, звезда будет. Куда ж ей деваться! При хорошей раскрутке даже «Колобок» можно выдать за триллер всех времен и народов.

— Если читатель не захочет читать...

— Да ладно тебе! Вот зритель, на него и ср... — Чиж осекся. — В смысле наваливайте большую кучу...

— Хочешь сказать, что Аглая — дутая величина?

— Не хочу.

— Вот видишь!

— О мертвых либо хорошо, либо... Сама знаешь.

Господи, о чем мы говорим? В доме с тремя трупами — о чем мы говорим!..

— Господи, о чем мы говорим, — опомнился Чиж. — В доме с тремя трупами... И вообще... Пора навестить цвет нашего детектива, ты как думаешь?

Я кивнула головой. Пора, пора навестить цвет нашего детектива, тем более что Чиж — на глазах изумленной публики — обещал разродиться своей версией преступления.

Рука об руку мы выдвинулись в коридор, но пройти его до конца так и не успели. Торжествующий вопль, похожий на трубный брачный глас архара, едва не сбил нас с ног:

— Убийца! Вот она, убийца!..

Глава 2

Через четыре с половиной часа после убийства

...В зале не было никого, кроме напрочь замороженного «Льдинкой» Фары. Пока мы с Чижом препарировали критикесс на кухне, все общество переместилось в оранжерею. Видимо, для этого существовал повод. И весьма серьезный.

В партитуре звуков центральную партию вела Минна.

Я определила это сразу же. За прошедшие несколько часов я не только научилась распознавать голоса писательниц, но и определила странную закономерность: они как угодно могли костерить друг друга, они как угодно могли друг друга ненавидеть, но голоса их пребывали в нерушимой гармонии. Жгучее, исполненное черного солнца контральто Теа, сопрано Софьи и неожиданный дискант Минны. Если бы они захотели, они смогли бы выступить очаровательным женским трио. Даже с академическим репертуаром. А исполненная ими украинская колядка «Щедрик-Ведрик» имела бы шумный успех.

— Прямо дети, ей-богу! Ни на секунду нельзя оставить! — проворчал Чиж, прислушиваясь к суматошным выкрикам из оранжереи.

— Возможно, они нашли что-то, что не удалось обнаружить тебе, — подколола я оператора. — Они ведь все-таки профессионалки.

— Профессионалов в женской беллетристике не бывает, — отбрил меня Чиж. — Там все либо поэтессы, либо заостеневшие преподаватели индустриального техникума, либо торговые агенты по совместительству.

— Ты женоненавистник?

— Я — ненавистник женолитературы... Ты, я надеюсь, не собираешься заниматься чем-нибудь подобным?

— Нет, конечно, — горячо заверила я Чижа.

— Слава всевышнему! Ладно, пойдем посмотрим, из-за чего сыр-бор разгорелся.

...Мы появились в оранжерее, когда скандал был в самом разгаре. Прямо на полу, недалеко от кадки с так приглянувшейся Минне Pachira Aquatica, валялся небольшой пластмассовый горшок с высыпавшейся из него землей. А в самой земле что-то поблескивало — радостным изумрудным блеском. Рядом с горшком прыгала Минна, а Дашка, Райнер-Вернер, Ботболт и Софья окружали ее плотным кольцом.

Теа стояла чуть поодаль.

— Что происходит? — осведомился Чиж у Минны.

— А-а! Вот и вы, Пинкертон! — Минна обрадовалась Чижу так, как будто получила из его рук внеплановую Нобелевскую премию по литературе. — Взяли на себя обязанности следователя и прохлаждаетесь! Амуры крутите!

— А в чем, собственно...

— Горите вы синим пламенем, мы тут и без вас разобрались!

— Да что случилось-то?!

— Я вывела убийцу на чистую воду! — заверещала Минна и протянула длань в сторону Теодоры-Эйприл-Вивиан-Октавии Мкамбе. — Вот она, убийца! Думала, что все будет шито-крыто! Думала, что ей удастся уйти от ответственности. Но нет! Сколько веревочке ни виться — кончику быть!

Дашка, Райнер-Вернер и Софья сдвинули брови к переносице, Теа, наоборот, приподняла их, и только Ботболт остался невозмутимым.

— По порядку, если можно! — попросил Чиж.

— Пожалуйста. Я, как вам известно, большой любитель цветов. Меня восхищает эта оранжерея. Удивительное собрание, достойное вполне уважаемого Ботанического сада! И ваш хозяин, Ботболт, обещал мне привой *Rachira Aquatica*. Вы, Алиса, были этому свидетельницей, не правда ли?

— Да. Была, — подтвердила я, удивляясь не столько памяти Минны, сколько ее циклопическому периферийному зрению. В то время, как Минна окучивала почтенного Дымбрыла Цыренжаповича на предмет *Rachira Aquatica*, я, как мне помнится, хоронилась за толстомясым кактусом и пребывала в уверенности, что Минна меня не видит. Судя по всему, я ошибалась.

— Вот видите! — несказанно обрадовалась Минна. — Алиса это подтверждает! Я переговорила с хозяином, и он разрешил мне взять привой. Конечно, события не были к нам благосклонны, но жизнь есть жизнь... Она торжествует, несмотря ни на что. Дорогую Аглаю к жизни не вернешь...

— ...а цветочек умыкнуть хочется, — вставила Теа.

Минна не обратила на ее выпад никакого внимания.

— Я решила пересадить малютку, чтобы забрать ее с собой. А заодно и детку амариллиса, очень редкий тропический вид. Заметьте, не южноафриканский, каких полно, а именно тропический...

— Самое время для пересаживания, — Теа никак не могла успокоиться. — Вы бы тогда и труп зарыли, раз уж в земле копаетесь!

— Не смейте так со мной разговаривать, убийца! — взвилась Минна.

— Дамы, дамы, успокойтесь! — Чиж решил призвать распетушившихся конкуренток к порядку. — Это неинтеллигентно!

— Неинтеллигентно называть человека убийцей, пока существует презумпция невиновности, — холодно бросила Теа.

— Продолжайте, Минна! Мы внимательно вас слушаем.

— Так вот... Пользуясь тем, что в доме наступило некоторое затишье, а милиция, судя по всему, прибудет еще не скоро, я решила заняться растениями. Взяла горшочек и лопаточку...

— Где вы взяли горшочек и лопаточку? — уточнил Чиж.

— Там, в дальнем углу, возле так называемой двери... Вы сами можете убедиться, там сложен садовый инвентарь... Так вот, я взяла горшочек и лопаточку, и когда стала набирать землю из родной кадки *Pachira Aquatica*, чтобы пересадить в нее отросточек, то... Вот что я оттуда выкопала! — Минна трагически сморщила лицо и указала пальцем на рассыпанную землю.

— И что это?

— Перстень! Перстень! Точная копия перстня, который находится сейчас на окровавленных пальцах убийцы!

Теа издала смешок, но в атмосфере общей хмурой сосредоточенности он прозвучал на редкость неубедительно.

— Ну и что?

— А вы взгляните на него внимательнее, молодые люди! — Софья, до этого скромно молчавшая, решила вставить в строку и свое лыко. — Перстенок-то с секретом!

Чиж подошел к опрокинутому горшку и поднял испачканный землей перстень.

— Редкая вещица, — сказала Минна.

— Эксклюзив, — поддержала ее Софья.

Перстень и вправду был необычным: размером с крупную сливу и с отливающей дымчато-зеленым цветом поверхностью. В отяжелевшее тело перстня были вправлены несколько камней — от бледно-салатовых до агрессивно-черных. А по ободку вился затейливый растительный орнамент.

— Не смешите меня, эксклюзив! — Теа подарила отвергшему ее обществу каннибальскую улыбку. — Эксклюзив — вот он. На моих, как выразилась дорогая Минна, окровавленных пальцах. Подарок от гражданина ЮАР, моего давнего почитателя. Черный опал, два изумруда и четыре небольших бриллианта. О каратах я умолчу, чтобы не вызвать зависть в ваших мелочных душонках. А то, что вы держите сейчас в руках

— это жалкая подделка. Фальшивка. Фуфель!

— Вы позволите ваш перстень, Теа? — Чиж был воплощенная вежливость, очевидно, он достаточно серьезно отнесся к пассажиру Теа о презумпции невиновности. — На несколько минут. Так сказать, для сравнения...

— И сравнивать нечего, — заметила Теа, но перстень с руки все же сняла.

Получив на руки «черный опал, два изумруда и четыре небольших бриллианта», Чиж растянулся на полу, положил оба перстня перед собой и вынул лупу. Но и без лупы было видно, как разительно перстни отличаются друг от друга. Теа была права: она носила на руке произведение искусства, а дымчато-зеленый самозванец лишь подчеркнул это.

Может быть, лежа в земле, в гордом одиночестве, он и мог произвести впечатление формой, размерами и окраской, но теперь, когда их стало два!.. Крупная слива съежилась, камни стушевались и выдали свою копеечную сущность, а растительный орнамент увял.

— Вы правы, Теа. Это действительно жалкая подделка... Хотя и достаточно искусно выполненная.

— Искусно? Вы шутите?

— Во всяком случае — точно. Расположение камней, и рисунок орнамента... Все совпадает. До мелочей. Есть, конечно, кое-какие неточности, вот, например, листик чуть меньше и не так повернут. Но, в общем, это хорошая работа.

Чиж неожиданно накрыл рукой перстень Теа, и случилось невероятное: его простецкий собрат снова засверкал и заискрился. И перестал быть самозванцем. И теперь вполне мог сойти за оригинал.

— Что скажете? — спросил Чиж.

— Очень философично, — подумав, ответила Теа. И недобро сверкнула глазами в сторону притихших товарок. — И очень подходит к нашему... террариуму единомышленников. Посредственность правит бал и даже может быть удобоваримой, пока не появился настоящий талант...

— Уж не себя ли вы имеете в виду, дорогая Теа? Когда заявляете о таланте? — выдохнула Минна.

— Вы, стало быть, талант, а мы, стало быть, посредственности? — выдохнула Софья.

— Заметьте, не я это продекларировала, а вы. На воре и шапка горит! — Теа даже притопнула ногой от удовольствия.

— Уж о шапке бы помолчали! Строчите по роману в месяц, и еще заикаетесь о таланте! Да вам некогда даже знаки препинания расставить! И

частицу «не» с глаголами вы всегда пишете слитно, грамотейка!

— И что из этого? Моцарт тоже страдал скорописью. Но ведь никто не отрицает, что он гений.

— Моцарта приплели, надо же! Вы не Моцарт! Вы Сальери! — Минна и Софья понимали друг друга даже не с полуслова, а с полуслога. — Мерзкая отравительница!.. Вы внимательно рассмотрели перстень, молодой человек?

— В нем есть что-то необычное? — Чиж принялся вертеть земляной найденыш в руках.

— Еще какое необычное! Он пустой внутри! Пустой, как орех! Нажмите на камешки.

Теперь и Чиж сообразил, что к чему. Он аккуратно утопил камни, и перстень с сухим щелчком раскрылся.

— Ну! Как вам это? — Минна заглянула через плечо Чижа с правой стороны. — Целый резервуар!

— Спецхранилище для яда! — Софья заглянула через плечо Чижа с левой стороны. — Этим количеством не то что трех человек, этим можно воздушно-десантную дивизию отравить! И еще останется на тыловые службы и дивизионную прачечную!

— Лихо! — Чиж обвел раскрасневшихся детективщиц ревнивым взглядом. — И что вы думаете по этому поводу, дорогие дамы?

— А что тут думать! — Минна втиснула руки в узкий каньон между грудью и животом. — Эта мерзавка с самого начала задумала погубить дорогую Аглаю. Завистница! Заказала себе точную копию и приехала сюда с двумя перстнями!..

— Один, настоящий, который всей желтой прессой растиражирован, спрятала до поры до времени, — подхватила Софья. — А подделку с ядом нацепила на палец. Сделала свое черное дело и...

— И избавилась от подделки! В землю зарыла! А настоящий обратно на палец водрузила. Как будто и не снимала вовсе! И все. Тишь, гладь и божья благодать! И это сошло бы ей с рук, поверьте мне, если бы я не стала пересаживать малыша *Rachira Aquatica*! Видно, сам бог мне помогал! — закончила Минна.

И перевела дыхание. И застыла от осознания величия своей роли. Мне даже показалось, что щеки у монументальной Минны слегка забронзовели, а на губах появился гранитный налет: теперь она вполне могла сойти за памятник. Памятник провидению и торжеству справедливости. Жаль, что в руках у меня не было мятых ромашек или окостеневших глициний, — я обязательно возложила бы их к ногам прозорливой госпожи Майерлинг.

Судя по благоговейной тишине, воцарившейся в оранжерее, все остальные думали точно так же. Все, кроме Софьи, которая просто посинела от зависти к более удачливой сопернице. Сегодня был явно не ее вечер, а отмычка в ридикюле вчистую проиграла горшочку и лопатке.

Но триумф Минны длился недолго. Он был безжалостно разрушен громкими, как артиллерийская канонада, аплодисментами Теодоры-Эйприл-Вивиан-Октавии Мкамбе.

— Bravo, Минна! Значит, бог помогал вам рыться в черноземе! И поддерживал горшочек. И направлял лопатку! — Не удостоив Минну и взглядом, Теа обернулась к буряту: — Сколько растений в вашей оранжерее, Ботболт?

— Сколько?

— Ну да, сколько? Какое количество?

Ботболт дернул себя за мочку уха.

— Никто точно не подсчитывал, но что-то около двух тысяч.

— Ага, — Теа явно не торопилась возлагать цветы к подножью мемориала имени провидицы Минны. — Значит, около двух тысяч. Но из этих двух тысяч дорогая Минна выбирает именно ту, распротак ее, пальму, под которой захоронен перстень. А до этого всячески пытается акцентировать на ней внимание. Вам не кажется это странным?

— На что вы намекаете, дорогая Теа? — тотчас же забыв о нелестном определении «мерзавка», разволновалась Минна.

— Я не намекаю. Я просто пытаюсь размышлять. И приглашаю к размышлению всех присутствующих. Вы, Алиса... Вы слышали, как дорогая Минна старалась выделить именно это растение? Как она над ним причитала?

— Слышала.

— Кто еще слышал?

— Я, — после небольшой паузы сказал Ботболт.

— Еще?

— Хозяин.

— Если я скажу, что тоже слышала, это не будет художественным преувеличением? — Теа, оправившись после нокдауна, нанесенного ей Минной, уже сама готова была отправить ее — и не в нокдаун, а в нокаут.

— Ну и что вы хотите этим доказать? — проигрывать бой Минне явно не хотелось. Особенно после такого впечатляющего хука справа.

— Ничего. Вы сделали все, чтобы свидетели отметили про себя... как это вы ее назвали? Пахиру, что ли? Все остальное дело техники. Если в первом акте заявлено ружье — в четвертом оно должно выстрелить. Если в

первом акте заявлена пальма — в четвертом под ней обязательно найдется улика. Грубо работаете, дорогая Минна. Грубо и бездарно. Чем тягаться с чеховскими постулатами, занимались бы лучше своими вампирами, ей-богу!

— Вы хотите сказать, что я сама... Я сама подложила перстень?

— Вероятность один к двум тысячам чрезвычайно мала. Вы никогда не убедите меня, что находка этой копеечной бижутерии — счастливая случайность. А тем более — в вашем случае. Вы даже рубля в «Спортлото» никогда не выигрывали. Я сама читала об этом в вашем интервью, дорогая Минна! В общем, делайте выводы сами.

— Вы... Вы... — по лицу Минны галопом пронесся синюшный призрак апоплексического удара. — Вы намекаете, что я все это подстроила?

— Умному достаточно, — ушла от прямого ответа Теа.

— Но это же клевета! Клевета! Как я могла заказать копию перстня, если я никогда не видела оригинала?!

— Зачем же так, дорогая Минна! — Моментально перестроившаяся Софья отыскала-таки возможность ущучить толстуху. — Всем известно, как госпожа Тропинина дорожит этой вещицей. Этой дорогой безделушкой. Она с ней не расстается. И в любом иллюстрированном журнале можно найти изображение их обеих. Причем крупным планом. Так что срисовать перстень и заказать его любому мало-мальски приличному ювелиру не составило бы особого труда...

Теа послала Софье исполненный благодарности взгляд и продолжила тему:

— Тем более что я подробно рассказывала о перстне в астрологической программе «Звездные камни». Куда вас, кстати, ни разу не приглашали, дорогая Минна.

— Зато меня два раза приглашали на ток-шоу «Зоопарк в кармане»! — нашлась Минна. — А вас там и близко не было!

— Тоже мне радость! Двадцать минут вещать про свою облезлую ангорскую кошку и пристраивать облезлых чужих! Популярная писательница Минна Майерлинг, видите ли, возглавляет ассоциацию помощи бездомным животным «Найди меня!».

— И я горжусь этим! Все благороднее, чем по сомнительным презентациям таскаться! И клянчить статейки про себя у пьянчужек-журналистов!

— Я никогда не клянчила статейки!

— Ах да, вы их не клянчили, вы за них платили!

— Наглая ложь! А с этой вашей ассоциацией тоже не все слава богу, — Теа сжалась в пружину, острие которой было нацелено Минне в глаз. — Говорят, вы продаете собак корейским ресторанам. За конвертируемую валюту!

— Что-о?! — Мне показалось, что Минна сейчас взорвется, и, чтобы уберечься от возможных осколков, я на всякий случай укрылась за хрупкой спиной Чижа. — Как вы смеете!..

— За что купила, за то и продаю. А что касается перстня, то сделать его копию мог кто угодно! Вот так-то. И потом, в оранжерее нашли ваш платок. Ваш, а не мой.

— Меня подставили, — плачущим голосом прошептала Минна.

— А почему вы не допускаете, что и меня могли подставить?..

— Я вас не подставляла!

— Но ведь перстень обнаружили именно вы! Да и где бы я могла хранить настоящий, пока использовала фальшивый? Не во рту же я его держала, в самом деле! У меня, в отличие от вас, даже сумочки нет!

Сумочки у Теа действительно не было. В отличие от Софьи с ее ридикюлем и Минны с ее похожим на солдатский вещмешок кисетом для табака и трубки. И Софья, и Минна носились с двумя этими почтенными вещами как курица с яйцом, и ни разу не выпустили их из рук — ни во время обеда, ни во время убийства, ни во время импровизированного расследования.

— Это еще ничего не значит, дорогая Теа. Вы могли оставить настоящий перстень где-нибудь в укромном месте в оранжерее, а потом, когда дело было сделано, просто заменить фальшивку на настоящий. Только и всего! — не сдавалась Минна. — Или спрятать его прямо на теле.

— В трусах, что ли?

— А хоть бы и в трусах! Или вот, в вашей жилетке!

Спустя секунду произошло непредвиденное: Минна шагнула к Теа и бесцеремонно распахнула полы ее желто-красного жилета. Теа и слова не успела сказать, и пальцем не успела пошевелить. А застывшему в изумлении обществу предстала совершенно удивительная картина: внутренняя поверхность жилета была усеяна карманами и кармашками различных форм, размеров и модификаций. Судя по всему, в этих любовно нашитых карманах можно было спрятать все, что угодно: от канцелярской кнопки до пары ракет средней дальности.

В оранжерее повисла кладбищенская тишина.

— Интересный у вас жилет, дорогая Теа, — проворковала Минна. Она и не думала выпускать из рук разом обмякшую мулатку. — Причуды

производителя или сами нашивали?

Теа смотрела на Минну, как кролик на удава. Казалось, она вообще не слышала вопроса.

— Так и будем молчать?

— Это... Это модель от Гая Маттиоло... — пролепетала Теа. — Я купила ее в Риме... По случаю... Она стоила мне больших денег... Тысячу восемьсот сорок один доллар...

Священное, как индийская корова, имя преуспевающего модельера не произвело на дремучую Минну никакого впечатления.

— Не дороговато ли? Или это карманы на столько потянули?

— «Единственная цель роскоши — сделать простоту замечательной»... Вам этого не понять, дорогая Минна. Ваш потолок — обувь фабрики «Скороход» и районный филиал магазина «Богатырь».

— Как, вы сказали, его зовут?

— Гай Маттиоло.

— Вы с ним знакомы?

— Господи, как я могу быть с ним знакома! — Теа попыталась вырваться из цепких лап толстухи, но лишь запуталась в них еще больше. Раздувшаяся паучиха Минна знала толк в беспечных мухах, принадлежащих к афро-русскому подвиду Тропининых-Мкамбе. Обездвижив жертву, она неожиданно так сильно тряхнула ее, что из жилета посыпались... ложки!

Самые обыкновенные чайные ложки числом три! Картинно звякнув, они картинно упали на пол и так же картинно рассыпались веером.

— Что это? — прокурорским голосом спросила Минна. — Презент сотому покупателю жилета от торгового дома имени... как его... Гая Маттиоло?

Теа молчала.

Молчали и все остальные. А Ботболт, присев на корточки, шарил руками по ложкам. Перебрав все три, он подбросил их на ладони, протер вытасненным из кармана куском белой фланели и меланхолично сказал:

— Это наше столовое серебро. Ранее принадлежало семье Отто фон Шенхаузена Бисмарка, первого канцлера Германии. Было куплено хозяином в Лондоне, на аукционе, в позапрошлом году.

— Не в Риме? — уточнила Минна.

— В Лондоне. Набор из шести штук.

— Что ж вы все не прикарманили, дорогая Теа? А ограничились только тремя? Или на развод оставили? Так сказать, для сохранения популяции?

— Сука! — процедила Теа и наконец-то вырвала полы жилета из тисков Минны.

— Я сука? — несказанно удивилась Минна. — Она ложки ворует, а я — сука? Интересное кино.

— Я не воровала ложки.

— А как они оказались в вашем тряпье за тысячу восемьсот сорок один доллар? Из воздуха материализовались?

— Понятия не имею. Может, и материализовались...

— Вы только посмотрите, какая наглость! — Минна обратилась за поддержкой к присутствующим. — Ее за руку схватили, а она утверждает, что рука не ее!

— Стыдно, дорогая Теа! — находящаяся в относительной безопасности Софья, засучив рукава, тотчас же начала формировать общественное мнение. — Правда, я теперь не знаю, стоит ли мне по-прежнему называть вас дорогой...

— В гробу я видела, как вы меня назовете!

— Нужно называть вещи своими именами. — Минна никак не могла успокоиться. — Дорогая Теа — воровка. Воровка! Домушница! А еще книги пишет! Издается миллионными тиражами.

— Не издается она миллионными тиражами, — поправила коллегу Софья. — Хотела бы издаваться, да ничего не получается! Бодливой корове бог рогов не дал.

— Кто это из нас корова? — моментально отреагировала Теа. — Во мне живого веса пятьдесят четыре килограмма! Не то, что у некоторых! Пишут о subtilных героиньках, а самим давно пора в клинику ложиться! От ожирения лечиться!

В огород сочинительницы романтических триллеров Минны Майерлинг был брошен самый увесистый за сегодняшний вечер камень. Но Минне было плевать на огород, она предпочитала сад, оранжерейные изыски и кюветки с клубнями голландских тюльпанов.

— Вы посмотрите, как она стрелки переводит, воровка! — пророкотала толстуха. — Валит с больной головы на здоровую! И ваш таинственный поклонник из ЮАР... Может, и не было никакого поклонника, а перстень этот вы украли! Умыкнули из какой-нибудь частной коллекции! С вас станется!..

Что ж, империя нанесла ответный удар, и Теа не выдержала. Она ощерила диковатые, ослепительно-белые зубы и пустила прозрачную злую слезу.

— Не троньте мой перстень своими вонючими лапами! И... если уж на

то пошло... Я что, одна должна выступать здесь в роли дешевой стриптизерки? Почему бы и вам не обнажиться?

— В каком смысле — обнажиться? — заволновался вдруг Райнер-Вернер, о существовании которого (в дымчато-зеленом свете последних событий) я как-то подзабыла. — Раздеться, что ли?

Теа презрительно осмотрела мясомолочную тушу Минны и скелет Софьи, явственно проступающий сквозь одежду.

— Н-да... Думаю, если мои коллеги начнут раздеваться, это не доставит присутствующим особого эстетического удовольствия... Прямо скажем. Пусть они вывернут сумки.

— Это еще зачем? — выдохнули обе конкурентки Теодоры-Эйприл-Вивиан-Октавии Мкамбе.

— Затем. Я отдуваться за всех не собираюсь.

— Действительно, дамы, — Чиж неожиданно принял сторону Теа. — Почему бы вам не ознакомить нас с содержимым ваших сумок?

— Это произвол, — возопила Минна.

— И нарушение закона, — гаркнула Софья. — Может быть, у вас есть ордер на обыск?

— Замечательно! — гаркнула Теа. — В отношении одних закон действует, а других можно трясти без всякой бумажки!

— Если хотите, я тоже продемонстрирую содержимое своей жилетки. И все остальные, думаю, не будут возражать. Правда?

Оранжевые лианы закачались в моих глазах и самопроизвольно принялись сворачиваться в удавки. Если сеанс коллективного стриптиза состоится, одна из них затянется на моей шее. Черт меня дернул украсть ключ-пантеру у мертвого Доржо (или Дугаржапа)!.. Черт дернул Теа украсть серебряные ложки у Хозяина! Черт дернул Минну эти ложки обнаружить! Черт дернул Чижа проявить нездоровую инициативу!.. И уже не черт дернул, а бес попутал нас всех: мы копошимся в маленьких грязных тайнах, совершенно забыв о благородном, исполненном неподдельной страсти преступлении!

Что ж, Аглая в своих «Стыдливых снах» как в воду глядела...

— Давайте, Минна! Начнем с вашего кисета.

— А почему именно с моего?

— Вы отказываетесь? — Теа больше нечего было терять, ведь ложки она уже упустила. — Вам есть что скрывать?

— Нет, но...

— Тогда в чем же дело?

— Хорошо... Но там нет ничего интересного. Кроме трубки и табака.

— Вот мы и посмотрим.

Что-то явно беспокоило Минну: грудь ее вздымалась, а подбородки нервно подрагивали.

— Я соглашусь на это... Если и дорогая Софья меня поддержит.

Железобетонная Софья не выказала никакого желания поддержать коллегу по перу.

— Неужели вы пойдете на поводу у этой своры любителей подглядывать в замочную скважину, дорогая Минна? — спросила она.

— Нет, но...

— Если дамы стесняются, мужчины могут подать им пример. Не правда ли, господин Рабенбауэр? — процедил Чиж.

— Я — гражданин Германии, — затаил старую песню Райнер-Вернер. — И у нас такие процедуры не приняты... Во всяком случае, без санкции. Я вообще вправе не производить никаких действий, не посоветовавшись с адвокатом!

— Здесь не Германия, а Россия. И у нас принято все. Так что просто будь мужиком, фриц!

«Фриц» оказался мужиком, да еще каким! Это стало ясно, как только он вывернул карманы джинсов и порылся в рубашке. На свет божий была извлечена целая коллекция презервативов и пухлое портмоне, забитое немецкими марками разного достоинства: очевидно, для того, чтобы расплачиваться с проститутками в гостиницах, стюардессами в самолетах, продавщицами в подсобках магазинов, телятницами в коровниках и с самими коровами, а также с волчицами в лесах, с синицами на ветках и журавлихами в небе — словом, со всеми женскими особями, которые только встретятся на тернистом пути Райнера-Вернера Рабенбауэра.

Содержимое жилетки Пети Чижа оказалось более целомудренным: никаких намеков на вулканический темперамент, одни лишь бесполые объективы, шурупы и контргайки, пара фотопленок, пара отверток, пара замасленных узлов какого-то механизма, пара крошечных демонстрационных аудиокассет, целый пакет цветных фильтров и записная книжка.

Ботболт разродился связкой ключей, большой, девственно-белой фланелевой салфеткой и осточертевшим всем хуже горькой редьки тесаком, Дашка — губной помадой и диктофоном («Без батареек, дорогие дамы, так что не надо волноваться»). А я — я заявила, что у меня нет ровным счетом ничего, что я чиста как завсегдатай городской бани и что если мне не верят...

Мне поверили. Тем более что моя блеклая фигура и почившая в бозе

должность секретарши почившей в бозе писательницы никого не волновали.

Минна и Софья — вот кого все оставили на десерт.

— Ну-с! — звездный час Теа все-таки наступил. — Теперь вы, дорогие дамы.

Дорогие дамы стояли плечо к плечу и имели самый удручающий вид.

— Я хочу предупредить... — синхронно начали они и тут же посмотрели друг на друга.

— Сначала вы, дорогая Софья.

— Нет вы, дорогая Минна. По старшинству.

— А с чего вы взяли, что я старше вас?!

— Вычитала в справочнике «Кто есть кто в российском шоу-бизнесе».

Известие о справочнике привело поникшую было Минну в самое благодушное настроение.

— Значит, вы видели его? Не правда ли, хорошо издан? Вы, кажется, там тоже фигурируете?

— Да, — скромно потупилась Софья.

Минна бросила торжествующий взгляд на Теа и не смогла удержаться от шпильки:

— А вы — нет, воровка! Очевидно, составители пронюхали о ваших порочных наклонностях!

— В гробу я видела ваш купленный справочник! — Теа потеряла серебряное колечко в носу. — А вот в каталоге «Сто самых ярких звезд России» вас и близко не было. Мы с дорогой Аглаей, царствие ей небесное, были, а вас не было! Вы там и не ночевали, голубушки!

Минна с Софьей переглянулись:

— Да его на корню купили, этот пресловутый «Сто самых ярких звезд России»! Всем известно, что финансируется он вшивыми америкашками, которые спят и видят, как бы принизить величие нашей Родины! Вот и печатают там, с позволения сказать, рыла, которые дискредитируют страну! Ваше, например!

— Значит, у меня рыло? Может, и у дорогой Аглаи — рыло?!

Это был провокационный вопрос, особенно, если учесть, что Аглая, покрытая простыней, лежала в соседнем помещении. А клеймо убийцы витало в воздухе, раздумывая, к чьей бы щеке прилипнуть.

— Не трогайте дорогую Аглаю, жалкая клептоманка! — замахала руками Минна.

— Да! Не трогайте классика жанра, мелкая расхитительница! Дорогая Аглая теперь принадлежит истории, и оспорить этого не может никто! —

замахала руками Софья.

— Вот как вы заговорили! А совсем недавно готовы были ее с дерьмом сожрать!

— А вы не готовы были ее с дерьмом сожрать?!

— Где тут сожрать, когда вы стояли первые в очереди на кормежку! С ложками наперевес!

— С какими это ложками? — Софья и Минна даже взяли за руки от полноты чувств. — Уж не с теми ли, которые вы слямзили?..

Ситуация явно выходила из-под контроля: еще несколько оскорбительных реплик — и почтенные беллетристки, представляющие разные (в основном — филейные) части детектива, вцепятся друг другу в волосы. А, учитывая массу Минны и оцетинившийся и совершенно мистический рот Софьи — Теодоре Тропининой придется туго.

Чтобы не допустить ненужного кровопускания, Чиж громко постучал ребром ладони по стволу *Rachira Aquatica* — виновницы нынешнего скандала.

— Дамы, дамы! Будьте благоразумны! И давайте вернемся к существу дела.

— Да. Давайте вернемся. — Теа сразу же успокоилась и отпрянула от двух воительниц, как от свиноматок, зараженных ящуром. — Сумки!

Призыв о сумках снова заставил Минну и Софью приуныть.

— Хорошо, — выдавила из себя Минна. — Начну я... Но мне хотелось бы... Мне хотелось бы заранее извиниться. Дело в том, что произошло небольшое недоразумение. Видите ли... Я почувствовала себя плохо... А у меня, как я уже говорила, хронический гайморит. И воспаление носовых пазух. А поскольку какая-то сво... Кто-то из присутствующих умыкнул мой платок, а все остальные платки находились наверху, в моей комнате...

— Короче! — грубо прикрикнула Теа.

— Я... позаимствовала салфеточку... Для носа... Вот!

С этими словами Минна вывернула на пол содержимое кисета: теперь к антикварной трубке и вполне современной жестяной коробке с табаком прибавилось несколько туго свернутых кусков нежнейшей ткани. Даже в поспешно-спеленутом виде они поразили меня своей строгой обветренной красотой и нежными переливами — от светло-песочного до красно-кирпичного.

Пока я восхищалась игрой цвета и дыханием пустыни, коснувшимся моего лица, Ботболт деловито развернул салфетки: их оказалось ровно четыре штуки. Изумительные сами по себе, они были украшены такой же изумительной арабской вязью.

— Пятнадцатый век, ручная работа, — провозгласил он. — Священные письма из стран Магриба. Были куплены хозяином на аукционе в Нью-Йорке в прошлом году.

Стало так тихо, что, если бы в оранжерее вдруг забились о стекло сонная зимняя муха, у всех просто полопались бы барабанные перепонки.

— Как вы сказали? Пятнадцатый век?.. Господи, какой конфуз!.. А я-то думала... Какой конфуз, господи!..

На Минну было жалко смотреть: она съежилась, усохла в плечах и подбородке и моментально перескочила из шестидесятого размера в пятьдесят шестой. А то и пятьдесят четвертый. Зато Теа торжествовала:

— Какой уж тут конфуз, дорогая Минна! Это не конфуз, а самое настоящее воровство!

— Это недоразумение... Они просто лежали... Я подумала, что это салфеточка... Я ничего не знала про пятнадцатый век и священные письма из стран Магриба!..

— Да ладно вам целку-то из себя строить! — Теа, только что пережившая публичную порку, была особенно беспощадна. — Не знала она! Прекрасно знала! Даже не специалист поймет, что вещь старая и ценная.

— Клянусь вам...

— Не клянитесь! У клятвопреступников руки отсыхают и язык отваливается! А еще обзывала меня жалкой клептоманкой! Мерзавкой! Воровкой! Домушницей! Сама — ворюга последняя! Тьфу на вас!..

— Нелепая случайность, — продолжала вяло отбиваться Минна. Впрочем, без особого успеха.

— А что их четыре штуки — тоже случайность? Четыре-то вам зачем понадобились? Если вы, как говорите, нос решили вытереть! Четырмя сразу? По две на каждую ноздрю?!

— Они просто прилипли друг к другу... Три другие я просто не заметила!

— Ах, не заметили! Ну вы и поганка, дорогая Минна, — секунду подумав, Теа вернула толстухе подачу. — Правда, я теперь не знаю, стоит ли мне по-прежнему называть вас дорогой...

Софья, до этого молчавшая, неожиданно выступила вперед:

— Лично я оправдываться не собираюсь, но хочу сообщить... Одна из вещей в доме показалась мне подозрительной. А именно — нож. Похожий нож проходил у нас по одному делу об убийстве. Так вот. Я взяла этот нож. Чтобы отдать его на экспертизу. Сами понимаете: убийство — вещь серьезная! Я как раз хотела сообщить об этом нашему другу Ботболту, ни в

коей мере не желая бросить тень на его хозяина. Но...

— Но? — спросила Теа.

— Но? — спросила Минна.

— ...но не успела. А сейчас сообщаю. Вот так.

Софья открыла ридикюль и победно вознесла над головой узкий серебряный стилет, рукоять которого была украшена камнями. По красоте и изяществу стилет мог поспорить со священными письменами из стран Магриба. А то и превзойти их.

Ботболт подошел к Софье, вынул стилет у нее из пальцев, обмахнул его фланелью и уже привычно забубнил:

— Червленое серебро, дамасская сталь, два рубина и надпись на клинке «Cominus et eminus». «Вблизи и вдали». Принадлежал гемуэзскому дожу шестнадцатого века. Был куплен хозяином на аукционе в Париже в этом году.

— Уж не гемуэзский ли дож проходил у вас по делу об убийстве? — съязвила Теа. — Старик, видимо, хорошо сохранился...

— Не ваше дело. Разглашать тайны следствия я не собираюсь!

— А вот вы — вы не просто воровка, Софья! Вы к тому же еще и пошлая лгунья. Свистнули кинжал для своих нужд и прикрываетесь святым именем закона!.. Хотя бы прессы устыдились.

Упоминание о прессы, в лице моей бывшей подруги Дашки и ее диктофона без батареек, а также инициативного болвана Чижана, заставило писательниц присмиреть и снова объединиться перед лицом опасности.

Только что они готовы были перерезать друг другу глотки и пропустить в образовавшееся отверстие языки — и вот теперь взаимная неприязнь улетучилась как дым. Не то чтобы они перестали ненавидеть друг друга, нет — теперь для ненависти было гораздо больше оснований. Но прессы!.. Не нужно было обладать особым воображением, чтобы представить восторженный гул бульварных газет!

«ТЕОДОРА ТРОПИНИНА ИГРАЕТНА КРАДЕННЫХ ЛОЖКАХ»

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ МИННЫ МАЙЕРЛИНГ,ИЛИ К ЧЕМУ ПРИВОДИТ ЛЮБОВЬК СВЯЩЕННЫМ ТЕКСТАМ»

«СОФЬЯ САФЬЯНОВАДАЕТ ФОРУ МАТЕРЫМ УГОЛОВНИКАМ»

И это еще были бы самые щадящие заголовки! Да и хищно вытянувшийся нос Дашки никаких сомнений не оставлял: эта сдаст гореворонок с потрохами!

Первой оценила ситуацию Теа.

— Господи! Мы совсем с ума сошли, — патетически воскликнула она. — Возводим мелкие несуразицы в ранг преступления, в то время как настоящий преступник вольготно расхаживает между нами! Нужно говорить о главном — об убийстве. А не делать из мухи слона! Наша дорогая Минна решила просто прочистить нос, а ее огульно обвиняют в краже каких-то кусков ткани, которым и цена-то три копейки!

— Восемнадцать тысяч долларов, — смиренно поправил Теа Ботболт.

— Может быть, у вас и чек сохранился? На покупку? — парировала Теа.

— Нет, но есть бумаги...

Теа демонстративно повернулась к Ботболту спиной и продолжила:

— А кинжал! Это же смех в раю! Где гарантия того, что он — не копия ножа, который действительно фигурировал в преступлении?

— Нет такой гарантии! — хором ответствовали Минна и Софья.

— Вот видите! Так что наша дорогая Софья поступила как настоящий профессионал сыска, и ее бдительность заслуживает только поощрения! Я уже не говорю о приснопамятных ложках! С этими ложками нужно еще разобраться, равно как и с пьяницами из вашей obsługi! Вместо того чтобы следить за порядком, разбрасывают столовые приборы где ни попадя! Две ложки я лично подобрала у мойки! А еще одну — у камина!

— Точно! — обрадовалась Минна. — Я сама видела, как две ложки валялись у мойки!

— А я видела третью у камина! — обрадовалась Софья. — Я еще подумала тогда: нужно разобраться с пьяницами из obsługi, которые спустя рукава относятся к своим обязанностям! Сама хотела ее поднять, эту злополучную ложку, да дорогая Теа меня опередила!

— Да-да! — обрадовалась Теа. — Мы с вами едва руками не столкнулись, помните?

— Конечно же, помню!..

Я понятия не имела, какими писательницами были на самом деле СС, ТТ и ММ — плохими или очень плохими, но по части изворотливости они могли обскать всех классиков, вместе взятых!

— Вам не кажется, дорогие дамы, что кто-то специально пытается навести тень на плетень? — Теа, казалось, источала аромат мирта и роз. —

И уводит нас в сомнительные следственные эксперименты по поводу злосчастных предметов обихода? Вместо того, чтобы сосредоточиться на убийстве!

— Кажется, — подтвердила Минна.

— Еще как кажется! — подтвердила Софья.

— Вот и отлично! — Чиж, чутко реагирующий на время «Х», вышел из тени Pachira Aquatica. — Давайте сосредоточимся на убийстве. И если уж речь зашла о следственном эксперименте... Вы не против, чтобы мы провели его?..

* * *

...Следственный эксперимент с треском провалился.

Это стало ясно спустя час, под завязку набитый руганью, препирательствами и взаимными оскорблениями.

Начиналось же все довольно безоблачно — ровно настолько, насколько вообще может быть безоблачным пребывание в одном помещении с трупом. Чиж, взявший на себя роль следователя, попросил дам выслушать версию, которую он все это время отработывал. И которая показалась ему если не единственно возможной, то самой вероятной.

— Речь идет об очень небольшом временном промежутке, — трясся хохолком, объявил он. — О нескольких минутах, в течение которых было совершено убийство. Первое из трех. И самое главное. Два других убийства можно считать случайностью, форс-мажорными обстоятельствами. Молодые люди, Доржо и Дугаржап, оказались в ненужное время в ненужном месте.

— Что это значит, голубчик? — задала наивный вопрос Минна.

— Очевидно, они стали невольными свидетелями того, как готовилось убийство. Если вы помните, стол, на котором находилась бутылка... Предположительно с цианидом... так вот, стол этот стоит вплотную к окну. Я специально выходил на улицу и исследовал снег возле окна. Он вытоптан, и на нем осталось множество следов и окурки, из чего легко сделать вывод, что покойные Доржо и Дугаржап некоторое время простояли возле окна и увидели то, что не должны были видеть. Допускаю, что сами они могли и не придать значения происходящему на кухне. Но наш изворотливый убийца, заметив их, сразу же смекнул, что, когда

преступление станет свершившимся фактом и начнутся допросы свидетелей, Доржо и Дугаржап могут дать бесценные сведения. Они сообщат компетентным органам о том, кого видели за окном, и тем самым точно укажут на убийцу...

Я слушала Чижа, раскрыв рот. И дело было даже не в том, что звонил он складно. А в том, что все заслуги по исследованию снега у окна он присвоил себе! Как будто меня там и близко не было, как будто не я прикрывала его тылы, когда собаки гнались за нами по пятам! Как будто не он целовал меня в пропахшей убийством кухне!.. Ловкий сукин сын, нечего сказать!

— Теперь о временном факторе, — продолжал витийствовать Чиж. — Временной фактор имеет в нашем случае решающее значение. Я сказал о нескольких минутах... Возможно, я неточно выразился. Решающими могли стать не минуты, а секунды. Убийца, с которым мы имеем дело, не просто умный и хладнокровный человек. Это человек, обладающий недюжинным математическим умом и таким же недюжинным поэтическим воображением. Он вынашивал план убийства Аглаи Канунниковой давно. Более того, он угрожал ей! За несколько месяцев до сегодняшнего рокового вечера. Но об этом вам лучше расскажет Алиса, личный секретарь покойной. Прошу!

Я бросила на Чижа испепеляющий взгляд. Гнусный придаток к видеокамере решил сдать меня с потрохами! Эпистолярно-цветочная эпопея, которую я холила и лелеяла, которую кормила с ложечки в надежде передать ее правоохранительным органам крепенькой и здоровенькой, — эпистолярно-цветочная эпопея должна быть озвучена! Да еще в присутствии убийцы, который сам ее и затеял! И которому принадлежит жесткая и полная конкретики фраза **«БОЙСЯ ЦВЕТОВ, СУКА!»**.

— Ну, что же вы, Алиса! — подбодрили меня дамы. — Рассказывайте!

Семь пар глаз уставились на меня с живым любопытством. Но смотреть в эти глаза мне не хотелось. За их блеском, за их радужной оболочкой, в прозрачном садке глазного дна, отфыркиваясь, отплевываясь и поигрывая плавниками, и сейчас резвился убийца. До него было рукой подать, и никто больше не стоял между нами. Аглая, до сих пор защищавшая меня своим беспечным детским безрассудством, умерла.

Она умерла. Она была мертва. И Доржо с Дугаржапом тоже были мертвы. Невинные круглолицые пьянчужки, вся вина которых заключалась в том, что они увидели чуть больше, чем должны были увидеть. Но, может статься, что они не видели ничего, и тогда смерть их не только нелепа, но и несправедлива! Кто даст гарантию, что меня не ждет та же участь?..

— Мы вас внимательно слушаем!

Они действительно сгорали от нетерпения, и я решилась. Привязав свой страх к позвоночному столбу, я поведала о письме, в очередной раз на бешеной скорости проехав мимо голосовавшего на обочине слова «сука!» (употреблять его в контексте Аглаи мне снова не захотелось). И о цветах, служивших прямым продолжением письма. Но стоило мне только упомянуть о них, как жрица оранжерей Минна Майерлинг оживилась.

— Что это были за цветы, деточка? — добрым учительским голосом спросила она.

— Желтые гвоздики... Их приносили несколько раз. А сегодня... Уже здесь, в доме, Аглае подбросили цветок в комнату.

— Какой цветок?

— Он и сейчас у нее на груди. Приколот к вырезу... Я протестовала, но Аглая не стала даже слушать...

— Да-да, я обратила внимание... Вы знаете, что это за цветок?

— Честно говоря, до сегодняшнего дня я ничего подобного не видела.

— Это камелия. Вам что-нибудь говорит термин «язык цветов»? — Минна, эта любительница носовых платков за восемнадцать тысяч долларов, начала теснить меня грудью, а я...

Я мысленно костерила себя на все лады! Ну, конечно же, именно я — я, а никто другой — проявила преступную халатность! Именно я, зная, что Аглае угрожают, ровнехонько сидела на своей заднице и даже не поинтересовалась историей предмета. И нельзя исключить, что все эти гепатитные гвоздички и малокровные камелии сказали бы мне больше, чем записка угрожающего содержания!..

— Камелия — цветок, означающий внезапную смерть, милая моя. Цветы камелии держатся на ветке недостаточно прочно, отсюда и их грустное назначение. Что касается желтых гвоздик — это символ презрения. В цветах есть масса нюансов, и нюансов не всегда удобных. Вереск может посочувствовать вашему одиночеству, а гортензия — подчеркнет холодность. Опасайтесь анемонов — доброжелатели не упустят случая напомнить вам о том, что вы страдаете неизлечимой болезнью... Я уже не говорю о базилике — у него печальная участь. Ненависть и отвращение, вот что он означает!

До сих пор голос Минны убаюкивал меня, но при упоминании базилика сон как рукой сняло... Черт возьми, Райнер-Вернер! Райнер-Вернер, отметивший свой первый приход к Аглае дурацким желтым пакетом с базиликом! Я инстинктивно повернула голову в сторону немца: полная безмятежность. Или он и думать забыл о базилике, или... Или

удачно маскируется!

Впрочем, я тут же с негодованием отвергла эту мысль. Если кому и была невыгодна смерть Аглаи, то в первую очередь господину Рабенбауэру. Несмотря на легкомысленный презервативный эскорт, Райнер-Вернер был профессионалом, жаждавшим заполучить для перевода книги Канунниковой. Ее смерть, как ни крути, лишала Райнера куска детективного пирога. И вряд ли способствовала росту его благосостояния, приправленного сосисками и тушеной капустой. При хорошем раскладе немец мог затариться работой на год вперед, теперь же из безвременно погибшего канунниковского вымени не выдоить и капли свободно конвертируемого молока. Нет, немец здесь ни при чем. Да и разве могут быть кровожадными этот безволосый торс, и распухшие от собственной значительности мускулы, и бесхитростные икры, и... и то, что до сих пор было скрыто от меня — сначала за пеленой джинсовой ткани, а потом — за мягким верблюжьим одеялом...

Неизвестно (вернее, хорошо известно), куда бы я забрела в своих фантазиях, если бы не Чиж, который снова перехватил инициативу. После моей вяло откатанной обязательной программы наступила очередь его произвольной.

— Я не буду настаивать на том, что моя версия является единственно верной, — начал Чиж. — Но она имеет право на существование так же, как и все другие. В этой версии есть два ключевых момента: дверь, соединяющая оранжерею с кухней, и разбитая ваза.

— Что это еще за разбитая ваза? — спросила Софья. — До сих пор речь шла только о разбитом бокале.

— На кухне мной был найден черепок от керамической вазы. Он и стал окончательным звеном, которое позволило восстановить всю цепочку. Сейчас я попытаюсь снова выстроить ее.

— Валяйте, — хихикнула Минна.

— Дуйте до горы! — хихикнула Теа.

— Вам подсобные рабочие не требуются? — хихикнула Софья. — Мы тоже можем кирпичи класть. И получше вашего!

Пафос Чижа развеселил дам, хотя это была натужная веселость.

— Смелее, молодой человек! — хихикнули все трое. — А мы вам поможем. Включим, так сказать, коллективный разум.

— Скорее уж коллективное безумие, — фыркнула Дарья. Она и не пыталась скрывать свое весьма ироничное отношение к сочинительницам текстов.

— Итак, возьмем за точку отсчета момент, когда Аглая Канунникова

разбила бокал. Кто-нибудь помнит этот момент? — От осознания величия своей роли Чиж даже пустил петуха.

Судя по наступившей тишине, этот момент помнили. И достаточно хорошо.

— Если он еще не стерся из вашей памяти, то попрошу занять места, на которых вас застало это событие.

Страстный призыв Чижа сделал свое дело: в зале началось движение, которое — при известном полете воображения — можно было назвать броуновским. Оно проходило под лозунгом «Вас здесь не стояло». Минна, Софья и Теа принялись толкаться на одном пятачке — между камином и выходом в холл с оружием. Они безошибочно выбрали самую дальнюю точку от Великого шелкового пути убийцы. Они не хотели иметь ничего общего с оранжереей, из которой убийца отправился с караваном, грузенным цианистым калием.

Места у камина было не так уж много, и дамы, сжав зубы и сдвинув брови, по очереди выдавливали друг друга. Перевес был явно на стороне Минны: стоило ей только повести грудью, как Теа и Софья оказывались отброшенными на несколько метров. После нескольких бесплодных попыток штурма каминной высотки Теа взбунтовалась:

— Да что же это такое, дорогая Минна! Всем известно, что здесь, у камина, находилась я! Я, а не вы! Я озябла и грелась весь вечер! Всем известно, что во мне течет солнцелюбивая африканская кровь!

— Всем известно, что у меня — гайморит, — пробубнила Минна. — И мои носовые пазухи нуждаются в тепле. А где еще найти тепло, как не возле камина!

— В оранжерее, — ехидно подсказала Софья. — Там как раз субтропический климат. Тем более что вы из нее не вылезали!

— Я не вылезала?

— Вы!

— Да я и была там пару раз, не больше! Две трубки за вечер — это максимум, что я могу себе позволить! А вот вы — вы шмалили свои пахитоски одну за другой! И уж если кто там и торчал весь вечер, так это вы!

— А не вы ли говорили, что вам хочется остаться в этой дивной оранжерее навсегда? Стать, так сказать, скромной лианой! Сассапарилем, плющом и этой... как ее... актинидией!

— Да-да, — подтвердила Теа. — Я тоже слышала про актинидию. Вы очень громко и назойливо ей восхищались.

— И сейчас восхищаюсь. Но это дела не меняет. Я гораздо реже

курила трубку, чем вы — сигареты!..

— Зато дольше! — сразу же нашлась Софья. — Да еще призывали всех прогуляться под сенью пальм.

— Вот именно — всех. Я не стремилась уединиться.

— А зачем же тогда уединялись?

— Вы тоже уединялись!..

— Послушайте, фрау, — подал голос Райнер-Вернер, без всяких заморочек закрепившийся на простом и ясном месте возле шахматной доски. — Зачем же спорить? Зачем спорить, ведь у нас была видеокамера. И оператор, который вел съемку. Странно, что герр Чиж до сих не показал нам отснятый материал! Все вопросы отпали бы сами собой.

Безыскусные и такие здравомыслящие слова немца произвели эффект разорвавшейся бомбы.

— Натюрлих! — пропела Дашка. — У нас же была видеокамера!

— Была, — подтвердила Минна.

— Была, — подтвердила Теа.

— Была и есть, — заключила Софья. — Тогда о чем мы спорим? Пусть молодой человек покажет нам отснятый материал.

Известие о собственном орудии труда застало Чижа врасплох. Он почему-то покраснел, побледнел и позеленел и сразу же стал похож на свой собственный комплект светофильтров.

— Ну, не знаю... Я отснял довольно большой объем... Потребуется много времени, чтобы отсмотреть его...

— А разве мы куда-то торопимся? — Дашка подняла брови. — Времени у нас вагон, судя по всему.

— Я хотел бы передать пленку следственным органам...

— До этих органов нужно еще добраться. К тому же вы сами говорили о следственном эксперименте. Камера в этом случае — просто подарок небес. Возможно, она поможет установить всю картину происшедшего.

— Не думаю.

— Да что с вами такое! — Дашка явно начала терять терпение. — Вы же так ратовали за истину! Всех здесь на уши поставили!

— Ну, хорошо. Я покажу... Если Ботболт поможет мне с кассетами и телевизором. Хорошо...

...Ничего хорошего в пленке не оказалось. Это стало ясно на двадцатой минуте просмотра. Ажиотаж возле экрана сменился нервными смешками, затем настала очередь ехидных замечаний, затем — недоуменно поджатых ртов и всеобщего холодного осуждения. А когда все повернулись к беспомощному изображению спинами, судьба Пети Чижа была решена.

— Стыдно, молодой человек, — сказала Минна.

— И непрофессионально, — сказала Теа.

— Решать свои личные проблемы за счет общественной, как я полагаю, пленки — это просто наглость, — заключила Софья. — Куда смотрит ваш режиссер?

Режиссер в данный момент просматривал антарктические алкогольные сны, но от этого не было легче — ни Чижу, ни мне.

— Ты, я смотрю, пользуешься большим успехом, — Дашка даже потрепала меня по щеке. — Сначала немецкий орангутанг, теперь еще и эта отечественная мартышка... На месте орангутанга я оторвала бы мартышке хвост. Так беспардонно снимать чужую и к тому же почти замужнюю женщину! На всех кадрах ты, только ты и снова ты. Очень красноречиво, ничего не скажешь.

Крыть было нечем, и я подавленно молчала. Увиденное потрясло меня не меньше, чем всех остальных. Дашка нисколько не преувеличивала — мое собственное, весьма скромное изображение перло из каждого кадра. Я в блеклый фас, я — в незадавшийся профиль. Я пялюсь на кого-то, кто находится за пределами объектива (судя по омерзительно-плотоядному выражению лица — на Райнера-Вернера). Я морщусь нос, я дергаю мочку уха, я почесываю подбородок (хорошо что не задницу!). Я улыбаюсь, я хмурюсь, я оттопыриваю губу, и я же ее закусываю. Во всем этом подглядывании было что-то гнусное, что-то непристойное — что-то, что роднило вполне невинную пленку с самой разнузданной порнографией. Той самой порнографией, под присмотром которой очоурились Доржо и Дугаржап.

— Кстати, почему вы все время уединяетесь с этим типом? Наставляешь немцу рога с отечественным производителем? Не ожидала!

— Не говори глупостей!

— Ну и как он целуется? — не унималась Дашка.

— Отвратительно, — я сказала это машинально и тут же прикусила язык.

— Ну, ты всегда была извращенкой. А теперь еще и в нимфоманки записалась.

Это было слишком, особенно если учесть мой извечный целибат, лишь по недоразумению нарушенный Бывшим, и целую дивизию разномастных Дашкиных пенисов-«дорогуш».

— Кто бы говорил! — проблеяла я.

— Во всяком случае, я не обжимаюсь с мужиками при трупах, — Дашка явно намекала на инцидент с Райнером-Вернером, от одного

воспоминания о котором у меня до сих пор стыдливо полыхала задница.

— Пошла ты... — зло бросила я.

— Я бы пошла... — Дашке было совершенно наплевать на мою злость. — Я бы пошла. Туда, куда ты меня посылаешь... Да все здешние корневища уже заняты. Тобой.

Выслушивать Дарьины пошлости дальше было невыносимо, и, наскоро отлепившись от нее, я направилась к Чижу.

— Можно тебя на минутку? Нужно поговорить.

Чиж кивнул и понуро поплелся за мной в оружейный холл.

Я остановилась возле коллекции турецких ятаганов, слегка разбавленной палашами и парными ножами-вкладышами. Холодное оружие, вот что мне сейчас было жизненно необходимо. Ятаган справится с кишками подлого Чижа за минуту, а для того, чтобы размозжить костистый Чижовый череп, хватит и одного удара палаша. А ножи! Соблазнительная, блестящая, как кожа после любви, сталь! Ну как тут устоять и не перерезать жалкое птичье горло!..

Но я устояла. И ограничилась лишь пощечиной.

— За что? — кротко спросил Чиж.

— За все, — кротко ответила я. — За твою хамскую пленку прежде всего!

— Это почему же она хамская?

— Почему? Ты еще спрашиваешь почему?! Кто тебе позволил... Что ты ко мне привязался, филер несчастный?!

— Я к тебе не привязывался. Это она.

— Кто — она? — опешила я.

— Камера. Честное слово. У меня и в мыслях не было.

— Ах, в мыслях не было! — Я снова ударила Чижа, но не ладонью, а сжатым кулаком. Теперь удар пришелся ему в скулу.

— Нет, правда, — Чиж не обратил никакого внимания на затрецину. — Она сама выбирает, кого снимать. Она иногда такие пенки выдает — закачаешься! Вроде снимаешь одно, а получается совсем другое.

— Не морочь мне голову!

— Да она мне самому голову морочит, камера! Делает, что хочет! Эстетка! Если ей кто-то не понравился, все, пиши пропало! По стенке размажет, такую картинку выдаст, что хоть святых выноси! А если уж понравился... До смерти залижет. Хвостом будет вилять и в глаза заглядывать. Так что все претензии к ней.

— Ты идиот? — в очередной раз осенило меня.

— Во-первых, ты это уже говорила. А, во-вторых, — идиот не я,

идiotка она. «SONY Betacam». Если хочешь, я могу дать тебе ее технический паспорт. Там все реквизиты. Напишешь рекламацию, может, полегчает...

— Не полегчает!

Я снова зашарила глазами по сборищу ятаганов. Чиж перехватил мой взгляд и заволновался.

— Вот только без глупостей! Хватит с нас и трех трупов... Вспомни, ты сама это говорила!..

К черту изысканную нежность холодного оружия! Сейчас я самым жлобским образом вцеплюсь ему в волосы. И вырву с мясом преступный фазаний хохол!..

Пока я примеривалась, как бы половчее ухватиться за патлы оператора, на мое плечо легла чья-то горячая рука. И по искажившейся от брезгливой ненависти физиономии Чижа я сразу же поняла — чья именно.

Райнер-Вернер. Сексуал и дешевка.

— Что случилось? — рявкнула я.

— Вас ждут, Петр. Хотя вы и разочаровали наших женщин, но они готовы выслушать вашу версию происшедшего.

— Да-да. Уже иду, — сказал Чиж, не двигаясь с места.

— Вас ждут, — снова повторил Райнер. — Разве вы не слышали, что я сказал? Или мой русский так плох?

— Отвратителен!

— Неужели? — Немец снисходительно улыбнулся тщедушному оператору. — А по-моему, у меня нет даже акцента.

— Есть, — продолжал глупо упорствовать Чиж.

— Ну, даже если и есть... Некоторым женщинам это нравится. Не правда ли, Алиса?

Я молчала. Просто потому, что мне нечем было дышать. Да и стоит мне только открыть рот, как в него тотчас же забьется тестостерон, усиленно вырабатываемый обоими самцами. А то, что самцы активизировались, было видно невооруженным глазом: они нагнули головы, чтобы побольнее ударить друг друга несуществующими рогами, они втянули животы и распустили губы, они даже стали выделять едва слышный запах! Мощный Райнер-Вернер — агрессивно-терпкий мускус, а слабосильный Чиж — что-то отдаленно напоминающее портяночный одеколон «Красная Москва».

Черт возьми, неужели это все из-за меня?!

Я едва не хлопнулась в обморок от такого поворота событий. Чиж — еще куда ни шло, но Райнер! Красавчик, атлет, гибрид платяного шкафа с

вибратором, как сказала когда-то Аглая... А мышцы! Гладкие мышцы, поперечнополосатые мышцы и мышца сердечная... И где она, эта сердечная мышца? И есть ли она вообще, или вместо сердца у ослепительного душки Райнера-Вернера Рабенбауэра один большой през...

— Некоторым женщинам это нравится. Не правда ли, Алиса? — снова повторил Райнер.

Что ж, он поступил так, как и должен был поступить: он предоставил право выбора мне. И теперь терпеливо ждал, кого же я выберу, — красавчика-культуриста или вегетативный отросток взбалмошной камеры «SONY Betacam». И он был уверен в выборе.

И я была в нем уверена.

— Да, — сказала я. — Конечно же. Небольшой акцент придает мужчине шарм, чего уж тут скрывать. Он делает мужчину неотразимым.

— Значит, тебе это нравится? — Голос Чиж был так безнадежно грустен, что я даже на секунду пожалела его. Но только на секунду.

— Мне это нравится.

— Я понял.

Опустив голову, Чиж побрел в зал, а Райнер-Вернер слегка придержал меня за плечо.

— Я его понимаю, — рога для завоевания самки отпали сами собой, и во всем облике Райнера появилось что-то голубиное.

— Понимаете?

— Он первым разглядел вас... К сожалению. Я только сейчас понял, какая вы... Эта пленка, она раскрыла мне глаза! Вы красивая, вы настоящая русская красавица... Вы помните, что я обязан вам жизнью?

Теперь, после всего происшедшего, инцидент с прорубью казался мне курьезом, ничего не значащим эпизодом, любительским ансамблем, выступающим на разогреве всего остального шоу: шоу с тремя трупами.

Но мне не хотелось думать об убийстве: голос немца обволакивал меня, соблазнял и просил о таком же соблазнении.

— Может быть, мы поднимемся наверх, в нашу комнату? — шепнул мне Райнер-Вернер.

— А зачем? — Похоже, я рождена только для того, чтобы нести чушь.

— Чтобы получше узнать друг друга. Мне нужно многое вам сказать...

— По-моему, вы уже начали говорить! — сказала я, беспомощно наблюдая, как немец расстегивает пуговицу у меня на груди.

— Это далеко не все, что я хочу вам сказать!

Гори все огнем, едва держась на ватных ногах, подумала я. Гори все огнем! Изменить прошлое невозможно, а вот настоящее... Внезапно

вспыхнувшую страсть Райнера-Вернера можно объяснить только помутнением мозгов. Еще бы, увеселительная прогулка за город обернулась связкой трупов, тут и у закаленного политуры и дефолтами совка крыша поедет. А что уж говорить о тепличных немцах, которые ничего страшнее холодного бигоса не видели!..

— Да, — бессвязно прошептала я. — Да, да, да... Мне тоже нужно многое вам сказать!

Еще мгновение — и мы будем в коридоре. А там и до лестницы рукой подать. А на лестнице уже можно расстегивать те немногие пуговицы, которые не успел расстегнуть Райнер-Вернер. Ослепительный Райнер-Вернер... Волшебный Райнер-Вернер... Само совершенство Райнер-Вернер...

Но до лестницы мы так и не дошли. Как не дошли и до коридора: в дверном проеме маячил горный массив по имени Ботболт.

— Позвольте нам пройти, — немец, несмотря на стесненное дыхание и некоторые подвижки в паху, был предельно вежлив.

— Куда? — Ботболт и не думал освобождать проход, напротив, он намертво прилип к косяку.

— Нам нужно подняться к себе.

— Зачем?

— Обсудить... обсудить сложившуюся ситуацию.

— Сложившуюся ситуацию уже обсуждают, — походя заметил Ботболт, и принялся вытирать вечно-белой фланелью лишь ему заметное пятнышко на дверном косяке.

— ...обсудить сложившуюся ситуацию в более узком кругу.

Ботболт покачал головой, и мне стало ясно, что наверх он нас не пропустит. Ни при каких условиях. За слоноподобным Ботболтом настолько явно просматривалась комариная фигура Чиж, что я даже поморщилась. Хитрый оператор, потерпев фиаско в открытой борьбе, воспользовался запрещенным приемом: подослал к нам вышибалу, связываться с которым было так же бесперспективно, как и плевать против ветра. Даже у накачанного Райнера не было никаких шансов против этой невозмутимой горы бурятского мяса.

Но каков подлец Чиж! Жаль, жаль, что я не треснула его палашом по башке!

— Вам лучше вернуться в столовую, — посоветовал Ботболт.

— Нам лучше знать, что делать, — Райнер-Вернер все еще пытался сохранить лицо.

— В доме произошло несчастье. И в ваших интересах никуда не

отлучаться. Быть на виду. Чтобы избежать ненужных проблем в дальнейшем.

Что ж, приходится признать, что Райнеру-Вернеру нет равных только в битве за самку. Во всем остальном — это обычный среднестатистический мужичонка. А среднестатистические мужичонки никогда не связываются с вышибалами. Особенно, если у вышибал такие равнодушные, такие уверенные в себе лица. И никакими рогами их не забодать, и никакими мускусными выделениями их не заставить обратиться в бегство.

— Что ж, пойдёмте, Алиса... Надеюсь, в этом доме найдется уголок...

Уголок, чтобы сорвать с меня одежду! Уголок, чтобы сорвать одежду с умопомрачительного немца... О, если бы он только нашелся, этот уголок!..

— Не найдется. Я же сказал, всем быть на виду, — процедил Ботболт и наконец-то отпал от дверного косяка. И медленно погнал нас в сторону зала. Как каких-нибудь зазевавшихся сайгаков.

* * *

...Стоило нам войти в столовую, как мы сразу же попали в эпицентр вялого тайфуна, именовавшегося «версия Чиж». Чиж не удостоил нас и взглядом. Вернее, Чиж не удостоил взглядом меня. А через секунду вообще повернулся ко мне спиной. Что тут поделывать, я оказалась самой обычной, узко мыслящей куклой, каких две дюжины на десяток. Я предпочла артистизму и изобретательности Чиж, его хохолку и жилетке самого обычного туполобого мэна, каких две дюжины на десяток. Я разочаровала Чиж, и теперь его спина злорадно семафорила мне: «Ну что, деятельница, ухватила свой кусок баварской сардельки? Для этого не стоило ехать в такую даль и становиться свидетельницей убийства. Для этого просто нужно было открыть любую газетенку с брачными объявлениями и найти рубрику «замуж за иностранца». И прочесть художественно оформленную эпитафию: «Состоятельный немец привлекательной наружности ищет русскую дуру (желательно круглую), которая готова повесить свою губу на его крючок. Письмо с фотографией ускорит встречу...»

— Вот и недостающие участники драмы, — сказал Чиж, так и не соизволив повернуться. — Если мне не изменяет память, вы оба стояли возле шахматной доски.

— Да, — ответил за нас обоих Райнер. — Я играл с фрау Аглаей в

шахматы, а фройляйн Алиса наблюдала за нашей игрой.

— Что вы можете сказать относительно всех остальных?

— Я не помню точно... Я был увлечен игрой. Но мне кажется, что фройляйн Дарья тоже располагалась неподалеку. Она смотрела телевизор. И, по-моему, была увлечена каким-то фильмом...

— А другие женщины?

Райнер-Вернер извинительно развел руками, что могло означать только одно: какое мне, цветущему молодому человеку, дело до старых кляч, флиртовать с которыми — все равно что флиртовать с мумией фараона Аменхотепа!..

— Нашли у кого спрашивать, — фыркнула Минна. — Разве не видно, что это типичный дамский угодник!

— Ему до нас и дела не было, — фыркнула Теа.

— Ему молоденьких подавай! — фыркнула Софья, и бесполезный свидетель Райнер-Вернер отпал сам собой.

— А что вы можете сказать, Алиса? — Чиж все-таки обратился ко мне — только для того, чтобы обрушить на мою несчастную голову дубину холодно-отстраненного «вы». Вот и все, вот так Петя Чиж бьет линейкой по пальцам отступниц!

— Вряд ли я могу добавить что-либо существенное к тому, что сказал герр Рабенбауэр. Я наблюдала за игрой.

— Ну, надо же, какое повальное увлечение шахматами! — встряла Теа. — Прямо не дом, а Нью-Васюки какие-то! Вы случайно турниры здесь не проводите, Ботболт?

Ботболт отрицательно покачал головой, и Чиж перекинулся на Дашку:

— А вы что скажете, Дарья?

— А за меня уже все сказали. Я наблюдала за телевизором. Была увлечена фильмом. Хичкок. «Леди исчезает». По-моему, очень актуально.

— Врет! — уличили Дашку Минна и Теа.

— Врет и не краснеет! — уличила Дашку Софья. — Мы же с вами вместе примерно в это время выходили в оранжерею курить! Если вы были так увлечены фильмом, стали бы вы покидать столовую?!

— Стала бы. Терпеть не могу рекламу, а фильм как раз прервали на рекламный блок.

СС, ТТ и ММ заскрежетали челюстями. А потом начали препираться, кто, когда и сколько раз выпадал из столовой и выскакивал в оранжерею. Ничего хорошего из этого не вышло. Тем более что, кроме оранжереи, Теа, Минна и Дашка два раза отлучались в дамскую комнату, а Софья посетила ее трижды («все из-за коньяка, он необычайно меня расслабляет»). А Теа

даже выдвинула оригинальную идею бесконечных отлучек:

— С некоторыми из присутствующих трудно даже одним воздухом дышать. Вот и выскакиваешь периодически, кислороду глотнуть, чтобы не помереть от удушья.

Помимо путаницы с отлучками выяснилось, что ни у кого из присутствующих нет надежного алиби, базирующегося на показаниях хотя бы двух человек. Все скромно ограничились одним свидетелем, показания которого можно было легко опровергнуть. И выкатить бочку своих контрпоказаний. Я просто диву давалась, как такое небольшое количество людей на такой, довольно небольшой, площади не смогло уследить друг за другом. И только когда Теа едва не плюнула Софье в лицо, а Софья едва не растоптала брошку Минны, а Минна едва не вырвала у Теа кольцо из носа, я поняла тактику писательниц, невольно поддержанную всеми остальными. *Главным было не обелить себя, а очернить другого.*

Видимо, та же счастливая мысль пришла и в голову Чижу. Поняв, что в столовой ловить нечего, он направил людской поток в оранжерею. Здесь, в условиях, максимально приближенных к боевым, Чиж принялся за изложение своей версии.

Она была не лишена изящества сама по себе, но теперь, согретая дыханием Чижа, приобрела еще и стойкий сюрреалистический запах.

— Как я уже говорил, мы имеем дело не просто с убийцей, — сверкая глазами, начал Чиж. — Мы имеем дело со своего рода поэтом, тонко чувствующим человеком. С человеком, реакция которого на любое событие, пусть даже самое незначительное, мгновенна. Кроме того, он умеет выжидать. И он основательно подготовился к сегодняшнему вечеру. Он узнал о существовании двери.

— Интересно, когда это он успел узнать о существовании двери? — спросила Теа.

— Между обедом и ужином прошло достаточное количество времени. Несколько часов. Этого было вполне достаточно, чтобы изучить дом. Особенно, если ты имеешь вполне определенную цель. И свободный доступ к цели.

— Все знают, что после обеда мы отправились на прогулку, — заслуженная работница прокуратуры Софья Сафьянова посмотрела на Чижа с ревнивым неудовольствием. — И собрались здесь буквально через полчаса после того, как вернулись.

— Ну, не все вернулись в одно время, — протянула Теа.

— Что вы имеете в виду, дорогая Теа? — прошипела Софья, покрываясь красными пятнами.

— Сразу по возвращении я встретила Ботболта, с которым вы, кажется, осваивали сноуборд. Так вот, он сообщил мне, что ищет вас уже час. Чтобы вернуть вам сумочку, которую вы у него забыли.

— И вы не сунули в нее свой закольцованный нос? — Софья нашла в себе силы желчно улыбнуться.

Теа на секунду задумалась и принялась вращать головой во все стороны.

— Ботболт! — позвала она.

— Ботболт скоро подойдет, — успокоил Теа Чиж. — У него возникла какая-то мысль насчет починки телефона.

— Ну, хорошо, когда наш азиатский друг вернется, он подтвердит, что сумочка случайно выпала из его рук и случайно раскрылась.

— Уж не вашими ли молитвами?

— Как вы смеете! — оскорбилась охотница за фамильным серебром канцлера Бисмарка. — Так вот, сумочка случайно раскрылась, и из нее выпали какие-то порошки.

— На порошки у меня есть рецепт, — зачастила Софья. — Это снотворное. Барбитал. Я плохо сплю в последнее время.

— Что, мучает стыд за написанное, дорогая Софья?

— Это только у вас ни стыда ни совести, дорогая Теа. А уж с вашими пошлейшими текстами не то что снотворное пить — в петлю лезть надо!..

Так резво начавшийся анализ ситуации покатился — в который уже раз! — прямиком к писательской склоке. Но Чиж был начеку, придержал взмыленных дам на повороте и сделал вид, что впервые слышит о порошках:

— Не отвлекайтесь, Теа. Значит, вы нашли у Софьи порошки?

— Снотворное, — успела вставить Софья.

— И не только порошки! — Теа торжествовала. — Но и нечто, отдаленно напоминающее отмычку.

— Какую отмычку?! — взвилась Софья. — Нет у меня никакой отмычки!

— А вы покажите ваши ключи!

— Только в присутствии адвоката. Я законы знаю! Я — старый прокурорский работник! — взять Софью за рубль двадцать было невозможно.

— Ну, хорошо. Будем ждать адвоката. И прокурора заодно. И служебно-розыскную собаку. Тем не менее факт остается фактом: вы со всей этой сомнительной полууголовной хреновиной в сумке вернулись с прогулки на час раньше, дорогая Софья!

— Когда захотела, тогда и вернулась, дорогая Теа! Но это ничего не значит. Неужели вы думаете, что если бы убийцей была я, то я не позаботилась бы об алиби? И поставила успех мероприятия в зависимость от показаний какого-то болвана! И уж тем более я никогда бы не оставила у него сумочку. С уликами, прямо указывающими на меня! По-моему, у вас разжижение мозгов, дорогая Теа. А все потому, что строчите по четырнадцать романов в год.

— По десять...

— Неважно! Лучше меньше, да лучше! А вот с вами — с вами тоже еще нужно разобраться. Я отправилась кататься на сноуборде вместе с Ботболтом. Переводчик и секретарша тоже вышли вместе. Дорогая Аглая отправилась гулять с хозяином...

— Если кого-то интересует, то мы с режиссером Фарой катались на снегоходах, — вставила Дашка, но Софья даже не удостоила ее взглядом: в битве титанов такое карликовое образование, как журналистка Дарья Валикова (бывшая Ставицкая, бывшая Улюкаева-Гессен), принципиальной роли не играло.

— ...И только вы провели время в гордом одиночестве, дорогая Теа, только вы! Не было ли это запланировано заранее?

— Я люблю прогуливаться одна... Что же в этом дурного, дорогая Софья?

— Ничего. Особенно, если никто не может подтвердить вашего присутствия в доме. Или опровергнуть отсутствие. К тому же нам не стоит забывать о фальшивом перстне. Как ни крути, но только вы могли воспользоваться им открыто. А настоящий переложить в карманы жилетки, поближе к ложечкам... И потом, откуда у вас этот пластырь? Вы порезались?

Науськиваемые Софьей, все уставились на пластырь на указательном пальце мулатки. А Теа... Теа молчала. Странно, что такой простой вопрос поставил ее в тупик.

— Ну, что с вами? Язык отсох? Прежде чем к другим рога совать, свои тылы бы прикрыли! — Софья так увлеклась ролью обличительницы, что перешла на грубый и зримый язык однородной следовательской массы. — За обедом у вас этого пластыря не было, а перед ужином — пожалуйста, появился! Может быть, вы усердно вскрывали ту самую дверь, о которой теперь так печетесь?!

— Это собака, — не выдержала Теа. — Собака Аглаи, царствие ей небесное, цапнула меня за палец! Только и всего!

— Хорошего человека собака не укусит, дорогая Теа. Так что

присутствующие могут сделать вывод...

Но Теа дожидаться выводов не стала. Тем более что Софья, выбив из рук мулатки все козыри, оставила ей один-единственный, но зато почти неубиенный: пиковую даму с тремя подбородками и брошью под Палех.

— Вы как-то совсем не упоминаете о нашей дорогой Минне. Которая все это время и носу на улицу не показывала. Совсем напротив, демонстративно осталась в оранжерее. И бог весть что все это время делала.

— Что значит — «бог весть что»? — возмутилась Минна. — Я любовалась богатейшей коллекцией флоры. Цветы умиротворяют меня, возвращают к жизни...

— После очередного опуса о зомби, не так ли? — ввернула Софья.

— Возможно... У каждого свои методы психологической реабилитации.

— Только бедный читатель этой реабилитации лишен! — Теа, очевидно сочувствуя среднестатистическому потребителю книжной жвачки, затрясла головой. — А ведь ему после прочтения ваших триллеров требуется если не психиатр, то, во всяком случае, психоаналитик!.. И вот еще что, дорогая Минна... Почему вы решили пересаживать ваш цветок вечером, после убийства? Ведь гораздо удобнее было сделать это днем. Когда никто не мешал. Удобнее и логичнее.

— Почему? — растерянно переспросила Минна.

— Действительно, почему? — многолетняя служба в бухгалтерии прокуратуры не прошла для Софьи даром, и теперь она сыпала аналитическими выкладками направо и налево. — Уж не потому ли, что *пересаживать цветок днем не было смысла?* Ведь преступление еще не было совершено, и, следовательно, фальшивый перстень не сыграл еще своей роли!

— Вы намекаете на то... Что это я — убийца?

— Я намекаю на то, что все мы находимся в равной ситуации. Только и всего... — Софья улыбнулась. — Но мы несколько отвлеклись от версии нашего молодого друга. Продолжайте, Петр...

Чиж с трудом отвел от Софьи кроличий взгляд.

— Продолжайте, молодой человек. И не обращайтесь внимания на наши препирательства. Я просто хотела еще раз напомнить, что никто из нас не имеет стопроцентного алиби. А те немногие улики, которые вы собрали, могут свидетельствовать против любого.

— Тогда я продолжу, если вы не возражаете... Думаю, все произошло следующим образом: убийца ищет подходящий момент, чтобы отравить

Аглаю Канунникову. Но сделать это прямо на месте, в столовой, где постоянно кто-то находится и к тому же работает видеокамера, не представляется возможным...

Я вздохнула. Если бы убийца знал, *что именно* снимает на камеру Чиж, его путь к преступлению не был бы столь тернист и сложен.

— То, что произошло возле шахматной доски, становится для него подарком судьбы. Если вы помните, Ботболт принес ровно столько бокалов, сколько человек находилось в зале. Исключая меня, разумеется. Все это время я снимал... Так вот, когда Аглая разбила бокал, убийца понял, что кому-то из присутствующих шампанского не достанется. Скорее всего — самой Аглае. Ведь инцидент с бокалом произошел уже после того, как Ботболт отошел от шахматной доски. Поправьте меня, если я неверно излагаю ситуацию.

— Вы верно излагаете ситуацию, — скрепя сердце подтвердил Райнер-Вернер.

— Последний бокал с подноса...

— Последний бокал с подноса взяла я, — откликнулась Дашка. — Как раз в тот момент, когда его намеревалась взять сама Канунникова. Вы помните эту сцену? Она так хотела меня унижить, просто из трусов выпрыгивала! Если честно, мне вообще показалось, что она разбила свое шампанское специально. Чтобы отправить Ботболта еще за одним и чтобы все как дураки ждали ее. А как она кочевряжилась! Французские стихи читала! Тащила одеяло на себя. Мол, знайте, холопы, кто хозяин жизни!

Я хорошо понимала Дашку, тем более что сходные мысли по поводу шампанского и Аглаиных выкрутасов посетили меня еще тогда.

— Мы не будем сейчас обсуждать Аглаю Канунникову, — повысил голос Чиж. — Речь не о ней, а об убийце. Итак, шампанского Аглае не достается, и она отправляет Ботболта принести новый бокал. И, следовательно, существует ненулевая вероятность, что исполнительный Ботболт принесет только одно шампанское. Ведь все остальные бокалы уже розданы. И Ботболт действительно приносит только один бокал.

— А если бы он принес несколько? — поинтересовался Райнер-Вернер.

— Скорее всего, убийца попытался бы опрокинуть поднос. Лишние жертвы были ему ни к чему. Ведь его интересовала только Аглая, до других ему не было дела. Недаром же несколько месяцев подряд он слал ей цветы угрожающего содержания. *Но все дело в том, что убийца точно знал, что Ботболт вернется с одним бокалом!* Он находился на кухне, когда Ботболт наливал шампанское. Он следил за ним!

— Следил?

— Да. Из-за приоткрытой двери в оранжерею! И к большому счастью убийцы, а также к большому несчастью Аглаи Канунниковой, Ботболт принес только один бокал. И шампанское в нем оказалось отравленным. В отличие от того шампанского, которое выпили вы все. Чтобы наполнить восемь бокалов плюс один, понадобится полторы бутылки. Или чуть меньше. Следовательно, Ботболт опорожнил одну бутылку и открыл вторую. И оставил ее стоять на столе. У убийцы было не так много времени, чтобы насыпать в нее яд. А именно — с того момента, как Аглая разбила бокал и до того момента, как Ботболт вернулся с шампанским. Но и это еще не все. Убийца должен был взять и *свой бокал* с подноса. Иначе бы количество людей и количество бокалов совпали, и Аглае не пришлось бы посылать Ботболта за новой порцией... И все мероприятие потеряло бы смысл. Вместе со своим бокалом он отправляется в оранжерею, в которой легко можно потеряться — стоит лишь только сделать шаг в сторону от любой дорожки. И бежит на кухню. Там он всыпает яд в бутылку и тем же путем возвращается обратно. И присоединяется ко всем остальным.

И — в первом ряду партера — наблюдает за гибелью Аглаи Канунниковой. Есть нюансы, которые еще предстоит выяснить. Например, в буфете была спрятана еще одна начатая бутылка. На этот раз — с совершенно обычным шампанским, без всяких примесей яда. Скорее всего, убийца впоследствии собирался подменить бутылки, но что-то вспугнуло его в самый последний момент... Что-то или кто-то. Возможно, это и были покойные Доржо и Дугаржап...

Софья, до этого внимательно слушавшая Чижю, неожиданно перебила его самым бесцеремонным образом:

— Все это выглядит довольно правдоподобно, молодой человек. За исключением одной маленькой детали...

— Какой же?

— Ваше утверждение о том, что убийца якобы следил за Ботболтом на кухне. Он воспользовался оранжереей, чтобы пройти туда и выйти оттуда, насколько я поняла?

— Да.

— И выйти из кухни он должен был уже после того, как убедился, что Ботболт ограничился одним бокалом?

— Да.

— Но тогда ваша версия не выдерживает никакой критики! Когда Ботболт вернулся в столовую, все были в сборе! Я могу чего-то не помнить, но это я помню точно! Дорогая Аглая сразу же взяла шампанское. И после

ее короткой речи все сдвинули бокалы и чокнулись!

— Я помню это. Я сам это снимал.

Отражение моего лица в Аглаином бокале — это уж наверняка, с тоской подумала я. И — ошиблась.

— Да. Это вы сняли. Хотя бы это. Единственное место на пленке, где вы решили отклеиться от своей зазнобы, — Софья посмотрела на меня со скрытой неприязнью. — И снято это более-менее прилично. Во всяком случае, в кадре присутствуют все, не правда ли, дорогие дамы?

— Все верно. Мы специально просмотрели конец пленки, — подтвердила Минна.

— Самый конец, — подтвердила Теа.

— В то время, как вы уединились... С предметом ваших вздыханий, — добавила Софья.

Вот оно что! Значит, пока я — совершенно бесплатно — раздавала Чижу зуботычины в оружейном зале, дамы быстренько промотали пленку на финал — в сладостной и почти несбыточной надежде увидеть закат Аглаиной карьеры. И, черт возьми, они увидели его! И Чиж подыграл им в этом...

— Кстати, о пленке... — Софья сменила свое всегдашнее сопрано на контральто. — Вы не могли бы сделать мне копию, дорогой Петр?

— И мне, — Теа сменила свое всегдашнее контральто на церковный бас.

— И мне, — Минна сменила свой всегдашний высокий дискант на низкий альт. — Это ведь не составит для вас особого труда?

— Не составит, — растерянно пропищал Чиж.

Ну и стервы, подумала я. Стервы, нежданно-негаданно получившие власть над умирающей видео-Аглаей. Я живо представила, как каждый вечер Аглая будет на бис падать на пол в гребаных видеоманитофонах СС, ТТ и ММ, — и по спине у меня поползли мурашки.

А Софья как ни в чем не бывало продолжила:

— Так вот, на этой пленке, копию которой вы нам уже пообещали, запечатлен финал драмы, я бы даже сказала — высокой трагедии, — и даже вы умудрились его не испортить! — Софья осеклась. — Я выразилась в том смысле, что на ней видно, что происходит в зале. Дорогая Аглая берет бокал у только что — заметьте, у только что подошедшего Ботболта — и при этом все уже стоят рядом с ней. Все до единого! Ведь это же она предложила тост, не так ли?..

— Да, я помню.

— Но тогда объясните мне, каким образом убийца успел вернуться в

зал раньше Ботболта?! Ведь это физически невозможно. Путь через оранжерею гораздо длиннее, чем через коридор! Во-первых, там клумба, которую вы сами нам показали. И ее надо было перепрыгнуть! А это не так-то просто, учитывая ее ширину и, к примеру, комплектацию нашей дорогой Минны! Которая так торопилась, что даже платок потеряла...

— Вы опять намекаете! — заныла Минна.

— Да нет же, я говорю, «к примеру»... Во-вторых, убийце нужно было еще спрятать фальшивый перстень, ведь для чего-то он зарыл его в землю, не так ли!.. И, возможно, надеть на палец настоящий...

— Вы опять намекаете! — заныла Теа.

— Да нет же, я говорю: «на все требуется время». А если убийца поступил именно так, как об этом нам рассказывает Петр, — у него не было никаких шансов вернуться в зал раньше Ботболта!.. А он вернулся, и отснятая вами пленка — лучшее тому подтверждение!

Выслушав столь страстный и не лишенный логики монолог Софьи, Чиж выдержал паузу и тихонько хихикнул.

— Вот! Вот мы и подходим к самому главному! Я уже говорил вам об осколках вазы. Не так ли?

— Да, — после непродолжительного молчания нехотя призналась Софья. — Говорили. И что из того? Не тяните!

— вспомните, что Ботболт вынул из своих карманов, когда все мы демонстрировали их содержимое?

Воспоминание о ревизии личных вещей автоматически влекло за собой воспоминание о ложках Бисмарка, священных письменах из стран Магриба и стилете генуэзского дожа — и не очень-то понравилось дамам.

— Что он вынул? — процедила Софья. — Гнусный тесак.

— И гнусную связку ключей, — процедила Теа.

— А еще?

— Все, — процедила Минна.

— Вы не очень-то наблюдательны, — бухнул Чиж. — Фланелевая салфетка! Ботболт носил с собой в кармане фланелевую салфетку. И очень часто ею пользовался.

— Да-да... Все время ею что-то протирал, — осенило Софью.

— Как будто затирали отпечатки! — осенило Теа.

— Как будто он преступник! — осенило Минну. — А может, он и есть убийца?!

— Нет, — поспешил разочаровать беллетристок Чиж. — Не думаю. Мне кажется, его единственное преступление состоит в том, что он питает патологическую склонность к чистоте и порядку. Такие случаи известны в

клинической психиатрии. Чистота и порядок становятся манией, навязчивой идеей. Сама идея беспорядка и хотя бы малейшего намека на хаос для таких людей невыносима. Вы заметили, какой порядок царит в доме?.. И вот именно этим свойством Ботболта и воспользовался наш убийца. Я перехожу к главной части версии и прошу внимательно выслушать ее, чтобы оценить красоту замысла. Итак, как я уже говорил, Ботболт возвращается на кухню и наливает в бокал шампанское. Убийца следит за ним из-за приоткрытой двери. Убедившись, что бокал на подносе один и Ботболт вместе с шампанским двинулся в сторону зала, убийца немедленно появляется на кухне, географию которой уже успел изучить досконально. Он знает, что вплотную к этой потайной двери примыкает шкаф со стоящей на нем керамикой. Что делает убийца?

— Что? — насторожились детективницы. — Что делает убийца?!

— Убийца сбрасывает ближнюю к нему вазу на пол и спокойно удаляется.

— Только и всего? — разочарованно протянули все трое классиков жанра. — На что он рассчитывал?

— Это был гениальный ход и гениальное использование психопатических склонностей другого человека. — Чиж с опаской оглянулся на дверь оранжереи, из которой в любую минуту мог появиться психопат Ботболт. — Убийца знал, что Ботболт обязательно вернется, услышав шум на кухне. Шум означал нарушение порядка. И Ботболт, ведомый своими психопатическими склонностями, действительно вернулся. С полпути. И что же он увидел?

— Что? — беллетристки смотрела на Чижа во все глаза. — Что такого он мог увидеть, кроме разбитой вазы на полу?

— И небольшой лужицы воды, — добавил Чиж. — Но это была не просто разбитая ваза! И не просто пролитая вода.

— А что же еще? — коллективно перепугались дамы.

— Это были погрязшие устои. Покушение на гармонию. Зловещее родимое пятно на теле чистоты и порядка. И Ботболт, опять же ведомый своими порочными аккуратистскими инстинктами, оставил поднос с шампанским. И принялся собирать осколки. И вытирать лужицу. Тотчас же. Немедленно. Забыв о том, что в зале его ждут девять человек, включая меня. Девять гостей его хозяина. На приведение кухни в первоначальный вид у Ботболта ушло чуть больше минуты, а у убийцы эта минута появилась. Как раз для того, чтобы, не затрачивая особых усилий и не сбивая дыхания, вернуться в зал и присоединиться ко всем остальным. В течение этой минуты он успел практически все: бросил на пол платок, зарыл под

пальмой перстень... Впрочем, он и сам знает, что сделал. Лучше, чем кто бы то ни было.

Чиж вытер со лба бисеринки пота и обвел глазами притихших беллетристок. И притихшую Дашку. И совсем уж притихшего Райнера-Вернера. Но снова, как и пятнадцать минут назад, даже не взглянул в мою сторону. Нельзя сказать, чтобы это как-то особенно расстроило меня, но... Лучше бы мы с Райнером-Вернером уединились в каком-нибудь укромном уголке. Под раскоряченными стволами манго. Под раскоряченными ступнями Будды...

— Я прав? — спросил Чиж, обращаясь ко всем сразу. И только к одному.

К убийце.

Все инстинктивно почувствовали это и отступили — и от Чижа, и друг от друга. Теперь каждый был сам за себя.

— Ну что ж, ваша версия не лишена оригинальности, Петр! — с легкой завистью заметила Софья. — Совсем не лишена оригинальности.

— Очень поэтично, — с легкой завистью заметила Минна. — Жаль, конечно, что не пролилось ни одной капли крови. Кровь бы украсила ваш рассказ, сделала бы его законченным...

— А вам все кровь подавай, дорогая Минна! А я так скажу. Здорово! Просто здорово! — с легкой завистью заметила Теа. — Думаю, что все так и было на самом деле. Если... Если убийца не Ботболт. Ведь ему-то вообще не составило бы никакого труда отравить Аглаю. И потом, не забывайте, что история о вазе известна вам... и нам соответственно... только с его слов. Стоит ли так слепо доверять показаниям психопатического азиата?

— Стоит.

— Вы уверены в этом?

— На сто процентов. Предложенная мной схема слишком сложна, чтобы быть озвученной таким типом, как Ботболт. Об этом мы с вами уже говорили. И потом, не забывайте, что в доме совершено еще два убийства.

Два второстепенных убийства, две второстепенных смерти двух малозначащих мотыльков, прилетевших на свет главного преступления: убийства Аглаи.

— Именно эти два убийства... Несчастных Доржо и Дугаржапа. Они полностью исключают мысль о виновности Ботболта. С кем с кем, а с соплеменниками, и к тому же с соплеменниками, находящимися в подчинении, Ботболт всегда мог договориться. Это в худшем случае.

— А в лучшем? — спросила Теа.

— А в лучшем они бы действовали заодно. Надеюсь, хоть это

понятно?

— Но тогда каким образом убийца смог добраться до этих молодых людей... Доржо и Дугаржапа? И каким образом он заставил их выпить яд?

— Думаю, он просто предложил им шампанское. Ту самую бутылку, которая стояла на кухне, а потом исчезла. И думаю, что это сделала женщина. Женщине легче было вступить с ними в контакт...

Заявление об этом вызвало в стане женщин настоящий переполох.

— Что это за дискриминация по половому признаку? — возмутилась Минна.

— Что за женоненавистнические настроения? — возмутилась Теа.

— На вашем месте, Петр, я бы подумала, прежде чем бросаться подобными словами! — возмутилась Софья. — И что это значит: «вступить с ними в контакт»? В какой контакт?

— Известно в какой! — Минна поправила брошку на груди. — В тот самый, который маячил у них на экране. Вы пошлый человек, Петр!

— Я совсем не это имел в виду... — стушевался Чиж.

— Это! Именно это! — отбрила его Софья. — И если уж на то пошло, то оба покойных были законченными пьяницами. Об этом нам известно со слов самого Ботболта, вы же не будете отрицать?

— Нет.

— Тогда совершенно логично напрашивается вывод: пьянчужки легко вступят в контакт с каждым, кто поманит их бутылкой! И мужское-женское тут ни при чем... Другой вопрос: как убийца вынес бутылку из кухни?.. И остался незамеченным. Ведь это произошло уже после того, как Аглая была убита, насколько я понимаю.

Сделав свой ход, Софья пристально посмотрела на мулатку.

— А что это вы на меня уставились? — заволновалась Теа.

— Ведь это вы нашли их?

— Да, я. Ну и что из того?

— И привлекли к ним всеобщее внимание!

— А что я должна была делать? Обнаружить тела и молчать в тряпочку? И делать вид, что ничего не произошло?!

— Нет, конечно... Но в аппаратной оказались именно вы. Вы, а не кто-то другой. И потом, эта ваша жилеточка... От Гая Маттиоло. С нашитыми кармашками... От Теодоры-Эйприл-Вивиан-Октавии Мкамбе, думается мне... — Софья подмигнула мулатке. — Бутылка шампанского туда влезет, вы как думаете?

— Не влезет!

— А я чую, что влезет! Может быть, проверим? Вы, пользуясь

всеобщей суматохой, поисками телефонов и сотовых, а также коллективным походом в оранжерею... Вы проникли на кухню, спрятали бутылку в жилетке...

— На кухню никто не входил, — раздался за спинами Теа и Софьи голос Ботболта. — Я следил за коридором. По нашей договоренности с Петром.

Теа послала буряту благодарную улыбку.

— Ну что, удалось наладить телефон? — спросил Чиж.

— Нет. Ничего не получилось.

Впрочем, все моментально забыли о злополучном телефоне. И все оттого, что Теа, получившая неожиданную поддержку в лице Ботболта, рванулась в контратаку. Она перла, как опьяненная кровью и окрыленная успехом армия, волоча за собой повозки с оружием, шлюх и маркитанток. Она теснила Софью в лобовой и брала в клещи с флангов. Но начала Теа с легкого кавалерийского наскока.

— У вас совсем ум за разум зашел, дорогая Софья! Ну, подумайте, если бы я была убийцей, стала бы я подвергать себя опасности и шастать по дому с отравленным шампанским в жилетке? К тому же, прекрасно зная, что все находящиеся в доме в курсе дела! Не проще ли было бы воспользоваться ядом как таковым? А этот яд можно спрятать, где угодно. Например, среди пакетиков со снотворным! Один помеченный какой-нибудь точкой пакетик, вы как думаете? Этот пакетик так легко извлечь из сумочки и благополучно подсыпать яд незадачливым пьяницам! А ваша отмычка, которую вы с маниакальным упорством не хотите никому показывать! Ею вполне можно было открыть дверь на кухню.

— Чушь! При известной сноровке любой человек может открыть любую дверь при помощи любой шпильки! У вас у самой полно шпилек в голове, дорогая Теа!

— Ну и что? — нисколько не смутилась мулатка. — У меня довольно сложная прическа! Настолько сложная, что я делаю ее раз в месяц, в салоне. Очень дорого, заметьте! И шпильки мне нужны для того, чтобы поддерживать ее. Я и не скрываю этого!

— Вот! — Софья до неприличия широко развела уголки рта. — Вот! Правило, которое может сделать преступника неуязвимым! Если у тебя есть возможность, не скрывай улику, а выпячивай ее! И придавай ей другой смысл. Это только тайное всегда становится явным! А явное может навсегда остаться во мраке неизвестности! Кому интересно явное?.. Никому!

Выслушав последнюю тираду заслуженной работницы прокуратуры,

Теа наморщила лоб и пожевала губами.

— Вы недостаточно точно процитировали, — сказала она после небольшой паузы. — Вы недостаточно точно процитировали дорогую Аглаю, царствие ей небесное! Это ее мысль, а вы примазываетесь! Лучше пишите свои кондовые полицейские романы и не лезьте с суконным рылом в калашный ряд!

— Я не лезу!

— Лезете! Еще как лезете! И если уж речь зашла об уликах... Вам не кажется странным, что улики, указывающей на ваше участие в преступлении, так и не оказалось?

— А почему это она должна быть? Я же этого преступления не совершала, в отличие... В отличие от некоторых!

— И тем не менее... Наш юный друг Петр обнаружил в оранжерее платок, который якобы принадлежал дорогой Минне. Сама Минна раскопала перстень-фальшивку, который якобы принадлежал мне. И только на вас не было никакого намека.

— Ну и что? Что это меняет?

— Стрельба врассыпную, — неожиданно отозвался Чиж. — На кого бог пошлет!

— Вот! — обрадовалась Теа. — Вот именно. Вы поняли мою мысль, Петя?

Чиж, обрадованный тем, что все внимание переключилось на него, забегал по дорожке.

— С самого начала во всем этом было что-то неправильное. С самого начала! Платок, а потом перстень... Сами по себе они, может быть, и важны... Но, собранные вместе, они теряют всякий смысл! Они взаимоисключающи, вот что я хочу сказать... Если убийца Минна...

— Я не убийца! — выкрикнула Минна.

— Прошу прощения... Если убийца Минна — то при чем здесь перстень? А если убийца Теа...

— Я не убийца! — выкрикнула Теа.

— Прошу прощения... Если убийца Теа — то при чем здесь платок? Убийца, кто бы он ни был, не стал сосредоточиваться на том, чтобы подставить какого-то конкретного человека. *Он решил подставить всех сразу!* Мы можем найти какие угодно следы. И только одного следа мы не найдем. Следа, принадлежащего убийце. Все. Я закончил.

Сочинительница полнокровных животноводческих триллеров и сочинительница вегетарианских иронических повестушек шумно зааплодировали Чижу. А потом, забыв о распрях и склоках, обнялись,

расцеловались и повернули головы в сторону Софьи.

— Что скажете, дорогая Софья? — просюсюкала Минна. — Опростоволосились?

— Что скажете, дорогая Софья? — просюсюкала Теа. — Облажались? Софья, в одночасье ставшая изгоем, затряслась как осиновый лист.

— Я не понимаю... — прошептала она, загребая ртом все окружающее пространство. — Я не понимаю...

— А что тут понимать? Хотели нас подставить, да не вышло ничего! Не сообразили, что на вас укажет не наличие улики, а их отсутствие! Вам не то что детективы писать, вам пособие по уходу за крупным рогатым скотом никто бы не доверил!.. А это все вас прокуратура развратила, прокуратура! Привыкли, понимаешь, прятаться за широкой спиной экспертиз! А настало время головой поработать, как в старые добрые времена — тут и сглючило вас! Соображать надо было, прежде чем за дело приниматься! Убийца! Убила классика из зависти, да еще попыталась стрелки перевести, убийца!.. Наши-то улики при нас остались, а ваши-то — тью-тью!

— Почему это — тью-тью?

— Ну, так где они, предъявите?

— Я не знаю... Может быть, об этом стоит спросить нашего уважаемого Пинкертонна? Может быть, он нашел еще что-нибудь? Может быть, у него есть какой-нибудь туз в рукаве?..

Софья уставилась на Чиж, как на чудотворную икону. Она требовала чуда: кровавых слез в уголках глаз, родниковой воды на губах, тягучего березового сока на ступнях. Она требовала чуда, и чудо произошло.

Чиж сломался. Чиж сломался и продал улику, которую оберегал как зеницу ока.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Я не хотел говорить об этом... Улику, о которой я сейчас скажу, в отличие от платка и перстня, довольно легко уничтожить. Но, с другой стороны... Чем больше народу будет знать о ней, тем лучше. Тем больше гарантии, что она сохранится.

— И что это за улика? Покажите нам ее. Немедленно! — Минна была явно недовольна таким поворотом дела.

— Для этого нужно пройти в конец оранжереи. К двери, которая ведет на кухню. Там, прямо на клумбе, остался след. След от женского каблука. Довольно четкий.

— А какие-нибудь особые приметы у этого следа есть? — дрожа всем телом, спросила Софья.

— В общем, да. Набойка на каблуке. В виде звездочки.

Стоило только Чиж, произнести эту фразу, как оранжерейный

ландшафт самым пугающим образом переменялся: лианы изогнулись, рододендроны свернули листья в трубочки, кактусы вытянули и без того тонкие иглы, а пять сплетенных в косу стволов *Rachira Aquatica* с угрожающей быстротой расплелись — и все из-за того, что похожий на черную дыру рот Софьи Сафьяновой округлился и застыл в немом торжествующем крике.

— Пятиконечная звездочка? Да?

— Да, — озадаченный Чиж даже струхнул от такого напора.

— Вы уверены, Петр? Вы уверены в этом?..

— Пойдемте, взглянем на него, если хотите...

— Взглянем, обязательно взглянем! Но и без этого я могу сказать...

Это же мои туфли! — радостно засмеялась Софья. — Ну да! Мои! Мои любимые «Чарли Лафонтен»! И звездочка на каблуке! Такая вот причуда дизайнера! Я специально взяла их, чтобы надеть завтра на съемку! То есть уже сегодня... Черт возьми, вот это сюрприз!.. Что же вы молчали, Петр!

Радость Софьи была такой же неподдельной, каким неподдельным было уныние, воцарившееся в лагере ее обличительниц.

— Ну что, съели, дорогие дамы? — Софья наконец-то захлопнула рот, и оранжерейная экосистема моментально пришла в сонное равновесие. — Вот и моя улика обнаружилась! И будет она повесомее ваших! Что такое жалкий платок и жалкий перстень, когда убийца украл туфли Софьи Сафьяновой и оставил ими след на клумбе! А след — вещь серьезная! Так что меня он подставил куда серьезнее вас! Вот так-то!

— А может, это не ваши туфли, дорогая Софья? — сразу же поджала хвост Минна. — Может быть, кто-то еще горячо любит фирму «Чарли Лафонтен»?

— Не порите чушь, дорогая Минна! Обувь так же индивидуальна, как и отпечатки пальцев! И конкретный след всегда принадлежит конкретному ботинку. Только ему и никому другому. Так что пишите свои никчемные завиральные страшилки о вампирах и не суйтесь в серьезные вещи. Которые требуют профессиональных знаний!

Теперь, когда круг, по которому бегали самые разнообразные и никак не связанные между собой улики, замкнулся, а СС, ТТ и ММ вернулись на исходные позиции, в оранжерее повисла напряженная тишина.

И когда она стала совсем уж неприличной, Чиж не выдержал.

— В общем, это ничего не меняет, — стараясь не смотреть на писательниц, сказал он. — И под подозрением остается любой из нас. И вы в том числе, дорогие дамы. Может быть, это и входило в ваши планы — стать подозреваемыми наравне со всеми. Поскольку дело поворачивается

так, что подозрителен тот, на кого не пало подозрение... Уж простите меня за этот каламбур!

— Чушь, — возмутилась Минна.

— Бред, — возмутилась Теа.

— Вздор, — подвела черту Софья. — Разве вы не понимаете, что происходит? Кто-то взялся уничтожить цвет отечественного детектива, к которому, давайте отбросим ложную скромность, принадлежим все мы.

— Давайте отбросим! — с готовностью поддержала Софью Минна.

— Давайте! — с готовностью поддержала Софью Теа.

— Уничтожить как физически... Я имею в виду дорогую Аглаю... Так и морально. А может быть, даже профессионально, обвинив нас в ее убийстве! Ведь рядом с перстнем или платком, не говоря уж о следе на клумбе... Ведь рядом с этими вещами не валялась, например, жилетка оператора!

— Или диктофон журналисточки! — вставила Минна. — Все знают, как журналисты ненавидят писателей, потому что сами — не писатели. И при первой же возможности норовят вылить ушат грязи на популярного автора! Зависть! Зависть к чужому успеху, вот что ими движет!

— Или тесак Ботболта! — вставила Теа. — Может быть, он тайный поклонник какого-нибудь поганого Умберто Эко, которого без хорошей дозы кокаина и читать-то невозможно!..

При упоминании о любимом авторе Дашка занервничала.

— Зачем же поклоннику Умберто Эко убивать жалкую беллетристку? Это же совершенно несопоставимые вещи, — сказала она. — Небо и земля! Эко — гений. А ваша дорогая Аглая — просто помесь... Ну, я не знаю...

— Набокова с Ильфом и Петровым, — неожиданно для самой себя ляпнула я. Это сравнение пришло ко мне только что и поразило меня своей точностью. Если бы Аглая была жива, она оценила бы мой изысканный пассаж по достоинству. О, если бы только Аглая была жива!..

— Иди проспись, — посоветовала мне Дашка и снова обратилась к Теа. — Так зачем же поклоннику Умберто Эко убивать жалкую беллетристку?

— Затем, — с оттяжкой произнесла Теа. — Затем, что все поклонники Умберто Эко — сумасшедшие! А какой спрос с сумасшедших!..

— Ну, это просто... — Дашка развела руками. — Я отказываюсь что-то понимать!

— А что тут понимать! Убийцу, скорее, нужно искать среди вышеозначенных товарищей, чем среди нас, ее коллег по цеху!..

После этих слов Софьи СС, ТТ и ММ сплотили ряды. Дашка же (очевидно, в пику мне) юркнула за спину Чижа. Туда же устремился и Ботболт. А мы с Райнером-Вернером оказались на выжженной и заросшей лопухами нейтральной полосе. Ничего хорошего в этом не было, поскольку пули могли настигнуть нас с обеих сторон.

Я как в воду глядела: первой, передергивая затвор, на исходную позицию вышла Софья.

— Кстати, Петр... Если мне что-то и неясно... Кроме личности убийцы, разумеется... Так вот, если мне что-то и неясно, так это ваша роль в этом деле. Вы самочинно взвалили на себя расследование, вы — удивительно, правда? — оказались единственным специалистом по ядам. Вы предложили нам довольно элегантную версию происшедшего... Но вы ведь появились в столовой только к ужину, не так ли? Вы приехали вечером?

К этому простейшему вопросу Чиж был не готов. Он раздулся, как рыба с провокационным названием морской черт, затряс хохолком и не совсем уверенно пробормотал.

— Нет... Я приехал раньше, вместе с режиссером.

— Раньше — это когда?

— Раньше — это утром, — нехотя процедил Чиж.

— Почему же вы не отобедали вместе со всеми? И где вы были все это время — до ужина?

— Спал! — ответил Чиж, удивляясь сам себе.

— Как это — спали?!

— Как люди спят. На правом боку.

— Среди бела дня? Может быть, вы сова?

— Вообще-то — я жаворонок...

Ничего другого я и не ожидала услышать от человека с легким птичьим именем.

— Вообще-то жаворонок, — еще раз повторил Чиж. — Но дело в том, что прошлой ночью у меня были съемки. С двенадцати до шести утра, самое паршивое время... Устал. Замаялся. Вот и прикорнул по-стариковски. А что?

— Да нет, ничего... Кто-нибудь видел, как вы спали? На правом боку?

— Откуда же я знаю... Может быть, Фара видел... Если видел, то подтвердит...

— Ваш режиссер, который два часа назад нарезался, как последний биндюжник? И спит теперь на полу в столовой?

— Ну, не все же время он будет спать... Когда-нибудь да проснется!

— Когда он проснется, то сможет подтвердить разве что наличие у себя похмельного синдрома! Знаю я этих телевизионных деятелей!.. Сталкивалась! — Софья уже готова была разразиться нелицеприятной тирадой по поводу электронных средств массовой информации, но вовремя сдержалась: ссориться с телевизионщиком сейчас было верхом безрассудства. — Кстати, вы не подскажете, который час?

Чиж отогнул рукав рубахи и мельком взглянул на часы.

— Без семи два.

— Очень хорошо. Значит, на этот момент, на без семи два, приходится констатировать, что у вас, Петр, нет алиби. Так же, как и у всех остальных. Целый день вы были предоставлены самому себе, и бог его знает, что вы делали в этом доме!

— То есть как это? — вспыхнул Чиж. — Как это нет? Что бы я ни делал в доме днем, как вы говорите... Но за ужином и после него я ни разу не вышел из зала! Да одна отснятая пленка — мое алиби!

— Это в том случае, если убийца действовал в одиночку. А если у него был соучастник? Соучастник проделал всю подготовительную работу днем, а убийце осталось только снять пенки. Почему вдруг все решили, что убийца был один? Откуда это следует? Из чего это вытекает?

Ударная волна этой — совершенно неожиданно — всплывшей версии накрыла всех с головой. И самым ужасным было то, что версия совсем не выглядела невероятной. Наоборот, в ней чувствовалась мускульная сила и какая-то дьявольская привлекательность. Как будто зеркало, в котором отражался неясный силуэт одинокого убийцы, вдруг рухнуло и разбилось на множество осколков, так похожих на черепки краснофигурной вазы из кухни.

Осколки преступного зеркала отражались друг в друге и отражали отражения. И не было никакой возможности понять, какое именно отражение дало жизнь всем остальным. И каков был подлинный расклад. И кто, вступив в преступный сговор, убил Аглаю Канунникову.

СС, ТТ и ММ — Софья, Теа и Минна, которые как по нотам разыграли взаимную неприязнь? И морочили всем голову на протяжении стольких часов после благословенной смерти остобрыдшей конкурентки?

Дарья и Райнер-Вернер, связанные одной-единственной деловито-страстной встречей? А может, встреча была не единственной? И его нынешнее скоропалительное ухаживание за мной — всего лишь часть плана?

Чиж и Фара, один из которых спал днем, а другой ночью?

Ботболт и его полумифический хозяин? А может быть, Ботболт и Теа,

чистокровный бурят и русско-африканская полукровка, — этносы, так чуждые надменным и влажным питерским лесам?

А может быть, Минна и Софья, толстый и тонкий, кроткие соседки по справочнику «Кто есть кто в российском шоу-бизнесе»?..

А может быть...

— Нет, — сказала Дашка. — Нет. Мне не нравится эта идея.

— Почему же, деточка? — Софья покровительственно улыбнулась хорошенькой стерве-журналисточке. — Чем она вам так не по душе?

— Получается, что это не убийство, а какая-то резня. Одинокий, как танцор фламенко, убийца низводится до уровня мясных рядов на городском рынке. Вся поэзия пропадает.

У меня отвисла челюсть. С каких это пор Дашка, по кочкам несшая Аглаю Канунникову и не упускавшая случая, чтобы не лягнуть ее в какой-нибудь из своих статей, — с каких это пор Дашка вдруг стала выступать ее адепткой? Ведь это была любимая Аглаина мысль: настоящее, хорошо продуманное преступление сродни акту творчества. И им можно так же любоваться, как и прохладным Дега в прохладном Пушкинском музее.

И, черт возьми, «убийца, одинокий, как танцор фламенко»!.. Это же... Это же...

Ну да, это была фраза из Аглаино романа! Того самого, «Такси для ангела»!..

— Когда убийце прижмут хвост, ему — за три трупа — дадут по максимуму. Какая уж тут поэзия! — Софье были чужды эстетские Дашкины переживания.

— Ну, ведь не расстреляют же... У нас мораторий на смертную казнь. Так, лет пятнадцать получит от силы. Зато какой ажиотаж начнется! Первые полосы обеспечены. А потом можно будет и книгу издать... Представляете, какие будут тиражи?

— Вы думаете? — озадачилась Софья.

— «Я убил Аглаю Канунникову»... Да за одно только словосочетание «Я убил» убийце в ножки поклонятся. Это же экстремальная вещь!

— Вы думаете? — озадачилась Теа.

— Вы только вслушайтесь — «Я убил»! Если такая книга когда-нибудь появится — ее в первый же день с прилавков сметут.

— Вы думаете? — озадачилась Минна.

— Да что тут думать! Я же веду книжную рубрику в «Роад Муви». «Гамбургский петух». А в «Петухе» не просто анонсы печатают. Наш конек — глубокий анализ книжного рынка. Это издатель может утаить от писателя истинное положение вещей. А у нас — объективная информация.

Дашка еще некоторое время занималась рекламной кампанией глянцевого монстра «Роад Муви», но дослушать ее мне так и не удалось: в гавань моего уха заплыли раскаленные губы Райнера-Вернера.

— Может быть, мы оставим почтенное общество? Ненадолго? — прошептали губы.

— Вы думаете? — спросила я с интонациями СС, ТТ и ММ сразу.

— Они слишком заняты собой. А мне надоело все это выслушивать. Сыщики-любители еще никого не довели до добра. Когда-нибудь здесь появится полиция. И уж она-то во всем разберется. Пойдемте, Алиса.

Ласковая, как разлапистый листок «медвежьего уха», ладонь коснулась моих лопаток, и я решилась. Впрочем, решилась я давно, еще когда стояла в Шереметьеве с табличкой «**RAINER WERNER RABENBAUER**». Еще когда так легкомысленно возненавидела обладателя имени с таблички. А вчерашнее — уже вчерашнее! — купание в проруби и одеяло, обернутое вокруг торса Райнера-Вернера, только укрепили меня в этой решимости.

— Уходим по одному, — скомандовал Райнер. — Сначала я, потом вы. Я буду ждать вас на лестнице...

* * *

...Он действительно встретил меня на лестнице.

Я даже не помнила толком, как мы добрались до нашей клетки на третьем этаже, как отрывались пуговицы от рубашки и как триумфально трещала застежка от лифчика. И как под моей готовой к самым невероятным приключениям спиной оказался шахматный конь. Каким образом он отделился от стоящего на столике войска и переместился в складки простыни, я не знала. Конь больно впился мне в позвоночник, но теперь это не имело никакого значения.

Ровно никакого, потому что впереди меня ждал настоящий аттракцион! И не в затрапезном отечественном парке культуры и отдыха со ржавой каруселью и вечно неработающим колесом обозрения, нет! Впереди меня ждал сверкающий огнями европейский Диснейленд! Пещеры ужаса для мечтающих расстаться со своей фригидностью швей-мотористок на дому; силомер для знающих цену себе и партнеру разведенков; и, конечно же, американские горки для свободных и раскрепощенных женщин. Женщин, которые научились пользоваться эпилятором, кремом для кутикул

и запасниками зоологического музея — как самым романтичным местом для соития.

Еще секунда — и я погружусь в тело Райнера, как в живительный источник, как в мелкий песок лагуны, как в душистую пену клевера, как... как... как... И его губы сомкнутся надо мной, как створки раковины над жемчужиной, как своды исповедальни над ничтожной грешницей, как юные солдаты в строю, как... как... как...

Волна с нежным именем Райнер-Вернер накрыла меня и отхлынула. Зажмурившись, я ждала нового прилива, но его не последовало. Его не было так долго, что мне пришлось открыть глаза. Райнер-Вернер, еще секунду назад проводивший разведку моего тела глубоким петтингом, был явно озадачен. Я уперлась взглядом в его переносицу и тоже озадачилась.

— Что-нибудь случилось? — спросила я.

— Безопасный секс, — изрек Райнер-Вернер. — Безопасный секс — прежде всего. А я забыл резинки внизу, когда выворачивал карманы.

Черт возьми! Впервые за последний год я раскопегарилась, и вот пожалуйста, безопасный секс! Да на хрен он нужен, этот безопасный секс!..

— Это так важно? — спросила я и тут же пожалела о своем дремучем азиатском вопросе.

Вся чисто убранная, вымытая с мылом, целлофановая Европа с укором посмотрела на меня — русскую Дуньку, только вчера вылезшую из лаптей и квашеной капусты.

— Ты серьезно?

— Шучу! — не на шутку перепугалась я. — Что же делать? Спуститься вниз?

— В таком виде? — Райнер посмотрел на свой вздыбленный пах. — Это невозможно.

— Тогда, может быть, я...

— У меня в сумке... в наружном кармане есть еще несколько. Я сейчас...

— Лежи, я сама принесу.

В этом был дальний умысел: мне до одури захотелось посмотреть на Райнера издали и в естественной среде: голого и неотразимого.

— Сумка в ванной... — бросил он напоследок.

Прикрывшись простыней (жалкая дилетантка!), я бросилась в ванную. У самого входа действительно лежала его сумка. Интересно, почему Райнер оставил ее здесь?..

Но раздумывать о судьбе райнеровской сумки в то время, как меня ждал сам Райнер, мне не хотелось. Я сунула руку в кармашек с надписью

«KWANZA» и, путаясь в собственных пальцах, вытащила все, что там валялось. Несколько презервативов и сложенный вдвое листок из блокнота. Скорее машинально, чем преследуя какую-то цель, я развернула его и уставилась в ровные, написанные аккуратным почерком строчки. Я знала этот готический почерк, я уже видела его. В первый день приезда в Москву немец дал мне бумажку с достопримечательностями, которые он собирался осмотреть.

Это был его, Райнера, почерк.

Пробежав листок глазами от начала до конца, я снова вернулась к началу. Начало гласило:

РОССИЯ

Далее следовал текст. Вернее, не текст даже, а длинный список имен.

1. **Алешик ++**
2. Альбина +
3. Алена на свадьбе ++
4. Анька-Синтепон +++
5. Бобриха ++
6. Бухгалтер ++
7. Валентинада +
8. Верунчик ++
9. Гета +
10. Гостиница «Минск»?
11. Даша-журналистка +++!!!!
12. Девка в панталонах –
13. Жанка +
14. Женька-осветитель ++
15. Ленка-парик ++
16. Ленка-стюард +++
17. Ленка из 8-й +
18. Ленка Оттова ++++!!!!
19. Лизок +
20. Люсик ++
21. Мэрик +
22. Наташа-хлопушка ++
23. Надя Омская
24. Орлянка ++

25. Оля-Ихтиандр +++!
26. Оля-Филармония +
27. Полина ++
28. Подруга-Буренка +
29. Пластилиновая Ворона ++
30. Ретивых И.В. +?
31. Роженина А.С. –
32. Рыжик +
33. Стоматолог +
34. Секретарша Канунниковой?
35. Танька-Магадан ++++++!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! о, русский мат!
36. Танька-Клык ++
37. Тара ++
38. Подруга ее ++
39. Подруга подруги ++
40. Узбечка +
41. У Отто на работе +

После того как подметная бумажка была изучена вдоль и поперек, я на полусогнутых добралась до ванны, ухватилась за смеситель и добрых пять минут уговаривала себя не волноваться из-за такого вонючего козла, как Райнер-Вернер Рабенбауэр. Сборная солянка из кличек и имен оказалась на поверку самым банальным донжуанским списком. Ничего экстраординарного в этом не было, кто только не составляет перечни своих походов, но этот...

Проклятый Райнер не особо скрывал, что любит поволочиться за юбками, даже в первый день нашего знакомства он спросил у меня о проститутке, — и я знала, с кем отправляюсь в койку.

Нет, дудки, ни черта я не знала! Я думала, что немец — просто повеса и бабник, «промискуитетчик», как выразилась Дашка, фигурирующая в этом списке под номером одиннадцать. Можно было принимать или не принимать его, но это был стиль жизни, который Райнер-Вернер никому не навязывал. Он был легок, как кролик, и не требовал взамен ничего, кроме такой же кроличьей легкости. Симпатия со скорострельной пушкой, только и всего. Но этот список — этот список глазел на меня водянистыми глазами, в нем все было по-немецки педантично, в нем все было взвешено и учтено, как в лабораторном анализе мочи на сахар, в нем даже имена располагались в алфавитном порядке!

Этот факт поразил меня в самое сердце. Этот факт поразил меня даже

больше, чем я сама, лишенная имени и фамилии, — на большее, чем «секретарша Канунниковой» и вялый вопросительный знак, я не наскребла. Хуже «секретарши Канунниковой» было только бесполое «у Отто на работе»... Если бы я сегодня, со слезами на глазах, отдалась бы Райнеру-мать-его-Вернеру, то завтра вялый вопросительный знак сменил бы такой же вялый плюс. Или удручающий минус, что было вероятнее всего. Ежу понятно, что с двужильной Танькой-Магадан мне не тягаться.

А значит, американские горки отменяются.

Стоило мне принять волевое решение и сдать уже купленный на аттракцион билет, как мне сразу полегчало. Я сунула список гнуса-Райнера обратно в сумку и вышла из ванной.

— Почему ты так долго? — взволновался гнус, как только я появилась в поле его зрения.

Я даже не нашла нужным что-либо ответить. В полном молчании я натянула на себя джинсы и рубашку и, подхватив свой рюкзак, направилась к выходу.

Ничего не попишешь, падение Берлинской стены не удалось.

— Ты куда? — запоздало крикнул Райнер.

— Привет Таньке-Магадан, — ответила я и хлопнула дверью.

Той самой дверью, за которой меня ждал сюрприз. Прямо напротив, у стены, сидел Чиж. Чиж, отвергнутый мной ради мускусной крысы Райнера-Вернера Рабенбауэра!

Чтобы снять камень с души, я устроилась рядом.

Некоторое — довольно продолжительное — время мы молчали.

— У тебя двух пуговиц не хватает, — размякшим голосом сказал Чиж, искоса поглядывая на меня.

— И застешки от лифчика — тоже, — сама не зная почему, брякнула я.

— Что ж так быстро? Я думал, тебя до утра придется ждать.

— Дурное дело не хитрое, — ответствовала я в стиле незабвенной мадам Цапник, из всех возможных контактов признающей только контакты с неопознанными летающими объектами. Эти объекты, по ее словам, с 1957 года базировались в районе населенного пункта Косые Харчевни Бокситогорского района Ленинградской области.

— Так всегда и бывает, — заметил Чиж.

— Что бывает?

— Положительная героиня, прежде чем навсегда соединить свою жизнь с положительным героем, обязательно проходит через постель какого-нибудь вонючего козла. Строевым шагом.

— Между нами ничего не было.

— Это ты расскажешь Станиславскому. Константину Сергеевичу.

— При чем тут Станиславский?

— При том, что кто-то же должен сказать тебе «Не верю!». У него это получится лучше всего.

— А у тебя?

— А у меня ничего не получится, потому что я тебе верю.

Я запахнула безжалостно истерзанный ворот рубахи и облегченно вздохнула.

— А где неистовые беллетристики? — Теперь, когда мир между нами был восстановлен, я позволила себе поинтересоваться судьбой СС, ТТ и ММ.

— Сказали, что устали. И что до утра все равно ничего не прояснится... Словом, расплзлись по комнатам.

— И ты им это позволил?

— А кто меня спрашивал? И потом, не буду же я заставлять немолодых уже женщин всю ночь пялиться друг на друга...

— А Ботболт?

— Стережет оранжерею. Если хочешь, мы можем пойти ночевать ко мне.

Нет уж, хватит мне впечатлений на сегодняшнюю ночь. Если в кофре у Чижа обнаружится еще один донжуанский список, я этого не переживу.

— Нет, к тебе мы не пойдём.

— А куда мы пойдём? Или так и будем здесь сидеть?

— Можно спуститься вниз и чего-нибудь перехватить. Очень есть хочется, — только теперь я почувствовала, что проголодалась.

— Мне не хочется, но могу составить тебе компанию.

Чиж помог мне подняться, и мы направились к лестнице, созданной только для того, чтобы я ломала на ней ноги. В очередной раз оступившись, я вдруг поняла, почему меня так тянет в зал, из жалости приютивший мертвую Аглаю.

Я все еще надеялась на другой конец.

Но никакого другого конца не было. Аглая по-прежнему лежала, укрытая простыней, а в ногах у нее по-прежнему сидела Ксоло.

— Идем, — Чиж потянул меня за рукав. — Ты же хотела есть.

— Больше не хочу.

— Я понимаю... И сочув...

Договорить он не успел — и все из-за вежливого покашливания, раздавшегося у нас за спиной.

По причудливо изогнувшимся балкам дверного косяка я сразу же

поняла, что в тыл к нам зашла дорогая Софья.

— Я бы хотела поговорить с вами, Петр, — сказала она, демонстративно не замечая меня.

— Мне уйти? — сказала я, демонстративно не замечая ее.

— Нет, вы можете остаться. Даже лучше, если вы останетесь.

Только теперь я заметила, что с Софьей происходит что-то странное: ее рот, обычно беспокойный и не очень-то зависящий от хозяйки, угомонился. Теперь он пребывал в гармонии со всем остальным лицом, да и со всем миром тоже. С таким тихим, сонным ртом лучше всего всходить на костер или принимать монашеский постриг. Но ни того ни другого Софья делать не стала. Совсем напротив, она продемонстрировала нам узкие девичьи лодочки на легкомысленном каблуке (взойти в них на костер было бы весьма проблематично) и торжественно объявила:

— «Чарли Лафонтен». Те самые. Со звездочкой на каблуке.

— Ну и что? — Чиж не выказал никакой радости по поводу знакомства с малоизвестной торговой маркой.

— Вы не поняли. Это те самые туфли, след от которых остался в оранжерее. Я хотела сказать... Этот след появился там не случайно.

— Конечно, не случайно. А к чему вы клоните?

— После того, как вы изложили вашу версию... Блестяще изложили, ничего не скажешь!.. Вы очень проникательны, Петр. Я впервые сталкиваюсь с таким проникательным молодым человеком. Скажите, вы не пробовали писать детективы?..

— Нет, — Чиж слегка покраснел и уже более благосклонно взглянул на Софью. — А что?

— Вы обязательно должны попробовать. У вас получится нечто оригинальное...

Это была грубая, ничем не прикрытая лесть, но Чиж повелся на нее, как ребенок. Да что там Чиж, даже его хохолок, обычно взирающий на мир с легкой иронией, вытянулся в струнку, прислушиваясь к словам заслуженной работницы прокуратуры. А послушать было что. Проникательный Чиж, блистательный Чиж, Чиж — мама не горюй, Чиж — ума палата, Чиж — большая потеря для компетентных органов, Чиж — предводитель служебно-розыскных собак, Чиж — отец народов, Чижа — в министры внутренних дел с последующим выдвижением в президенты, и вообще — не установить ли нам бюст на родине героя?..

— Вы о чем-то хотели поговорить со мной? — Понукаемый замаслившимся от удовольствия хохолком, оператор был теперь сама любезность.

— Да. Я только хочу быть правильно понятой. Я прожила долгую жизнь, и, поверьте, не совершала ни одного поступка, за который мне было бы стыдно. У меня никогда не было семьи, так сложилось. Единственное, что у меня есть — это моя работа. Мои книги. Они заменили мне не только семью, но и реальную жизнь... Разве могла я подумать, что из-за этой работы... Из-за гонки за успехом, которая убивает в человеке все человеческое... Мне трудно объяснить ту низость, ту подлость, то преступление... Но сделать это необходимо.

Интересно, к чему она клонит?

— Интересно, к чему вы клоните, Софья? — Чиж — мама не горюй стал терять терпение, и Софья решилась:

— Я хочу сделать признание. *Я отравила Аглаю Канунникову.*

Оружейный холл закачался у меня перед глазами, и, чтобы не упасть, я ухватила за Чижа. И тут же почувствовала его пальцы на своем плече: чтобы не упасть, он ухватился за меня.

— Я не понял? Что вы сказали?!

— Я отравила Аглаю Канунникову, — потупившись, произнесла Софья.

И тотчас же за ее спиной раздались аплодисменты.

— Bravo, дорогая Софья! — отчеканила мулатка Теа, выскочив из-за спины Софьи, как маньяк из темной подворотни. — Bravo! Сильный ход!

— На что это вы намекаете, дорогая Теа? — ощерилась Софья.

— Вот уж действительно низость! Присвоить себе чужое преступление! На чужом горбу в рай въехать!

— Что значит, чужое преступление?

— А то и значит! Думаете, я не понимаю, зачем вы десять минут ломаете комедию перед этими простачками?

— Какую комедию?

— Дешевую, дорогая Софья, дешевую! Наслушались дуры-журналистки! Оно и понятно, ваши тиражи падают...

— Ничего они не падают!

— Нет, падают! Мы ведь в одном издательстве мучаемся, так что я в курсе дела! А тут такое событие, Королеву Детектива, царствие ей небесное, траванули! И вы рядом оказались! Как не воспользоваться такой оказией! Грех не воспользоваться! Тем более и версия имеется, вполне приличная, я бы даже сказала, утонченная!

— Как вы смеете!..

— Смею, дорогая Софья, смею! При хорошем адвокате вам лет десять дадут, не больше. А то и меньше. Убийство-то действительно

интеллигентное, чистенькое. Плюс учитывая ваш возраст и прежнее место работы. Плюс учитывая вашу не совсем оправданную популярность! Для начала вы месячишко-другой на экранах помелькаете, пока следствие идет! Это ведь какая реклама, подумать страшно! Весь ваш залежалый товар за неделю улетит! А то и за три дня! Потом вы, естественно, напишете книжку «Как я убила Аглаю Канунникову». Готовый бестселлер, за него издательства пасть друг другу порвут...

— И как у вас самой пасть не порвалась — такие мерзости говорить, дорогая Теа? — с трудом сохраняя остатки спокойствия, процедила Софья. — Неужели вы думаете, что я в здравом уме и трезвой памяти пойду в тюрьму? За преступление, которого не совершала?!

— А какая разница — в тюрьме или на воле? Семьи у вас нет, ухаживать не за кем, только тем и занимаетесь, что заваливаете страну своими книжонками! А в тюрьме тоже можно жить неплохо, за отдельную плату. А уж писать — пиши не хочу! И издавайся. Вас, как убийцу дорогой Аглаи, царствие ей небесное, еще не скоро забудут. Так что все в порядке. Повышенное внимание со стороны прессы и читателей обеспечено.

— А по-моему, не все в порядке! Далеко не все в порядке! У вас с головой! — Софья вдруг замолчала, смерив мулатку с ног до головы, с которой было «далеко не все в порядке». — А может... Может, вы сами хотели присвоить себе мое убийство?!

— Что значит — «ваше убийство»? Вы только посмотрите на себя! Вы только себя почитайте! Куцые полицейские романы — вот ваш потолок! Да у вас бы клепки не хватило такое придумать! Здесь нужен другой ум. Молодой, упругий!

— Уж не на себя ли вы намекаете?

Теа, до сих пор с азартом терзавшая Софью сахарными зубами, вдруг осеклась и замолчала.

— Почему же намекаю? — сказала она после долгой паузы. — Я не намекаю. Ведь фальшивый перстень еще никто не отменял...

О, Аглая! Если бы ты была жива! Если бы ты только была жива! Если бы ты только могла слышать все это!.. Как бы ты хохотала! За водкой в граненом стакане, за тонко нарезанными ломтиками сырого мяса — посоленными и поперченными, за сигаретным пеплом без пепельниц — как бы ты хохотала! Неужели даже эта беллетристическая бойня не заставит тебя встать? Встань, вставай же... Выходи из этого проклятого зала! Я все еще надеюсь на другой конец...

Но никакого другого конца не было.

Вместо Аглаи в дверном проеме показалась Минна. Грудь Минны

поникла, подбородки висели, как паруса в безветренный день, даже брошь расстегнулась.

— Все в сборе, — сказала Минна, задумчиво покусывая похищенный с хозяйской клумбы флокс. — Очень хорошо. Мне трудно было на это решиться, и все же... Я хочу сделать признание...

— Только не это! — застонал Чиж. — Только не это!..

И в ту же секунду Теа ухватила его за плечо.

— Вы слышите? По-моему, это звук автомобильного мотора! Вы слышите?..

Глава 3

Через триста шестьдесят часов после убийства

...Я ждала Чижа в ресторанчике «Династия» на Гороховой.

Допросы, игра в «не был, не состоял, не участвовал» с очумевшими следователями, отпечатки пальцев, снова допросы, очные ставки, «Бойся цветов, сука!», украсившая собой не один милицейский протокол, — все это осталось позади. Позади осталась стылая ночь в стылом поезде со стылым телом Аглаи, — я везла ее в Москву вместе с результатами вскрытия: «смерть Канунниковой А.А., 1953 г.р., наступила в результате отравления KCN (цианистым калием)».

Аглаю похоронили восемь дней назад, под траурный залп публикаций в прессе. Впрочем, залп был нестройным и смазанным — из-за новогодних праздников. Убегая к салату оливье, легкомысленному и вовсе не отравленному шампанскому, а также к сляпанной кое-как китайской пиротехнике, пресса обещала вернуться. Но я не очень-то верила ее обещаниям: еще день-два — и у нее появятся новые герои, время хороводов вокруг священных могил прошло. Важно только то, что здесь и сейчас.

Издатели были настойчивее: их интересовала судьба последнего, так никому и не проданного романа.

Но роман исчез.

Его не нашлось ни в кабинете Аглаи, куда меня так и не пустила всплывшая неизвестно из каких глубин двоякодышащая рыба протоптер, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся племянницей Аглаи. Его не было и в ноутбуке с омертвевшей камелией. Ноутбук я привезла вместе с телом, и он тотчас же был варварски взломан всплывшим неизвестно из каких глубин морским коньком, при ближайшем рассмотрении оказавшимся приятелем двоякодышащей рыбы протоптера. И хакером по совместительству.

Я была тотчас же обвинена в краже интеллектуальной собственности, и двоякодышащая рыба туманно намекнула мне на суд. Но это не произвело на меня никакого впечатления. В конце концов, это будет не единственный суд в моей жизни.

Ведь когда-нибудь следствие по делу об убийстве Аглаи Канунниковой придет к своему логическому завершению.

Но пока ему не было видно ни конца ни краю.

Трех беллетристок, которые с таким остервенением пытались взвалить на себя вину за убийство, отпустили восвояси, популярно объяснив, что чистосердечное признание, не подкрепленное достаточно серьезными уликами и фактами, есть не что иное, как филькина грамота. И им не светит даже подписка о невыезде. Не получила ее даже Теа, оказавшаяся ближе всех к вожделенной бумажке: хотя в перстне-фальшивке и были найдены следы цианистого калия, но Теа так и не смогла предоставить:

- а) ювелира, изготовившего подделку;
- в) фармацевта, ссудившего ее смертельным ядом.

А теория, изложенная в показаниях Софьи и гласившая, что Теа своим ядовитым языком вырабатывает цианид, как растения — кислород, была отвергнута следствием как лженаучная.

Под подпиской о невыезде оказался только Ботболт. Он мог бы загудеть и в СИЗО, но его спасло отсутствие мотива преступления. И отсутствие отпечатков пальцев на бутылке с остатками яда. Бутылка эта, затесавшаяся в стадо других бутылок, была найдена в аппаратной.

Рядом с телами Доржо и Дугаржапа, так же, как и «Канунникова А.А., 1953 г. р»., отравленными KCN (цианистым калием).

Никто из присутствующих в доме в ту ночь так и не смог пролить свет на их смерть. И на смерть Аглаи. К выкладкам Чижа следствие отнеслось скептически.

И все же...

Все же убийцей был один из нас. Проведших утомительно длинную ночь в бурятской лаковой табакерке. И от этого нельзя было отмахнуться, потому что Аглая Канунникова, суперзвезда русского детектива, вот уже восемь дней покоилась в земле.

В наследство от Аглаи мне досталась Ксоло (двоякодышащая рыба протоптер терпеть не могла собак, она вселилась в квартиру у метро «Аэропорт» с двумя кошками и аквариумом. Я подозревала, что именно в аквариуме, в тесной спайке с водорослями кладофорами и морским коньком-хакером, она проводит долгие зимние ночи)... Печальная, потерянная Ксоло и две видеокассеты: «Нежная кожа» и «Украденные поцелуи», только и всего. Кассеты были записаны в маленькой студии при синематеке «КИНОЭТОПРАВДА24КАДРАВСЕКУНДУ». Об этом сообщал логотип на тыльной стороне увесистой пластмассовой коробки.

Ничего не скажешь, у маленькой задиристой студии были большие амбиции.

Кассеты я извлекла из-под лежанки Ксоло (они валялись там среди прочего хлама, снесенного в закуток двоякодышащей рыбой) — и

посчитала, что лучшего прощального подарка и придумать невозможно. Вместе с ним и Ксоло я вернулась в Питер. И на перроне Московского вокзала дала себе клятву забыть Москву навсегда.

Это было позавчера.

А сегодня, в ресторанчике «Династия» на Гороховой, я ждала Чижа.

* * *

...Чиж опоздал на полчаса. Он появился, когда я уже успела расправиться с неаполитанскими потрохами и плавно перешла к салату с копченой рыбой. Чиж сел напротив, заглянул ко мне в тарелку и заявил:

— Идиотизм!

— А по-моему, очень вкусно, — ответила я. — Здравствуй!

— Все равно — идиотизм. Эти следователи — просто идиоты. Не хотят замечать очевидных фактов...

— Здравствуй! — снова повторила я. — Ты мог бы меня поцеловать. Все-таки почти две недели не виделись.

Он перегнулся через стол и клюнул меня в макушку. И все. Никаких сантиментов. Судя по всему, наши игрища на краю лесного озера можно считать досадным недоразумением, вызванным близостью к трупам. Что ж, это вполне укладывается в рамки человеческих стереотипов: ничто так не подстегивает любовь, как близость к смерти.

— Как прошли похороны? — спохватился он.

— Как могли пройти похороны? Отвратительно. Я даже не плакала.

— А я плачу, — Чиж достал из кармана ручку, придвинул к себе салфетку и принялся что-то с остервенением чертить на ней. — Я плачу от тупости наших органов!

— Тебе же было ясно сказано: идет следствие.

— Куда? Куда оно идет! Решили повесить все на этого придурка Ботболта!

— Ты, конечно, считаешь, что он не виновен. Это было бы слишком просто, а простота в этом деле тебя оскорбляет.

— А тебя — нет?

— Не знаю.

Я так устала от всего, что было связано с гостеприимным домом Дымбрыла Цыренжаповича Улзутуева, что даже не хотела говорить на эту

тему. Чиж — Чиж был совсем другое дело. Бесплотные тени потенциальных убийц окружали его до сих пор, он так сроднился с ними, что даже сейчас из него то и дело выскакивали заполошные СС, ТТ и ММ. И Дашка, с которой скорее всего я не увижусь больше никогда. И лишь об одном человеке оператор не вспоминал принципиально — о спешно покинувшем пределы России герре Райнере-Вернере Рабенбауэре. Интересно, на сколько новых имен пополнился его список? И что в конечном итоге он поставил против графы «Секретарша Канунниковой» — вопросительный знак (если мои хватательные и кусательные рефлексы так и остались для него неясными)? Или жирный минус (если я была понятна ему, как божий день)?..

— Ты совсем меня не слушаешь! — запоздало возмутился Чиж. — Тебе и дела нет до моих версий. А копать надо в писательской клоаке, теперь я это понял окончательно. Кто-то из этих троих чиканутых беллетристок — явно не тот, за кого себя выдает. Есть такой маневр в среде уголовников: сознаться в менее тяжком преступлении, чтобы отвести от себя подозрения в более тяжком. Здесь мы наблюдаем сходную картину...

— Ага, три убийства — это совсем не тяжкое преступление. Это пустяк.

— Нет, ты не поняла... Я совсем не то хотел сказать. Речь идет о том, что преступник маскируется. И маскировался с самого начала. Убийца мог признаться только потому, что был твердо уверен: никто не поверит, что он убийца. Уж очень опереточно это выглядело... Дорогая Минна, дорогая Теа, дорогая Софья, ну разве могут «дорогие дамы» травить друг друга, как крыс? Это не в жанре оперетты... Черт возьми, ты опять меня не слушаешь!

Вот теперь Чиж говорил чистую правду: я действительно его не слушала. Я во все глаза смотрела на салфетку, которая лежала перед оператором.

— Что это такое? — севшим голосом спросила я.

— Салфетка.

— Я вижу, что салфетка. Что ты на ней написал?

— Это... формулы... У меня такая привычка... Когда я о чем-то серьезно размышляю, я просто черчу формулы на листке. Машинально...

— Что это за формула? — совсем позабыв о приличиях, я ткнула пальцем в надпись, сделанную в самой сердцевине нежно-розовой тонкой бумаги: **FeSO 4 7H 2 O**.

Я уже видела это нелепое сочетание букв и цифр — на одной из банок с химикатами в подсобке! Химикатами, над которыми болтались гроздь

лампочек. Химикатами, которые подпирали пакеты с удобрением и банки с краской. И несколько похожих на лассо скрученных садовых шлангов.

— Что это за формула?!

— Да что с тобой в самом деле! Это железный купорос.

— Железный купорос? — Я почувствовала, как у меня похолодели кончики пальцев. — Тот самый, при помощи которого ты собирался выявить цианистый калий?

— Ну да, — Чиж даже побледнел от гордости. — И экспертиза, между прочим, доказала мою правоту. Жаль, не стал я химиком...

— Банку с такой надписью я видела в кладовке рядом с кухней.

— Ну и что? Ботболт же ее принес в конце концов!

— Ты не понял, — осторожно подбирая слова, сказала я. — Ботболт принес не ту банку. И не оттуда. Ты помнишь, как долго его не было? Ты помнишь, что он сказал, когда вернулся?

— А что он сказал, когда вернулся?

— Что нам повезло. И что у них в подвале осталась одна-единственная банка, которой пользовались строители для консервации древесины. Одна-единственная. Одна-единственная, ты понимаешь! В подвале. Но почему он не вспомнил о банке, которая стояла в подсобке? Почему не вспомнил, что их две?

— Ну, я не знаю... — Чиж был явно недоволен моей инициативой. — В конце концов, что ты видела? Надпись на банке, правда? Быть может, там его и не было, этого проклятого железного купороса... Может быть, банка была пустой...

— Она не была пустой.

— А может, там было что-то другое?

— Что — другое? Пастеризованное молоко? Или святая вода из соседнего прихода? Разве в емкости от одних химикатов наливают другие?

— Вообще-то это не принято... В академической среде. А в быту... Черт его знает!

Розовая салфеточная формула, до сих пор маячившая передо мной, вытолкнула на свет божий целую цепь несурязиц и нестыковок, которые я предпочла выкинуть из головы. Открытая дверь Аглаиной комнаты, в которую я беспрепятственно зашла, беснующаяся на чемодане Ксоло, пропавший телефон Фары, зябкий свет в конце коридора — на который мы пошли все втроем: я, земное воплощение Будды и земное воплощение индийского актера Митхуна Чакроборти. А три работающих экрана монитора — три вместо восьми! Что могло скрываться за пятью потухшими экранами?..

А дверь! Дверь из кухни в оранжерею!

Чиж разработал свою собственную формулу убийства — формулу, ничуть не менее привлекательную, чем $\text{FeSO}_4 \cdot 7\text{H}_2\text{O}$! Формулу, достойную разве что пропавшего Аглаино романа, который, по ее же заявлениям, должен был взорвать затянутое кровавой ряской болото русского детектива.

Но эта формула могла упроститься до банального H_2O , если за ней стоял Ботболт! Ему ничего не стоило плеснуть яду в бокал, ему ничего не стоило отнести этот бокал в столовую и подать Аглае!

И потом — ключ.

Ключ-пантера, который и сейчас лежал у меня в кармане. И который я изучила вдоль и поперек. Его близнец болтался на связке у Ботболта. Но Ботболт сказал, что это всего лишь талисман. И ключом здесь и не пахнет.

Зачем он соврал?

— Зачем он соврал? — с отчаянием в голосе спросила я у Чиж.

— Да кто?

— Ботболт!

— С чего ты взяла?

Я не стала отвечать на дурацкий вопрос. Я просто выложила платиновую пантеру на скатерть, а следом за ней выложила и все свои, так внезапно вспыхнувшие, подозрения.

— Что будем делать, Чиж?

— Не знаю, — он задумчиво потеревил хохолок. Господи, как же я отвыкла от его хохолка!..

— Может быть, напишем заявление?

— Шутишь? — Чиж нервно хихикнул. — Мне осталось только заявление писать! Меня там уже на дух не переносят. Обзывают сутяжником. А еще знаешь как? Рабом сверхценной идеи. Вот такие там умники сидят. Да и с Дымбрылом никто связываться не хочет... Лишний раз...

Я погладила пальцами точеную голову пантеры.

— Неужели тебе неинтересно узнать, какую дверь он открывает?

— На городское кладбище, — сразу же нашелся Чиж. — Я надеюсь, ты не собираешься ехать туда и выяснять отношения?

— Собираюсь. Более того, я собираюсь взять тебя с собой.

— И не надейся.

— У меня нет машины. А у тебя есть.

— Да какая у меня машина! Слезы, а не машина.

— А выглядит ничего, — я повернула голову к окну: там, приткнувшись к тротуару, скучала недорезанная Чижова «копейка».

— Ну, и как ты себе это мыслишь?

— Дорогу мы знаем. А поводов хоть отбавляй. Например: забыла дискеты, забыла зубную щетку, забыла исподнее...

— Вот это уже ближе к истине, — загоготал Чиж, несказанно оживившись лишь при одном упоминании белья.

— Значит, остановимся на комбидресе.

— Ты что, хочешь пробраться в дом? И что мы там будем делать?

— Понятия не имею... Но ключ и мониторы. И телефон... И Ботболт, который оказывался в нужное время в нужном месте... Это просто сводит меня с ума.

— Оно и видно.

— Думаю, в дом пробраться не получится. Собаки. Мы зайдем с центрального входа и для начала попросим попить водички.

— Не держи меня за идиота. Я никуда не поеду. А вместо водички лучше закажу себе кофейку... за упокой души Аглаи Канунниковой. Твоей патронессы, царствие ей небесное. Как говаривали Минна, Теа и Софья...

* * *

...Расстояние, которое разухабистый джип Дымбрыла Цыренжаповича Улзутуева преодолел за два с половиной часа, мы, на затрапезной «копейке», покрыли за четыре. Мне все-таки удалось уговорить Чижа отправиться к Дымбрылу Цыренжаповичу. Я не знала, зачем мы едем туда и что будем там искать, и доедем ли вообще... А если доедем, то выберемся ли обратно. Но, в конце концов, можно прикинуться ни в чем не повинным лекарственным растением «лопух обыкновенный» и сказать, что в доме осталась дискета с романом (зубная щетка, комбидрес)... И не был бы так любезен Дымбрыл Цыренжапович...

После с трудом сварганенного сочетания «не был бы так любезен Дымбрыл Цыренжапович» я забуксовала. Вряд ли он будет любезен принять нас у себя.

Хотя...

В ночь убийства он вернулся под утро, в сопровождении двух охранников, которые тотчас же загнали палевых доберманов-демонов в клетки и связались по сотовым со всеми, с кем только можно было связаться. Через сорок минут милиция и «Скорая» уже въезжали на улзутуевское

подворье. И ночь кошмаров закончилась.

Но прежде, чем она закончилась, Дымбрыл Цыренжапович поцеловал руки дамам и сказал, что очень сожалеет, что убит горем и не скоро оправится от такого потрясения.

Правда, никакого горя в его обветшавших от времени глазах я не заметила. Но это были мои собственные наблюдения, основанные на полном незнании бурятского этноса.

... — Приехали! — Чиж заглушил двигатель у самых ворот. — Что теперь?

— Сигналь! — коротко бросила я, напряженно вглядываясь в силуэты собак, пасущихся возле силуэтов пагод.

Ничего не изменилось.

За мгновение до того, как Чиж нажал на клаксон, парадная дверь особняка отворилась, и на крыльце показался Ботболт. Он двинулся к нам, ничуть не боясь отпущенных на волю доберманов, которые тянули в его сторону благодарные носы.

Тогда, ночью, Ботболт сказал нам, что сам боится собак. Еще одна ложь, такая же невинная, как талисман на связке для ключей.

Через пять минут мы уже были в доме.

А еще через минуту произошло непредвиденное.

Ботболт оттеснил меня от Чижа и вежливо бросил ему:

— Подождите, Петр. Здесь, в столовой.

— А я? — прошептала я моментально запекшимися губами.

— А вы идите за мной, Алиса.

Мы миновали холл и часть коридора, ведущего в аппаратную. И остановились перед дверью, на которой две недели назад висел амбарный замок. Теперь никакого замка не было и в помине.

— Наверх по лестнице. Третий этаж, — подсказал Ботболт.

Эта лестница была точной копией лестницы левого крыла особняка. Той самой лестницы, на которой у меня было столько шансов сломать шею. Но теперь я ни разу не оступилась. Может быть, потому, что не знала, куда упаду: на руки Ботболта или на его тесак.

Преодолев последнюю ступеньку, я очутилась на площадке. И здесь сходство с левым крылом закончилось. От площадки отходил коридор, затянутый темным шелком, с одной-единственной дверью в торце.

— Прямо, — жесткая ладонь Ботболта уперлась мне в позвоночник.

Дойдя до двери, инкрустированной перламутровыми вставками («Будда врачующий», похожий на самого Дымбрыла, «Будда созерцающий», похожий на пса, его Ботболта, и совсем уж

легкомысленный «танцующий Шива», похожий на Доржо и Дугаржапа сразу), мы остановились. Ботболт и не думал распахивать передо мной дверь, что было совсем уж невежливо.

— Что теперь? Долго мы будем здесь стоять? — взбрыкнула я, искоса поглядывая на Ботболта.

— Входите.

Я подергала ручку, но дверь оказалась закрытой.

— Ну, что вы, ей-богу, Ботболт! Здесь же заперто!

— У вас есть ключ.

— Ключ? У меня?!

— Пантера, которую вы украли, — сказал Ботболт, впрочем, без всякого осуждения.

Я могла возмутиться и состроить из себя оскорбленную невинность, но по здравом размышлении делать этого не стала. В моей жизни уже была дверь в Аглаин кабинет, куда я, сжираемая комплексом жены Синей Бороды, так и не попала. Интересно, как долго мне будет сниться эта проклятая дубовая дверь? И если я сейчас развернусь на каблуках, то к главной героине моих снов — блондинистой Аглаиной двери, прибавится еще и эта — брюнетистая. С перламутровыми вставками.

А подобного паломничества в мои спартанские сны я просто не переживу.

Вздохнув, я вытащила ключ из кармана, сунула его в замочную скважину и легко повернула.

Дверь подалась.

Я толкнула ее и вошла.

Я сделала это. Я вошла.

Комната, в которую я попала, была такой же темной, как и стены коридора. Но это была несущественная деталь, потому что ее украшали три картины: по одной на каждую стену. А посередине комнаты, прямо на полу, сложив ноги по-турецки, сидел Дымбрыл Цыренжапович Улзутуев.

Дымбрыл Цыренжапович медитировал над шахматами.

Эти шахматы не были похожи на огрызки советского серийного выпуска, оставшиеся в нашей с Райнером-мать-его-Вернером конуре. Эти шахматы не были похожи на мифологических персонажей из столовой.

Эти шахматы были сродни картинам на стене.

— Кацусика Хокусай. «Фудзи и цветущая вишня». Винсент Ван Гог. «Этюд к подсолнухам». Лукас Кранах. «Голова женщины», — мечтательно произнес Дымбрыл Цыренжапович.

— Алиса, — хрюкнула я и только потом сообразила, что благостный

Дымбрыл представил мне все три картины.

Интересно, сколько они могут стоить?

— Не хотите сыграть? Говорят, вы неплохо играете.

— Кто говорит? — хрюкнула я второй раз. Кто может говорить, как не внебрачный сын бурятского привидения Ботболт!

— Прошу вас.

Мне ничего не оставалось делать, как усесться на пол и сделать первый ход.

Партия началась.

— Я ждал вас, Алиса, — сказал Дымбрыл на десятом ходу. — Я знал, что вы придете.

— Меня? — позволила я себе удивиться на пятнадцатом.

— Конечно. Вы умная девушка. Я сразу понял это. Когда не нашел, что искал. Сколько вы хотите за него?

— За кого? — еще через три хода спросила я.

— За роман, — еще через два хода ответил он.

Я едва не прохлопала ладью от такого неожиданного пассажа.

— Почему вы решили, что он у меня?

— Потому что ему больше негде быть. Во время прогулки... за несколько часов до трагических событий, Аглая сказала мне, что привезла роман с собой. И что готова показать мне куски из него и поговорить о договоре. Но, к сожалению, я был вынужден уехать, а когда вернулся... Когда вернулся, все было кончено.

В словах хитрого бурята был явный подтекст, смысл которого ускользал от меня. И я решила промолчать. Но мое молчание только подстегнуло Дымбрыла.

— Вы ведь ее личный секретарь, не так ли?

— Да.

— И вы должны были знать, что она несколько месяцев вела со мной переговоры о публикации романа. И это была ее инициатива. Ее, не моя. Заманчивое предложение, учитывая ее популярность. Вы не находите?

— Нахожу, — еще через два хода раскололась я. Я действительно находила новость, сообщенную мне Дымбрылом, несколько м-м... экзотической. Аглая, за которой стояли в очередь крупнейшие издательства, неожиданно остановила свой выбор на ничем не примечательном и далеком от книжного бизнеса торговце мехами. Даже Ван Гог с Кацусикой этого не объясняют. Не говоря уже о сгинувшем в толще веков Лукасе Кранахе.

— Мне пришлось купить для этого небольшое издательство.

Что ж, совсем неплохо. «Облачиться в мех — не грех», а уж в издательстве греха нет по определению... Ай да Аглая! Я была твердо уверена, что господин Улзутуев был не единственным, с кем она вела переговоры о публикации романа, но шестое чувство подсказывало мне: не стоит распускать язык в присутствии Лукаса Кранаха, Ван Гога и — страшно подумать — Кацусики Хокусая.

— Но в ее ноутбуке романа не оказалось.

— Откуда вы знаете?

Дымбрыл молчал.

— Может быть, вы расскажете мне, что произошло ночью? И тогда... — я поставила в конце фразы многозначительное многоточие, которое давало мне некоторую свободу действий. Хотя бы на период староиндийской атаки.

— Ну, хорошо, — согласился он. — Только хочу заранее предупредить вас: к этому убийству ни я, ни мой человек не имеем никакого отношения. Я сожалею, что уехал в тот вечер, но у меня действительно была внеплановая и очень важная встреча. Около одиннадцати мне позвонил Ботболт и сообщил обо всем происшедшем. Я не мог покинуть встречу, это касалось моего бизнеса. Но и не мог допустить, чтобы без моего ведома в мой собственный дом вривалась милиция. Вы понимаете меня?

«Голова женщины» в обрамлении «Подсолнухов» и священной горы Фудзияма — и наверняка не только это, высвечивающееся на пяти отключенных мониторах. Конечно же, я хорошо понимала тайше Дымбрыла Цыренжаповича.

— Я дал ему инструкции...

— Перерезать телефонный кабель!

— Зачем же такое варварство! Отключить телефонный щиток. И ждать моего приезда.

— А заодно порваться в ноутбуке покойной. Раз уж она так вовремя отошла в мир иной, — неожиданно осенило меня.

Дымбрыл улыбнулся моим прищуренным векам.

— Я говорил, что вы умная девушка.

— Но не настолько, чтобы понять, что случилось с Аглаей Канунниковой. И что случилось с Доржо и Дугаржапом.

— Ну, с этими все ясно. Несчастный случай, который наложился на самое настоящее убийство. Ботболт сказал мне, что по распоряжению вашего приятеля, оператора... который всем здесь заправлял... Он оставил бутылку на столе. Обычно мы этого не делаем. Правда, он не убрал и остальные бутылки, ведь в доме были гости и выпивка могла понадобиться.

Бутылка с шампанским стояла ближе всех к окну.

— Да?

— Доржо и Дугаржап практиковали старый трюк. Они иногда вытаскивали бутылки за горлышки через окно с помощью строгого ошейника — когда все остальные пути к спиртному были перекрыты. С помощью строгого ошейника. Видимо, в ту ночь они сделали то же самое — ведь из кухни в аппаратную можно попасть только через зал. Они пали жертвой своего собственного пагубного пристрастия. Даже общение с великими ничему их не научило...

— А как же третий стакан? — спросила я.

— Экспертиза показала, что он был чистый, — ответил Дымбрыл.

Несколько минут я сидела, глубоко задумавшись. Тайна смерти Аглаи не приблизилась ко мне ни на сантиметр, но теперь, во всяком случае, было понятно наличие пантеры на срамном брелке Доржо (или Дугаржапа).

— Вот видите, все просто. Я ничего от вас не утаил. Я выполнил все ваши условия. И потом, мой человек всего лишь отключил телефон, ему не нужно было перерезать провод. Его перерезал настоящий убийца. Теперь ваш ход.

Действительно, мой! Я пододвинула коня и кротким голосом сказала:

— У меня нет романа.

— Что значит «нет»?

— То и значит. Я его в глаза не видела. И это чистая правда. Аглая не показывала мне ни строчки. А вам мат, — господин Улзутуев был сильным противником, и неожиданная победа притупила во мне все чувства, включая чувство самосохранения. — Можно я пойду?

Почтенный Дымбрыл Цыренжапович молчал. Он и не думал угрожать мне. Бессмысленно угрожать после того, как ты сказал чистую правду. Бессмысленно угрожать после того, как игра сыграна.

— Верните ключ Ботболту, — бросил он мне напоследок.

Я уже дошла до двери, когда внезапная, еще не совсем оформившаяся догадка забрезжила у меня в мозгу.

Только бы Дымбрыл в ярости не смахнул шахматы с доски! Только бы не смахнул! Остается только уповать на его степную, отшлифованную веками мудрость!..

Дымбрыл не сдвинул ни одной фигуры. Должно быть, он все еще переваривал услышанное.

Я упала на четвереньки и принялась разглядывать финал шахматной партии... Так и есть. Никакой ошибки!

— Вы все-таки решили поговорить о романе? — несмело сказал

Дымбрыл.

— У меня его и правда нет.

— Тогда зачем вы приезжали?

Это был честный вопрос, и я постаралась честно ответить на него.

— Затем, чтобы услышать то, что услышала...

Покинув Дымбрыла и затворив дверь в комнату трех художников, я без всякого сожаления вернула пантеру Ботболту. И задала ему только один-единственный вопрос:

— Скажите, Ботболт, когда разбилась ваза?

Ботболт равнодушно пожал плечами.

— Когда я нес шампанское в зал...

— Это понятно. Сколько бокалов было *тогда* на подносе? Восемь или один?

Узкие глаза бурята заволокла дымка, а тетива рта натянулась до предела. Ну, давай, Ботболт, вспоминай!..

— Восемь, — подумав, ответил Ботболт. — Восемь.

...Огрызок вечера и всю оставшуюся ночь я провела в квартире Чижа. И до одури гоняла копию конфискованной пленки, которая была отснята за ужином. Вернее, только один ее фрагмент: шахматную партию между Аглаей и Райнером-Вернером. Просто счастье, что я вертелась возле доски, и в объектив влюбчивой «SONY Betacam» попадали не только мой перекошенный глаз и свернутый набок нос, но и фигуры на доске. И чем дольше я анализировала партию, тем яснее мне становилась картина.

Аглая была не шахматным игроком. Она была превосходным шахматным игроком! Суметь так тонко окучить дилетанта Райнера-Вернера, суметь так блистательно ему проиграть, суметь потерять такое количество фигур в самых выгодных комбинациях!.. Для этого нужно было просчитывать не пять, а десять ходов вперед! Она играла за него и за себя, это было очевидно! Она гнала Райнера-Вернера к победе плетью о семи концах, она просто не давала ему опомниться!

Теперь, промотав кассету сто сорок четыре раза, я с уверенностью могла сказать: *Аглая проиграла только потому, что хотела проиграть!*

Ей было жизненно необходимо проиграть, чтобы...

Чтобы разбить проклятый бокал!!!

И эти ее постоянные отлучки в оранжерею, и Ботболт, которого разбившийся горшок застал не с одним бокалом на подносе, а с восемью... Поднос с одним бокалом был уже потом, Ботболт налил в него шампанское из начатой бутылки на столе и, не задерживаясь, отнес в зал, чтобы она его выпила.

Я почувствовала пьянящий привкус ярости на губах.

Нет, Аглая не могла так поступить со мной, служившей ей верой и правдой. С кем угодно — только не со мной! Шахматной партии и бокала было слишком мало, для того чтобы высказаться. А Аглая должна была высказаться.

Должна.

А я должна была ее услышать. Ведь для чего-то она взяла меня в секретари. Именно меня!

После часа стояния в душе я наконец-то нашла недостающее звено. В самом финале «Украденных поцелуев».

«УВЯДШЕЕ СЧАСТЬЕ, РАСТРЕПАННЫЕ ВЕТРОМ ВОЛОСЫ, УКРАДЕННЫЕ ПОЦЕЛУИ, УСКОЛЬЗАЮЩИЕ МЕЧТЫ... ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ВСЕГО ЭТОГО? СКАЖИТЕ МНЕ, ЧТО?»

Это был подстрочник песни, которую Аглая так и не напела. Но произнесла, прежде чем отдать бокал Дашке. И дожидаться своего собственного последнего бокала.

Стоящего на подносе в гордом одиночестве.

Ведомая каким-то дьявольским вдохновением, я принялась ломать коробку из-под кассеты с «Украденными поцелуями». Лицевая сторона не представляла собой ничего экстраординарного: цельный кусок пластмассы, не более. Но изнаночная — с логотипом «КИНОЭТОПРАВДА24КАДРАВСЕКУНДУ» и реквизитами фильма — вовсе не была цельной: она состояла из двух кусков. Разделив их при помощи первого же подвернувшегося под руку тупого ножа (ну почему холостяки практикуют тупые ножи!), я нашла то, что даже не думала искать: крошечный блестящий ключ, спрятанный в таком же крошечном углублении одной из пластмассовых половинок...

* * *

...Чиж начал ныть, как только мы приблизились к «КИНОЭТОПРАВДА24КАДРАВСЕКУНДУ» на расстояние двух кварталов.

— Это бред, — с апломбом заявил он. — Все, что ты собираешься сейчас сделать, — это бред.

— Но ведь ключ существует. Ты не будешь этого отрицать?

— Ну и что? Ненормальный ключ ненормальной писательницы.

Только и всего.

— Чиж, ты же всегда был сторонником самых экзотических версий.

— Теперь не сторонник.

— А если это правда?

— Это не может быть правдой.

Это стало правдой, стоило мне только переступить порог маленькой студии по записи фильмов — буйных пятидесятих и нежных шестидесятих. Она и впрямь была маленькой: метров восемнадцать, не больше. Компьютер, два телевизора и два видеомэгнитофона, небольшой диванчик с валиками вместо подлокотников (буйные пятидесятые). И два легких кресла с поджарыми ногами и такой же поджарой спинкой (нежные шестидесятые). Стену украшали два плаката: один к фильму «Безумный Пьеро», другой — к фильму «На последнем дыхании». Оба названия, так легкомысленно оккупированные Годаром и Бельмондо, можно было смело отнести к самой Аглае.

Тем более что на столе, прикорнувшем возле окна, я увидела то, что никак не ожидала увидеть: небольшой, изысканный фонтанчик, живо напомнивший мне бамбуковые радости в ландшафте Дымбрыла Цыренжаповича. Желоб, наполнившись водой, перегнулся, а я вдруг вспомнила о том, что в последние несколько дней до нашего отлета из Москвы перестала слышать мерный стук метронома. Мерный стук в недостижимом Аглаином кабинете.

— Забавная штучка, — сказала я молодому человеку в бейсболке. Козырьком назад.

— Забавная, — согласился козырек, пугающе похожий на Жан-Пьера Лео из «Украденных поцелуев».

— Никогда такой не видела.

— Я тоже, — Жан-Пьер улыбнулся мне так, как будто украл все поцелуи сразу. — Подарок одной нашей постоянной клиентки.

— Кстати, по поводу вашей постоянной клиентки... — Я вытащила из кармана ключ и осторожно положила его на стол перед Жан-Пьером.

Он не удивился, он даже не стал задавать мне лишних вопросов. Он вынул из ящика шкатулку. Небольшую, но довольно изящную, сработанную под сандал шкатулку. Только и всего.

Но прежде чем открыть ее, я не удержалась и спросила:

— Простите, это не вы приносили цветы Аглае Канунниковой?

— А что? — Молодой человек поднял брови. — Разве в этом есть что-то предосудительное?

— Нет, но...

— Одна ее поклонница меня об этом просила. Та самая, которая подарила фонтанчик... Она часто к нам приходит. Она любит старые фильмы.

— А вы?

— Я тоже. Я старомодный человек.

— Четыре букета желтых гвоздик?

Теперь Жан-Пьер Лео, удачно сдублированный бейсболкой козырьком назад, удивился по-настоящему.

— А вы откуда знаете?

Я ничего не ответила ему. Дрожа от нетерпения, я сунула ключ в шкатулку и вошла в Аглаин кабинет.

Там не было ничего, кроме одной-единственной фотографии и сложенного вчетверо листка. Секунду поразмышляв, я начала с фотографии, быть может потому, что всеми силами пыталась оттянуть финал. И сразу же узнала часть оранжереи в доме Дымбырла Цыренжаповича Улзутуева и кухонную дверь, распахнутую настежь. В проеме двери стояли Аглая и мужчина, лет на десять моложе ее самой. Мужчина обнимал Аглаю за плечи, а Аглая улыбалась. Я не очень-то разбиралась в счастье, но, по-моему, они были по-настоящему счастливы.

На обороте стояла подпись: 1996 год. И больше ничего. Ни одного имени. Впрочем, когда люди счастливы, зачем им называть друг друга по именам?..

Зато письмо, которое я развернула секундой позже, начиналось с имени.

И это было мое имя.

«Алиса!»

Если вы держите это в руках, значит, вы молодец. И я не зря взяла вас на работу. Жаль, что мы так мало были вместе и так мало узнали друг друга. Мне нужен был такой человек, как вы. Да что там, само небо послало мне вас! Сам господь бог, в свободное от работы время курирующий мерзопакостный журнальчик «Роад Муви»... Да, мне нужен был такой человек. Человек, влюбленный в «Украденные поцелуи». Человек, который поможет мне обставить мой уход.

Уход. Звучит сентиментально, не так ли?..

Простите меня за то, что я использовала вас вслепую, но посвящать вас во все это, значит, заново переживать собственную беспомощность и собственную пустоту.

Все дело в том, что я не могу больше писать.

Не могу. Ни одной строчки. Ни одного слова. Я часами сижу перед

монитором, но это пустой монитор. Пустой монитор — это и есть роман, который я пишу уже год. Его нет и никогда больше не будет. Как никогда больше не будет писательницы Аглаи Канунниковой. Счастье, что вы не пишете. И вам незнаком страх перед чистым листом. И ужас перед тем, что ты когда-нибудь разучишься складывать буквы в слова.

Этот ужас стал для меня реальностью, увы.

Если бы жив был Андрей... Если бы жив был Андрей, я бы знала, чем заполнить пустоту и отсутствие слов. И мне не пришлось бы прибегать к такой крайней мере... Но его больше нет. Две пули в грудь и одна в голову — это приговор. Приговор, приведенный в исполнение людьми, которые никогда не будут найдены. Приговор, который лишил жизни не только его, но и меня. Просто в моем случае он оказался отложенным. Теперь, когда я не могу больше писать, это стало очевидно. Я могла бы сочинить массу историй, я могла бы придумать любой сюжет, но это не вернуло бы к жизни Андрея, единственного человека, который был мне по-настоящему дорог... Но сюжеты покинули меня, ушли следом за Андреем. Совсем недалеко, но разве смысл смерти не состоит в том, чтобы находиться поблизости? Под рукой? Под рукой, которая уже никогда ничего не напишет. И никого не обнимет. И никого не потреплет за волосы. И дом Андрея — дом, по которому я могла пройти с завязанными глазами, — его дом принадлежит теперь совсем другому человеку. Завтра — господи — уже завтра! — мы отправимся туда. Прошу простить меня за те неприятные минуты, которые вам придется пережить. Впрочем, думаю, они будут компенсированы забавными персонажами, которых вы встретите там. Для них у меня тоже есть несколько сюрпризов. Как вы думаете, кольцо и вышитый платочек понравятся эксцентричным дамам средних лет?

Впрочем, если вы читаете это письмо, то уже знаете ответ.

И открыли закрытую дверь на кухню.

Я же открою ее завтра.

Как странно, для вас теперь — все в прошедшем времени. Для меня же — в будущем. Как странно — в будущем для того, кого больше нет. Во всяком случае, сейчас, когда вы читаете это письмо.

Я придумала этот сюжет семь месяцев назад, в день рождения Андрея, именно в тот день, когда поняла окончательно: вдохновение, единственное, что держало меня здесь после смерти Андрея, — не придет никогда.

Я придумала этот сюжет — последний в моей жизни, — и вы уже участвуете в нем. И даже пытаетесь скрыть свое волнение по поводу

дурацких цветов и дурацкой записки. Они не очень элегантны, каюсь, но что можно требовать от писателя, которого покинула способность писать?.. «Увядшее счастье, растрепанные ветром волосы, украденные поцелуи, ускользающие мечты... Что осталось от всего этого? Скажите мне, что?..» Интересно, смогу ли я достаточно внятно произнести это?

Мне кажется, что смогу...

Я придумала этот сюжет семь месяцев назад, в день рождения Андрея. А закончу — в день его гибели. Я никому не хочу сделать больно, но ведь я все-таки Королева Детектива, хотя и отношусь к этому титулу иронически. И я не могу уйти просто так, не сыграв напоследок.

А вам понравился убийца, одинокий, как танцор фламенко?..

Целую вас, и да хранит вас бог. Простите меня и прощайте.

Ваша Аглая».

Я сложила письмо и сунула его в карман. Я знала, что буду возвращаться к нему десятки и сотни раз. Но не сейчас. Только не сейчас.

...Чиж ждал меня на ступеньках, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну что? — спросил он у меня. — Дохлый номер? Как кретины — приехали в эту чертову Москву... А у меня от нее изжога, так и знай.

— Ты гений. Ты Чиж — мама не горюй! Ты Чиж — ума палата! Ты — Чиж. Лучший на свете Чиж, — сказала я и поцеловала Чижа в щеку.

Эпилог

Через восемь тысяч семьсот шестьдесят часов после убийства

...Умное волевое лицо, резко очерченные губы, едва тронутые светлой помадой, и эксклюзивное серебро на всех пальцах. Такого серебра не найти ни в одном магазине, оно передается исключительно по наследству. Или завоевывается как трофей — вместе с карьерой, деньгами и мужскими скальпами...

А если прибавить сюда коротко стриженную точеную голову!

За год Дашка кардинально поменяла свой внешний облик. Да и саму жизнь, чего уж там скрывать.

— Лучший детектив года и самый яркий дебют. Ты добилась чего хотела, — сказала я.

— Два лучших детектива года и пятое место по продажам, — скромно поправила она. — Я должна сказать вам спасибо.

— Ты уже сказала. В своем интервью.

— Да, кажется. Вот только не помню, в каком именно.

— Если уж на то пошло, ты должна сказать спасибо Аглае. Это ведь был ее замысел.

Дашка стряхнула пепел на пол, даже не поинтересовавшись у меня, где бы разжиться пепельницей.

— Об Аглае больше никто не вспоминает, — сколько же было снисходительности в ее улыбке, боже праведный!..

— Почему же никто? Мы вспоминаем. Да и ты, как я посмотрю...

— Если ты намекаешь на стрижку... Я еще в институте стриглась так коротко, помнишь?

— Конечно, помню, — соврала я. Ни черта я не помнила. Или — благополучно забыла.

— Через неделю приезжает Райнер-Вернер. Дорогуша-переводчик, если ты еще помнишь...

— Конечно, помню, — соврала я. Ни черта я не помнила. Или — благополучно забыла. — И чем он собирается здесь заниматься?

— Будет переводить мои романы. Я ведь перспективный автор.

— Очень перспективный, — заверила я Дашку.

— Тогда, может быть, выпьем за это? — Она споро разлила по рюмкам принесенный ею же коньяк и пододвинула ко мне тарелку с принесенной ею же клубникой.

Я посмотрела в окно — поверх стриженной Дашкиной головы: крыши, занесенные снегом, и жарко-золотой купол Исаакия вдали; совсем неплохая компания для январской клубники. А Дашка — молодец...

— Ну, за вас! — подмигнула мне Дашка, и в ту же секунду в дверь деликатно постучали. И в дверном проеме показалась голова Чижа.

Моего мужа Чижа. Лучшего на свете.

— Мы хотим есть, — промурлыкал Чиж. — Мы проголодались, мамочка!

— Я ненадолго, — сказала я Дашке.

— Святое дело! — Дашка в полном одиночестве опрокинула коньяк и закусила его клубникой.

А я...

Я прикрыла за собой дверь и отправилась к двухмесячной обладательнице луженой глотки и маленького хохолка на макушке.

Я отправилась к Аглае. Лучшей на свете.

---

notes

Примечания

1

Глоссарий — собрание глосс (непонятных слов или выражений), обычно к отдельному произведению или автору с их последующим толкованием.

Голоцен, триас, юра, мел — периоды геологического развития Земли.

Лилит — была до Евы.

Дельфин Сейриг — французская киноактриса.

Криминальным повестям (нем.).

6

Фильм М. Скорсезе.

Мой маленький (*иск. нем.*).

Святой человек (нем.).

9

Дорогая (нем.).

10

Немецким (*нем.*).

Промискуитет — (от *лат.* — смешанный) предполагаемая стадия ничем не ограниченных отношений между полами, предшествовавших установлению в человеческом обществе норм брака и семьи (*ред.*).

Ужас (нем.).

13

Непостижимой (*нем.*).

Велиар — князь бесов.

Естественно (*иск. нем.*).

Козла (*нем.*).

Плохой (нем.).

Гадкий! Отвратительный! (нем.)

Уединение, одиночество, частная жизнь (*англ.*).

20

Она мертвая? *(нем.)*

Фильм Ф.Грюффо.

Фильм Ф.Грюффо.

23

Что это такое? (нем.)

Грэхем Янг (1947–1990) — знаменитый английский отравитель.

Таинственный убийца (*англ.*).

Дохэ — ринг в борьбе сумо.